

Надежда Мандельштам
Об Ахматовой

НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМ
ОБ АХМАТОВОЙ

Мандельштамовское общество

Надежда Мандельштам
Об Ахматовой

Издание второе, исправленное

Три квадрата Москва 2008

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
М23

Серия «Записки Мандельштамовского общества». Том 13
Издание второе, исправленное

Составление и вступительная статья П. Нерлера
Подготовка текста П. Нерлера и С. Василенко при участии Н. Крайневой
Комментарии П. Нерлера при участии Н. Крайневой
Рецензенты Н. Попова и Р. Тименчик
Научный редактор С. Василенко
Дизайн С. Митурич

В оформлении обложки использованы фотографии А.А. Ахматовой
(Л.В. Горнунг, 1936, Коломна) и Н.Я. Мандельштам (Г. Пинхасов, 1979, Москва).

Мандельштам Н.

М23 Об Ахматовой / Сост. П. Нерлер. — М.: Три квадрата, 2008. — 408 с. + 16 илл.
(Записки Мандельштамовского общества. Т. 13).

ISBN 978-5-94607-104-1

Книга Н.Я. Мандельштам «Об Ахматовой» — размышления близкого друга о творческом и жизненном пути поэта, преисполненные любви и омраченные горечью утраты. Это первое научное издание, подготовленное по единственной дошедшей до нас машинописи. Дополнением и своеобразным контекстом к книге служит большой эпистолярный блок — переписка Н.Я. Мандельштам с А.А. Ахматовой, Е.К. Лившиц, Н.И. Харджиевым и Н.Е. Штемпель.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-94607-104-1

© П. Нерлер, предисловие, составление, 2008
© Три квадрата, оформление, 2008

Содержание

Павел Нерлер. <i>В поисках концепции: книга Надежды Мандельштам об Анне Ахматовой на фоне переписки с современниками</i>	7
От составителя	104
Н.Я. Мандельштам. Об Ахматовой	109
Из переписки Н.Я. Мандельштам	
I. Ануш (<i>Переписка с А.А. Ахматовой</i>)	215
II. Тата (<i>Письма к Е.К. Лившиц</i>)	254
III. Николаша (<i>Переписка с Н.И. Харджиевым</i>)	260
IV. Наташа (<i>Переписка с Н.Е. Штемпель</i>)	306
<i>Список сокращений</i>	387
<i>Указатель имен</i>	390

В поисках концепции:

Книга Надежды Мандельштам об Анне Ахматовой
на фоне переписки с современниками

I. Голос старого друга

...Прочел я ее «одним дыхом», да иначе ее и читать нельзя...
Александр Твардовский

У автора рукописи есть религия — это поэзия, искусство.
Варлам Шаламов

1

«Дав пощечину Алексею Толстому, О.М. немедленно вернулся в Москву...» — этот зачин к «Воспоминаниям» Надежды Яковлевны Мандельштам вошел в число самых известнейших в русской прозе XX века, узнаваемых с первого взгляда.

Впервые Н.Я. села писать воспоминания летом 1958 года в Тарусе, вскоре после того как прекратила преподавать в Чебоксарах и вышла на пенсию. Работа над кандидатской диссертацией потребовала у Н.Я. немало сил и лет, но, определенно, дала ей навык систематической работы над темой. И хотя пенсия по возрасту, которая ей полагалась, была настолько мизерной, что со временем она снова стала искать себе новый вуз, — тем не менее за три с лишним года, что Н.Я. провела в Тарусе, она если и не завершила «Воспоминания», то написала большую их часть; отдельные главы она давала читать самым верным и проверенным знакомым.

Наиболее ранней «внутренней рецензией» оказался тридцатипятистраничный отзыв Александра Александровича Любичева, знакомого даже не с «Воспоминаниями», а с отдельными их главами («Капитуляция», «Труд», «Майская ночь» и «Дата смерти»). Читал он их внимательно, отвечал основательно, так что дата его замечаний — июнь–июль 1961 года — указывает на то, что машинопись от Н.Я. он получил, скорее всего, весной — в апреле или мае¹.

М.К. Поливанов датирует завершение работы над первой книгой мемуаров Н.Я. о Мандельштаме началом 1962 года², но он, вероятно, зафиксировал лишь один из моментов ее промежуточного завершения, поскольку работа продолжалась и в 1962–1964 годах — во Пскове, во время учебных семестров, и, особенно, в Тарусе, во время летних каникул.

Пожалуй, детальней и достоверней всего заключительная фаза работы Н.Я. над «Воспоминаниями» запротоколирована в дневнике драматурга Александра Константиновича Гладкова, с которым Н.Я. познакомилась в январе 1960 года в Тарусе и долгое время поддерживала самые дружеские и доверительные отношения, много рассказывала ему о Мандельштаме и о себе. Она не только давала ему читать свои воспоминания в рукописи, но и выслушивала, не морщась, его замечания. Впервые Гладков читал еще незаконченную рукопись в конце августа 1961 года. Он записал в дневнике за 27 августа 1961: «Прочел рукопись Н.Я. Это очень интересно, хотя с ее историческими „теориями“ я и не согласен. Она еще не закончила ее...»³. А 4 февраля 1962 года он отмечает в дневнике: «Н.Я. начала писать едва ли не самую важную главу в своей работе»⁴.

Согласно дневнику Гладкова, Н.Я. еще как минимум дважды «кончала» свои «Воспоминания» — осенью 1963 и осенью 1964 года. Запись от 1 мая 1963 года: «Н.Я. дает мне читать еще 120 стр. своей рукописи, уже доведенной до лета 1937 года, с отступлениями разного рода (напр., „М[андельшта]м и книги“ и пр.). Хорошо и точно»⁵. Это явное свидетельство того, что работа Н.Я. над воспоминаниями — в самом разгаре: и началась много раньше, и от завершения далека.

Двадцать девятого сентября 1963 года Гладков записывает в дневник:

Заходил прощаться к Над. Як. Она уезжает опять в Псков, на этот раз с великой неохотой и плохими предчувствиями. Она закончила свою «книгу», осталось кое-что отделать — это замечательный памятник поэту и страстное свидетельство о времени. Есть и преувеличения, и односторонность, но как им не быть с такой каторжной жизнью. На редкость умная старуха. Мало таких встречал.⁶

Книга, однако, всё еще не была завершена, работа над ней продолжалась еще около года. Известно, что в начале сентября 1964 года Н.Я. давала ее читать Ариадне Эфрон:

... На днях Мандельштамша, под страшным секретом, дала мне читать свои воспоминания. Сплошной мрак, всё — под знаком смерти; а когда так пишут, то и *жизнь* не встает. Как бы ни была глубоко трагична жизнь О[сипа] Э[мильевича], но ведь она была *жизнью* — до последнего вздоха. В ее же воспоминаниях (Над[ежды] Як[овлевны]), в ее трактовке основное — *обстоятельства* пути человека, а не сам этот путь, как бы он ни был сродни Голгофе. А ведь в жизни истинного поэта «обстоятельств» нет, есть Рок, под них подделывающийся. Воспоминания же — обстоятельно-обстоятельны, и от этого — мутит. Впрочем, написано неплохо, она умна и владеет пером, но... «чему это учит»?⁷

А 31 октября 1964 года Гладков записал: «[Н.Я.] кончила книгу и кладет ее „в бест“⁸. Я уговаривал ее сдать экземпляр в ЦГАЛИ. Она плохо выглядит, лежала дома час с грелкой, но весела. Сегодня ей 65 лет»⁹.

Вот тут-то, судя по всему, и следует поставить датирующую точку. В начале 1966 года, на православное Рождество, машинопись «Воспоминаний» была переправлена Н.Я. на Запад.

Ю. Фрейдин относит завершение этой работы к концу 1965 или даже к 1966 году. Конечно, авторское совершенствование и доводка текста не останавливаются, как правило, никогда. Но Фрейдин имеет в виду другое: в его машинописи «Воспоминаний» книга завершается отсутствующей в западных изданиях главкой «Мое завещание». Это эссе было написано в декабре 1966 года, — то есть в самый разгар работы над следующей — публикуемой нами только теперь — книгой. В то же время ни на одном книжном экземпляре «Воспоминаний», вышедших в «тамиздате» (без этого эссе), Н.Я. ни разу не попыталась восстановить или обозначить указываемую Фрейдиным композицию¹⁰. Думается, что тут мы имеем дело именно с композиционным ходом Н.Я., мысленно включившей «Мое завещание» в некие будущие издания в качестве своего рода приложения или постскриптума.

Н.Я. давала читать свою книгу только близким друзьям и лишь с большими предосторожностями, и, конечно же, естественно было бы ожидать, что одним из первых ее читателей была Ахматова. Однако фраза из «Листков из дневника» — «Не моя очередь вспоминать об этом. Если Надя хочет, пусть вспоминает»¹¹ — документирует лишь то, что А.А. определенно знала о том, что Н.Я. пишет

воспоминания. Да и сама Н.Я. держала ее в курсе дела, когда писала ей в начале января 1964 года из Пскова: «Работать легко, но я уже не могу. Скоро кончу».

Но, как ни странно, в число их читателей А.А. вообще не входила. Нет ни одного свидетельства о том, что А.А. ее читала, как и о том, что Н.Я. давала ее читать. Сообщение Ю. Фрейдина о том, что в конце 1965 года А.А., с начала ноября лежавшая в больнице, «успела получить один из немногих машинописных экземпляров»,¹² — не более чем предположение. А предположения, что, первое, неразысканная надпись А.А. на «Беге времени» — «Другу Наде, чтобы она еще раз вспомнила, что с нами было» — не что иное как напутствие и чуть ли не призыв А.А. к Н.Я. написать новую книгу воспоминаний, и, второе, что некий отзыв А.А. о «Воспоминаниях», заглавный и неодобрительный, дошел до Н.Я.¹³ (и, продолжим мысль, стал одной из причин «отказа» Н.Я. от ее книги об Ахматовой), — всего лишь догадки.

В то же время есть прямые свидетельства об обратном. Ане Каминской, прочитавшей «Воспоминания» в самиздате и сказавшей: «Акума, там есть много о тебе», — А.А. недоуменно заметила: «Казалось бы, надо было Наде показать мне, прежде чем распространять свою книгу»¹⁴. А Анатолию Найману, своему фактическому литературному секретарю, она так сказала о рукописи Н.Я.: «Я ее не читала. <... > Она, к счастью, не предлагала — я не просила»¹⁵.

В ахматовских репликах явно сквозит отчетливое стремление — уклониться от чтения воспоминаний Н.Я. Тут можно, конечно, припомнить и общую для обеих — и А.А., и Н.Я. — «аллергию» на мемуары типа «жоржиковых» (Г. Иванова), но главное всё же в другом — в желании А.А. избежать неизбежного в таком случае выяснения и ревизии отношений с Н.Я.

Примерно такими же соображениями руководствовалась и Н.Я., не показывая А.А. свою первую книгу или ее фрагмент. Чисто физических возможностей сделать это было предостаточно — они виделись по нескольку раз в год, в Москве или Ленинграде¹⁶, и отношения, как показывает их переписка, были в 1960-е годы вполне безоблачными¹⁷.

Однако «новая» Н.Я., с написанием мемуаров окончательно прорвавшая с тою прежней, почти бессловесной — вблизи и в тени О.М. и А.А. — «Наденькой», прекрасно понимала, чем это им обоим грозит. Крахом, полным разрывом отношений — причем почти неза-

висимо от того, что именно об А.А. она написала! Идти на этот риск Н.Я. решительно не хотела, но и не писать она уже тоже не могла.

Никого, кроме А.А., такие меры предосторожности, конечно, уже не касались, и у «Воспоминаний» Н.Я. вскоре появились первые желанные и благодарные читатели¹⁸. Так, в 1964 году «Воспоминания» прочел высоко чтимый Н.Я. художник — Владимир Вейсберг. Он называл их «великой книгой»¹⁹. А в июне 1965 года — с рукописью знакомился такой дорогой для Н.Я. читатель, как Варлам Шаламов. О своих впечатлениях он написал подробно и дважды — 29 июня самой Н.Я., а незадолго до этого — Н.И. Столяровой, где так сформулировал свои впечатления от прочитанного:

В историю русской интеллигенции, русской литературы, русской общественной жизни входит новый большой человек. Суть оказалась не в том, что это вдова Мандельштама, свято хранившая, доносившая к нам заветы поэта, его затаенные думы, рассказавшая нам горькую правду о его страшной судьбе. Нет, главное не в этом и даже совсем не в этом, хотя и эти задачи выполнены, конечно. В историю нашей общественности входит не подруга Мандельштама, а строгий судья времени, женщина, совершившая и совершающая нравственный подвиг необычайной трудности. <... >

В литературу русскую рукопись Надежды Яковлевны вступает как оригинальное, свежее произведение. Расположение глав необычайно удачное. Хронологическая канва, переплетенная то с историко-философскими экскурсами, то с бытовыми картинками, то с пронзительными, отчетливыми и верными портретами, — в которых нет ни тени личной обиды. Вся рукопись, вся концепция рукописи выше личных обид и, стало быть, значительней, важнее. Полемические выпады сменяются характеристиками времени, а целый ряд глав по психологии творчества представляет исключительный интерес по своей оригинальности, где пойманы, наблюдаются, оценены тончайшие оттенки работы над стихом. Высшее чудо на свете — чудо рождения стихотворения — прослежено здесь удивительным образом. <... >

Вернемся к рукописи. Что главное здесь, по моему мнению? Это — судьба русской интеллигенции. <... >

Рукопись эта — славословие религии, единственной религии, которую исповедует автор, — религии поэзии, религии искусства. <... >

Огромную роль в жизни и душевной крепости автора сыграла Анна Андреевна Ахматова, но и роль Надежды Яковлевны в жизни Ахматовой, конечно, очень велика, да еще в самом мужественном, в самом достойном плане. <... > Поздравьте от меня, Наталья Ивановна, Надежду Яковлевну. Ею создан документ, достойный русского интеллигента, своей внутренней честностью превосходящий всё, что я знаю на русском языке. Польза его огромна.²⁰

В письме к Н.Я. он подхватил ее тезис об особой роли акмеизма в русской поэзии и культуре:

Доктрина, принципы акмеизма были такими верными и сильными, в них было угадано что-то такое важное для поэзии, что они дали силу на жизнь и на смерть, на героическую жизнь и на трагическую смерть. <... > Рукопись эта закрепляет, выводит на свет, оставляет навечно рассказ о трагических судьбах акмеизма в его персонификации. Акмеизм родился, пришел в жизнь в борьбе с символизмом, с загробщиной, с мистикой — за живую жизнь и земной мир. <... >

Рукопись отвечает на вопрос — какой самый большой грех? Это — ненависть к интеллигенции, ненависть к превосходству интеллигента. <... >

У автора рукописи есть религия — это поэзия, искусство.²¹

Но уже тогда, то есть в первом, самом узком, читательском кругу, складывались и другие мнения о мемуарах Н.Я. Иначе как неприятием книги нельзя назвать позицию не только А.С. Эфрон, но и И.Г. Эренбурга и его жены. Мы не знаем, что он говорил о рукописи самой Н.Я., но Гладкову он «сказал, что она ему не нравится. Потом выяснилось, что всё о Манд[ельшта]ме ему нравится, но не нравится то, что Н.Я. слишком резка в отзывах о людях: без серьезных оснований называет людей стукачами (Длигач, поэт Бродский, какая-то Поволоцкая, которую Люб[овь] Мих[айловна] знала, и др.). Доля истины здесь есть. И.Г. и Л.М. о мании преследования, которая издавна свойственна Н.Я.»²²

Кстати, в начале 1968 года, покуда «Воспоминания» еще не вышли на Западе, Н.Я. предприняла дерзкую попытку предложить их не куда-нибудь, а в «Новый мир». Вот что ответил ей А.Т. Твардовский 9 февраля 1968 года на официальном бланке журнала:

Глубокоуважаемая Надежда Яковлевна!

Большое Вам спасибо за предоставленную мне возможность прочесть Вашу рукопись.

Не собираюсь писать на нее «внутреннюю рецензию», вряд ли и Вы в этом нуждаетесь, — скажу только, что прочел я ее «одним дыхом», да иначе ее и читать нельзя — она так и написана, точно изустно рассказана в одну ночь доброму другу, перед которым нечего таиться или чем-нибудь казаться. Словом, книга Ваша счастливым образом совершенно свободна от каких-либо беллетристических претензий, как это часто бывает в подобных случаях. А между тем написана она на редкость сильно, талантливо и с собственно литературной стороны — с той особой мерой необходимости изложения, когда при таком объеме ее ничто не кажется лишним. Даже своеобразные повторения, возвращения вспять, забегания вперед, отступления или отвлечения в сторону, вбок — всё представляется естественным и оправданным.

Трагическая судьба подлинного поэта, при жизни до крайности обуженной, внутрилитературной известности, вдруг захваченного погибельной «водовертью» сложных и трагических лет, под Вашим пером приобретает куда более общезначимое содержание, чем просто история тех испытаний, какие выпали на Вашу с Осипом Эмильевичем долю.

Мне хочется сказать Вам, что книга эта явилась как выполнение Вами глубоко и благородно понятого своего долга, и сознание этого не могло не принести Вам достойного удовлетворения, как бы ни трудно было Вам вновь и вновь переживать пережитое. <... >

Я ни на минуту не сомневаюсь, что книга Ваша должна увидеть и увидит свет, — потому и называю рукопись книгой, — только относительно сроков этого, к сожалению, я не могу быть столь же определенным.²³

Твардовский даже не подозревал, что сроки эти не так уж и далеки. Он, конечно же, имел в виду книгоиздание в Союзе, где выход книги Н.Я. на самом деле был решительно невозможен. А вот на Западе бикфордов шнур издания «искрился» уже вовсю. В начале 1966 года, на православное Рождество, ее увез к себе в Принстон Кларенс Браун: с ним оказалась вплотную связана издательская судьба обеих мемуарных книг Н.Я. — «Воспоминаний» и «Второй книги» — на Западе.

В 1970 году, почти одновременно, в нью-йоркском издательстве им. Чехова и в лондонском издательстве «Atheneum» вышли массовые русское и английское издания²⁴. Английское вышло под названием, обыгрывавшим то состояние, в котором Н.Я. тогда пребывала: «Hope against hope», что-то вроде «Надежде вопреки»). За ним и за рецензиями в лучших журналах и таблоидах последовал целый вал переводов едва ли не на все европейские языки — известность и слава Н.Я. быстро превзошла известность стихов О.М., также интенсивно, но понемногу переводившихся во второй половине 1960-х годов (благодаря успеху американского издания О.М. по-русски).

Конечно, эти издания, особенно переводные, были не свободны от разного рода дефектов: в силу понятных причин автор была не в состоянии ни держать корректуры, ни визировать наборные рукописи. До выхода в СССР оставалось подождать еще два десятилетия — в 1989 году в издательстве «Книга» вышли «Воспоминания» с послесловием Николая Панченко, а в 1990 году в издательстве «Московский рабочий» — «Вторая книга» с предисловием Михаила Поливанова. Этому предшествовали первые советские публикации в периодике — в журнале «Юность» (1988, № 8; 1989, № 7–9), подготовленные Ю. Фрейдиным и С. Василенко, а также в двухнедельнике «Смена» (1989, № 2).

Выходили они уже без Н.Я.: она умерла 29 декабря 1980 года. Через два с половиной года — 2 июля 1983 года — ее личный архив, хранившийся у одного из ближайших ее друзей и наследников — Юрия Фрейдина, был конфискован КГБ после проведенного у него обыска²⁵. Сам Юрий Львович так охарактеризовал ситуацию: «Летом 1983 г. имевшиеся у меня мандельштамовские материалы, включая книги, фотокопии рукописей, личный архив и воспоминания Надежды Яковлевны, копию ее завещания, издания собрания сочинений О.Э. Мандельштама, а также многое из моего личного архива, — было без каких-либо законных оснований изъято у меня сотрудниками московской прокуратуры и КГБ. Полная история этой грабительской акции выходит за рамки данной статьи. Скажу только, что мои протесты, поданные вплоть до самых высоких инстанций, остались без ответа. Может быть, теперь, к 100-летию поэта, грабители или те, кто хранит награбленное, усомнятся и вернут всё законному владельцу?..»²⁶ Ссылаясь на вырванное у Фрейдина под давлением «согласие», КГБ передал архив Н.Я.

в ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ), который, в свою очередь, отказался возвратить его владельцу. Бумаги Н.Я. пролежали в ЦГАЛИ–РГАЛИ безо всякого движения более двадцати лет, и вплоть до 2006 года не предпринималось ничего для их научного описания и обработки.

В эдиционном плане серьезнейший шаг вперед был сделан в 1999 году — в год столетнего юбилея со дня рождения Н.Я., — когда московское издательство «Согласие» любовно выпустило оба тома мемуаров — в новой текстологии, с новыми предисловиями, примечаниями и указателями и в едином и превосходном полиграфическом исполнении²⁷. Ю. Фрейдин и С. Василенко, составители и текстологи, соответственно, первой и второй книг, опирались на чудом уцелевшие авторские машинописи обеих книг и на их первые зарубежные издания с авторской правкой и пометами Н.Я. Предисловия написали Н. Панченко и А. Морозов, последний выступил и комментатором обеих книг.

2

Смерть Ахматовой 5 марта 1966 года потрясла всех сколько-нибудь причастных к поэзии, равно писателей и читателей. Сходное ощущение уже возникало в этом столетии, но всего несколько раз — после смерти Блока, после смерти Маяковского и после смерти Пастернака²⁸.

С уходом Ахматовой «трон», по выражению Семена Липкина, опустел: не стало последнего поэта из тех, кто определял облик Серебряного века русской поэзии. Отсюда и та внутренняя потребность записать впечатления от общения с Ахматовой, воспроизвести беседы, зафиксировать, пока не растворились бесследно в памяти, ее высказывания о литературе, о современниках, о себе самой, наконец. Эта тяга овладела десятками, если не сотнями людей, вблизи или издали, многие годы или всего по нескольким встречам знавших Ахматову.

Лучше всего это выразил Корней Чуковский в телеграмме, отправленной в Ленинградское отделение Союза писателей СССР:

Поразительно не то что она умерла после всех испытаний а то что она упрямо жила среди нас величаясь гордая светлая и уже при жиз-

ни бессмертная тчк необходимо теперь же начать собирать мону-ментальную книгу о ее вдохновенной и поучительной жизни = Корней Чуковский.²⁹

Нечто подобное, несомненно, ощущала и Н.Я.

Лев Озеров рассказал мне однажды, что на импровизированном митинге перед моргом клиники им. Склифосовского Н.Я. вдруг сказала ему: «Всё это нужно запомнить и описать!»

Не прошло и года-полутора с того момента, когда Н.Я. закончила свои «Воспоминания» — книгу об Осипе Мандельштаме, как смерть Анны Андреевны снова толкнула ее — и весьма властно — в объятия жанра.

«... Я всё думаю об Анне Андреевне, — писала она Д.Е. Максиму в последней декаде марта. — Она мне говорила, что я последнее, что у нее осталось от Оси, и она тоже последнее, что у меня осталось от него. Мы вдвоем всегда были с ним. Анна Андр. это моя жизнь в течение сорока лет. Вероятно, я о ней напишу...»³⁰.

Итак, весной 1966 года Н.Я. начала новую книгу воспоминаний, в центре которой находилась Ахматова.

Первое впечатление — предлагаемая читательскому вниманию книга была написана сразу же после смерти и похорон А.А. и чуть ли не на одном дыхании. Это, однако, если и справедливо, то лишь для сравнительно небольшой части текста. Непосредственное отношение к этому этапу имеет, по-видимому, следующий — рукописный еще — фрагмент:

Мы никогда не думали, что доживем до старости. В каждую встречу она говорила: «Разве это не чудо, что мы опять вместе», — и каждая встреча казалась нам последней. Мы часто говорили о гибели и о конце. Узнав, что в тюрьмах избивают, она сказала: «Теперь всё ясно и даже не страшно: шапочку-ушаночку и прямо на восток». В 38[-м], поднимаясь на шестой этаж в квартиру, где в темной комнате-кладовке умирала моя сестра Аня, она сказала мне: «Как долго погибать...» Это было сказано про нас с ней, а не про Аню. Аня умирала, а мы медленно гибли. Этот период медленной гибели у Ани уже остался позади. О.М. сидел в эти дни на Лубянке, а в квартире Евгения Эм[ильевича] умирал, тоже от рака, заброшенный, несчастный дед. Я зашла к нему, и он умолял, чтобы к нему приехал Ося.

У меня не хватило сил сказать старику, что старший его сын в тюрьме — еще одна жертва террора. Средний сын — Александр — приехал из Москвы, но уже не застал отца в живых. В больнице ему сказали, что младший, Евгений, отвез отца в больницу и ни разу больше там не показался. Старик умер один. Кто хочет такой старости? Мы с Анной Андреевной не хотели. В те дни она провожала меня на вокзал — я ехала, чтобы сделать передачу в Москве, а потом опять вернуться в Ленинград к Ане. На вокзале была черная толпа, лежавшая на мешках. Детский плач, грязь и смрад. Люди бежали — кто куда и неизвестно зачем. «Теперь всегда так будет, — сказала Анна Андреевна. — К чему тянуть?.. Хоть бы скорее...»

Мне рассказал Николай Иванович — она с ним тоже говорила о гибели: хоть бы скорее, пора, зачем... А ему надоело это слушать, и он вдруг как-то сказал: «Бросьте, Анна Андреевна, вы очень любите жизнь, вот поверьте мне, вы до старости доживете, и всегда будете прыгать...» И она замолчала и очень внимательно на него посмотрела. Ведь мы же знали ее неслыханную, необъяснимую, неистовую жажду жизни... Она впивалась в жизнь, она когтила жизнь, каждый глоток воздуха был для нее не просто вдохом, а каплей жизни, впитанной, усвоенной, захваченной и истраченной с диким вожделением.

В зрелости эта страсть к жизни была обуздана и волей, и обстоятельствами. Она вспыхнула опять во время войны. Мы шли с ней по Дмитровке — уже после ждановской истории, — и она мне вдруг сказала: «Подумать, что легче всего нам жилось во время войны, а сколько каждый день бивали людей...»³¹

Этот набросок — своего рода конспект, а точнее, зародыш всей книги Н.Я. об Ахматовой. В нем узнаваемы такие детали, как «шапочка-ушаночка» из самого ее начала (это, кстати, еще и парафраз из первой книги воспоминаний Н.Я.) или разговор на Дмитровке из середины, а также посещение Н.Я. и А.А. в 1938 году умирающей сестры Н.Я. — из самого конца.

Судя по уважительному тону, с которым здесь еще говорится о Харджиеве, страничка эта относится к самому началу работы Н.Я. над книгой об Ахматовой — возможно, к первым же дням после того, как она вернулась из Ленинграда с ахматовских похорон.

Вернулась же она 11 марта 1966 года, а уже к 16 марта работа разгорелась вовсю! «Я целыми днями пишу и сейчас [не] писать не могу

(об А.А.). Кажется, выходит», — пишет она Наташе Штемпель в этот день. То же и 26 марта: «Наташенька! Спасибо за книги. Я сейчас не могу ни писать (имеются в виду письма. — П.Н.), ни жить». И уже в конце марта — а всё это время Н.Я. настойчиво зовет ее к себе! — она как бы переводит дух и сообщает: «Мне есть что вам показать».

И Наталья Евгеньевна приехала, — судя по всему, в самом начале апреля 1966 года. Но в середине апреля — назавтра или напослезавтра после ее отъезда — Н.Я. написала ей вдогонку в Воронеж: «Наташенька! Я ночью после отъезда в первый раз перечитала всё. *Никому не показывайте вторую главу.* Она вся глупо сделана. Ее нужно переделать».

Так что и в конце апреля продолжалась интенсивная работа: «Сонечка! Я сейчас влипла во всякую работу и приехать не смогу...»³² То же самое — и в мае: «После смерти Анны Андреевны не могу найти равновесия. Пока почти не выхожу из дому, кроме как в магазин. Для меня кончилась эпоха и человек, с которым я прожила всю жизнь»³³. Работа продолжалась, по-видимому, и летом 1966 года, в Верее³⁴, а возможно, и осенью, в Москве. Девятнадцатого и двадцатого сентября рукопись вновь перечитывал А.К. Гладков: «Это замечательно при всей односторонности и субъективизме. Когда-то я сокрушенно думал, что наша эпоха не оставит великих мемуаров. Оказалось, что оставит. Ведь и гигантский цикл рассказов Шаламова — тоже мемуары»³⁵. А 16 января 1967 года Н.Я. перечеркнула свой летний труд: «Наташенька! <... > Очень много работаю над второй книгой. Она идет не хуже первой. Ту — летнюю — надо в печку. <... > Привет Шуре. Он очень милый, а стал меня в диком виде — в работе...»

В январе 1967 года в Москве была вдова Бенедикта Лившица, именно тогда Н.Я. прочитала ей посвященный ей зачин. Из нескольких писем Н.Я. к ней, датированных январем–мартом 1967 года, можно заключить, что именно тогда работа над мемуарами об Ахматовой завершилась (во всяком случае, так полагала тогда сама Н.Я.)³⁶.

Однако гладковский дневник поправляет и тут. Двадцатого марта, проведав вечером Н.Я., Гладков записывает: «... Застаю ее в плохом настроении. Она пишет воспоминания об Ахматовой, очень волнуясь и нервничая, и говорит: „Старуха забрала ее когтями и когда она кончит, то утащит за собой...“ У нее неважно с сердцем, и она плохо выглядит»³⁷. А двадцать второго апреля 1967 года он делает следующую запись в дневнике:

С утра еду в ВУАП³⁸, потом в Лавку писателей, затем к Н.Я. К ней приходят Адмони и Нат[алья] Ив[анов]на Столярова. Пьем чай и в две руки с Адмони читаем ее рукопись об Ахматовой, где уже 155 страниц машинописи.

Много интересного и умного, но ей мало быть мемуаристкой, и она снова философствует, умозаключает, рассуждает о времени, об истории, о смене литературных школ, о стихах и даже о любви. А.А. у нее очень живая, но как-то мелковатая, позерская и явно уступающая автору мемуаров в уме и тонкости. Совершенно новая трактовка истории брака с Гумилевым: она его никогда не любила. Верное замечание, что тема А.А. — не тема «любви», а тема «отречения». Есть и случайное, и ненужные мелочи. Хотя Н.Я. сказала, что она согласна с моими замечаниями, но мне почему-то кажется, что она чуть обиделась.³⁹

Работа продолжалась всю весну⁴⁰ и, наверное, всё лето. Во всяком случае, дневниковая запись Гладкова от 7 июня 1967 года не фиксирует ее конца, хотя бы и промежуточного: «У Н.Я. <...> Читаю ее рукопись об Ахматовой. Она расширяется (раздвигается) и растет. Спор об отношении к М[андельшта]му в 30-х годах. Очень всё интересно, и еще интереснее устные дополнения Н.Я. („только не записывайте“) об интимной жизни А.А.»⁴¹

3

После окончательного разрыва с Н.Х., произошедшего тогда же — в мае 1967 года, Н.Я. «приняла меры». Тридцатого июня, в последний день перед отъездом на дачу, она зарегистрировала у нотариуса следующий документ:

МОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

1. Я прошу моих друзей — Иру Семенко, Сашу Морозова, Диму Борисова, Володю Муравьева и Женю Левитина — принять весь груз, который я столько лет несла, и работать дружно, вместе, заботясь лишь о том, чтобы лучше донести наследство Мандельштама до того дня, когда его можно будет опубликовать и открыто заговорить о нем.

2. Я прошу не выпускать из рук архива, чтобы этим закрепить за собой право на издания. После издания я хотела бы, чтобы архив поступил в какой-нибудь архив, но я не хочу, чтобы он доставался архиву *бесплатно*. Мандельштам всегда настаивал на том, что его стихи стоят дороже других. Я настаиваю на том, чтобы за его архив (после всестороннего опубликования) было заплачено как можно больше.

3. Архив принадлежит всем пятерым, а хранится там, где в данное время это безопаснее.

4. Архивом может пользоваться каждый из пятерых для своих целей. Где и как читаются материалы, решается совместно.

5. Я прошу предоставить Ирине Михайловне Семенко исключительное право на расшифровку стихотворного материала, Диме и Саше — работу над прозой. Это не исключает права любого из пятерых заниматься любой областью. Володю и Женю я прошу подготовить к печати мое личное наследство (обе книги) и провести мелкую редактуру, бережно отнестись к смыслу.

6. Прошу пятерых составить редколлегия всех будущих изданий и не допускать к наследству О.М. и моему никаких ловкачей и жуликов. Если пятеро захотят привлечь кого-нибудь к изданию, пусть они решают это вместе. Я прошу, чтобы в старости каждый выбрал себе продолжателя, одобренного всеми. Иначе говоря, чтобы всегда существовала комиссия, охраняющая это наследство от вторжений. Лучше отложить издание, чем дать его в руки негодных людей.

7. Я прошу, пока жив мой брат, Евгений Яковлевич Хазин, доходы от изданий, если они будут, предоставлять ему. То же относится к Фрадкиной Елене Михайловне.

8. Прошу выжать из этого наследства максимум денег и совместно решать, что с ними делать. Но также прошу помогать из этих денег Юле Живовой и в случае бедствия Варе Шкловской.

9. Если будет конвенция, прошу передать право на распоряжение этими материалами за рубежом (право опубликования, право перевода) Кларенсу Брауну и Ольге Андреевой-Карлайль.

10. Умоляю извлечь из этого наследства максимум радости, не презирать денег и восполнить своими удовольствиями то, чего были лишены мы с О.М. Умоляю работать дружно и вместе, не поддаваясь соблазнам мелкого собственничества и исключительности, кото-

рых был начисто лишен сам Мандельштам. Работать вместе и помнить, что всё делается для него.

11. Прошу всех лиц, имеющих прямые или косвенные материалы по Мандельштаму, предоставить наследникам для использования все свои материалы.

Надежда Мандельштам

Москва, 30 июня 1967 года.

Номер завещания, хранящегося в первой конторе на Мясницкой (Кировской), 2д, — 3415.⁴²

В этом документе упоминаются «обе книги» самой Н.Я., и второй из них, бесспорно, является книга об Ахматовой⁴³.

Однако осенью 1967 года Н.Я., по свидетельству В. Борисова, уничтожила ее рукопись. О том, как и почему это произошло, еще будет сказано ниже, здесь же проследим за хронологией событий, приведших к отказу от одной книги и написанию вместо нее другой, названной впоследствии вполне акмеистически — «Вторая книга», как бы в переключку со «Второй книгой» О.М.

Окончательное решение поступить именно так, и не иначе, пришло Н.Я., вероятнее всего, в середине июля в Ленинграде, где она выступала свидетельницей на процессе о судьбе ахматовского наследства. К этому времени, собственно говоря, работа над «Второй книгой» шла хотя и исподволь, но вовсю: вырвав в мае у Н.Х. мандельштамовский архив, Н.Я. всё лето его разбирала и, по мере разбора, всё более и более гневалась на Н.Х. Тогда-то она и написала очерки «Архив» и «Конец Харджиева», посвященные печальной истории мандельштамовских рукописей. Они не вошли во «Вторую книгу», но были основательно в ней использованы, а главное — многое определили в направленности и тональности книги.

Конец 1967 года и начало 1968 года прошли, видимо, под знаком продолжения разбора архива и писания комментария к стихам 1930-х годов⁴⁴. Не забудем, что примерно в это же время — вероятнее всего, в 1968 году, когда работа над архивом как таковая была уже позади, — Н.Я. взялась и еще за одно произведение — эссе «Моцарт и Сальери». В нем почти нет историко-мемуарного импульса — биографических деталей и исторического контекста, — это продолжение размышлений Н.Я. о природе поэтического твор-

чества, ее вклад в *arg poetica* Мандельштама, своего рода переключика с «Разговором о Данте».

Эпистолярно-биографических вех, документирующих работу Н.Я. над «Второй книгой», еще меньше, чем в первых двух случаях. Почти все они, собственно, восходят к переписке Н.Я. с Натальей Евгеньевной Штемпель и начинаются, самое раннее, только с 31 июля 1968 года: «Немного работаю, но очень мало». Следующая полушутливая вешка датируется сентябрем того же года:

Вроде пробую работать, но почти ничего не выходит. Не знаю, как быть. Варлаам раздувает ноздри и говорит, что <...> существует специальная литература жен, писавших о своих мужьях. Этой литературе никто, как известно, не верит. Поэтому Варлаам советует немедленно перестать писать об Осе. Я даже затосковала: попасть в эти жены обидно, но это единственное, о чем мне хочется говорить и о чем мне есть что сказать. Беда...

Лейтмотив всех последующих весточек Н.Я. один и тот же — ее усталость, «урывочность» и вялость ее работы над книгой: «Жить очень трудно. Я всё же пробую работать. Идет вяло. Как-то руки опускаются от всей сложности жизни» (10 октября 1968 года)⁴⁵; «Я работаю урывками, но всё же что-то делаю. Господи, хоть бы доделать» (11 апреля 1969 года); «Я смертно усталая вхожу в эту зиму. Болею. Скучаю. Работаю (очень медленно), тоскую. Очень хочу вас видеть. <...> Думаю, что у меня еще год работы, а там я всё кончу» (30 сентября 1969 года). Работала Н.Я., как правило, лежа, печатала на старенькой машинке, один экземпляр — порциями — забирала на хранение Леля Мурина⁴⁶.

И наконец весной 1970 года — краткое и сухое сообщение: «Работу кончила. Летом устраню мелочь». Тогда, по всей видимости, Н.Я. показывала Штемпель свою машинопись и получила от нее одобрение. Отсюда — благодарный и несколько более бодрый тон последнего упоминания работы над «Второй книгой»: «Спасибо за доброе слово... Но я думаю, это еще сырье. Работы много впереди. До конца жизни хватит — лишь бы успеть. Я усталая и грустная» (1 июня 1970 года).

Собрав несколько таких же суждений, как Наташино, Н.Я., возможно, кое-что и поправила в книге, а может быть, и нет. Во всяком случае в октябре 1970 года рукопись (точнее, машинопись) уже пересекла границу СССР — на Запад ее вывез Пьетро Сормани, мо-

сковский корреспондент итальянской газеты «Corriere Della Sera». В декабре 1970 года, выполняя распоряжение Н.Я., он передал ее Никите Струве, которому Н.Я. делегировала все права по изданию «Второй книги» на Западе (кроме Италии), в том числе право на редактирование ее манускрипта⁴⁷.

Пытаясь перенести на Запад опыт советских Комиссий по литературному наследию (а точнее — неиспробованный опыт той «Комиссии одиннадцати», о которой она писала в декабре 1966 года в «Моем завещании»⁴⁸), Н.Я. создала своеобразный «Комитет четырех» — орган, призванный координировать все действия по изданию и переводу ее книг на Западе, в том числе правовые и финансовые⁴⁹. В состав «четверки» входили Ольга Андреева-Карлайль (с правом замещения Натальей Резниковой), Никита Струве, Кларенс Браун и Пьетро Сормани. Каждый делал что мог и как мог, и, хотя старшего среди них не было, реальные усилия по изданию и координирующая роль по переводам концентрировалась в Париже, у Струве. И если между членами «четверки» и возникали разногласия, то одно их соучастие в этом необычном коллективном органе чисто психологически удерживало каждого от каких-либо резких или несогласованных движений.

Сама Н.Я. больше всего была заинтересована в скорейшем и полном издании прежде всего русского оригинала своей книги. И вот в середине 1972 года «Вторая книга» вышла в парижском издательстве YMCA-Press, руководимом Н. Струве. Как и первая книга, она выдержала на Западе несколько изданий и была переведена на многие языки.

II. «Вся наша жизнь прошла вместе...»

Пусть и мой голос — голос старого друга —
прозвучит сегодня около вас...

А. Ахматова

В этой жизни меня удержала только вера в вас и в Осю.

Н. Мандельштам

Для Надежды Яковлевны Ахматова была не просто поэтессой Серебряного века или подругой акмеистической юности покойного супруга. Она сама знала Ахматову без малого полвека, если вести отсчет с лета 1924 года, когда Мандельштамы перебрались из Москвы в Петербург, а потом в Детское (оно же Царское) Село. Осип Эмильевич привел тогда на Фонтанку свою молодую киевлянку-жену. «С этого дня, — записала в «Листках из дневника» А.А., — началась моя дружба с Надюшей, и продолжается она по сей день»⁵⁰. Эта дружба никак не вписывалась в разряд эпизодических отношений с женой или вдовой друга, она была мощной и самостоятельной силой, лучом, ярко освещавшим четыре с лишним десятилетия до дня смерти Ахматовой и еще пятнадцать лет после ее смерти. Переписка между ними, несмотря на всю неполноту сохранности, отчетливо передает эту силу.

Дважды по несколько лет А.А. и Н.Я. прожили в одном городе или почти в одном — четыре года в середине 1920-х, когда Мандельштамы жили в Детском Селе, и около двух лет в Ташкенте, в годы эвакуации, где какое-то время они жили буквально бок о бок⁵¹. Все остальные годы они прожили на изрядном расстоянии друг от друга.

А.А., ставшая невольной свидетельницей ареста О.М. и настойчивой просительницей за его освобождение, собиралась посетить и посетила его и Н.Я. и в Воронеже. Двенадцатого июля 1935 года она написала ему в Воронеж следующее письмо:

12 июля

Милый Осип Эмильевич, спасибо за письмо и память. Вот уже месяц, как я совсем больна. На днях лягу в больницу на исследование. Если всё кончится благополучно — обязательно побываю у Вас.

Лето ледяное — бессонница и слабость меня совсем замучили.

Вчера звонил Пастернак, который по дороге из Парижа в Москву очутился здесь. Кажется, я его не увижу — он сказал мне, что погибает от тяжелой психастении.

Что это за мир такой? Уж Вы не болейте, дорогой Осип Эмильевич, и не теряйте бодрости.

С моей книжкой вышла какая-то задержка. До свиданья.

Крепко жму Вашу руку и целую Надюшу.

Ваша Ахматова⁵²

Приезд А.А. несколько раз переносился, но все-таки состоялся — с 5 по 11 февраля 1936 года. Надо ли говорить о том, какой радостью, каким подарком была эта встреча для обоих?

В стихотворении «Воронеж» А.А. написала об О.М.: «А в комнате опального поэта Дежурят страх и Муза в свой черед. И ночь идет, Которая не ведает рассвета». Она прочтет эти стихи адресату только в мае 1937-го, когда Мандельштамы ненадолго вернутся в Москву.

Небольшое письмо, отправленное в Воронеж, было скорее исключением в переписке А.А. с Мандельштамами. Телеграмма, казалось, была для нее более органичным эпистолярным «жанром». На десяток ее телеграмм к Н.Я., считая и коллективные, приходится всего четыре письма, каждое из которых по объему не сильно превышало телеграмму. А вот Н.Я., состоявшая в переписке сразу со множеством корреспондентов, письма писала помногу и щедро, — ее скитания по провинции просто не оставляли ей другого выбора. В переписке с А.А., охватившей два десятилетия — с 1944 по 1964 год, — письма Н.Я. явно преобладают.

Если А.А. поделила свою послевоенную жизнь — и даже смерть! — между Ленинградом и Москвой, то бездомной Н.Я. пришлось изрядно поколесить по вузовским городам Союза: с 1944 по 1949 год она работала в Ташкенте, в Среднеазиатском госуниверситете, с 4 февраля 1949 по апрель 1953 года — в Ульяновске, с сентября 1953 по август 1955 года — в Чите, с сентября 1955 по 20 июля

1958 года — в Чебоксарах, где она даже заведовала кафедрой. В 1959–1960 годах она в Тарусе, где прописалась, а с сентября 1962 по конец весны 1964 года — во Пскове, и уже после Пскова — с передышкой снова в Тарусе, — пока наконец поздней осенью 1965 года не переехала в Москву, в собственную кооперативную квартиру, приобретенную с помощью К.М. Симонова. Лето у Н.Я. почти всегда подмосковное, в Тарусе или, с 1966 года, в Верее, а начиная с 1970-х годов — в Переделкине или Кратове.

Переписка Н.Я. и А.А. началась с отъезда А.А. из Ташкента. Прилетев в Москву 13 мая 1944 года, она провела в столице две с половиной недели. Именно в эти московские дни и ушла в Ташкент, на Жуковскую, 54, бодрая ее телеграмма, открывающая эту переписку. Н.Я. в Ташкенте не находила себе места без А.А., она жаловалась Б.С. Кузину на то, как без нее трудно и грустно⁵³. Кроме того, молчание А.А. ее пугало, — и, в ответ на ее безответные письма и телеграммы (не сохранившиеся), А.А. отозвалась, наконец, второй телеграммой. И только в третьей — в августе — известила Н.Я. о своей личной трагедии — разрыве с В.Г. Гаршиным.

Следующая группа писем и телеграмм — 1957–1958 годов — относится к «чебоксарскому» периоду Н.Я. В марте 1957 года ей понадобился адрес Таты Лившиц, и А.А. тотчас же отбила телеграмму в Чебоксары. Письма Н.Я. вращаются в основном вокруг внешних событий — Комиссии по наследию О.М., коваленковской провокации⁵⁴, книги в «Библиотеке поэта», а также квартиры в Москве, куда Союз писателей намеревался поселить их обеих и вместе. Из этой затеи так ничего и не вышло: не только А.А. сама отказалась от квартиры, но одновременно и Н.Я. отказали в предоставлении любой жилой площади в Москве вообще, о чем она узнала, правда, с некоторым опозданием⁵⁵. Со временем, когда трудности, которых не избежать в случае, если бы совместное проживание А.А. и Н.Я. состоялось, стали заслонять упущенные радости от того же самого, Н.Я. даже написала Н.Х.: «Мне ее очень жаль, но всё же хорошо, что она отказалась тогда от квартиры».

Постепенно на первый план выходит будущая книга стихов Мандельштама. В 1958 году, когда договор с Н.Х. уже был подписан, а книга стояла в плане, рассуждения и тревоги Н.Я. по этому поводу заслоняют буквально всё. Но начиная с 1959 года, когда, после короткой весенней поездки в Ташкент, Н.Я. поселилась

в Тарусе, ее переписка с А.А. приобрела устойчивую «ахматовоцентричность» — отзывы о ее книге, просьбы об экземплярах и о «Поэме», отклики на события ее жизни, воспоминания былых встреч и переговоры о встречах грядущих. Лишь изредка мелькают упоминания о других людях и событиях — колючая встреча с Ариадной Эфрон, трудная защита у Егора Клычкова, оказии в Ленинград. Лейтмотивом же идут зазывания А.А. в Тарусу, где, по мнению Н.Я., рай в любое время года, а Паустовский, приедь А.А., скупил бы пол-Елисеевского.

В конце 1961 года (Н.Я. в это время, читая Владимира Соловьева, обнаружила, что он был хорошо известен и Мандельштаму) О.М. вновь возвращается на страницы их писем: «Пришлите мне что-нибудь — письмо, слово, улыбку, фотографию, что-нибудь. Умоляю... Я ведь тоже человек — все об этом забывают, — и мне бывает очень грустно в этой самой разлуке. Мое поколение сейчас психически сдает — Эмма, Николаша, я». И там же — уж совсем неожиданное: «Вот я бы взяла заказ на книгу: „Русская философская школа. В. Соловьев. Теория нравственности и познания“. Докторская диссертация или популярный очерк на 10 печатных листов». Это, по сути, едва ли не первая заявка Н.Я. на писательство, а не просто свидетельство того, что она ощутила в себе литературный дар и как бы подыскивает себе подходящую тему. Порой Н.Я. откровенно веселится и даже сообщает А.А., что Н.Х. снова не прочь стать их «общим».

Весной (скорее всего, на майские праздники) 1963 года Н.Я. приезжает к А.А. в Ленинград. Возвратившись, она пишет ей с благодарным восхищением:

Ануш, дорогой мой! Очень трудно от вас уезжать. <... >

Думаю, что уж и мне пора написать вам о «Поэме». Я эту зиму очень о ней думала. Постараюсь собраться с мыслями и сделать это. А сейчас о вас. Мне нечего говорить о том, как я вас люблю, как я счастлива, что у Оси есть такой несравненный друг, и о том, какую жизненную силу я получила от вас. Это и я, и вы знаем — для нас это не новость. Мне о другом хочется — какая вы прелесть. Умница, веселая, красивая. Просто прелесть. <... > Умница, роднуша, прелесть.

В октябре 1963 года Н.Я. возвращается и к «Осиной книге»: «Новостей у меня нет. Про Осину книгу вы знаете. Ну их всех к.. Рав-

нодушной мне быть надоело. 27 декабря (если верить этой дате) 25 лет со смерти Оси. Подумайте, четверть века...»

А свое обещание написать о «Поэме без героя» Н.Я. выполняет уже в самом начале следующего года:

В сталинские дни мы были так измучены общим давлением эпохи, что могли думать и говорить только о том, что было связано непосредственно с ней. Сюда подходит вся тема «невстречи», и многое, и «Поэма» (взгляд настоящего-будущего на прошлое и на предчувствие будущего, которое охватило людей, стоявших на пороге надвигающейся эпохи). Это движение пластов времени, которыми вы орудуете в «Поэме», очень характерное чувство для нашей жизни. <... >

И еще об одном. О том, что история, эпоха, течение времени, просто само время, наконец, действуют на нас, на наши чувства и мысли гораздо больше, чем мы могли предположить. Казалось, что мы всегда мы, запуганные или успокоившиеся, плачущие или спящие. Оказывается — это не совсем так. Время, как будто, это и есть наша «несвобода», наше «изгнание из рая», наши настоящие оковы. Не возраст, а само его течение. В такие эпохи, как наша, это наглядно.

Это письмо заметно выделяется во всей переписке. До известной степени его можно уподобить эскизу, причем к обеим книгам Н.Я. — и к той, которую она в это время заканчивала, и к той, которую еще не начинала.

А 27 декабря 1963 года, спустя ровно четверть века после гибели О.М., Н.Я. получила от А.А. следующую телеграмму: «Пусть и мой голос голос старого друга прозвучит сегодня около Вас крепко целую = Ваша Ахматова». Вдогонку пришло и письмо, датированное тем же числом:

Надя,

посылаю Вам три странички — это в «Листки из дневника», которыми я продолжаю постоянно заниматься. Вероятно, кончится не-большой книгой.

Думали ли мы с Вами, что доживем до сегодняшнего Дня — Дня слез и Славы. Нам надо побыть вместе — давно пора.

У Вас, то есть у Осипа Эмильевича, всё хорошо. <... >

Ваша Ахматова

Н.Я. ответила А.А. 29 декабря 1963 года:

Ануш, мой друг! Спасибо вам за всё — за телеграмму, за листки из дневника, за записочку.

Понимает ли мой старый друг Анна Андреевна, Ануш, Аничка, Анюта, что без ее дружбы я никогда бы не дожидка до этой печальной и хорошей годовщины — двадцатипятилетия? Конечно, понимает. Ведь всё было так наглядно.

В этой жизни меня удержала только вера в вас и в Осю. В поэзию и в ее таинственную силу. То есть чувство правоты. <... > Я вас очень люблю и всегда о вас думаю — каждый день.

Ваша Надя

А 23 июня 1964 года уже Н.Я. поздравляла А.А. — с ее предпоследним, как оказалось, днем рождения: «Анечка вся наша жизнь прошла вместе Я вспоминаю всё целую вечного друга в день семидесятилетия»⁵⁶.

И жизнь А.А., и жизнь О.М., как, впрочем, и жизнь Н.Я., были отданы русской поэзии и стали манифестацией той самой таинственной силы и внутренней правоты.

Быть может, лучшим доказательством этого могла бы стать книга об Ахматовой, которую написала и от которой отказалась Н.Я.

III. Тата и Лютик

Я с мертвыми не развожусь...

Е.К. Лившиц

К нам всё липнет.

А.А. Ахматова

1

Органическим началом книги Н.Я. об А.А. послужила новелла о Екатерине Константиновне Лившиц, или, как ее звали все подружки, Тате, или Таточке. О том, сколь близко были знакомы Н.Я. и Екатерина Константиновна, говорит уже то, как к ней обращалась Н.Я., — на «ты». Единственный (кроме родственников), к кому она обращалась так же, — был Илья Эренбург (тоже, кстати, киевлянин).

Весной 1919-го, когда О.М. и Н.Я. познакомились и «бездумно», как она вспоминала, сошлись в Киеве, Наде Хазиной было неполных двадцать, а Кате Скачковой (или Скачковой-Гуриновской), ее подруге, — и того меньше, семнадцать лет. Надя, как и другие ее подружки — Люба Козинцева и Соня Вишневецкая, — занималась живописью у Александры Экстер, а Тата была начинающей балериной, ученицей балетной студии Брониславы Нижинской, актрисы Мариинского театра, а затем дягилевской труппы, сестры знаменитого танцовщика.

Всех, кто лично знал Екатерину Константиновну Лившиц, поражала ее удивительная цельность, открытость и не зависящая от возраста грациозность. Общение с ней, вне зависимости от ее физического состояния, всегда было по-особому насыщенным и праздничным, в ее безукоризненных речи, способе мыслить и осанке вживе являла себя непредставимая уже эпоха.

Она родилась 25 сентября 1902 года в Киеве, в интеллигентной офицерской семье (свою неожиданную для нее самой стойкость к бесчисленным жизненным невзгодам и испытаниям она, улыбаясь, не раз объясняла для простоты именно этим — «офицерская косточка»).

С Бенедиктом Лившицем она познакомилась зимой 1920 года, когда он увидел ее на репетициях у Брониславы Нижинской... Затем — прогулки по городу, по Днепру, разговоры о любимых поэтах... В июне 1921 года Бенедикт Константинович Лившиц и Екатерина Константиновна Скачкова-Гуриновская обвенчались (на этом настаивал жених, только что — и с невероятным трудом! — расторгший узы своего гражданского и церковного брака с Верой Александровной Вертер-Жуковой). Лившиц венчался в визитном костюме и чужой сорочке с пластроном, а невесте родители в каждую туфельку — чтобы богато жилось — зашили по империалу.

Но это не очень-то помогло: «Видели бы мои предусмотрительные родители, — писала Е.К. Лившиц в своих незаконченных «Воспоминаниях», — как я вернулась с Урала, не имея права жить в Ленинграде, без паспорта, с соответствующей справочкой, в бушлатике, перешитом из старой шинели, верно служившей неизвестному мне русскому солдату все военные годы, и с 17 рублями в кармане, заработанными мною за 5 лет!»⁵⁷

В ночь с 25 на 26 октября 1937 года Бенедикта Константиновича забрали как участника заговора писателей против Сталина во главе с Н. Тихоновым и А. Толстым⁵⁸. Приговор — «десять лет без права переписки» — сегодня уже не нуждается в разъяснениях. В 1938 году арестовали и Тату как члена семьи врага народа. В промежутке между мужниным и собственным арестами ей суждено было пережить еще и такой удар, как отказ киевских и проскуровских родственников мужа взять к себе «зачумленного» племянника: насильно осиротевшего Кирилла приютили и спасли совершенно чужие люди!

Родился Кирилл — или, как все его называли, Кика — 25 декабря 1925 года. Его крестными отцом и матерью были Михаил Кузмин и Надежда Мандельштам. Мальчик был крупным, в отца, рос здоровым и сильным, был помешан на моряхах и презирал всё женское и штатское. Своим умом дошел до истины, что «капиталисты» — это такие люди, которые копят деньги, а напульсники

называются так потому, что они защищают пульс человека, в том числе и пульс бойца, что примиряло его гордый дух с печальной необходимостью надевать эти самые напульсники. В 1941 году десятиклассник Кирилл Лившиц записался добровольцем на фронт, но был демобилизован по малолетству и вскоре, вполне вкусив блокады, был эвакуирован в Свердловск. Оттуда, подделав документы (накинув себе пару лет), он снова попадает в армию и едет на фронт — матросом Волжской флотилии. И уже 18 октября 1942 года он погибает под Сталинградом, попав под бомбежку. Похоронили его на Мамаевом кургане...

К этому времени Таточка — его мать — уже почти отсидела свои пять лет в Севураллаге (в Сосье). В 1943 году она вышла из лагеря, но лишь в 1955 году вернулась из ссылки и поселилась в Ленинграде. Здесь она долгое время жила, зарабатывая пишущей машинкой, и еще на гроши от переизданий многочисленных переводов, сделанных в свое время ее заботливым и любящим мужем.

2

Живя в разных городах, вдовы Мандельштама и Лившица не переписывались. Та дружба, то теснейшее общение, что при живых Бене и Осипе были самоочевидностью, — после их гибели уже не восстановились. Видимо, слишком много и тяжело досталось каждой из них, чтобы дружба мужей перешла во вдовью. Центр тяжести их привязанности был да так и остался в прошлом.

У Н.Я., когда она всё же собиралась писать, даже адреса Таты не оказалось. Третьего марта 1957 года, когда Н.Я. хватилась и не нашла утерянное свидетельство о браке с О.М., ей пришлось прибегнуть к услугам А.А.:

Я еще могу оказаться не вдовой. Тогда вдовой будет Евг. Эм. Это очень смешно, но всё же может быть маленьким осложнением. Тата Лившиц — была, кажется, свидетелем этой грозной процедуры в Киеве в 1922 году. (Меня без этой бумажки не брали в штабной вагон.) Нельзя ли попросить ее написать соответствующее показание? Я не знаю ее адреса.

Впрочем, у этой дистанции между двумя вдовами были свои преимущества и немалые. Во-первых, это право на «внепартий-

ность»: Тата, конечно же, всегда была в курсе всех актуальных ссор и конфликтов Н.Я., но никогда не бывала в них вовлечена. Во-вторых, отношения сами по себе складывались ровные — из такого далёка уже никакая кошка не перебежит дорожку.

Письма Н.Я. к Тате Лившиц без труда уместились в пределах одного года — того самого 1967-го, весной которого Н.Я. закончила свои воспоминания об Ахматовой. В марте — взволнованность, страстное желание видеть, показать, дать почитать рукопись. А осенью — почти полная отрешенность от всего этого, погруженность в быт и будни, пускай и скрашенные выходом «Разговора о Данте». О событиях, заставивших Н.Я. отказаться от самого замысла книги об Ахматовой и стать на другие рельсы, в ее письмах к Таточке Лившиц нет ни единого слова. С Наташей Штемпель она этим делилась, с Татой — нет.

Впрочем, «лейтмотив» у этих писем Н.Я. всё же был, но совершенно иной — Лютик, прелестная Ольга Ваксель, едва не разлучившая в свое время ее с О.М., Лютик — на жизнь и на смерть которой Мандельштам отозвался гениальными стихами.

В самом начале 1967 года Н.Я. посетил Евгений Эмильевич Мандельштам и показал ей воспоминания Лютика, вернее, их фрагмент о Мандельштамах, любезно перепечатанный для него на машинке сыном Лютика. Эти страницы взволновали Н.Я. до чрезвычайности, — ей всё мерещилось (и это впоследствии подтвердилось), что фрагмент этот неполный, что есть в этих воспоминаниях что-то еще! Это «что-то еще» потому так и взволновало Н.Я., что было не вымыслом, а правдой, и то, как оно преломилось или могло преломиться в чужих воспоминаниях, волновало и задевало ее. Убедиться в том или ином, но так, чтобы миновать при этом Евгения Эмильевича, — стало для Н.Я. глубокой потребностью и чуть ли не идеей-фикс. Так что общительная и доброжелательная Таточка, знавшая среди прочих и Арсения Арсеньевича Смольевско-го, сына Ольги Ваксель, могла бы оказаться Н.Я. в этом деликатном деле весьма полезной!..

И все-таки дистанция между Ольгой Ваксель и Татой Лившиц оказалась или показалась Н.Я. слишком короткой, опасно короткой, — ведь многое тогда, в середине двадцатых, Таточка видела своими глазами и слышала своими ушами. Поэтому Н.Я. передумала и решила действовать через другого «своего» человека — надежного и проверенного, но все-таки из другой эпохи.

Этим человеком был Александр Константинович Гладков, «литературовед и бабник», как она сама его однажды охарактеризовала. Восьмого февраля 1967 года Н.Я. отправила ему нижеследующее письмо, поражающее двумя моментами — длиной и откровенностью. Но иначе, правда, было не объяснить ту самую настоящую панику, что в письме Н.Я. названа «легким испугом», и тот случившийся с ней припадок «ужаса публичной жизни» — мол, «всё выходит наружу, да еще в диком виде»:

Дорогой Александр Константинович!

У меня к вам трудное и сложное дело. Оно настолько интимно, что должно остаться между нами. Почему-то у меня появилась надежда, что вы сможете мне помочь. <... > Дело в том, что героиня нескольких стихотворений О.М. («Жизнь упала, как зарница», «Я буду метаться по табору улицы», «Возможна ли женщине мертвой хвала») вышла замуж за какого-то норвежца (29–30–31 год) (в Осло, а не в Стокгольме), умерла в Осло (самоубийца, выстрелила себе в рот), а перед смертью надиктовала мужу эротические мемуары. Муж отвез их сыну, живущему в Ленинграде (сплошная патология — и она, и муж — [и] мемуары!). У этого сына культ матери, который выражается в том, что он всем раздает ее мемуары и фотографии (они были у Анны Андреевны и у многих других). Хочет меня видеть. Хорошо бы обойтись без меня... Но выяснилось, что мне нужно увидеть эти мемуары, надиктованные мужу. Ужас публичной жизни заключается в том, что всё выходит наружу, да еще в диком виде. Я ничего не имею против варианта, что О.М. мне изменил, мы хотели развестись, но потом остались вместе. Дело же обстоит серьезнее.

Женщина эта, видимо, была душевнобольная. Ося расстался с ней безобразно. После встречи в гостинице (это и его, и ее версия) он вернулся домой и застал меня со сложенным чемоданом, через минуту за мной пришел Татлин (всё это только вам: не говорите даже Эмме). (Про Татлина — он всегда был один, и я знаю не один случай, когда женщина, меняя мужа или выбирая себе второго, временно сходилась с Татлиным.) Произошла легкая сцена, Татлин пожаловался, что ему сорок лет и у него нет жены, а Ося увез меня в Детское Село, где мы ссорились и я рвалась уйти; потом приехала Анна Андреевна и как-то всё забылось. Вот грубое содержание этой драмы.

Это 25 [-й] год. Я тогда посоветовала Татлину поискать жену на Украине — там их много. А его как раз приглашали туда. Он послушался и поехал, расставшись со мной. Жену оттуда привез. Итак, я сыграла роль в его жизни, не только постельную.

Ося при мне позвонил этой женщине по телефону и сказал ей, что уезжает и больше ее видеть не хочет («потому что вы плохо относитесь к людям» — всё). Хамство, как видите, полное. Да еще я ее позвала к телефону.

Через несколько лет она пришла к нам в Детское Село. Я ей рассказала, как со мной хамила ее мать. Это всё, что касается Оси и что я знаю.

После О.М. среди толпы других она жила с Евг. Эмильевичем. Он возил ее на Кавказ. (Именно после этого она к нам пришла в Детское.) Евгений Эмильевич недавно явился ко мне и рассказал про дневник, и я слегка испугалась. Кажется, она мстит в нем Оське за это дикое прощание.

Несколько слов об этой женщине. Ее звали Ольга Ваксель. Дочка Львовой — б[ывшей] фрейлины. Хороша была как ангел. Ничего подобного в жизни я не видела. Тогда — благородно и приятно. Целыми днями сидела у нас и плакала. Пол был мокрый от слез. У меня всегда с ней были хорошие отношения. Я не ссорилась с «соперницами», а только с мужиком.

Теперь чего я боюсь. Всё началось по моей вине и дикой распущенности того времени. Подробностей говорить не хочу. Я очень боюсь, что это есть в ее дневнике (надо будет это как-то нейтрализовать). Второе: она пишет об Осе зло (как сказал Евг. Эм.). Нет ли клеветы?.. Для этого мне надо знать, что там. На клевету похоже. Уже тогда у нее были почти маниакальные рассказы о бросивших ее любовниках, которые не подтверждались ничем (эротические, нередко садистические (хотя она была нежна, добра и безобидна) и тому подобное). Единственная ее особенность: она ходила по Ленинграду и давала всем и всё. Потом переехала в Москву и служила в Метрополе. Там и нашла мужа. Жаль ее ужасно. Знаете, у Фуокнера есть женщина, чудо любви (мать Линды⁵⁹) — это она, Ольга Ваксель, или Лютик, как ее звали.

Вот моя проблема: я бы хотела знать подробно, что в этом дневнике (вместе с эротикой). Противно это безумно, и я бы с радостью избавила себя от этого удовольствия, но надо это сделать. Нашел сына Мануйлов. Обо всем этом знает и Таточка Лившиц, но ее, если

можно, не надо бы вмешивать. Нельзя ли через Мануйлова получить этот дневник, чтобы избавить меня от удовольствия ехать к сыну? Или съездить вам — огромная дружеская услуга — рассказать про Фокнера, про чудо красоты и про то, что я видела у Анны Андреевны фотографии, но ни одна не передает реального очарования этой необыкновенной прелести... Сын тоже сумасшедший и ищет всех, кто хочет поговорить об его матери... Не можете ли вы мне помочь?

Еще такая деталь: она пишет, что после того, как зашла к нам в Детское (осенью 27 года), она опять встречалась с О.М. и всё, что она прогнала его... (когда: в первый раз или во второй?) Ося никогда не врал. До смешного. Но про эти вторичные встречи я не знаю. Были ли они в Ленинграде (возможностей для них почти не было: мы ездили из Детского в Ленинград вместе, было много разного, но совсем другого плана) или в Москве (он задержался на месяц в Москве, когда я была в Ялте; это хлопоты о «пяти» из «Четвертой Прозы»; жил он у моего и у своего брата). Служила ли Ольга в Метрополе ранним летом 28 года? Если да, то это бросает очень неожиданный свет на кое-какие события (связь с Метрополем), к которым сама Ольга, надеюсь, никакого отношения не имела. Я думаю, и в Метрополе она в каких-то отношениях была чиста. Об этом я вам расскажу при встрече.

Почему я обращаюсь к вам. Проклятая, как я называю это, публичность может вытащить эти мемуары наружу. Вы, я знаю, думаете об О.М. и любите курьезные документы. Мне безумно не хочется ехать к сыну; не хочется ворошить всё это самой. А вы мне друг и способны прийти на помощь. Вы умны и знаете меня — что здесь нет безумного любопытства сумасшедшей старухи. Вы литературовед и бабник, следовательно, знаете, что такое женская месть и клевета. К Евг. Эм. я обратиться не могу: у него есть эти мемуары и он мне их предлагал. Но этого я не хочу: он грязный тип.

И наконец последнее, очень интимное. О.М. мне клялся в очень странной вещи (я вам скажу, в какой, при встрече), в которую *я не верила и не верю*, но если это правда, то она могла быть очень дико истолкована бедной Ольгой. Дико ворошить всё это на старости лет. Но что делать? Помогите, если можете.

Ведь Мануйлову вы можете сказать что угодно: биография О.М., например. Если не хотите говорить с Мануйловым, спросите у Таточки Лившиц. (Я когда-то ей сказала, что не люблю О.М. — в этом

выразилась моя ревность в период его романа с Ольгой.) Сын Ольги меня хочет видеть — можно, узнав его имя и адрес, — попросить всё это для меня, сказав, что я так стара, что не могу приехать. Я готова написать ему письмо с описанием красоты его матери... Только помогите и избавьте меня от встречи. Чортова молодость: сколько осложнений она оставляет в жизни.⁶⁰

Двенадцатого февраля 1967 года Гладков записал в дневнике:

Страннейшее письмо от Н.Я. с рассказом (длинным) о каких-то изменениях ее с Татлиным и О.Э. с Ольгой Ваксель в 25–27 гг. и просьбой найти сына О. Ваксель и попросить у него дневник матери. Будто бы там может быть какая-то «клевета» и пр.

Я человек любопытный и могу этим заняться, но зачем это Н.Я.?⁶¹

Но перед Гладковым Н.Я. почти и не скрывалась, зачем. Одна правда в воспоминаниях Лютика пугала ее больше любой напраслины — возможные намеки на ее, Н.Я., склонность к лесбиянству и на склонность О.М. к «мормонству»⁶². Скандал такого рода мог быть запросто использован недоброжелателями и против О.М., и против ее самой: под этим предлогом могла бы серьезно осложниться и ситуация с книгой в «Библиотеке поэта».

Одновременно Н.Я. просила Гладкова поискать надежного свидетеля смерти О.М. — академика Е.М. Крепса (или Гревса, как она его называла). Видимо, Гладков проявил оперативность, так как 17 февраля Н.Я. снова писала ему:

Дорогой Александр Константинович!

Спасибо, что вы так быстро откликнулись. О Гревсе я знаю от Евг. Эм. Он тоже бывший тенишевец и врач. Это всё. Евг. Эм. явился ко мне с неизвестной целью и показал клочки своего знания... За более подробный отчет он потребует платы: чтобы я изображала родственную идиллию, например, или отдала ему Осины письма, где он запрещает ему называть себя братом. Сейчас Евг. Эм. в доме творчества Кино в Прибалтике. В Риге, что ли? В Москву он действительно переехал. Написать бы ему и спросить у него? А может, действительно это лучше сделать через Таточку Лившиц. Она мне тоже говорила про «сына». Она почти не знает о том, что произошло в прошлом. Для нее Ольга Ваксель просто увлечение О.М. (бедная Надя) и какая-то моя жалоба, что Оська мне надоел.

Поэтому не говорите ей о моем беспокойстве. Только что я хочу иметь фотографию Ольги и странички ее дневника... т. е. мемуаров... Тата дружит с Евг. Эм.; она может от него узнать адрес «сына» и Гревса...

Знала про всю эту историю Анна Андр. — от меня, от Оси (смягченно) и от... Татлина. Я думаю (вернее, надеюсь), что Ольга не написала реалистических вещей. Женщины такого рода обычно пишут: «Как он меня любил, но я его выгнала» — дай-то Бог! Единственное, что у нее есть основание для большой обиды на О.М. — он поступил с ней по-свински (со мной тоже). Чего бы мне хотелось — это избежать реалий и выключить себя из этой игры. Проклятое легкомыслие и распутство юности — и еще остатки десятых и двадцатых годов...

Мануйлов много раз запрашивался на встречу со мной, но я уклонялась, не зная про его находку. (Евг. Эм. сказал про эту «находку» — «Мануйлов любит оказывать маленькие услуги». Здорово?) Оба они — и Евг. Эм. и Мануйлов — гнусные типы.⁶³

Интересно, что сама Тата не просто поддерживала отношения с младшим братом Мандельштама, но и была его конфиденткой. Она относилась к нему вполне критически, но всё же жалела и даже пускала к себе ночевать, когда тот приезжал из Москвы в Ленинград по делам или выяснять отношения со своей брошенной ленинградской семьей. В одном из писем он даже обратился к ней в следующих выражениях: «Но это же Вам я пишу — моему альтер-эго, милому и доброму, всё понимающему другу»⁶⁴.

А 5 марта 1967 года Н.Я. послала Гладкову как бы «постскрип-тум» к этому письму:

...Я нашла и «сына»: Смольевский Арсений Арсеньевич. Тел. Г-2-20-52 (Григорий), ул. Лебедева, 14/2, кв. 42.

Прочла кусок мемуаров. Они гнусны, но их нужно знать. Правде не соответствуют, кроме небольших элементов. У меня впечатление, что это написано по дневникам дочери матерью, чудовищной женщиной⁶⁵. Своеобразная месть за гибель дочери и сведение счетов (в частности, со мной). А счета были.

Дочь была не только красавицей, но очень нежной и тихой. Этот язык и все представления ближе к матери. Между прочим, мать предъявила к О.М. требования, которые он не исполнил. Она из

тех, что продают дочерей. Любопытно, что Евг. Эм., частично требования выполнивший (он был там после О.М.), не упоминается вовсе (это путешествие на Кавказ).

Сын жаждет мне показать всё это. Если бы достать.. Я боюсь, что Евг. Эм. дал мне не всё. А знать это нужно. Надо восстановить (скажем, в письме к вам или к Харджиеву) то, что было. Увлечение О.М., наша попытка развестись (я уходила к Татлину) и потом примирение. Была драма. Могла кончиться плохо. Случайно уцелели. Девчонка плакала целыми днями у меня в комнате. Не думаю, чтобы она любила О.М.: к этому времени она была уже половой психопаткой и жила с целой толпой. Как О.М. уцелел, трудно себе представить, потому что такого чуда, как эта Ольга, я не видела. Последний разговор их (по телефону) был при мне. Я была поражена грубостью О.М.... <... > При встрече через 3 года тоже. Но и там она отличилась.. Есть ли у сына продолжение — я читала до ее прихода через три года.. Попробуйте достать.. Если нет, я к сыну не пойду. Это патология первого класса уже в третьем поколении...⁶⁶

Но чего, собственно, так сильно испугалась Н.Я., прочитав записки Лютика и почувяв, что это еще «не всё»? Каких таких «реалистических вещей», какой правды?

Вот полный текст фрагмента воспоминаний Ольги Ваксель, в котором говорится о чете Мандельштамов:

... Около этого времени я снова встретилась с одним поэтом и переводчиком, жившим в доме Макса Волошина в те два лета, когда я там была. Современник Ахматовой и Блока из группы «акмеистов», женившись на прозаической художнице, он почти перестал писать стихи. Он повел меня к своей жене (они жили на Морской), она мне понравилась, и с ними я проводила свои досуги. Она была очень некрасива, туберкулезного вида, с желтыми прямыми волосами и ногами как у таксы. Но она была так умна, так жизнерадостна, у нее было столько вкуса, она так хорошо помогала своему мужу, делая всю черновую работу его переводов. Мы с ней настолько подружились — я доверчиво и откровенно, она — как старшая, покровительственно и нежно. Иногда я оставалась у них ночевать, причем Осипа отправляли спать в гостиную, а я укладывалась спать с Надюшей в одной постели под пестрым гарусным одеялом. Она оказалась немножко лесбиянкой и пыталась меня свратить на этот

путь. Но я еще была одинаково холодна как [к] мужским, так и [к] женским ласкам. Всё было бы очень мило, если бы между супругами не появилось тени. Он еще больше, чем она, начал увлекаться мною. Она ревновала попеременно, то меня к нему, то его ко мне. Я, конечно, была всецело на ее стороне, муж ее мне не был нужен ни в какой степени. Я очень уважала его как поэта, но как человек он был довольно слаб и лжив. Вернее, он был поэтом в жизни, но большим неудачником. Мне очень жаль было портить отношения с Надюшей, в это время у меня не было ни одной приятельницы. Ирина и Наташа⁶⁷ уехали за границу, ни с кем из Института я не встречалась, я так пригласилась около этой умной и сердечной женщины, но всё же Осипу удалось кое в чем ее опередить: он снова начал писать стихи, тайно, потому что они были посвящены мне. Помню, как, провожая меня, он просил меня зайти с ним в «Асторию», где за столиком продиктовал мне их. Они записаны только на обрывках бумаги, да еще... на граммофонную пластинку. Для того чтобы говорить мне о своей любви, вернее, о любви ко мне для себя и о необходимости любви к Надюше для нее, он изыскивал всевозможные способы, чтобы увидеть меня лишний раз. Он так запутался в противоречиях, так отчаянно цеплялся за остатки здравого смысла, что было жалко смотреть.

В конце 1924 г. А[рсений]Ф[едорович]⁶⁸ решился отдать мне ребенка. Это событие было облечено большой торжественностью. Ребенок уже учился ходить, но не говорил еще ничего, кроме «мама». Теперь мне не было надобности приходить к А[рсению]Ф[едоровичу] каждый раз, как я хотела повидать ребенка, зато он сам стал часто появляться и проявлять свое неудовольствие по всякому поводу. Для того чтобы иногда видаться со мной, Осип снял комнату в «Англетере», но ему не пришлось часто меня там видеть. Вся эта комедия начала мне сильно надоедать. Для того чтобы выслушивать его стихи и признания, достаточно было и проводов на извозчике с Морской на Таврическую. Я чувствовала себя в дурацком положении, когда он брал с меня клятву ни о чем не говорить Надюше, но я оставила себе возможность говорить о нем с ней в его присутствии. Она его называла «мормоном» и очень одобрительно относилась к его фантастическим планам поездки втроем в Париж. Осип говорил, что извозчики добрые гении человечества. Однажды он сказал мне, что имеет сообщить мне нечто важное и пригласил меня, для того чтобы никто не мешал, в свой «Англетер». На во-

прос, почему этого нельзя делать у них, ответил, что это касается только меня и его. Я заранее могла сказать, что это будет, но мне хотелось покончить с этим раз и навсегда. Я ответила, что буду. Он ждал меня в банальнейшем гостиничном номере, с горящим каминном и накрытым ужином. Я недовольным тоном спросила, к чему вся эта комедия, он умолял меня не портить ему праздника видеть меня наедине. Я сказала о своем намерении больше у них не бывать, он пришел в такой ужас, плакал, становился на колени, уговаривал меня пожалеть его, в сотый раз уверяя, что он не может без меня жить и т. д. Скоро я ушла и больше у них не бывала. Но через пару дней Осип примчался к нам и повторил всё это в моей комнате, к возмущению моей мамы, знавшей и Надюшу, которую он приводил к маме с визитом. Мне еле удалось уговорить его уйти и успокоиться. Как они с Надюшей разобрались во всем этом, я не знаю, но после нескольких телефонных звонков с приглашением с ее стороны я ничего о ней не слыхала в течение 3-х лет, когда, набравшись храбрости, зашла к ней в Детском Селе, куда они переехали и где я была на съемке.⁶⁹

Надо ли говорить, сколь многое в этих записках, начиная с «прозаической художницы» и «ног как у таксы», было для Н.Я. просто непереносимо!

Поглядевшись в зеркало чужих мемуаров, Н.Я. ощутила себя остро уязвленной и униженной. Мертвая Ольга, снисходительно смотрящая с этих страниц на Н.Я. сверху вниз, и из могилы нанесла ей сокрушительной силы удар и как бы отомстила сопернице сполна за всё «свинство» мандельштамовского разрыва. Нелепое предположение о том, что воспоминания Лютика не то надиктованы, не то записаны ее матерью, только подчеркивают ту растерянность и то замешательство, в которые вдруг впала Н.Я.

Возможно, что именно тогда она и ощутила настоятельную потребность написать свою версию событий и тем самым «ответить» Лютику — то ли защищаясь от ее несказанных слов, то ли атакуя их. Ей вдруг открылись и убойная сила мемуаров, и преимущества печатного и первого слова перед устными оправданиями: вон сколько громов и молний переметали они с А.А. и в Жоржика Иванова, и в Шацкого-Страховского с Маковским, и в Миндлина с Коваленковым, а чувство победы или торжества справедливости в их устном против печатного споре всё равно не возникало. А еще,

кажется, она поняла — и как бы усвоила! — одну нехорошую истину: не так уж и важно, правдив мемуар или лжив.

Ни Gladков, ни Тата с добыванием воспоминаний О. Ваксель для Н.Я. не преуспели. Н.Я. ознакомилась с ними именно по той копии, которой располагал Евгений Эмильевич. Прочитав ее, она вздохнула с некоторым облегчением, но интуитивное чувство неполноты фрагмента всё же не отпускало ее, и, как мы теперь видим, не зря.

Надо, однако, сказать, что сексуальная тематика отнюдь не была табу в разговорном обиходе Н.Я. Ей уделено немало места даже в единственном видеointервью, данном ею для голландского телевидения в середине 1970-х годов⁷⁰. Некоторые же мемуаристки, преодолев неловкость, специально написали о проявлениях сексуальной раскрепощенности у Н.Я. в 1920–1930-е (Э. Герштейн)⁷¹ и даже в 1940-е годы (Л. Глазунова)⁷².

Но годы божественной юности не прошли для Н.Я. бесследно. Да и Лютик едва ли уступала ей по степени раскрепощенности⁷³. А по какому-то внутреннему счету, особенно если мерилom считать любовные стихи, Н.Я. тогда Лютику все-таки «проиграла»!

«Дура была Ольга — такие стихи получила!..»

3

Но вернемся к Тате.

И тут, пожалуй, стоит упомянуть еще одно стоящее рядом письмо Н.Я. — письмо А.К. Gladкову от 12 декабря 1966 года, где она писала:

Таточку Лившиц я люблю. (Ее почему-то не любила Анна Андреевна; в частности, за то, что там сломался ее муж⁷⁴; но за это грех ненавидеть жену, да и самого человека.) Эта трогательная красотка, маленькая луна, ветерок, Таточка, балеринка без балета, похоронившая всех своих близких (сын погиб на войне, когда она была далеко), вызывала у меня всегда великую нежность именно тем, что никак не заслужила своей участи. Судьба нас развела в разные стороны, но я помню и люблю бедную Тату. На похоронах Анны Андреевны она сказала мне, что у нее уже был инфаркт. За что? Передайте ей от меня нежнейший привет.⁷⁵

Возможно, именно это письмо стало для Н.Я. сигналом к тому, чтобы в книгу об Ахматовой включить и новеллу о вдовьей судьбе Таточки. Но само по себе это несколько не удивительно. Когда арестовали саму Тату, следователь сначала дал ей понять, что Лившица уже нет в живых, а потом, видимо, очарованный ее скорбной красотой, предложил ей — без обиняков и сентиментальностей — выходить замуж за него.

Задумайтесь!.. Мало было той власти, «отвратительной, как руки брадобрея», отобрать у нее всё, что ей было дорого, — разорить семейный очаг, расстрелять мужа и осиротить сына! Нет, палачам хотелось еще оприходовать и ее саму — с пользой для общества и к собственному удовольствию!

Так подивимся мужеству этой хрупкой и беззащитной женщины, отказавшейся от столь лестного предложения.

Так вот каков он — праздник скифский!
 Каэр без права переписки
 И с конфискацией семьи!
 А ненасытная медуза
 Над каждой люлькою Союза
 Свивает щупальцы свои.

И произнес убийца Бена:
 «Иди, ищи ему замену.
 Глядишь, и я тебе сгожусь?..»
 Но нет, не общая природа
 У «слуг» и у «врагов» народа:
 «— Я с мертвыми — не развожусь!»

Так почему же во «Второй книге» Надежды Мандельштам места для этой странички-судьбы уже не нашлось?

Ответ на этот вопрос прост: концепция книги радикально переменялась. И тому весьма поспособствовали три события 1967 года — история с Лютиком и ее воспоминаниями, тяжба между Львом Гумилевым и Ириной Пуниной по поводу ахматовского архива и история с Харджиевым и архивом самого О.М.

IV. Первый старатель

Пойдемте отсюда. Она хочет сочинять.

Н. Харджиев

1

Александровский переулок, дом 43, квартира 4 — этот марьино-рощинский адрес когда-то принадлежал Виктору Шкловскому и его семье. Когда в 1933 году Шкловские переехали сначала в писательский кооператив на ул. Фурманова, а в 1937 году — в другой дом, в Лаврушинском переулке, одну комнату в этой квартире получила сестра Василисы — Таля (Наталья Георгиевна) с дочерью Васей. Именно у нее, а не у Василисы ночевали Мандельштамы в свои нелегальные приезды в Москву — и эти полуконспиративные ночлеги, так же как и тайную ночевку в доме Сани Бернштейна, красочно живописала Н.Я.⁷⁶ Еще одну комнату в той же квартире занимал Николай Иванович Харджиев⁷⁷ и еще одну — Борис Арнольдович Вакс, драматург, озабоченный ремонтом свой трущобы (это про него как-то пошутил О.М.: «Вакс — ремонтнодышащий...»).

Этот полуразрушенный деревянный дом, эта заземленная квартира на первом этаже служили Мандельштамам их ночную крепостью в столице, а девятиметровая харджиевская комната-пенал, или, иначе, шкатулка, с низким окном во двор исполняла роль форумасалона или «Башни»: за разговорами О.М. и Н.Х. засиживались далеко за полночь. Студеную эту комнату Ахматова с полным правом называла «убежищем поэтов»: кроме нее и Мандельштама, здесь побывали и Пастернак, и Цветаева, и Хармс, и Олейников, и Зенкевич, и Нарбут и многие другие. Именно здесь состоялась в 1941 году ее вторая и последняя встреча с Мариной Цветаевой⁷⁸.

Харджиев и Ахматова познакомились в Ленинграде где-то на стыке 1929 и 1930 годов. Знакомством этим они, по всей вероятности, были обязаны кругу интересов и друзей Н.Н. Пунина, основательно пересекавшемуся с аналогичным харджиевским «кругом»⁷⁹. Знакомство перешло в дружбу, которая не прерывалась — и, кажется, даже не омрачалась⁸⁰ — до конца жизни. Ахматова чрезвычайно ценила его как специалиста, знатока русской поэзии и живописи: «Он так же хорошо слышит стихи, как видит картины»⁸¹. Не случайно именно его она попросила «откомментировать» модильяниевский набросок (что Н.Х. блестяще выполнил⁸²) и именно с ним она обсуждала свои «публикации отчаяния» в «Огоньке» в 1950 году⁸³.

Но, помимо знаний и памяти, еще больше она любила в нем чистое его, харджиевское, сочетание живой мысли, острого языка, веселой непосредственности и вместе с тем — галантной деликатности в обращении и общении⁸⁴.

Е.К. Гальперина-Осьмеркина вспоминала следующий эпизод. В один из своих приездов в Москву А.А. остановилась у них:

К ней приходили гости часто. Особенно я помню приход Харджиева. Она очень дружила с Харджиевым, очень его любила, он был ее большим другом. И вот мы сидели у нее в комнате, о чем-то беседовали, и вдруг она после милой и даже такой остроумной беседы села с ногами на кушетку и приняла свой облик «какаду», как мы говорили. Он на меня посмотрел, легонько так толкнул меня в локоть или взял за локоть и сказал: «Пойдемте отсюда. Она хочет сочинять». Это было абсолютно точно сказано, он не искал никаких формулировок литературных. «Она хочет сочинять». Очевидно, так это и было... Мы с ним сидели в мастерской, а она довольно долго пребывала в этой комнате.⁸⁵

Ну разве можно было не оценить и не полюбить такого человека? Отсюда и те поистине «царские подарки», которые Н.Х. и А.А. время от времени подносили друг другу: в 1934 году А.А. получила старинный, 1838 года, альбом, принадлежавший одному из князей Долгоруких, — в него она позднее записывала окончательные редакции своих стихов, а сама она в 1939 году подарила Н.Х. — к десятилетию их знакомства — хлебниковский рисунок⁸⁶.

Переписка А.А. и Н.Х. завязалась в 1932 году⁸⁷. И с самого начала ее явными или неявными персонажами становятся Осип

и Надежда Мандельштам. Уже во втором письме А.А. спрашивается о них у Н.Х. Летом 1934 года она пишет ему:

Спасибо за альбом, он чудный. Когда я Вас теперь увижу, милый Николай Иванович, мне что-то очень скучно стало жить. Совсем не вижу людей, плохо работаю. Что Москва, после мая я отношусь к ней по-новому. Напишите мне. <... > Жму руку. Ахматова.⁸⁸

Адресату было понятно, что за майские события имеются в виду — арест Мандельштама.

В свою очередь и Ахматова прочно «прописалась» в той переписке, что за четверть с лишним века разыгралась между Н.Я. и Харджиевым. Из Ташкента приходили и письма от А.А. с припиской Н.Я. (аналогичные письма писались тогда и Эмме Герштейн), и сепаратные письма от них обеих, но написанные и отправленные — по почте или с оказией — одновременно и даже в одном конверте (эпистолярный «прием», который чета Мандельштамов практиковала и в переписке с Б. Кузиным, и с отцом О.М.).

С Мандельштамом Харджиев познакомился осенью 1928 года в другом «пристанище поэтов» — у Эдуарда Багрицкого в Кунцево, где Н.Х., которого Л. Гинзбург и Э. Багрицкий незадолго до этого «вытащили» из Одессы, в это время попросту жил. М[андельштам] приехал в Кунцево с Зенкевичем. Беседа была многочасовая, пили вино, сочиняли шуточные экспромты на мотив „Гаврилы“. Тогда же М[андельштам] предложил Багрицкому и Х[арджиеву] встретиться в Москве, у Адуева. Встреча состоялась...»⁸⁹

В 1932 году — в самый разгар работы над собранием сочинений Маяковского — Н.Х. признавался Василисе Шкловской: «Могу читать только Мандельштама. Если получу новые его стихи, пришлю вам»⁹⁰.

Но своей кульминации дружба с О.М. достигла в 1937 году.

С кем первыми встретились О.Э. и Н.Я. в Москве по возвращении из Воронежа? — С Анной Андреевной, специально подгадавшей свой приезд из Ленинграда к этому дню, и с Николаем Ивановичем⁹¹.

Самые первые дни после ареста мужа Н.Я. провела у Николая Ивановича.

После известия о смерти Мандельштама она «лежала пластом и не видела света Божьего, а Николай Иванович варил сосиски и заставлял меня есть: „Ешьте, Надя, это горячее“ или „Ешьте, Надя, это

дорогое“... Нищий Николай Иванович пытался пробудить меня к жизни милыми шутками, горячими сосисками и дорогими леденцами. Он единственный оставался верен и мне и Анне Андреевне в самые тяжелые периоды нашей жизни»⁹².

А вот как тот же эпизод описан Н.Я. в другом — и, казалось бы, неподходящем — месте: одном из «дуэльных» ее писем к Н.Х.:

Во всей Москве, а может, во всем мире было только одно место, куда меня пустили. Это была ваша деревянная комната, ваше логово, ваш мрачный уют. Я лежала полумертвая на вашем пружинистом ложе, а вы стояли рядом — толстый, черный, добрый — и говорили: — Надя, ешьте, это сосиска... Неужели вы хотите, чтобы я забыла эту сосиску? Эта сосиска, а не что иное, дала мне возможность жить и делать свое дело. Эта сосиска была для меня высшей человеческой ценностью, последней человеческой честью в этом мире. <...> Человек символическое животное, и сосиска для меня символ того, ради чего мы жили.⁹³

Разве такое можно забыть?

К человеческой, дружеской стороне добавилось еще одно — профессионализм: «О.М. говорил, что у Николая Ивановича абсолютный слух на стихи, и поэтому я настояла, чтобы его назначили редактором книги, которая уж почти десять лет не может выйти в „Библиотеке поэта“»⁹⁴.

И кого же из тех, кто был ей после смерти О.М. так близок, Н.Я. в конце концов возненавидела больше всего? — Всё того же Николая Ивановича!

Эта печальная история имеет решающее значение для понимания того, что произошло с Н.Я. в середине 1967 года и, как следствие, со второй книгой ее воспоминаний. Так что в этом непременно следует разобраться, и переписка Н.Я. с Н.Х. — тридцать два письма ему и пять писем от него — позволяет к этому приступить⁹⁵.

2

Переписка распадается на несколько блоков. Самый первый — письмо Н.Я. из Калинина 1940 года — великолепный образчик эпистолярного искусства вообще и литературного таланта Н.Я. в частности. Автор — вся кротость, вся смиренность, человечество она раз-

бывает на знакомых и на родных с единственной целью поместить адресата первым в числе вторых. Это, если хотите, даже не письмо, а стихотворение в прозе⁹⁶, а в контексте литературного творчества Н.Я. — одна из первых, может быть, проб ее собственного пера⁹⁷.

Следующий блок — двусторонняя серия «ташкентских» писем 1943 года. Наряду с радостью получения весточек и описанием быта (рынок, пайки, жара, окружающие люди), в них с упорством проводится одна и та же шутейная литературная игра — в Николая Ивановича как «общего мужа» Н.Я. и А.А., что, согласитесь, возможно только между старинными и проверенными друзьями⁹⁸. Именно тема дружбы и ностальгии по дружеским пирам с чаем, вином, сыром и сосисками, да еще в сочетании с неистребимой веселостью и смешливостью, является в этих письмах преобладающей: «Я тоже есть ваш друг⁹⁹ и протягиваю вам руки — по прямой линии — через Аральское море». Вторым лейтмотивом можно признать гениальное пунинское motto: «Не теряйте отчаянья!»

Затем — группа писем 1957–1963 годов, запечатлевших сначала всю эйфорию и волнения, все надежды и упования «хрущевско-сурковской» оттепели — с учреждением Комиссии по литературному наследию О.М. и с запуском тома стихов в «Библиотеке поэта», а затем — всю тщету и эфемерность этих надежд.

«Нам надо начать работать» — вот девиз писем 1957 года. И работа началась: Н.Х. задает вопросы о темнотах мандельштамовских стихов — и Н.Я. немедленно отвечает на них. А вот и архив, не без скрипа, но переместился из Руновского переулка¹⁰⁰ на Пречистенку (Кропоткинскую), из хранилища тайника на письменный стол Николая Ивановича, составителя и редактора первой на родине посмертной книги Мандельштама.

И тут-то Н.Я. расслабилась и успокоилась — дело сделано, Н.Х. работает, а «раз Николаша вертится, значит, всё будет хорошо». Из чебоксарского, из тарусского и, поначалу, из псковского далека интриги вокруг А.А., вязаные кофточки и состояние здоровья Н.Х. беспокоят ее, кажется, больше, чем самое главное — ход его «мандельштамовской» работы, в которой и в котором она не сомневается. Без звука прощает она ему потерю письма (мнимую или действительную — установить не удалось), как-то связанного с Пастернаком, и даже не позволяет себе сердиться на первые не согласованные с нею шаги в издательстве: в «конфликте» Н.Х. с торопившим его Орловым она безоговорочно встает на сторону Н.Х.,

еще не замечая, что его путь начинает расходиться с ее. Но как раз «прощение потери» и успокоительные слова Н.Я. и покоробили, и взбесили Н.Х. В начале октября 1962 года он пишет ей «дуэльное», по выражению Н.Я., письмо, которое заканчивает так:

Повторяю: у меня не пропало и не могло пропасть ни листочка, ни обрывка, ни запятой. Именно поэтому я и взвалил на себя весь чернорабочий труд по изданию. Если вы этого не понимаете, то я разрешаю вам плюнуть мне в лицо и прекратить со мной знакомство.¹⁰¹

Как знать, если бы Н.Я. в день своего отъезда во Псков в сентябре успела бы забежать к Н.Х. на Пречистенку (а она просто закрутилась в последний московский день), то этой ссоры-«звоночка», возможно, и не было бы, и ей не пришлось бы писать следующее:

Если вы меня и сейчас не понимаете, то отложим ссору и объяснение до встречи. Откровенно сказать, я думала, что вы меня всё время понимали, хотя у вас нет моего опыта. Если мы встретимся, вы меня поймете сразу, и ссоры не произойдет. Вот и всё. Если и это письмо вас рассердит, сдержитесь. Человеческие отношения — то есть наши с вами — важнее всего. Попробуйте мне по-человечески написать — я буду рада. Вспомните, что я никогда не поддавалась мелкому раздражению в отношениях с людьми, которыми дорожу. А мы с вами друг другом дорожим. Не забывайте этого. Надя. Знакомства прекращать с вами я не намерена. С какой стати? А вы? Вы так легко собираетесь отдать меня?

Н.Х., судя по дальнейшим письмам, тогда быстро отошел и что-то человеческое написал. Ссора потухла, но малоприятное ощущение, что друг друга они понимают уже не всегда, раз возникнув, едва ли исчезло. Ну а переписка после этого крутится, уже не соскальзывая, вокруг книги.

Между прочим, почти за два года до этого эпизода со свойственной ей меткостью Н.Я. напороочила:

Старость — это не только «скля-роза», но еще выявление самых характерных черт. Пока можно, их сдерживают и скрывают, а тут они лезут наружу. Из всех нас полезло. Скоро и из вас полезет — вы же у нас молоденький. Из меня еще мало лезет — это начнется к ближе 70.

Писем за 1964–1966 годы в переписке нет — что и понятно, ибо в ноябре 1965 года Н.Я., уже с лета 1964 года номинально прописанная в Москве (кстати — у Шкловских)¹⁰², въехала в собственную квартиру на Большой Черемушкинской улице.

Собственно, и в 1967 году никаких писем не должно было писаться — если бы между Н.Я. и Н.Х. всё было бы по-прежнему хорошо. Но «по-прежнему хорошо» между ними уже не было...

3

Последние пять писем в этой переписке — письма разрыва.

Их непосредственная предыстория существует только в одной версии — в версии Н.Я.¹⁰³ Переломными в этой предыстории стали зима и весна 1967 года.

Шестнадцатого января Н.Я. писала Наташе Штемпель об Н.Х. с горечью и досадой, но все-таки миролюбиво: «Книга стихов как будто выйдет. Харджиев наделал в ней бед. Он, конечно, просто маляк и безумец. Но пусть выйдет хоть такая».

Постепенно обживаясь в своей кооперативной квартире на Юго-Западе, Н.Я., конечно же, постоянно обращалась мыслями к мандельштамовскому архиву, который находился в то время на Пречистенке. Но к Н.Х. обратилась не сразу, а лишь в январе 1967 года, когда решила переснять архив, после чего оставить себе фотографии, а подлинники вернуть Н.Х. Эта идея напугала Н.Х., больше всего боявшегося не утрат, а похищений (в данном случае фотопленки) и тиражирования. Тогда Н.Я. дала ему три месяца на то, чтобы он сам подобрал фотографа, которому доверяет. Но он не нашел никого, поскольку, возможно, никому и не доверял. Вместо этого он заявил, свидетельствует Н.Я., что хочет добавить в книгу тридцать стихотворений, и «пригрозил»: если у него заберут архив, то он никогда больше к О.М. не прикаснется (а ведь еще предстояла задача подготовки всего корпуса, за что Н.Х. как профессионал отказывался братья без договора!). С издательством, как оказалось, он обсуждал добавление не тридцати, а всего лишь одного стихотворения, но какого — «Неизвестного солдата»! Зато в нем Н.Х. собирался опустить последнюю строфу — текстологическое «открытие», которое вызвало у Н.Я. решительное неприятие и отпор¹⁰⁴. А также естественное желание и непреодолимую потребность —

как можно скорее забрать у Н.Х. архив! Она еще отчетливее поняла и ужаснулась тому, какую опасность таят в себе единственность, «одноэкземпляренность» и порождаемая ею монополия:

... Нельзя оставлять эти рукописи в чьих-то одних руках. <... > Больше всего я боюсь монополии на Мандельштама, а она, несомненно, ему угрожает... <... > Я помню одно: всякое чувство собственности и всякий монополизм были абсолютно чужды Мандельштаму.¹⁰⁵

Н.Х., силою и стечением не самых лучших обстоятельств, оказался в положении именно такого монополиста. Сначала — на заемный архив, затем — на свою текстологию, а со временем — и на сам архив (уже как бы на квази-свой). В этом его поддерживали и издательский редактор (И.В. Исакович), и Э.Г. Герштейн — добровольная помощница, дружески выполнявшая для книги немало поручений Н.Х. Вполне в духе своего времени и места, обе культивировали так называемую «редакторскую тайну», заключающуюся в закрытии для посторонних любой информации об издании¹⁰⁶. «Макет ей посылать не собираюсь, — писала Н.Х. Исакович. — Он делается дсп»¹⁰⁷. Аббревиатуру «ДСП» («для служебного пользования») тогда понимал каждый, как и то, что знакомиться с материалами «ДСП» были вправе только лица с определенной формой допуска: вдове О.М., спасшей его стихи и передавшей его архив для работы над книгой, допуска к такой «служебной информации» не полагалось¹⁰⁸!

Растиражированный для членов редколлегии макет книги О.М. стал объектом болезненных переживаний Н.Х., боявшегося попадания его на Запад, и специальных мер предосторожности со стороны издательства, призванных не допустить его попадания к Н.Я. После того как Н.Х. сообщил Исакович как о кверном анекдоте то, что Н.Я. забрала у него архив, и заявил, что теперь он не будет расширять состав, Исакович сразу же испугалась — но чего? А того, что книга Мандельштама может выйти с опережением еще где-нибудь, например, в Армении, на какую мысль ее навела публикация прозы О.М. в мартовской тетрадке «Литературной Армении»¹⁰⁹.

Страхи Н.Х., повторим, шли еще дальше — он боялся не столько Н.Я., сколько своих заокеанских конкурентов — Г.П. Струве и Б.А. Филиппова, которым Н.Я. могла бы «сбыть» его работу. И не

суть важно, что первый — поэтический — том из Вашингтонского собрания сочинений Мандельштама вышел в 1964-м, а второй — прозаический — в 1966 году! К американским коллегам, как, впрочем, и к советскому самиздату, Харджиев относился ничуть не лучше, чем КГБ, — пусть и на других основаниях, но не гнушаясь и политического союза.

В 1969 году он, в частности, писал В.Н. Орлову:

Что же будет с Мандельштамом? С кем говорить? Что делать? Кому писать? Владимир Николаевич, посоветуйте что-нибудь. Когда вспомнишь похабно ощеренную харю «директора» русской литературы Лесючевского, то опускаются руки, а ноги перестают ходить. Неужели двенадцатилетняя дьяволиада закончится тем, что американские гангстеры анонимно перепечатают мой каторжный труд? Можно ли с этим примириться? Отсутствие издания создает Мандельштаму фальшивый ореол и размножает тех истерических «почитателей», которых не следует смешивать с настоящими читателями стихов¹¹⁰.

С макетом, кстати сказать, у Н.Х. с Исакович конспирация не удалась. Н.Я. нашла возможность заполучить его на какое-то время, и только тогда и так она сумела составить себе представление о том, какую книгу подготовил их «черный» и «общий».

Одинадцатого апреля 1969 года Н.Я. писала Н.Е. Штемпель: «Мне сперли книгу Харджиева. Она мерзка»¹¹¹.

4

Вернемся в 1967 год. В апреле, когда истекли три месяца, отведенные на поиски фотографа, и ничего не произошло, — терпение Н.Я. лопнуло. Она поняла, что Н.Х. просто оттягивает время, и твердо решила отобрать у него архив.

Около 15 мая Н.Я. удается получить чемодан с архивом назад¹¹². Шестнадцатого мая она отправила Н.Х. заказным большое письмо¹¹³. Это письмо — последняя (нет, предпоследняя!) попытка Н.Я. по-хорошему объясниться с «Николашей». Она и начинает его как бы в тон старому «дуэльному письму» самого Н.Х. («отнеситесь серьезно к моему письму»). Свои обвинения и упреки она перемежает в нем с объяснениями и увещеваниями — сочетание, конечно

же, не из самых действенных. Вскоре после этого — уже не питая никаких иллюзий — в письме к Н.Е. Штемпель она поставила Н.Х. свой «диагноз»:

Видно, у меня конец отношений с Харджиевым. Жаль, но ничего не поделаешь. Я забрала у него стихи (рукописи). Они лежали у него 11 лет... Отдал он их спокойно, но сейчас работает его психопатический аппарат, развивая ненависть. С этим ничего не поделаешь.
<... > Бог с ним..

Двадцать четвертого мая Н.Х. пишет Н.Я. ответ. Всё, что касается архива, он как бы сразу отрезает: «Надежда Яковлевна, пишу не об архиве. О нем писать нечего. Я многократно говорил, что он будет возвращен по первому вашему требованию, — независимо от каких бы то ни было моих соображений...» — как если бы тому не предшествовали месяцы просьб и увещаний! От «чести» быть наследником Н.Я. он тоже отрешивается, язвительно ссылаясь на инфантов помоложе. На упрек в двойном стандарте в отношении ко вдовам поэтов («Лили Брик вы таких условий не ставили?») — писала ему Н.Я.) ответил тоже как бы с котурнов («Мне тошно отвечать от имени того пошляка, который...» и т. д.), но попутно всё же мелочно обронив, что у Лили Брик и автографов-то никаких не было, кроме тех трех-четырёх, что дал ей он! Другой упрек — в неуважении к поэту (так Н.Х. истолковал обращенный к нему вопрос Н.Я.: «Почему вашу работу я уважаю, а вы мою нет?») — он почел снятым самим фактом своей работы над изданием О.М., а собственное отношение к О.М. назвал верностью или преданностью. Затем уже Н.Х. перешел в наступление: Мандельштам настолько велик, что причинить ему «„обиду“ вообще никто не может» (это по поводу слов Н.Я.: «Вы поставили вопрос так: если я забирю материалы, вы пишете в редакцию, что отказываетесь от дополнений. Я считаю такую постановку вопроса оскорбительной для Оси»), он общий для всех читателей, и монополии на него нет ни у редактора, ни у вдовы. А вот их общее прошлое, заключает Н.Х., ныне мерещится ей «какой-то омерзительной *сосиской*» (это в ответ на следующие строки из письма Н.Я.: «... Я готова на любой контакт с вами; я ценю нашу многолетнюю дружбу, храню память о сосиске...» — поясним: дорогими, по тем временам, сосисками Н.Х. пытался поддержать силы Н.Я., когда она в далеком 1939 году пришла к нему, узнав о гибели О.М.). После чего вдруг налетел на

«старых лицемеров, сестер Корди» — Василису и Наталью, близких Н.Я. людей. Что же так задело в них Н.Х., что же хочет он у них «отбить»? — Ни много ни мало — Марьину Рощу — это, оказывается, не их, а его, Н.Х., «братская дружба» и не их, а его «братская ответственность». И далее поясняет: «Семейка Шкловских сыграла фарс дешевого великодушия, воспользовавшись моим тогдашним местопребыванием. Понятно?» — Нет, непонятно, но помочь тут может цитата из другого произведения Н.Х. — своего рода эпистолярной рецензии на книгу Э. Герштейн «Новое о Мандельштаме» (Париж, 1986). Рецензия эта написана в том же эмоциональном (на грани истерики) регистре. Здесь Н.Х., обличая автора мемуаров в том, что ее подводит память, утверждает — О.М. и Н.Я. в Марьиной Роще ночевали вовсе не у Тали (Наталии) Корди, а у него, Н.Х.:

Кстати, ночи на вилле в Марьиной роще описаны вами лживо, <... > в пустующей комнате свояченицы Шкл[овско]го М[андельштамы] не ночевали *никогда*. Они ни разу не воспользовались двумя ключиками человеколюбивого Ноздрева Борисовича¹¹⁴. Квартира была *коммунальная*... <... >. Я должен был своевременно находиться дома и ждать их звонка. Виктор Ноздревич <... > со свойственным ему предательством предоставил в их распоряжение *мою комнату* (со всеми возможными последствиями такого гостеприимства).¹¹⁵

Иными словами, навыки своевольного редактирования Н.Х. немножечко применил и к биографии О.М. Вся же свою эскападу против Шкловских, Корди и Н.Я., а с нею и письмо, он закончил убийственной, как ему казалось, фразой: «Куцая у вас память, Надежда Яковлевна».

Итак, «диагноз», который Н.Я. поставила Н.Х. в своем письме Н.Е. Штемпель, полностью подтвердился. Казалось бы, получив такое письмо, полное желчи и оскорблений, она ответит ему в том же ключе¹¹⁶, устроит грандиозный скандал или же плюнет на всё и прекратит с ним личные отношения.

Но Н.Я. поступила совершенно иначе. Двадцать восьмого мая она написала Н.Х. еще раз, причем на этот раз не деловое, а совершенно удивительное личное письмо. Его, как и первое послание тому же адресату, можно было бы тоже назвать и «эпистолярным кунштштюком», и стихотворением в прозе, — когда бы не страсть

и огненное вдохновение, недостатка в которых на этот раз не было. В харджиевском письме она вдруг расслышала нечто — бессознательное и знакомое, нечто совершенно родственное любви, — а именно: *ревность*, бешеную, безумную *ревность*!

И, в качестве последнего аргумента, она тотчас выкладывает это Н.Х.:

Неужели вы не понимаете, что происходит на самом деле — не на поверхности? Мы оба — два черных ревнивца. Мы жестоко ревнуем друг друга к Осе. То есть как-то не так, но нас трясет от неистовой ревности: кому из нас принадлежит Ося. Благородные слова о том, что Ося уже не моя и не ваша собственность, — брехня. Он, может, принадлежит какой-то стороной и другим, но по-своему и нам, и мы до смерти будем его оспаривать друг у друга. Кроме того, вы ревнуете меня ко всем, с кем я вожусь, а я вас ревную ко всем поэтам, с которыми вы изволите изменять Оське. <... > Так и есть. Так и будет. И до конца жизни будем мучить друг друга.

Кажется, всё свое существо, весь свой талант, все остатки любви вложила в это письмо Н.Я. Как будто она и впрямь надеялась на чудо, которое это письмо сотворит, — на своего рода воскресение прежнего Н.И. — «общего» и «черного». Чтобы исключить всякие почтовые случайности, она не бросила это письмо в ящик, как всегда, а пошла для надежности на центральный почтовый узел своего Октябрьского района и подала конверт в окошечко, — может быть, единственный в жизни раз.

И правда: адресат получил его уже назавтра! И — более уже никогда и ни на что письменно Н.Я. не отвечал.

Тем не менее — через полтора месяца судьба столкнула Н.Я. и Н.Х. лицом к лицу, да так, что не уклониться. Оба — и Н.Я., и Н.Х. — являлись свидетелями со стороны Льва Гумилева на его процессе против Ирины Пуниной о праве наследования архива А.А.

Наследником А.А., согласно ее воле и завещанию, был Лев Гумилев, который намеревался передать весь архив в Пушкинский Дом. Однако фактически архивом А.А. завладели Ирина Пунина и Аня Каминская, дочь и внучка Н.Н. Пунина, воспользовавшиеся тем, что архив физически находился на «их» территории (А.А. была прописана и жила вместе с ними). Они не подпускали к архиву практически никого — ни друзей, ни исследователей, ни чле-

нов Комиссии по наследию А.А., одновременно приступив к распродаже архива по частям (покупателями выступали Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина и ЦГАЛИ). В результате Л.Н. Гумилев подал в суд, и поначалу суд встал на его сторону¹¹⁷.

Надо отметить, что Н.Я. предсказывала именно такое развитие событий задолго до того, как это стало очевидно всем другим. Уже на третий день после возвращения с похорон А.А. она написала Льву Гумилеву огромное, на десяти страницах, письмо:

14 марта

Левушка! Меня очень беспокоят ваши дальнейшие дела. Очень прошу, напишите мне о них и, в частности, сообщите адрес Наймана. Дело в том, что Ира уже начинает проявлять себя, и, я боюсь, вы окажетесь перед ней таким же беспомощным, как была Анна Андреевна. Вот какие у меня «симптомы»:

1) Ира в упор спросила меня про завещание. Я сообщила, что оно отменено, как сказала мне Анна Андреевна. Ира заявила: «Надо подумать: А.А. ни за что не хотела *допустить Леву до литературного наследия*». Это ложь, как вы увидите из дальнейшего.

2) Как вы помните, решено было просмотреть архив. Ира всех разогнала и, вероятно, уже им завладела.

3) В комиссию Ира предлагает не Наймана, а Мишу Ардова. Это бред и месть Найману.

4) Мне рассказали, что в день смерти Анны Андреевны она звонила в Москву и из реплик Ани выяснилось, что она *в тот же день собиралась идти к нотариусу*. Аня, знавшая по московским слухам об отмене завещания, уговаривала ее: «не надо: пусть всё будет дяде Левочке». Аня хитрее и осторожнее.

5) Ира заявила девятого, отгоняя Юлю и Нику от архива, что завещание есть и находится у нее. Кто из нас обманут?

Я думаю, что вы прежде всего должны точно знать историю завещания, чтобы вас не уговорили отказаться от всяких претензий: мать ваша, мол, решила вас отстранить. Кроме того, на всю клевету, которой вас будут поливать, у вас должен быть ответ. Это письмо, в сущности, документ, рассказывающий про всю эту злосчастную историю. Кстати, это смесь буржуазной драки за наследство, в чем Ира весьма сильна, с использованием специфики нашей жизни, чего Ире простить нельзя. Не сомневаюсь, что в трудности ваших отношений с матерью роковую роль играла Ира, и этого ей

тоже простить нельзя. Во всяком случае, я не собираюсь. Я никогда не забуду, как Ира разрыдалась, узнав, что вы возвращаетесь. Я была тогда у Анны Андреевны, и нам позвонила из Москвы Эмма — она была у прокурора. Я спросила Анну Андреевну, что значат Ирины рыдания... Оказывается, она огорчилась, что вы возвращаетесь, а отец нет. Очевидно, ей хотелось бы, чтобы вы тоже не вернулись. Но всё это — лирика. На следующей странице я записываю только факты. И та часть пусть сохранится в архиве Анны Андреевны.

Когда вы вторично уехали, Анна Андреевна начала зарабатывать деньги переводами. Однажды она мне сказала, что написала завещание на Иру. Есть деньги, вы вернетесь, прав никаких, но Ирочка сохранит для вас деньги, и вам все-таки будет легче. Я сказала, что от Иры вы не получите ни копейки. У нас был длинный разговор на этот счет. Аргументы Анны Андреевны сводились к тому, что Ира не может не сочувствовать человеку в вашем положении, так как очень страдала из-за судьбы отца. Я не верила.

Второй разговор: Анна Андреевна сообщила, что в день вашего приезда она разорвала завещание.

Третий разговор: я сама написала завещание и узнала технику этого дела. Встретившись с Анной Андреевной, я ей объяснила, что второй экземпляр завещания хранится у нотариуса, что нужно изъять и его. Есть особые бланки и так далее... Она не поверила. Поверив, испугалась: что скажет Ира? она обидится, что я ей не доверяю... Ира никогда не посягнет на то, что принадлежит Леве... Вы не знаете Ирочку...

Дело кончилось тяжелой ссорой, единственной в нашей жизни. Я ушла. Она осталась, рыдая. Прибежали Ардовы. Тогда же я узнала (а потом от нее), что после моего ухода она через Ардова советовалась с юристом. Ардов ей сказал, будто копия, оставшаяся у нотариуса, почти ничего не означает и вы нормально получите свое наследство, что, разумеется, ложь. Во всем этом меня поразили две вещи: страх смерти — она не могла говорить о завещании, потому что это подготовка к смерти, и ужас перед Ирой. От Иры она, конечно, находилась в некоторой зависимости, но это не объясняет ее отношения. «Вдруг Ирочка узнает!» Мне стало даже жалко Анну Андреевну: беспомощность старости и зависимость от Иры вещь тяжелая.

Через несколько месяцев я пришла к ней и сама больше о завещании не заговаривала. Нередко разговор заводила она. Говорила

она обычно, что у нее еще есть время, что она не умирает, что еще успеет всё сделать. Что больше всего она боится, что на ее могиле будет скандал из-за имущества (литературного), но Ирочка справедливая и всё отдаст Леве... Я отвечала, что именно наличие нотариальной копии поведет к скандалу, но это не помогало. Еще ее волновало, кто сказал вам про всю эту историю. Весь разговор о нотариальной копии происходил после вашего ухода от матери и вы, как вы помните, со мной не встречались. Думаю, что вам всё это сказала Нина Антоновна, кто еще мог знать? Анна Андреевна повторяла: Лева говорит, что он лишен наследства, но ведь это неправда... Я неизменно отвечала: это правда, раз есть нотариальная копия. Она спрашивала: кто Леве сказал? Я отвечала: не я, я его не видела. Про свое предположение насчет Нины Антоновны я не говорила. Анна Андреевна была в слишком беспомощном положении, чтобы лишиться Нины. Ведь зимой Ира ее выживала из дому и ей приходилось слоняться по Москве, а Анна Андреевна ее бы не простила.

Помнится, задолго до разговора о нотариальной копии я вам сказала, что боюсь, как бы Ира не захватила лит[ературное] наследство. У меня тогда не было никаких оснований, а просто настороженность, которая и заставила меня заговорить с Анной Андреевной.

Я всё это сообщаю, чтобы вам было ясно: никогда у Анны Андреевны не было желания лишить вас чего бы то ни было. Был страх смерти, нежелание готовиться к ней (это показывает и состояние рукописей), ужас перед порчей отношений с Ирой.

Теперь об Ириной фразе, что Анна Андреевна не хотела допустить вас к литературному наследству. Единственное, о чем говорила Анна Андреевна, это о вашей неустроенности, о том, что неизвестно, на ком вы женитесь или кто будет вашей «дамой» и как эта «дама» будет относиться к ней и к ее наследству. Она также никогда не заблуждалась насчет литературности Иры и Ани. Еще про Аню она иногда говорила, что у нее проявляется интерес. Но это бывало крайне редко. Зато об Аниной «красоте» очень много. Таким образом, Ирины разговоры носят весьма сомнительный характер. Резанули они меня здорово.

Теперь о Наймане. Его отношение к Анне Андреевне было просто поразительным. Этот человек совершенно бескорыстно отдал ей несколько лет, знал каждую ее строчку, был ей предан, единственный умел ее успокоить, утешить... Так не ухаживают за родной матерью или бабушкой, как он за Анной Андреевной. Кроме того,

он единственный в ее окружении не настраивал ее против вас. Наоборот, он ее осуждал (в глаза) за то, что произошло. Я это всё очень в нем ценю. И за это его не переносит Ира. Он один по-настоящему может заняться наследством. Вам бы пришлось для этого бросить свою работу, а Ира и Аня лишены элементарного знания. Лично я Наймана почти не знаю, но видела его с Анной Андреевной и поражалась его чуткости и вниманию. Кстати, он один с ней не сюсюкал и не восхвалял ее. В его обращении с Анной Андреевной было нечто от отношения ушедших товарищей молодости. Кроме того, он действительно знает все записи, стихи и планы последних лет. На месте Анны Андреевны я бы оговорила его права в завещании, как и Ирину долю в деньгах. Убедена, что ваш долг не дать Ире отстранить его от комиссии.

Кстати, возможна ли была где-нибудь в какой-нибудь стране в мире комиссия по наследству Ахматовой без участия моего и Эммы (пушкинистские бумаги)? Другое дело, что я бы отстранилась, потому что в наших условиях Анна Андреевна боялась сочетания наших имен (в последние годы — зря). Это тот же инстинкт, который не позволял ей жить с каторжником. Но меня развеселило, что в поезде обсуждался вопрос о комиссии: лучшие из них, которые там ехали, мыслят категориями Союза Писателей, а не литературы, и потому им не пришло в голову подумать обо мне. Бог с ними. Но это характерно для нашего времени.

В Москве в Союзе был большой скандал на собрании за то, как увезли Анну Андреевну из Москвы (морг, украденное тело и т. п.). Вот почему Михалков появился на кладбище. Он полетел прямо с собрания: секретариат Союза участвовал...

И еще — мое личное. Я шла по улице одиннадцатого и думала обо всех этих делах. Я произнесла мысленно фразу про вас с упреком Анне Андреевне за ее легкомыслие. И вдруг кто-то о[кликнул] меня по имени. Необычайно отчетливо. Это был голос Анны Андреевны. Жалобный, полный упрека. Если это была галлюцинация, то такой силы, что я до сих пор под ее впечатлением. Измена ли то, что я пишу вам? Не знаю. Писать мне трудно. Но всё же мне кажется, что в истории с завещанием была среда, неразбериха, путаница, что угодно, но не попытка лишить вас наследства, что было бы большим грехом.

Кстати, сообщая мне об уничтожении нотариальной копии, Анна Андреевна заявила: «Мне там (т. е. в конторе) сказали, что

этого можно было и не делать: всё равно всё по закону Леве». Она ведь должна была «сохранить лицо» — мол, в старом споре была права она.

Остается еще темным, кто с ней ездил к нотариусу. Толя? Я его не спросила. Он только твердо мне сказал, что завещание уничтожено (копия). У нотариусов есть бланки (копию на руки не дадут) об уничтожении. А вдруг она не ездила? Что за слова Иры, что «завещание есть» и «у меня»? Но Ира тоже ничего не знала, потому что сразу спросила у меня, уничтожено ли завещание.

И еще последнее: не заставила ли ее Ира составить еще одно завещание в свою пользу, которое она потом и поехала уничтожить. Это относится к «у меня». С чем Ира спешила до похорон к нотариусу, когда ее останавливала по телефону Аня?

Мне ясно одно, что жизнь Анны Андреевны из-за вашей судьбы была безнадежно спутанной и трудной. Никогда в нормальных условиях не было бы такой связанности с Ирой. Это всё началось с выселений из квартиры, когда Анна Андреевна смертельно боялась остаться одна. А потом пошло... Всего этого вы не знаете, а я знаю. Всё это было невыносимо. И всё это и сейчас невыносимо. А Ира, копия Николая Николаевича, тоже была бы другой в нормальных условиях, потому что именно зависимость от нее Анны Андреевны в период выселения из Шереметевского дома дала ей такую власть. Но биографией А.А. комиссия заниматься не будет. Н.М.

Лева! Вы сами понимаете, как мне страшно и пусто без Анны Андреевны. Вы, может, один понимаете, как мы были близки.

Во всей этой истории с наследством есть еще один момент: *Анну Андр[еевну] надо оправдать*. Этим будут заниматься и должны понимать, что это незнание формальностей, страх смерти, страх перед Ирой, невежество юридическое, что угодно, но не желание лишить сына с вашей судьбой наследства. Это правда, и в этом и есть оправдание. Если мое письмо этого не говорит, мы при встрече обсудим, что надо изменить.

Но, кроме того, я хочу, чтобы вы это знали, потому что со всех сторон (Ардовы, Ира) жду клеветы и гадостей. Вам будут врать на мать как угодно. Не верьте, Ира уже врет («не хотела допускать Леву»). Берегитесь, что вас сейчас опять будут ссорить с ней, как при жизни.

Надя

Лева, сообщите, что происходит, я очень беспокоюсь. *Не поддавайтесь Ире.* Н.М.

Записные книжки последних лет захвачены Аней. Это едва ли не главное. Попали они к Ане случайно (смерть).

Не могли бы вы приехать хотя бы на один день в Москву? У нас есть дела по литературному наследству помимо комиссии.

Сохраните это письмо. Мы потом обсудим с вами кое-что.

Напишите своему дяде.

Мой адрес: Москва М-447; Большая Черемушкинская, № 56, корп. 1, кв. 4.¹¹⁸

И хотя все последующие события подтвердили правоту Н.Я., тогда, в марте 1966-го, Лев Николаевич фактически пренебрег ее предложением.

В Ленинградском горсуде дело впервые рассматривалось 14 июля 1967 года, и Н.Я. имела случай убедиться в том, что бывает с архивами поэтов, если точно не определен их юридический статус (удостовериться в том, какими бывают «наследники», она успела еще раньше — после смерти «Акумы» ей звонила Ира Пунина). Вся эта история отчетливо показала ей — спасительнице мандельштамовского архива, насколько роковой для архива может оказаться юридическая бесхозность или хотя бы двусмысленность его статуса, сколь бесчестными и хищными могут обернуться иные «наследники», а главное — сколь опасной и губительной может оказаться идея монопольного завладения архивом вообще — причем неважно, кто окажется владельцем — государство или частное лицо. Свое отношение к этому она сформулировала в «Моем завещании», написанном в конце декабря 1966 года, т. е. еще до крайнего обострения отношений с Н.Х. Выход из положения виделся Н.Я. в назначении комиссии из одиннадцати человек и коллегиальном наследовании этой комиссией архива О.М. и смежных прав¹¹⁹.

Что касается суда, то 18 июля, уже по возвращении из Ленинграда, Н.Я. так описывала всё это действо В.Т. Шаламову:

Я проделала всю эту операцию с неслыханным напором и быстротой, но было мерзко и отвратительно до боли. В четверг я выехала в Ленинград. На вокзале меня встретил Бродский, и мы поехали к нему, выпили чаю и в суд. Там уже собрались люди. Пришло чело-

век 20–30, все знакомые. Среди них Жирмунский и Адмони. Прошла Ира Пунина невероятно зеленая и измученная — ей дорого дались 7 или 8 тысяч, которые она украла¹²⁰. Все люди, когда она проходила, отвернулись — никто ее не узнал. А все они знали Иру ребенком, большинство было знакомо с ее родителями. Дело по просьбе Иры было отложено¹²¹: юриконсульт Публичной библиотеки в отпуске! (Это туда она продала часть архива.) Допросили только свидетелей, приехавших из Москвы, — меня, Харджиева и Герштейн. Я была первая. Как я понимаю, я дала правильные ответы. Ирина сообщала, что Анна Андреевна ее «воспитывала». Я очень удивилась: суд не знал, что у нее была собственная мать, и мне пришлось объяснять эту дикую ситуацию: жена с ребенком в одной комнате, муж с любовницей в другой, хозяйство общее, как случилось, что они вместе в квартире. Я рассказала... Всё это очень противно. Пришлось говорить и об отношениях с Ирой Анны Андреевны, о том, как ее выгоняли в Москву, и обо всем прочем... О составе архива... Всё гнусно беспредельно, во всем виновата Анна Андреевна, и она ни в чем не виновата...

И далее — о встрече с самим Н.Х.:

Харджиев еле смотрит на меня — оскорблен. Он облагодетельствовал Мандельштама, а я посмела отобрать у него рукописи... Мерзость. Слава Богу, основные рукописи у меня, хотя многого он не вернул. Саша Морозов устраивает мне сцены — неизвестно, на каком основании. Это наследники при моей жизни начинают скандалить. Что же будет после моей смерти? В моем случае речь идет не о деньгах, а о праве распоряжаться. Я нашла ответ. Я готовлю собрание и зову себе на помощь, кого хочу. Если не нравится — пошли вон. Так?..¹²²

5

Почти всё лето и сентябрь 1967 года Н.Я. провела в Верее, понемногу разбирая архив и определенным образом — ну примерно как кислота, пролитая на известняк, — реагируя на то, с чем она при этом столкнулась. Сначала она написала очерк истории архива. Закончив его в начале августа¹²³, она принялась и за коммента-

рии к стихам 1930-х годов. Семнадцатого августа 1967 года она писала Шаламову: «Понемногу работаю (текстология). Трудно и невыносимо грустно. Грустно от разного»¹²⁴. И в тот же день — более развернуто и с безнадежной горечью — Наталье Евгеньевне Штемпель:

Сейчас я в бешенстве на Харджиева. Еще больше, чем раньше, потому что вникаю глубже в то, что он наделал. Скотина, каких мало. Борьба произойдет, когда я вернусь, худо дело. <... > Он обрезал листок с «Нищенкой» (отрезал первую строфу). Зачем? Наверное, мне на пакость — чтобы напечатать без нее на формальных основаниях: нет рукописи¹²⁵. Доказать, что он отрезал, очень просто. Есть другие листки такого же вида, но больше... на строфу. Гад. Он не стихи любит, он свое редакторство любит.

Еще в Верее, разбирая архив и всё более и более ужасаясь, она обнаружила еще и то, что многого, как ей тогда показалось, просто не хватает. Первой на это она пожаловалась той же Наташе — в сентябре:

Мои дела с Харджиевым такие: он врет так, что попадаетея на каждом шагу. <... > Конечно, он психопат, маниак и вор. Мне стыдно, что я доверила ему рукописи. <... > У меня к вам такой конкретный вопрос: были ли у вас маленькие листочки со стихами (писавшими-ся в ту зиму) моей рукой с датой Осиной рукой? *Он мне не вернул ни одного*¹²⁶. Сам он притворяется невинным... Сам он и все мы скоро умрем; всё равно всё будет в архивах. Но это воровство для меня страшное предательство... На что он посягнул..

Вернувшись в Москву, Н.Я. в два присеста составила опись «недостаеч»¹²⁷ и потребовала всё назад. Свое всё еще вежливое письмо от 11 октября она начала с обращения, не до конца казенного — «Дорогой Николай Иванович», а заключила его так:

Я прошу вас найти и вернуть [всё] вместе с автографами из редакции. Я уверена, что где-то лежит конверт с этой кучкой бумаг. Вы собирали всё так быстро, что вполне могли не вложить несколько листков.

Но Н.И. не ответил и на это письмо. И уж тем более — не прислал ни с кем никаких рукописей. В ноябре 1967 года Н.Я. жаловалась своей верной воронежской подруге:

У меня ничего нового. Книга в Ленинграде постепенно движется. Возможно, в будущем году выйдет. Зато с Харджиевым полный разрыв. Я потребовала, чтобы он мне вернул то, что он оставил у себя, но он врал честнейшим голосом и ничего больше не вернул. Какие там конверты? Никаких конвертов не видел...¹²⁸ И многое другое. Например: найденное мной стихотворение «Нет, не мигрень» он будто бы уничтожил — ведь это не автограф...¹²⁹ Он не вернул мне *ни одного листочка* из второй и третьей воронежской тетради О.М., где была дата рукой О.М. (кроме двух — вашим почерком)¹³⁰. Оказался сволочью полной. <...> Я проклинаю себя за то, что отдала ему архив, но, вспоминая прошлое, понимаю, что ничего другого сделать не могла. Ведь я жила чорт знает где, бумаги хранились в доме, где Харджиева не переносили, он сел за работу и т. п. ...

Но в этом же письме Н.Я. как бы поправляет саму себя — кое-что Н.Х. все-таки ей вернул и после майской операции:

Сейчас произошли некоторые изменения: Харджиев прислал мне два черновика: оба 37-го года. Он сказал, что Лина дала ему посмотреть письмо Сергея Бор[исовича] из Воронежа; и это там он нашел стихи 37 года... Ложь всегда выявляется в связях времени и пространства, как говорила Анна Андреевна. Рудакова в 37 году уже давно в Воронеже не было, следовательно, он не мог стащить черновик и послать его Лине. Столь же мало шансов, что он положил один черновик, полученный у меня, в конверт. Следовательно, Харджиев получил этот черновик либо от меня, либо другим способом, и лжет напрапалую. А может, верит своей лжи? Кто его знает. Хорошо, что почти всё у меня, но какое-то «почти» осталось у него...

Шестнадцатого ноября 1967 года Н.Я. пишет два письма. Одно — в Воронеж, Наташе Штемпель:

Харджиев врет напрапалую, и Саша верит ему и плачет («Он уничтожил этот листок, потому что нашел лучший автограф... Неужели вас не удовлетворяет это объяснение? Он скажет, где автограф, когда выйдет книга», — сказал мне Саша... Этого достаточно для профессионального суда. Такое обращение с доверенными ему текстами преступно). <...> Я этого дела так не оставлю. Публичного скандала я поднимать не буду — не стоит. Но оставлю в Осинном архиве всю эту историю, а кроме того, составлю новую комиссию по

наследству (под предлогом, что двое — Ахматова и Эренбург — ушли) и не введу в нее Харджиева. Я не хочу, чтобы он был «авторитетом» по Мандельштаму, запятнав себя такой подлостью.

Другое письмо — самому Николаю Ивановичу. Отбросив на сей раз всякую дипломатию и сентиментальность, она написала ему то, что, в ее глазах, он полностью заслужил. Написала твердо и спокойно — называя маниакальность маниакальностью, шизофрению шизофренией, манипулирование архивом манипулированием архивом, а ложь ложью.

Она обещала Н.Х. разрушить его доброе профессиональное имя и репутацию в случае, если он не вернет ей недостающее. Но Н.Х. не внял ей, на письмо не ответил, а только огрызнулся, оставив на нем невидимую миру ремарку: «Омерзительная шантажистка».

Известно, что Н.Я. и Н.Х. после этого говорили по телефону, и Н.Х. категорически отрицал, что у него еще что-либо осталось. Если бы в этот момент он вернул хоть какие-нибудь автографы, то трудно предположить, что об этом нигде не упомянула бы сама Н.Я.¹³¹

Однако практически всё из «недостающего» впоследствии в архиве обнаружилось. Некоторых позиций из «пунктов обвинения» Н.Я., возможно, и вовсе никогда не было в архиве, иначе трудно было бы понять, почему сведения о них не отразились хотя бы в комментариях Н.Х. к тому стихов О.М. в «Библиотеке поэта», а относительно двух ранних стихотворений, например, Н.Х. в пометах на полях письма Н.Я. указал на свои источники в периодике. Знакомство с архивом самого Н.Х. — по крайней мере, амстердамской его части (московская часть остается пока недоступной) — также не дает оснований для подтверждения обвинений Н.Я.

Впрочем, всё это говорит о чудовищном состоянии, в которое пришел архив, на протяжении около тридцати лет кочевавший от одного хранителя к другому. Ясно, что переход от фазы хранения к фазе подготовки издания, подразумевающей многократное раскладывание и перекладывание листков, сохранности архива не способствовал. Так что внезапное обнаружение самой Н.Я. того или иного листочка из списка «без вести пропавших» — объяснение наиболее вероятное.

Скорее всего «подозрения» Н.Я. рассеялись сами собой — в результате «всплытия» «украденного» в находившемся уже у нее архи-

ве О.М. Иначе было бы все-таки трудно понять, почему же скандал о харджиевском воровстве и самоуправстве так быстро затих¹³². Во «Второй книге» Н.Я. обвиняет Н.Х. во многом и разном, но все-таки не в воровстве. Не приводит она и перечня недостатков, а самую недостаточность квалифицирует как фальсификацию текстов и как простительный (по крайней мере, общепонятный) вирус собирательства: «Всё же большую часть рукописей он вернул, кое-что придержал для „коллекции“ и уничтожил то, где хотел изменить дату или навсегда утвердить не тот текст...»¹³³

Текстологический спор двух ревнивцев — Н.Я. и Н.Х. — прежде всего касался двух стихотворений — «Нет, не мигрень...» и «Вехи дальние обоза...», и прав оказался Н.Х.¹³⁴

Но означает ли это, что Н.Я. в своих подозрениях и даже обвинениях решительно не могла быть правой и что Н.Х. — это человек, который никогда и ни при каких обстоятельствах не пошел бы на манипулирование архивом и на фальсификацию источника?

Нет, увы, не означает. Случаи его поведения именно такого рода, к сожалению, известны.

Так, Хенрик Баран зафиксировал практику идеологического «выпрямления» Харджиевым тех текстов Хлебникова, где проявляется его национализм и антисемитизм. Публикуя в «Неизданных произведениях» (1940) программную статью Хлебникова «Курган Святогора» (1908), Н.Х. выпустил из нее фрагмент, исполненный верноподданнических чувств. Так же поступил он и с пьесой «Снежимочка» (1908), из которой изъясл положительные реплики в адрес черносотенного движения¹³⁵.

Этим вмешательством, безусловно, он хотел только одного — защитить своего героя — Хлебникова — от будущих нападок. Но встречалась и другая, менее благородная, мотивация. Вот что установила искусствовед Александра Шатских:

Заслуженный историк искусства, литературовед Н.И. Харджиев, по справедливости ненавидевший советскую власть, советский режим, губивший людей, которых он боготворил (Даниил Хармс и Казимир Малевич были для него такими главными людьми), тем не менее, пользовался методами советской власти — как известно, ретушировавшей и «подправлявшей» неудобные фотографии. Он отредактировал оба варианта снимка (Т.Д. Гриц, В.В. Тренин, Н.И. Харджиев и К.С. Малевич. — П.Н.): в обоих вариантах от об-

шей группы <... > были отрезаны Гриц и Тренин, Харджиев остался вдвоем с Малевичем. <... > Такими отредактированными эти фотографии хранились в архиве Харджиева, такими они были получены журналисткой Ирой Врубель-Голубкиной в январе 1991 года и помещены ею в журнале «Зеркало» за 1995 год. Такими они были опубликованы и в монументальном двухтомнике 1997 года, использовавшем материалы из архива, находящегося ныне в Амстердаме в Фонде Харджиева. Поистине, лицемерие метаморфоз с фотографиями становится тем знанием, что умножает скорбь.¹³⁶

Так что вопрос о манипулировании архивом оставался. Ведь «Альбом Эренбурга», действительно, был разброшюрован, а, скажем, «Ватиканский список» и впрямь порезан. Если не Харджиевым, то кем?..¹³⁷

6

История тяжелая и запутанная. Многое в ней можно списать на взрывной, неврастенический характер Н.Х., на тот «психопатический аппарат, вырабатывающий ненависть», названный в диагнозе, поставленном в одном из писем Н.Я. Многое и впрямь можно объяснить той ревностью, которую с восторгом обнаружила у него — и разбудила в себе — та же Н.Я., ревностью и борьбой за «своего Мандельштама».

Н.Х. фантастически повезло. Он дружил с Мандельштамом, дружил с Ахматовой... Потом ему повезло еще раз: по старой дружбе ему посчастливилось первому изучить и издавать стихи Осипа Мандельштама — не друга, не современника и не собутыльника, а великого поэта.

Н.Я. саркастически назвала его во «Второй книге» «первым старателем», но начало его старательства на прииске поэзии О.М. вовсе не заслуживало сарказма. Приступая к работе, Н.Х. поступал так же, как и всякий другой поступил бы на его месте, — спрашивал у вдовы, благословившей его на этот труд, спрашивал у других современников, у библиографов, зарывался в библиотеки...

Он начинал первым, и вклад его неоценимо велик. Но вклад его не так уж и не непререкаем.

Несмотря на все филиппики Н.Я. и Виктории Швейцер в адрес томика О.М. в «Библиотеке поэта»¹³⁸, долгое время как-то казалось, что главные дефекты этого издания — насквозь советская статья

А.Л. Дымшица и куцый состав, — а вот всё, что в книгу уже попало, сделано, пусть и вопреки воле Н.Я., пусть и авторитарно, зато куда как авторитетно, по-гроссмейстерски, безупречно. К сожалению, это не так: описания источников текста расплывчаты и глуховаты, иные текстологические решения на самом деле допускают серьезную альтернативу и впоследствии пересматривались, или, по крайней мере, альтернатива эта учитывалась. Для издания, готовившегося семнадцать лет, просто поразительны ссылки на несуществовавшие собрания автографов, как, например, на липкинское. Да и комментарии, даже если отвлечься от их огорчительного футуристического перекоса, содержат труднообъяснимые отдельные ошибки и неточности.

Само по себе всё это совершенно нормально и не умаляет огромных персональных заслуг Н.Х. Ибо прежде всего именно находками, прочтениями и открытиями измеряется качество работы текстолога и комментатора. Неточности и ошибки столь же нежелательны, сколь и неизбежны, и под пристальным перекрестным вниманием коллег — в здоровой ситуации немонопольности — они обязательно будут замечены, а возможно, обруганы или высмеяны, но — самое главное — исправлены. В этом-то и заключается, так именно и срабатывает произвольный феномен *коллективной работы*, будь Н.Х. или иной текстолог хоть тысячу раз индивидуалистом, «одиноким волком», слышать и видеть никого не желающим.

Но одно Николай Иванович все-таки точно перепутал: Мандельштам, «сам-друг», был его работой, а он полагал, что, наоборот, работа его была Мандельштамом, да таким — чтобы после его работы места для иных прочтений уже не оставалось. Получив в десятилетнее распоряжение столь великую драгоценность — подлинный архив поэта, он обращался с ним явно бестрепетно, не как со святыней, а как с рабочим, а иной раз и как с расходным материалом. Он действительно любил свое «редакторство» и охранял от чужих глаз свою редактуру, но списки и автографы поэта не берег даже от своих ножниц.

Но если бы он и совершил невозможное — нашел себе надежного фотографа — и обложился бы фотокопиями и разрезал бы их, а не оригиналы, он всё равно злоупотребил бы своим счастьем — временным и нездоровым положением монополиста.

Для Н.Я. такая метаморфоза и такое предательство были непременосимы. Именно драма отношений с Харджиевым стала для Н.Я.

тем последним ударом, который потряс ее существо и подвиг к пересмотру смысла дружбы и многих других ценностей.

Начавшиеся с дружбы и со стихов, продолженные верностью и ревностью, отношения Н.Я. и Н.Х. обернулись своей противоположностью — ненавистью и жаждою отомстить. После разрыва с Харджиевым из современников-ровесников она не доверяла уже никому, делая исключение, быть может, для двух-трех самых беззаветных и безамбициозных своих подруг, как Василиса Шкловская или Наталья Штемпель..

7

Неподобающее обращение Н.Х. с архивом и фиаско с изданием — а именно так Н.Я. видела положение вещей — заставили ее не только искать Н.Х. основательную замену¹³⁹, но и, отчасти, самой влезть в его шкуру и взяться за биографический и, частично, текстологический комментарий к поздним стихам:

Просмотрев архив, я убедилась, что он в таком ужасном состоянии, что нельзя обойтись без моих сведений или без моего текстологического комментария. Мне придется дать объяснения почти к каждому стихотворению 30–37 годов. То, что сделали с этим архивом, настоящее преступление. Но всё же стихи спасены. Но тексты придется устанавливать не обычным способом, изучая автографы и авторизованные беловики, их, к несчастью, сохранилось слишком мало. Хорошо, что есть «альбомы» и я еще кое-что помню из высказываний О.М. Это единственный путь к установлению текстов. Другого нет, как не было и другой такой эпохи, как наша.¹⁴⁰

В двух последних фразах — «Это единственный путь к установлению текстов. Другого нет...» — запрограммирована вся последующая деятельность Н.Я. как мандельштамоведа. Это программа — и одновременно, пусть невольно, — западня: раз нет черновики и прижизненных списков, то спрашивать надо у нее и только у нее, у Н.Я., а она уж постарается всё вспомнить, как оно было. Или — как она помнит. Или — как оно лучше.

Оставив Н.Х. усыхающую лужайку «Библиотеки поэта», Н.Я. выпустила свою первую книгу — «Воспоминания» (пусть и «лояль-

ную» еще по отношению к Н.Х.) — и воцарилась на всем остальном мандельштамовском пространстве. Даже смерть Н.Я. ничего, в сущности, не изменила в этой взаимной ненависти¹⁴¹, расколовшей, кстати, на два лагеря и читателей.

Этот путь, замешенный на просвещенном и вместе с тем не ограниченном уже ничем своеволии приведет и ее саму к проклятой ею же монополии. Причем к монополии, пожалуй, еще более амбициозной, чем у Н.Х.¹⁴² Если Харджиев как монополист ограничивался областью текстологии только, то Н.Я. этого уже казалось мало, и она отваживалась на куда большее, в частности на интерпретацию стихов и — через оценки, даваемые тем или иным людям и событиям, — на интерпретацию судеб и истории.

Столь катастрофический разрыв с Н.Х. разобщил ее и с А.А., и та книга об Ахматовой, исполненная горя от утраты друга, книга, полная любви к ее личности и ее поэзии, книга, которую Н.Я. писала уже больше года и почти закончила ко времени этого разрыва, — в одночасье и безнадежно устарела..

Нет, дудки, — теперь она напишет другую книгу. Книгу об эпохе и о себе самой!

И она написала ее. «Вторая книга» и есть портрет эпохи на фоне сотен людей, а не групповой портрет на фоне эпохи, как ее многие поняли и обиделись за своих знакомых. Этот портрет эпохи, составленный из сотен мазков и ликов, — убийственен для советской действительности, и, если бы Н.Я. вместо реальных имен прибегла к прозвищам, как Катаев, или хотя бы к аббревиатурам, то она сэкономила бы персонажам и читателям немало нервов, а критикам — перьев.

Она посчиталась в ней и с Харджиевым¹⁴³.

Но посчиталась и с Ахматовой..

V. Воронежская Беатриче

К пустой земле невольно припадая...

О. Мандельштам

Из людей, близких нам, надо назвать Наташу Штемпель, женщину чудной духовной красоты. Она поздно вошла в нашу жизнь, но навсегда осталась в ней.

Н. Мандельштам

1

Наталья Евгеньевна Штемпель родилась в Воронеже 7 сентября 1908 года. В 1915–1922 годах она тяжело болела туберкулезом тазобедренного сустава, месяцами была прикована к постели. Последствиями болезни и стали ее хромота (впрочем, не ощущавшаяся ею как физический недостаток) и знаменитая, воспетая Мандельштамом, прихрамывающая «походка». Во время болезни она страстно и бескорыстно увлеклась русской поэзией, выделяя среди прочих и своего «земляка» Ивана Никитина, стихи которого первыми выучила наизусть. Бескорыстно — потому что сама Наташа стихов никогда не писала.

Ее отец — дворянин и неперменный член Губернского собрания, при советской власти работал юрисконсультom. После того как родители в 1925 году развелись, она жила с матерью, Марией Ивановной Левченко, учительницей, и младшим братом Виктором в двух комнатах в собственном доме¹⁴⁴.

В 1926–1930 годах Наталья Евгеньевна училась на литературно-лингвистическом отделении Воронежского госуниверситета и одновременно работала в педологическом кабинете у профессора П.Л. Загоровского. Опубликовала две так и не разысканные статьи в журналах «Культурный фронт ЦЧО» и «Практическая

педология» (Орел), написала большую (около трехсот пятидесяти страниц) работу «Школа, семья и собственная личность в оценке школьников старшего возраста», основанную на анализе семи тысяч сочинений воронежских старшекласников. Хотела поступать в аспирантуру, но туда ее не взяли — из-за дворянского происхождения. В 1930 году она устроилась на работу на политико-педагогической станции при Воронежском областном отделе народного образования в качестве научного сотрудника (изучала киноинтересы воронежских школьников).

В 1931–1932 годах, учась на годичных курсах психотехников-профконсультантов, Наталья Евгеньевна год прожила в Ленинграде. По возвращении в Воронеж заведовала психотехнической лабораторией в Институте организации и охраны труда, а затем в Институте гигиены и санитарии, где изучалась специфика профессий, характерных для сельского хозяйства Воронежской области. После того как в 1935 году педология и психотехника были развенчаны как «лженауки» и лаборатория П.Л. Загоровского закрыта, она начала преподавать литературу и русский язык в Воронежском авиатехникуме им. В.П. Чкалова, где и проработала до самого выхода на пенсию в 1971 году. Как поэзия и литература являлись ее любовью, так и преподавательская работа оказалась ее призванием: по свидетельству учеников, она обладала даром прививать свою любовь к поэзии другим.

В феврале 1936 года Наталья Евгеньевна познакомилась с Сергеем Борисовичем Рудаковым, от него она впервые и услышала о том, что в Воронеже находится Осип Мандельштам. Рудаков не торопился познакомить ее с ссыльным поэтом и его женой — их первая встреча состоялась только в сентябре, причем О.М. напустился на нее за то, что она прочитала наизусть стихотворение «Я потеряла нежную камею...» — самое его слабое, как он тогда полагал. Но очень скоро знакомство перешло в дружбу, и встречи стали почти ежедневными. О.М. и Наталья Штемпель часто гуляли вместе, посещали воронежские музеи и ходили на концерты.

Предупредив дочь об опасности встреч с опальным и ссыльным поэтом, мать Наташи не только не запретила ей встречаться с ним, но и, единственная в это время в Воронеже, принимала его и Н.Я. у себя. Штемпель познакомила О.М. с П.Л. Загоровским, также после этого встречавшимся с поэтом и помогавшим ему материально (последние полтора года Мандельштамы жили в Воронеже без

заработков и практически в полной изоляции). О.М. говорил о Наталье Евгеньевне: «Наташа владеет искусством дружбы».

Постепенно у О.М. выработалась привычка читать ей каждое новое стихотворение, а несколько его раннеапрельских стихотворений 1937 года посвящены или обращены непосредственно к ней — «Клейкой клятвой липнут почки...»¹⁴⁵, «На меня нацелились груша да черемуха...» и «К пустой земле неволью припадая...». А о стихах «К пустой земле неволью припадая...» О.М. сказал ей: «Когда умру, отправьте их как завещание в Пушкинский Дом». Весной 1937 года, незадолго до отъезда из Воронежа, О.М. попросил Н.Я. переписать для Наташи в блокноты все воронежские, а также другие ненапечатанные стихи 1930-х годов. Под некоторыми воронежскими стихотворениями О.М. собственноручно поставил дату и букву «В» (Воронеж).

После отъезда Мандельштамов из Воронежа Наталья Евгеньевна несколько раз ездила-повидаться с О.М. и Н.Я. в Савелово, Москву и Калинин. Получив от Н.Я. известие о гибели О.М., она поехала к ней в Калинин, а оттуда, по ее просьбе, и дальше в Ленинград — к Ахматовой, чтобы рассказать ей о смерти поэта, сообщать о которой в письме Н.Я. тогда побоялась.

2

После смерти О.М. отношения Натальи Евгеньевны с Н.Я. не прервались. Они постоянно переписывались или перезванивались, несколько раз Н.Я. навещала Н.Е. Штемпель в Воронеже, но чаще всего они — обе учительницы — встречались в каникулярное время в Москве или на подмосковных дачах (в Тарусе, Верее, Кратове, Переделкине), куда к Н.Я. приезжала уже Наталья Евгеньевна.

Кроме подаренных О.М. блокнотов (получивших название «Наташина книга»), у Натальи Евгеньевны отложился довольно большой архив поэта: автографы стихов и эпиграмм, стихи, записанные Н.Я. на узких полосках ватмана, которые ей отдавал О.М. по мере написания, а также «Ода Сталину» (О.М. просил уничтожить ее, но она ее все-таки сохранила). После смерти Мандельштама Н.Я. передала Наташе на хранение подлинники всех писем О.М. к ней, а также второй список всех ненапечатанных стихов, включая воронежские. Всё это она сберегла, унеся из Воронежа накану-

не занятия города немцами, — погибли только письма к самой Н.Е. Штемпель — от О.М., от Н.Я., от С.Б. Рудакова.

После войны Наталья Евгеньевна продолжала хранить этот архив (за исключением 1948–1951 годов, когда он находился в Киеве у Маруси Ярцевой — близкой подруги Натальи Евгеньевны, которую она в свое время познакомила и с О.М., и с Н.Я.). Не позднее середины 1950-х годов Наталья Евгеньевна возвратила Н.Я. не только всё доверенное ей на хранение, но и то, что О.М. подарил лично ей (оставив себе только книги, надписанные О.М.¹⁴⁶).

В Воронеже вокруг Штемпель образовался круг друзей и любителей русской поэзии, в который входили З. Анчиполовский, А. Ботникова, Р. Герцог-Бородина, Н. и А. Буяновы, П. Загоровский, Д. Заславский, В. и Н. Гордины, Т. Гурина, В. Исаянц, Р. Иткина, Л. Косьюков, Ш. Кола, А. Крюков, А. Немировский, Е. Перкон, В. и Н. Свительские, А. Слуцкий, Л. Сохненко и др. Из разных городов к ней часто приезжали С. Лукьянчиков (двоюродный брат), близкие друзья (М. Ярцева), а также те, кто был неравнодушен к творчеству Мандельштама (С. Богатырева, С. Василенко, В. Гыдов, А. Мец, Л. Мнухин, П. Нерлер, Ю. Фрейдин и др.). Кроме того, Наталья Евгеньевна была популярна и любима в московском кругу друзей Н.Я.: там расходились в копиях ее воспоминания, там демонстрировались и обсуждались сделанные ею вместе с В.Л. Гординым «альбом» и «слайдфильм» — сокращенные версии ее воспоминаний, любовно скомпонованные и проиллюстрированные фотографиями и слайдами В.Л. Гордина.

Наталья Евгеньевна, вместе с Василисой Шкловской, была, наверное, единственной, о ком Н.Я. в своей «Второй книге» отозвалась хорошо и только хорошо. Когда Н.Я. умерла, то именно ее попросили сказать первое поминальное слово о покойной.

Известность Наталье Евгеньевне принес выход в 1987 году ее воспоминаний об О.М.¹⁴⁷, над которыми, по просьбе Н.Я. и А.И. Немировского, она работала долгие годы. Зимой 1988 года ее пригласили приехать в Москву и выступить на первом большом вечере памяти О.М. в Центральном доме литераторов, но она отказалась, потому что заболела ее соседка и не на кого было оставить дворовых кошек, которых ежедневно, в любую погоду и независимо от состояния здоровья, она кормила. Через несколько месяцев Н.Е. Штемпель сразил инсульт, и она умерла 28 июля 1988 года. Похоронили ее на Юго-Западном кладбище в Воронеже¹⁴⁸.

В 1992 году тиражом 300 экземпляров вышел сборник воспоминаний Н.Е. Штемпель «Мандельштам в Воронеже», открывший собой серию «Записок Мандельштамовского общества».

3

Переписка Н.Я. с Натальей Штемпель — самая большая в настоящей книге. Правда, Н.Я. сохранила всего два письма от своей подруги — исключительно те, что, имея текстологическое значение, могли пригодиться при будущей работе по изданию наследия О.М. (остальные Н.Я., принципиально не хранившая писем, уничтожила). В то же время Наталья Евгеньевна сохранила сто сорок писем и телеграмм своей подруги, хотя и тут многого явно недостает¹⁴⁹.

Лейтмотив всей переписки — это страстное и обоюдное желание встретиться, увидеться, попить на кухне чайку, поговорить.

Первые пять писем, датированные 1952 годом, пришли из Ульяновска. В них — рассказ о текущих событиях в жизни Н.Я. (лекции, диссертация, болезнь брата), шутки Н.Я. про «Наташку-дурашку» или про себя саму («Стала почти тихая. Совсем тихой, конечно, не способна стать»¹⁵⁰). Прорывается в них и общая воронежская тема — упоминание о воронежской профессорше, о желании перебраться в Воронеж или куда-нибудь поближе к нему и, главное, — сообщение о гибели Рудакова.

В письмах 1960–1962 годов — из Тарусы (до переезда в Псков) — та же самая текучка (поиски работы, новые книги, договоры о встречах). Но главное, как и в ульяновских письмах, — снова рассказ о Рудакове, но на сей раз — о его открывшемся (в письмах жене) маниакальном безумии, заключавшемся в убеждении, что лучшие мандельштамовские стихи написал или задумал он, Сергей Рудаков. Н.Я., как всегда, поставила точный социально-психологический диагноз: «Самый ужас в том, что всё это спекуляция на юридическом положении человека. На изоляции. На невозможности печататься. Ничего бы не было, если бы О.М. был известным человеком в Москве — кругом люди — все всё знают, видят, читают в журналах...»

На псковские полтора года (с осени 1962 по весну 1964 года) пришлось два десятка писем и как-то особенно много тем и событий для совместного переживания — солженицынская повесть

и рассказы в «Новом мире», первый вечер Цветаевой в Москве, травля Бродского, хлопоты о комнате в Москве, усталость и болезни — свои, брата и А.А., радость от библиотечных находок Саши Морозова и огорчение от итога или от хода публикаций О.М. в периодике — в «Дне поэзии» или «Москве». Впервые возникает и Харджиев, и вообще тема подготовляемой им книги стихов О.М. в «Библиотеке поэта», — тема эта звучит то с легкой надеждой, то с полным отчаянием от неизвестности и безнадежности. Вместе с тем это не односторонние отношения и не односторонняя переписка: с не меньшим интересом и пониманием спрашивает Н.Я. и о тоске Наташи о покойной матери, и о ее новом друге — А.И. Немировском, о его семье.

Летом 1964 года Н.Я. прерывает череду скитаний и поселяется в Тарусе, — с тем чтобы еще через год с небольшим переехать в Москву, в собственную кооперативную квартиру. В этом году куда-то проваливается «Библиотека поэта», зато неожиданно всплывают хлопоты о параллельной книге О.М. в Воронеже и о публикации подборки стихов в «Подъеме». В письмах — отзвуки различных событий: находки валиков с голосом О.М., первый вечер О.М. в Москве (на мехмате МГУ 13 мая 1965 года), публикации стихов О.М. в алма-атинском «Просторе», смерть Фриды Вигдоровой. Немало и об Ахматовой — о встречах с ней, о радости Н.Я. по поводу ее итальянской и оксфордской поездок.

Летом 1965 года возникает и тема будущей квартиры — сначала с недоверием и скепсисом, а потом с озабоченностью новосела. При этом записки становятся всё короче — из Н.Я., пользуясь ее выражением, «выходит усталость». Необходимость рассчитаться с долгами порождает и даже педалирует денежную тему: задержки с получением скромных вдовьих гонораров из алма-атинского и воронежского журнальчиков не на шутку сердят Н.Я., как если бы речь шла о состояниях.

Весной 1966 года в переписку властно вступает тема смерти А.А. и работы Н.Я. над книгой о ней: «Наташенька, голубчик! Утешать не надо — утешений нет. С Анной Андреевной связана у меня вся жизнь, и трудно без нее».

А вот о книжке в «Библиотеке поэта» в это время — на удивление мало. Ее как бы заслонила забрезжившая на горизонте другая книга — «Разговор о Данте», — после многих проволочек вышедшая в мае 1967 года.

Перелом происходит в начале 1967 года, когда Н.Я. решает внести ясность в свои отношения с Н.Х., а главное — заполучить назад рукописи О.М. Разобрав заново обретенный архив и ознакомившись с результатами работы Н.Х., Н.Я. столкнулась с проблемами текстологии и интерпретации стихотворений О.М. Многие в решениях Николаши вызывало ее несогласие и возмущение.

И вот тут-то ей понадобились свидетельство и дружеская помощь Натальи Евгеньевны. В начале ноября 1967 года Н.Я. писала в Воронеж:

О ряде спорных вещей мне придется прибегнуть к вашему свидетельству. Первое: напишите на имя Ирины Михайловны Семенко то, что вы написали Диме <... >, а именно, что О.М. говорил о списках моей рукой.

Второе: напишите мне о своем разговоре по телефону с Харджиевым.

Третье: это будет относиться к порядку следования стихов и т. п. вещам. Мне изредка нужно будет ваше свидетельство, чтобы подкрепить мои заявления. Это относится не к этому изданию, а к будущему. Я сейчас сижу над текстологическим комментарием.

Чтобы всю чушь, которую наделал Харджиев, снять и убрать, надо дать серьезные объяснения...

Диме же, то есть Вадиму Борисову, Штемпель тоже написала — и тоже по просьбе Н.Я. — еще 25 июля 1967 года:

... Вам, очевидно, будет интересна такая деталь. Когда Надежда Яковлевна переписывала для меня стихи, Осип Эмильевич неоднократно говорил: «Стихи, записанные Надей, могут идти в порядке моей рукописи». Действительно, большинство стихов сохранилось в записи Н.Я. Я часто видела, что только созданное стихотворение О.Э. диктовал Н.Я. Так что первые записи сделаны ее рукой. Н. Штемпель.¹⁵¹

При этом не следует думать, что написанное Натальей Евгеньевной было чуть ли не продиктовано Н.Я. В просьбе Н.Я. написать что-то похожее и Н.Х., собственно говоря, уже не было никакой необходимости, ибо Наташа сделала это еще семь лет тому назад — 27 марта 1960 года она (впрочем, и тогда — по просьбе Н.Я.) отправила Н.Х. следующее письмо:

Глубокоуважаемый Николай Иванович!

Мне стало известно о письме Сергея Борисовича Рудакова.

Не буду писать Вам о том впечатлении, которое на меня произвел этот бред. Но считаю своим долгом сообщить Вам нижеследующее.

Я познакомилась с Сергеем Борисовичем Рудаковым в феврале 1936 г. Мы очень часто встречались с ним вплоть до его отъезда из Воронежа, т. е. до июля 1936 г.

С.Б. мне постоянно и восторженно говорил об О.Э. Мандельштаме, читал его стихи, но познакомить меня с ним не хотел, больше того, пытался брать с меня обещание, что и после его отъезда из Воронежа я не буду стремиться познакомиться с О.Э. Мандельштамом. В августе 1936 г. (после отъезда Рудакова) я пошла к Мандельштаму. С этого времени я виделась с Осипом Эмильевичем и Надеждой Яковлевной почти ежедневно (после отъезда О.Э. и Н.Я. из Воронежа встречалась с ними в Москве, Савелово, Твери).

Зиму 1936 г. и 1937 г. (до самого отъезда из Воронежа) Осип Эмильевич очень много писал.

Я была свидетельницей необычайного творческого подъема, какого-то порыва, который длился без конца, торжества и победы вдохновения над всеми горестями и скудностью повседневной жизни, окружавшей поэта.

Стихи создавались на глазах.

Почти каждый день появлялись новые стихи.

Я помню всё до мельчайших подробностей, как будто это было вчера, помню эйдетически¹⁵², как говорят психологи.

Осип Эмильевич часто не ждал вечера, когда я могла зайти к ним, а приходил в лабораторию, где я работала, или в техникум, где преподавала, чтобы прочитывать мне сейчас же свои новые стихи.

В отношении некоторых стихов я могла бы свидетельствовать, под каким конкретным впечатлением они создавались.

Осип Эмильевич очень щепетильно относился к датам своих стихов. На стихах, которые записывала Надежда Яковлевна, и на нескольких стихотворениях, переписанных мною, он всегда собственноручно ставил дату и букву В., т. е. Воронеж, поэтому очень просто ликвидировать рудаковский бред.

Можно точно сказать, какие стихи и сколько написано их было после отъезда Рудакова из Воронежа. Кроме того, у меня есть стихи С.Б. Рудакова, написанные им собственноручно (если нужно, я могу передать их Вам), и простое сравнение (даже не анализ) по-

кажет, что стихи поэта Мандельштама и стихи Рудакова отличаются друг от друга, как небо от земли.

Если я могу быть Вам чем-то полезна, я к Вашим услугам.

27/III-60 г.

С уважением Н. Штемпель¹⁵³

Тогда — в 1960-м — Н.Я. тоже защищалась от возможной угрозы — угрозы элементарного плагиата со стороны вдовы Рудакова. Харджиев тогда, как и Ахматова, был ее другом и союзником, а воронежская Наташа — основным свидетелем.

Теперь Н.Я. превентивно защищалась вновь — но на сей раз от самого Харджиева и угроз, связанных с «диктатурой» его редакторства.

Шестнадцатого ноября 1967 года, то есть в день отправки последнего письма Н.Х., она просила Н.Е. Штемпель:

Вот что я увидела в материалах (возвращенных) «Второй и третьей воронежской тетради» (т. е. от «гудка» и «щегла» до ваших стихов): две твердых бумажки — «Внутри горы» и «Эта область в темновожде» — и то и другое черновики, а у вас были беловики с датой Осинной рукой. Обязательно напишите мне в письме о том, что вы мне говорили: про «плохой ватман» и как я писала, а Ося ставил дату. Как вы приходили и брали эти листочки по мере появления стихов. <... > Дальше. «Наташина книга» не вся — в ней отсутствует весь раздел «Первая воронежская тетрадь» (от Чернозема до гибели летчиков). У вас же это было? Вторая и третья тетради есть (от «Гудка» до «Наташи»).¹⁵⁴

Наталья Евгеньевна отозвалась в начале декабря 1967 года и перечислила всё то, что сберегла в годы войны и передала Н.Я.:

Во-первых, несколько автографов: это — стихотворения, обращенные ко мне, «Чернозем» и некоторые эпиграммы, написанные обычно на дамских конвертиках с лиловым обрезом; во-вторых, блокноты стихотворений, написанных Вашей рукой, один из них с голубой обложкой, другие без обложки (помню, у одного — первых нескольких листков не было и виден корешок). В этих блокнотах были основные московские стихи и все три «Воронежские тетради»; в-третьих, стихи на отдельных листках, многие из них были написаны на узких листках плохого ватмана. Как сейчас помню,

О.Э. подходил к столу и, наклонившись через Вас, прочитывал их и своей рукой ставил дату с заглавной буквой «В». Этих листков было довольно много, они накапливались по мере того, как О.Э. писал новые стихи в зиму и весну 1936–37 гг. Отвечаю на Ваш второй вопрос: называл ли О.Э. свои стихи «Стихи 30–37 г.»? Такого названия я никогда от него не слышала, да это и лишено здравого смысла. Почему О.Э. должен был закончить свое творчество в 1937 г.? Ведь он не собирался умирать. Когда я зимой приезжала к Вам в Калинин, О.Э. читал мне новые стихи 1938 г., одно из них о смертной казни. Стихи, написанные в Воронеже, он всегда называл «Воронежскими стихами».

В мандельштамовском архиве в Принстоне есть и еще одно свидетельство Штемпель, датированное 9 мая 1969 года:

Я слышала стихотворение «Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый...» в двух разных вариантах. Осип Эмильевич мне говорил, что оно связано со стихотворением на смерть летчиков и написано вместе с ним в Воронеже, когда он жил на Проспекте Революции рядом с газетой «Коммуна». Мандельштам рассказывал, что он тогда же читал его ночью типографским наборщиком. Он считал, что это стихотворение предвестник «Неизвестного солдата», и в этой связи он мне его прочел зимой или весной 1937 года.

Н. Штемпель.

Эта записка, написанная, очевидно, также по просьбе Н.Я., приложена к сделанному А.А.Морозовым списку стихотворения «— Нет, не мигрень, — но подай карандашик ментоловый...» с датой: «23 апреля 1931 г.». В дате-то всё и дело, о чем говорит и помета Н.Я. под ней: «Дата ложная — стихи написаны в Воронеже в 35 году». Н.Я. настойчиво отстаивала этот тезис. Но прав в этом вопросе, как уже упоминалось, оказался всё же Н.Х.

4

... Однажды Аверинцев рассказал мне, как поразил его звонок Н.Я., как-то буднично обронившей: «А завтра ко мне приезжает воронежская Наташа»¹⁵⁵. Для Сергея Сергеевича же это прозвучало, как если бы было сообщено о приезде Лауры или Беатриче.

[1] Слева направо: А.Э. Мандельштам, М.С. Петровых, Э.В. Мандельштам,
Н.Я. Мандельштам, О.Э. Мандельштам, А.А. Ахматова. Москва, 1934.
Архив Мандельштамовского общества

[2] Н.Я. Мандельштам. Ялта, середина 1920
Архив Мандельштамовского общества

[3] О.Э. Мандельштам. Москва, 1923.
Архив Мандельштамовского общества

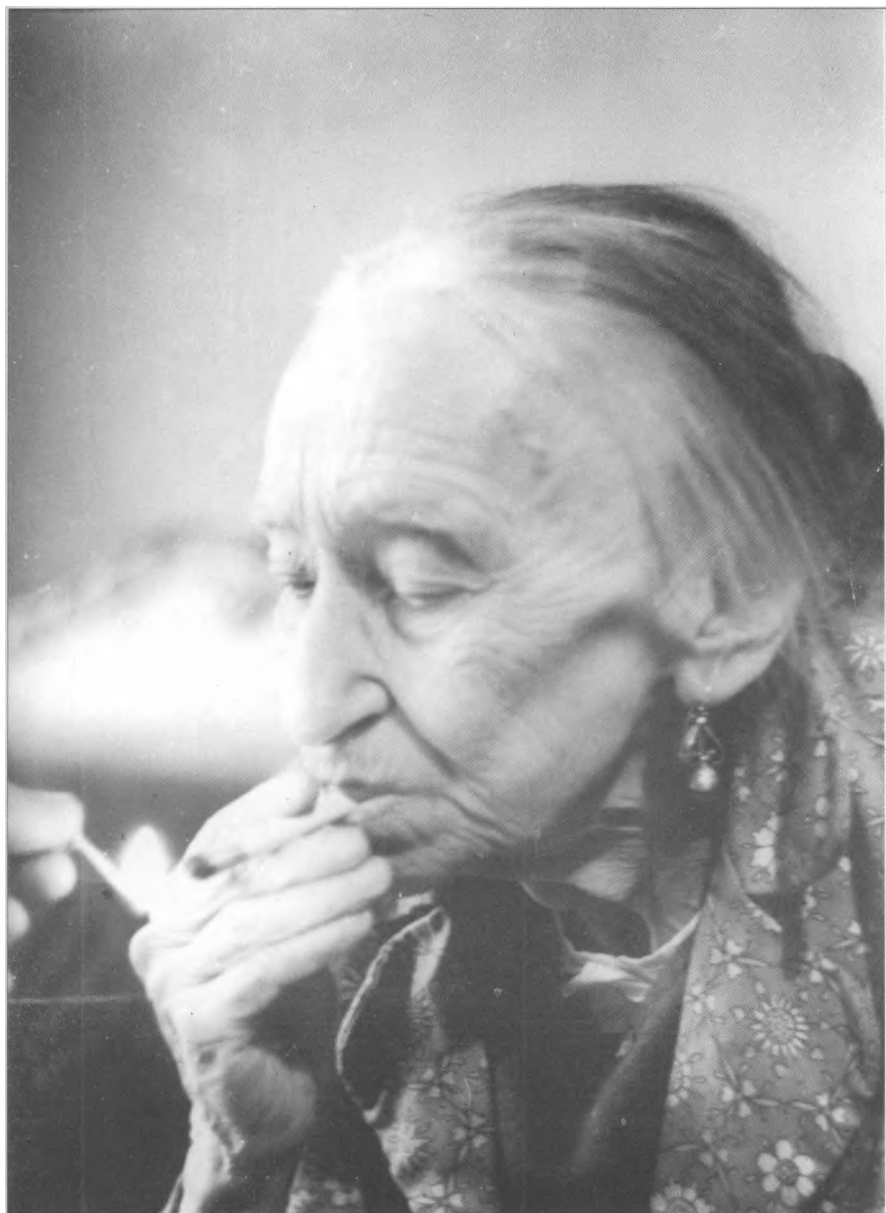

[4] О.Э. Мандельштам. Ленинград, середина 1920-х гг.

Фото М.С. Наппельбаума.

Архив Мандельштамовского общества

[5] Н.Я. Мандельштам. Москва, 1979. Фото Г. Пинхасова.
Архив Мандельштамовского общества

1
Анюточке! Это, чтобы
сообщить вам, что я все
жду. Лю-б-лю А-ну^{чка}
В общем довольно приятно.
Сима меня любит и водит
к врагам. (Маркишенок Сима)
Трогательно. Николашке
опять хочет стать "обучил"
всему крепко, крепко и
жду. Наде.

12 июля 1957

Дорогая Надюша
 очень хочу жить с Вами
 в Москве, лишь бы сохранился
 мой дом в Ленинграде.
 Работы у меня много
 (переводной) и все московская.
 жду вестей, крепко все
 целую. В воскресенье еду к себе
 на дачу в Кашарово.
 Ваша А. Ахматова.

Красная Конная
 4, кв. 3.

[7] Автограф письма А.А. Ахматовой Н.Я. Мандельштам.

[8] А.А. Ахматова. Старки, 1936. Фото Л.В. Горнунга.
Собрание М. Б. Гэрнунга

[9] А.А. Ахматова. Старки, 1936. Фото Л.В. Горнунга.
Собрание М. Б. Гэрнунга

[10] А.А. Ахматова. Коломна, 1936. Фото Л.В. Горнунга.
Собрание М. Б. Гэрнунга

[11] А.А. Ахматова, Е.В. Шервинская, С.В. Шервинский, В.Д. Шервинский.
Старки, 1936. Фото Л.В. Горнунга.
Собрание М. Б. Гэрнунга

[12] Н.И. Харджиев. 1930-е гг.
Собрание А.А. Попова

[13] Н.Е.Штемпель. Воронеж, 1930-е гг.
Архив Н. В. Гординой

[14] Е.К. Лившиц. 1960-е гг.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

1936.

Л. Горнунг.

[15] А.А. Ахматова. Коломна, 1936. Фото Л.В. Горнунга.
Собрание М. Б. Гэрнунга

[16] Слева направо: Н.Я. Мандельштам, М.В. Ярцева,
О.Э. Мандельштам, Н.Е. Штемпель. Воронеж, весна 1937.
Архив Мандельштамовского общества

[17] А.А.Ахматова. 1960-е гг.
Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме

Интересно, но почти таким же было отношение к ней и самого Мандельштама¹⁵⁶. Она не была Прекрасной Дамой, не была Музой и уж тем более не была «европейанкой нежной» — она была в точности такой, какой он ее обессмертил:

Есть женщины, сырой земле родные,
И каждый шаг их — гулкое рыданье,
Сопровождать воскресших и впервые
Приветствовать умерших — их призванье.
И ласки требовать у них преступно,
И расставаться с ними непосильно...

В 1970-е годы, когда судьба свела и меня с Натальей Евгеньевной, она обладала всё той же аурой. Из всех знакомых мне людей, кого жизнь лично сталкивала с Осипом Эмильевичем, она была буквально единственной, чье посмертное отношение к поэту было беспримесно чистым, что вызывало у большинства остальных современников недоумение и неприятие. Они просто не понимали, как это можно рассказывать или писать о Мандельштаме вне силовых линий разных мнений и партий. Та же Эмма Григорьевна за глаза называла ее наивной дурочкой, а прочитав воспоминания, даже отчитала за какие-то ошибки и неточности, — на что Наталья Евгеньевна от души ее поблагодарила, сослалась на то, что она не литературовед, а свое отношение к Мандельштаму охарактеризовала так: «Просто было безумно жаль человека, стремилась помочь ему, облегчить это изгнание, скрасить хоть чем-нибудь»¹⁵⁷.

Да, ей было безумно жаль живого страдающего человека, но еще она беззаветно любила русскую поэзию, и встреча с тем, кто в ее глазах и являлся олицетворением поэзии, была для нее, неверующего человека, поистине божественным подарком и источником радости и силы.

5

... В один из моих приездов в Воронеж Наталья Евгеньевна подарила мне небольшую бумажную папку с тесемочками. В ней оказалась рукопись Н.Я. — сто сорок одна страница машинописи, без заглавия, напечатанные на пожелтевшей уже бумаге, на машинке с мелким кеглем.

Текст рукописи не был ни первой («Воспоминания»), ни второй из ее книг — это было что-то другое, промежуточное. Вчитавшись, я понял, что передо мной — первая редакция ее «Второй книги», а в сущности, третья — никому не известная — книга Н.Я.¹⁵⁸ По содержанию, а главное, по тональности она довольно решительно отличалась от последней, несмотря на все текстуальные совпадения.

Названия, повторю, у книги не было, но сама книга была — и это была книга об Анне Ахматовой, смерть которой и заставила Н.Я. снова усесться за мемуары. Отсюда — и наше название настоящей книги:

«Об Ахматовой».

VI. Сквозь птичий глаз

... Эти частные, но свойственные человеческому уму искажения и сдвиги распространялись в обществе, образуя то, что называется общественным мнением. Крайние типы этих искажений давали чувствительную легенду и подлую клевету, которые часто оставались закрепленные за человеком и после его смерти — в истории.

Н. Мандельштам

1

Весьма любопытно посмотреть, как соотносится публикуемая книга «Об Ахматовой» с двумя «каноническими» книгами Н.Я. — «Воспоминаниями» и «Второй книгой».

Текстуальная связь с первой из них хотя и прослеживается, но едва-едва — на уровне пунктирной переклички. Три из четырех таких случаев — отрывок про физиологию страха и про «шапочку-ушаночку», отрывки про «суррогатную поэзию» и с цитатой из «Немного географии» — не что иное, как бросающиеся в глаза повторы ахматовских фраз или строчек, уже встречавшихся в «Воспоминаниях». Четвертый случай — эпизод с Валентином Катаевым, еще при жизни О.М. говорившим, что никто, кроме него и его брата, уже не помнит Мандельштама. Интересно, что повторения эти не дословные, что свидетельствует об определенной независимости их «извлечения» из памяти. Да и контексты, в которых они появляются, — хотя и близкие, но не тождественные.

Соотнесенность ее текста со «Второй книгой» — совершенно иного рода: это уже не единичные, почти случайные, совпадения, а массовые наложения. Складывается впечатление, что чуть ли не половина камней и целых блоков от предыдущей постройки не разбросаны как попало, а аккуратно собраны и пущены на новое строительство.

Но на самом деле это не так. Текстуальные наложения и интрузии во «Вторую книгу» не добирают и до десяти процентов объема книги «Об Ахматовой». К тому же эти текстуальные совпадения далеки от принципа блочного строительства (вынул — вставил), — как правило, это основательно переработанный текст.

Если же снизить критерий соответствия (совпадение не текстов, а фабулы или мотивов), то степень переплетения, конечно же, сильно возрастет, поскольку большинство главок «Второй книги» действительно имеют в книге «Об Ахматовой» если не росток, то корешок.

Тем интереснее для нас эти десять процентов. С их помощью мы сможем лучше и четче понять «вектор» эволюции умонастроенный Н.Я.

Сравнивая текстуальные совпадения, замечаешь, что практически каждый из фрагментов-«ростков», во-первых, основательно расширен и развернут во «Второй книге», а во-вторых, переименован. Иная фраза развертывается в абзац, иной абзац — в страницу или даже главку, причем происходит это как за счет добавления массы фактических подробностей, так и за счет интерпретаций. Мутирует и семантика каждого из разросшихся кусков: как правило, они основательно переосмысливаются и становятся всё более оценочными, а оценки — всё более резкими, иногда агрессивными: так, если Сергей Городецкий в книге «Об Ахматовой» — это «лишний акмеист», и только, то во «Второй книге» он нарисован почти сложившимся стукачом и «существом, не достойным имени человека»¹⁵⁹.

Интересно наблюдать и ту роль, которую в формировании текста и атмосферы «Второй книги» сыграли отдельные письма Н.Я.: так, ее письмо А. Гладкову об О. Ваксель сыграло роль своеобразного трамплина и промежуточной редакции на пути от пары абзацев в «Об Ахматовой» к целой главке во «Второй книге» («Пограничная ситуация»).

Как ни удивительно, но среди фрагментов из книги «Об Ахматовой», пустивших прочные корни и во «Второй книге», не так уж и много таких, что посвящены непосредственно А.А. Один из них тем не менее корни пустил и обернулся главкой «„Поэма без героя“ и моя обида». Признавая не только за А.А., но и за О.М. и за собой унаследованные от 1910-х годов «крупницы своеволия», Н.Я. сохранила и здесь сформулированный ею именно в книге об Ахматовой критерий — расположение на оси «своеволие—свобода».

В книге «Об Ахматовой» она предприняла попытку не просто поспорить с А.А., но даже оспорить у нее первое посвящение к «Поэме без героя», адресатом которого мог быть только О.М. — Осип Мандельштам. И она не голословна и приводит немало весомых соображений в пользу этого: мандельштамовскую дату смерти, мандельштамовские ресницы, мандельштамовскую фразу «Я к смерти готов» и др. Свидетельницей ее правоты выступает не кто-нибудь, а Лидия Корнеевна Чуковская. В переписке с В.М. Жирмунским о подготовке первых научных изданий поэзии А.А. Лидия Корнеевна не раз утверждала то же самое, что и Н.Я.: «Но вот как раз насчет Первого посвящения у Аманды написана правда. Когда А.А. читала его мне впервые, оно было посвящено О.М. Она даже сказала мне: „у Осипа были удивительные ресницы, заблудиться можно, такие густые“. Вот откуда ресницы Антиноя»¹⁶⁰.

Впрочем, та же Л.К. Чуковская остроумно парировала обвинение Н.Я.: так поэма же — без героя! «Инициалы над первым посвящением были заменены Ахматовой вместе с читателем, желающим понимать фабулу»¹⁶¹.

Во «Второй книге» пафос Н.Я. совершенно иной: она не просто фиксировала первоначальный замысел А.А., но обличала ее за отход от него — и уже не только за подмену посвящения, но и за уклончивость, за игру в двойничество (т. е. попытку слить воедино образы О.М. и В. Князева), за культ красавиц, за «зеркальное письмо» и даже за утаивание в 1960-е годы своих «заветных заметок», т. е. «Листков из дневника».

2

Уже этот пример содержит в себе указание на куда более значимые элементы соотнесенности трех книг Н.Я., нежели их текстуальные схождения и расхождения. Главное оказывается в ином — в расстановке смысловых акцентов, тонов и полутонов.

«Воспоминания» — книга, в центре которой стоит один человек — Осип Мандельштам, гениальный поэт. Его образ, бесспорно, осевой в книге. Все другие персонажи, которых мы в ней встречаем, даны строго под знаком этой доминанты и иерархии — и А.А. в том числе. Она упоминается в книге на порядок чаще всех остальных, — и это в точности соответствовало той роли, которую она

играла в жизни О.М. Но всякое ее упоминание заведомо «мандельштамоцентрично»: внутренний свет струится именно от его судьбы и творчества, а не от ее.

По сути, таким же, как и другие, скромным персонажем в «Воспоминаниях» является и сама Н.Я., даром что она еще и рассказчица. Другое дело, что рассказчица она такого класса и уровня, что ей по плечу не просто живые сценки и диалоги, но и зарисовки творческого процесса, наблюдения над стихами и глубокие историко-философские обобщения.

Да, это *ее* воспоминания, но это воспоминания не о себе, а *о нем*. Себе же, как персонажу, она не позволяет никаких «сепаратистских» действий и взаимодействий с другими такими же, как она сама, персонажами: так, если Цветаева и приняла ее «мордой об стол», то ее, молодую жену О.М., а вовсе не Н.Я. саму по себе. Себя она ничем не выпячивает, и эта установка без особого напряжения выдержана во всей книге.

Вместе с тем Мандельштам в «Воспоминаниях» дан не сам по себе, а на фоне той творческой среды, в которой он формировался и рос, и на фоне той исторической эпохи, что выпала на его долю. Именно эпоха — эта густо замешенная, наслоившаяся историческая реальность, с пластами почти тридцатилетнего опыта, приобретенного Н.Я. уже после смерти мужа, — и создает при чтении ее книги совершенно неизбывное, грандиозное, почти эпическое — и вместе с тем оптически достоверное — впечатление.

В книге «Об Ахматовой» Н.Я. попробовала написать нечто подобное, но, во-первых, не о Мандельштаме, а об Ахматовой, а во-вторых, беря в качестве фона и загрузки уже не исторические толщи, а психологические пласты и философские горизонты.

Надо сказать, что она почти везде выдержала эту установку. Рассуждая о биографии А.А. (брак с Гумилевым и т. п.), Н.Я. плавно переходит на ее стихи, вернее, на ранние стихи А.А. и О.М., наведшие Гумилева-организатора на мысль об акмеизме. От акмеизма она переходит к акмеистам, но сначала, словно Юдифь, сразу же отсекает от них С. Городецкого. Остальных принимает, но попутно одаривает немного посторонними, но по-мандельштамовски неожиданными характеристиками: например, «породистый хохол» (о Нарбуте) или «тяжелое саратовское добродушие» (о Зенкевиче).

В конце книги «Об Ахматовой» — разбор отличий отдельных поэтов (Маяковский и Хлебников) от О.М. и акмеистов от симво-

листов и футуристов с ЛЕФом. И тут Н.Я. уже мало «стихов виноградного мяса» — ей нужна и философская подоснова литературы (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, В.И. Иванов).

Заканчивает книгу Н.Я. рассуждениями о смерти и об умирании (визит вместе с А.А. к умирающей сестре Н.Я.), а еще о том, что кое-что посмертное надо обязательно регулировать при жизни (в особенности — позаботиться о судьбе архивов).

Концовка у книги всё же оптимистическая: «А все-таки мы устояли и сделали всё, что могли. Спасибо и за это, что хватило сил и стойкости. Мы вспомним незаписанные стихи, мы соберем их, мы их не забудем».

3

Напомним, что текстуально заметная часть рукописи, сохранившейся у Н.Е. Штемпель, совпадает со «Второй книгой» Н.Я. Мандельштам. Но какие же это все-таки разные книги!

И дело здесь не в материале и не в отшлифованности фраз, но в куда более существенном — в тональности изложения и в общей концепции книги. Если книга «Об Ахматовой» была собственно мемуарной, исполненной и доброты, и благодарности, и уважения и к умершей Ахматовой, и к их общим друзьям, с которыми довелось так много пережить, то «Вторая книга» — это прежде всего «суд над эпохой» и сведение счетов с нею и с десятками современников.

В таком контексте новелла о Таточке Лившиц — и уж тем более рассказ о замечательном Харджиеве, ближе которого у нее никого нет, — выглядели бы атавизмом и ненужной сентиментальностью. Жертвою перемены концепции стали и многие эпизоды, связанные с самой Ахматовой, — в замысле «Второй книги» место им уже не находилось.

Почему?

Об этом можно не просто гадать. Возможно, Н.Я. показалась избыточной та известная несвобода от авторитета Ахматовой, которая, несмотря на прямую борьбу с ним, всё же чувствовалась в книге о ней. Да и события, которые произошли в тот год, когда она писала воспоминания об А.А., — история с мемуарами Лютика, история с архивом А.А. и, наконец, борьба с Н.Х. из-за архива и книги О.М. — раскрепостили ее и немало поспособствовали этой «смене вех».

Но главное, видимо, все-таки в другом. «Думая об А.А., я почему-то возвращаюсь к собственной своей жизни, о которой совсем не думала, когда писала об О.М.», — писала Н.Я. Эта мысль, эта дума со временем вытеснила все остальные, отчего постепенно поменялся и весь замысел. А во «Второй книге» всё уже не завершается, а начинается с этой мысли: в высшей степени симптоматично то, что она открывается с главы, названной, пусть и в кавычках, — «Я». Акценты сместились так и настолько, что на первый план выступила фигура самого автора, его напряженные раздумья теперь уже о собственной жизни, о трагической связи своей биографии с тем, что составляло боль и ужас самой эпохи.

Соответственно изменились фокус и угол взгляда на современников — как близких, так и не очень.

Уже в книге «Об Ахматовой» Н.Я. не пыталась быть безоговорочным адептом Анны Андреевны. Но ее критические замечания или уколы в адрес А.А. неизменно оставались в рамках проявлений ее внутренней свободы, а не своеволия. Так, замечательны ее рассуждения о связи поэзии и пола (и здесь Н.Я. не прибегает к эфемизмам вроде «любви» или «эроса»), о роли ревности в творческой судьбе и даже о загробном поединке с А.А. за О.М. Словно в отместку за «донжуанский список» О.М. в «Листках из дневника», Н.Я. дотошно и беспощадно и в то же время с состраданием близкой подруги анализирует личную (в особенности семейную) жизнь А.А., как, впрочем, и свою семейную жизнь с О.М., — и приходит к выводу: насколько «хрупка» была А.А. в браках, настолько крепка была она в дружбе — прежде всего в дружбе с О.М. и с ней, Н.Я.

«Как случилось, что трое своевольцев, три дурных головы, набитые соломой, трое невероятно легкомысленных людей — А.А., О.М. и я — сберегли, сохранили и через всю жизнь пронесли наш тройственный союз, нашу нерушимую дружбу? <... > Может, действительно, нам троим было предназначено стоять вместе против всех бурь и сделать то, что каждый из нас сделал?..» — спрашивала себя Н.Я. и незаметно для себя самой начинала впадать в явное преувеличение своей роли в этом, как ей казалось, «треугольнике», который на самом деле — в глазах А.А. — треугольником никогда не был. Мандельштам соединял их, он был главным в их жизни и дружбе, и Н.Я., несомненно, была для А.А. частью О.М., более того — его неотъемлемой и органичной частью, — как при жизни,

так и после смерти поэта. И именно это означали ее слова, сказанные Н.Я. в Ташкенте: «Теперь вы — это всё, что нам осталось от Осипа».

Но Н.Я. поняла это все-таки неадекватно. Свою легализацию в этом воображаемом треугольнике, мало того, свою миссию в нем она увидела в роли их верховного слушателя и читателя, да еще с правом — и чуть ли не обязанностью — раздавать оценки:

Должно быть, и ей, и О.М. нужна была моя вера в их путь и в их труд, потому что и О.М. успел мне сказать то же, что она. <... > В извечном и страшном человеческом одиночестве, которое для поэта увеличивается в тысячи раз, даже если они окружены людьми, необходим хоть один слушатель, чей внутренний слух настроен на постижение их мысли и слова.

Н.Я. справедливо пишет, что «в ахматовской мысли всегда присутствует анализ, основное структурное начало ее мышления». В ее собственной мысли преобладает иное — острота, оценка и, по возможности, проясняющее оценку противопоставление. Вот она сравнивает О.М. и А.А. и замечает: «О.М. и А.А. по-разному читали поэтов — он выискивал удачу, она — провалы». Или (во «Второй книге»): «У Мандельштама было глубокое чувство поэтической правоты, но в текущей жизни он всегда готов был считать себя виновным. Ахматова ощущала поэтическую правоту в гораздо меньшей степени, чем Мандельштам, зато в житейских делах, особенно в изменах и разводах, всегда настаивала на своей „несравненной правоте“»¹⁶².

Сравнивая, она и выставляет оценки.

4

Итак, Н.Я. отказалась от книги «Об Ахматовой» и написала ее замену — «Вторую книгу». Замена оказалась весьма тенденциозной и реакция на нее крайне неоднозначной.

У И. Бродского и А. Наймана, например, которые впервые вместе посетили Н.Я. в Пскове еще в 1962 году¹⁶³, мнения о «Второй книге» оказались диаметрально противоположными.

Бродский, прочитавший ее уже на Западе, признавал за обоими мемуарами Н.Я. силу и право пророческого текста:

Есть нечто ошеломляющее в мысли о том, что она сочинила оба свои тома шестидесяти лет от роду. <... > И по содержанию, и по стилю ее книги суть лишь постскрипtum к высшей форме языка, которой, собственно говоря, является поэзия и который стал ее плотью благодаря заучиванию наизусть мужниных строк.¹⁶⁴

Относя их к разряду великой русской прозы, он добавлял, что как писательница Н.Я. была порождением и продолжением О.М. и А.А. — уже сама по себе невольная необходимость держать и повторять в памяти их стихи обрекала Н.Я. на соизмерение «бессознательное, инстинктивное к тому времени — своих слов с их словами»¹⁶⁵.

«Ее воспоминания, — продолжает И. Бродский, — суть нечто большее, чем свидетельство о ее эпохе: это взгляд на историю в свете совести и культуры»¹⁶⁶. В другом же месте этого эссе он пишет:

Нечего удивляться в таком случае, что это растолкование оборачивается осуждением режима. Эти два тома Н.Я. Мандельштам действительно могут быть приравнены к Судному дню на земле для ее века и для литературы ее века, тем более ужасном, что именно этот век провозгласил строительство на земле рая. Еще менее удивительно, что эти воспоминания, особенно второй том, вызвали негодование по обеим сторонам кремлевской стены. Должен сказать, что реакция властей была честнее, чем реакция интеллигенции: власти просто объявили хранение этих книг преступлением против закона. В интеллигентских же кругах, особенно в Москве, поднялся страшный шум по поводу выдвинутых Надеждой Яковлевной обвинений против выдающихся и не столь выдающихся представителей этих кругов в фактическом пособничестве режиму: людской приборой на ее кухне существенно попритых.

Были открытые и полуоткрытые письма, исполненные негодования решения не подавать руки, дружбы и браки рушились по поводу, права она была или не права, объявляя того или иного типа стукачом <... >; иные кинулись по дачам и заперлись там, чтобы срочно отстучать собственные антивоспоминания...¹⁶⁷

А. Найман, напротив, был решительно другого мнения о воспоминаниях Н.Я.:

После смерти Ахматовой Надежда Яковлевна написала и издала еще «Вторую книгу». Главный ее прием — тонкое, хорошо дозирован-

ное растворение в правде неправды, часто на уровне грамматики, когда нет способа выковырять злокачественную молекулу без ущерба для ткани. Где-то между прочим и как бы не всерьез говорится, скорей даже роняется: «дурень Булгаков», а дальше следуют выкладки, не бесспорные, но и не поддающиеся логическому опровержению, однако теряющие всякий смысл, если Булгаков не дурень. Ахматова представлена капризной, потерявшей чувство реальности старухой. Тут правда только — старуха, остальное возможно в результате фраз типа: «в ответ на слова Ахматовой я только рассмеялась» — вещи невероятной при бывшей в действительности иерархии отношений. Мне кажется, что, начав со снижения «бытом» образов Мандельштама и Ахматовой, Надежда Яковлевна в последние годы искренне верила, что превосходила обоих умом и немного уступала, если вообще уступала, талантом. Возможно, ей нужна была такая компенсация за боль, ужас, унижения прежней жизни.¹⁶⁸

Отдавая должное обличительной силе книги, даже соглашаясь с ее пафосом в целом, многие находили, однако, в том или ином хорошо им знакомом персонаже или эпизоде черты, в которые они не могли поверить или с которыми не могли согласиться. Замечу, что и вопросы с обвинением кого-то в стукачестве вовсе не такие безобидные и элементарные, как, возможно, казалось издавна. Хорошо помню, как я водил к Н.Я. Семена Липкина и Инну Лиснянскую, главной целью которых было открыть Н.Я. глаза на Марию Петровых и восстановить ее — для них неоспоримое — доброе имя.

И такие заступники находились у многих. Некоторые, например Э.Г. Герштейн, вступались за мертвых (в частности за С.Б. Рудакова), затем оборонялись, как могли, сами, после чего переходили в наступление, жаль только, что любимым контраргументом служили почему-то «кривые ноги» Н.Я.

Очень за многих — от Харджиева, Зенкевича и Маршака до безымянных евреев-математиков, уволенных с работы, и детей арестованного нэпмана — заступилась Л.К. Чуковская, написавшая уже в 1973 году целую книгу-отповедь «Дом поэта»¹⁶⁹. При этом главной жертвой «Второй книги» она находит всё же не кого-нибудь, а А.А., при жизни которой Н.Я. «не решилась бы написать ни единой строки этой античеловечной, антиинтеллигентской, неряшливой, невежественной книги»: «... К числу посмертных надругательств над Анной Ахматовой я отношу и „Вторую книгу“

Н. Мандельштам. Вышедшую, к стыду нашему, у нас в Самиздате — в виде рукописи и на Западе — в виде книги. <... > Ахматовой после смерти выпало на долю еще одно несчастье: быть изображенной пером своего друга — Надежды Яковлевны Мандельштам»¹⁷⁰. Она называет Н.Я. «мастерицей всевозможных сплетен» и решительно отказывает ей в претензии на «треугольник» с О.М. и А.А., в праве на тройственное «мы».

Настроения всех задетых и возмущенных «Второй книгой», быть может, четче и жестче других просуммировал и выразил Вениамин Каверин, написавший Н.Я. в том же 1973 году резкое и фактически открытое письмо:

Вы решили — ни много, ни мало — доказать, что за последние пятьдесят лет нашей литературы не было. Были только Мандельштам, Ахматова и Вы, не написавшая ни строчки. Замечу, что в первой книге Вы пишете об Ахматовой, как о старшей сестре, а во второй — как о младшей, которую можно время от времени покровительственно осадить. <... >

Вы не вдова, Вы — тень Мандельштама. В знаменитой пьесе Шварца тень пытается заменить своего обладателя — искреннего, доброго, великодушного человека. Но находятся слова, против которых она бессильна. Вот они: «Тень, знай свое место».¹⁷¹

Как видим, явным эпицентром читательского гнева стала именно Ахматова, вернее, то, что Н.Я. о ней написала; многие формировали свое мнение о «Второй книге» именно на этом «материале».

Но для того, чтобы быть задетым в книге Н.Я., вовсе не обязательно было быть первым поэтом России. Ф.Г. Раневскую, например, названную в одном месте «хорошей актрисой», в другом Н.Я. помянула так:

В Ташкент я приехала совсем разутая. Фаина Раневская, актриса, дружившая тогда с Ахматовой, подарила мне тапочки, связанные из крученой ваты, то есть хлопкового сырья. Они порвались на пятый день, потому что я неосторожно ступала. Фаина горестно вздыхала, что своей тяжелой походкой я загубила нежную и красивую вещь. В ее голосе был звук: обуви на вас не напасешься! (Именно на таких ролях она специализировалась в театре и, говорят, была сильна.) Я раскаивалась, что приняла подарок или, по крайней мере, не предупредила, как он непрочен.¹⁷²

Но сама Раневская категорически это отрицает:

Эта мразь даже меня оболгала, даже п[отому] ч[то] я слишком явление незначительное. Никаких плюшевых тапочек у меня не было никогда, которые якобы я ей дарила и бранилась, как торговка, когда тапочки порвались. Фу, мерзость...¹⁷³

От очной ставки двух тапочных свидетельств остается ощущение того самого раствора правды в неправде, о котором писал Найман: ведь в Ташкенте-то обе женщины были (и, кстати, ревниво недолюбливали друг друга, что засвидетельствовано Л.К. Чуковской).

Думаю, однако, что художественный прием, к которому — быть может, и непроизвольно — прибегает Н.Я., должен быть все-таки иной — и к тому же напрямую «позаимствованный» у Мандельштама-прозаика.

В заявке на повесть «Фагот» содержится одна его бесценная обмолвка: «показ эпохи сквозь „птичий глаз“»¹⁷⁴. Птичье зрение — дальнорукое, там работает своеобразный самофокусирующийся бинокль с отменной разрешающей способностью. При этом птичий хрусталик сфокусирован строго на центр своего окоема, он шарит по нему, словно прожектор. Но зато в остальном и обширном диапазоне всего видимого птицей — вне ее фокусного центра — картина нечеткая, размытая, путаная, порой искаженная. И так, широко смотреть, но видеть только узкую зону, только самое нужное и важное, только «мишень» — в этом вся природа птичьего глаза¹⁷⁵.

И такова же природа Мандельштама, его редкостный физиологический дар — быть всегда в фокусе, в центре собственного видения, мышления или ощущения. Именно здесь разгадка одного из мандельштамовских парадоксов: редкостная материальность, достоверность и убедительность его стихов и его прозы при большом количестве «ошибок» и запямятований в деталях. Но это ошибки — по меркам человеческого зрения, когда всё и везде видится примерно одинаково. На птичий же взгляд это никакие не ошибки, а второстепенные пустяки, мелочи из окрестностей, которыми можно пренебречь и «исправление» которых чревато расфокусировкой целого, главного, стержневого.

Но отсюда проистекают не только сами ошибки и завихрения, но и бесчисленные обиды на них. Цветаева в свое время рвала «Шум времени» — «подлую книжку» О.М.: в ней она была задета незаслуженными насмешками поэта над дореволюционной обще-

ственной атмосферой и над российскими либералами, — такой тон казался ей неуместным, но и она не брала в расчет, сколь это второстепенно в самой прозе. Обижался и Валентин Парнах, усматривая в Парноке из «Египетской марки» прежде всего карикатуру на себя и не улавливая всей трагичности этого персонажа, списанного автором прежде всего не с Парнаха, а с самого себя!

А вот Сталин, похоже, не обиделся на «широкую грудь осетина». Стихи не о ней, а то, о чем стихи, по-видимому, даже польстило ему...

5

Одни современники защищали, другие обличали Н.Я. И у тех и у других были свои аргументы и свои контраргументы. Сильные и слабые, объективные и субъективные.

Но меньше всего хочется оказаться в чьем-то «лагере» — предрасположенность мира к расколотости и к тупой вражде до крайности удручает.

Мне «вспоминается» декабрь 1938 года и другой лагерь: транзитная зона среди запорошенных сопок, взгляд упирается в них и в посеревшее море внизу, ряды бараков, побеленную больничку с настоящими пружинными кроватями, на одной из которых умирал мой любимый поэт.

А в это время на другом конце страны — где-то между Струнино, Шортанды и Москвой — металась, не находя себе места, его жена, еще не вдова, обуянная отчаянием, одиночеством и тоской. Вдовой она станет, когда посылка, отправленная 2 января 1939 года и в которую она позабыла вложить сало, вернется в Москву за смертью адресата. Письмо же, написанное 22 октября 1938 года, она так и не отправила, и он его тоже не получил.

Двадцать седьмого декабря 1938 года, когда он умер, ей было тридцать девять лет и неполных два месяца, а жизни оставалось почти столько же — сорок два года и два дня. Около двадцати лет ушло у нее на то, чтобы не умереть и сохранить стихи и прозу, еще десять–пятнадцать — на то, чтобы увидеть их в самиздате или напечатанными, на Западе или у нас.

На шестом десятке она начала писать и свои книги и через десять лет управилась и с этим.

Что написано — то написано.

На семьдесят пятом году она пристроила и архив — далеко-далеко от Москвы.

Что сделано — то сделано.

А 29 декабря 1980 года, на восемьдесят втором году жизни, она умерла.

Что прожито — то прожито.

6

Памяти Н.Я. Мандельштам

Растает снег, просядет холм багровый,
Озябшая провеет земля,
и ты сроднишься с новой основой,
с бескровной почвою судьбу свою деля.

В тебе одной всё тлела, всё горела
еще одна неистовая плоть.
И пела — та, а эта — сиротела,
но всё исполнилось, как рассудил Господь.

Старуха вздорная, наперсница поэта,
девчонка глупая, умнейшая жена!
Вторая Речка — просочилась в Лету,
а строчки — повторяет вся страна!

... Но, выполнив земное назначенье,
как докурив последний «Беломор»,
ты с пеплом мстительного обличенья
стряхнула смуту, злобу и раздор.

И сколько надо совести упорной,
чтоб ложные отшелушились зерна
и чистых линий просиял узор!..

Желчь гениальна, истине в укор,
но, как стрельба в упор, она позорна —
и лишь одна поэзия бесспорна!

Павел Нерлер
Москва–Фрайбург, 2007

- 1 С текстом этого отзыва меня любезно ознакомил Р.Г. Баранцев.
- 2 Сам он читал ее в машинописи уже в феврале 1962 г. (*Мандельштам Н.Я.* Вторая книга. М.: Московский рабочий, 1990. С. 4).
- 3 *РГАЛИ*. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 101.
- 4 *РГАЛИ*. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 13.
- 5 *РГАЛИ*. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 21. На следующий день Gladkov возвратит рукопись автору, и Н.Я. запишет его замечания.
- 6 *Там же*. Л. 63.
- 7 Из письма А.С. Эфрон В.Н. Орлову от 7 сентября 1964 г. (*Эфрон Ариадна*. «Моей зимы снега...» Воспоминания. Рассказы. Письма. Стихи. Рисунки. М., 2005 (издание подготовлено по материалам Р.Б. Вальбе). С. 736–737).
- 8 Укрытие, прибежище (выражение, бывшее в обиходе у Н.Я., ныне малоупотребительное).
- 9 *РГАЛИ*. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 142.
- 10 *Н. Мандельштам-3*. С. 485–486.
- 11 *Листки из дневника*. С. 111.
- 12 См. его послесловие в кн.: *Н. Мандельштам-3*. С. 480.
- 13 *Там же*. С. 493–494.
- 14 *Герштейн*, 2002. С. 585.
- 15 *Найман*, 1999. С. 114.
- 16 В ноябре 1964 г., например, Н.Я. гостила несколько дней у А.А. в Ленинграде.
- 17 Заметим, что А.А. тоже не слишком торопилась показывать Н.Я. собственные мемуары об О.М. Первую порцию — около десяти страниц текста — она передала Н.Я. в сентябре 1960 г. Другой фрагмент «Листков из дневника» Н.Я. получила только в конце 1963 г., к двадцатипятилетию со дня гибели О.М.
- 18 Однако маловероятно, что еще в рукописном виде они ушли в самиздат. Получить рукопись, как Любичев или Шаламов, от автора — это еще не самиздат. Настоящий самиздат набрал силу позднее, в 1970-е гг., в виде бесчисленных фото- и ксерокопий «тамиздата» 1970-х гг. — книжной версии мемуаров Н.Я.
- 19 *Мурина*, 2001. С. 133.
- 20 *Шаламов*, 2004. С. 734–740.
- 21 *Там же*. С. 765–766.
- 22 Запись в дневнике А.К. Gladkova от 7 июня 1966 г. (*РГАЛИ*. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 106).
- 23 *ВРСХД*. 1973. № 108–110. С. 187–188.
- 24 *Мандельштам Н.* Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова; *Mandelstam, Nadezda*. Hope against hope. A memoir / Hayward, Max (transl.; translator's preface); *Grown, Cl.* (introd.). New York: Atheneum, 1970.
- 25 Вести из СССР. Мюнхен, 1983. № 17.
- 26 *Фрейдин Ю.Л.* «Остаток книг»: библиотека О.Э. Мандельштама // Слово и судьба. Осип Мандельштам. Исследования и материалы. М., 1991. С. 237. См. также: *Фрейдин Ю.Л.* Судьба архива поэта // Литературная газета. 1991. 9 янв. № 1. С. 13.
- 27 Иницирующие эти издания переговоры с владельцем издательства «Согласие» В.В. Михальским были в свое время предприняты от имени Мандельштамовского общества пишущим эти строки — обстоятельство, не нашедшее в самих изданиях ни малейшего отражения.
- 28 Из более поздних событий в этот ряд могут быть поставлены, пожалуй, еще и смерть В. Высоцкого и кончина Б. Окуджавы, каждый из которых был своеобразным рупором — народным и интеллигентским — в диалоге с советской властью.
- 29 Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М.М. Кралин. Л.: Лениздат, 1990. С. 554 (факсимиле).
- 30 *Максимов*, 2007. С. 310–311.
- 31 Автограф (Архив Исследовательского Центра восточно-европейской истории, фонд В. Борисова: HA FSO Bremen. F. 104); опубликован в каталоге выставки: *Samizdat. Alternative Kultur in Zentral- und Osteuropa: Die 60er bis 80er Jahre*. Bremen: Edition Temmen, 2000. S. 208 (факсимиле).

- 32 Из письма Н.Я. к С.М. Глускиной от 25 апреля 1966 г. (МА. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 1).
- 33 Из письма Н.Я. к С.М. Глускиной от 9 мая 1966 г. (Там же).
- 34 Летом Наталья Евгеньевна, похоже, еще раз приезжала туда к Н.Я.
- 35 Запись в дневнике от 19 сентября 1966 г. (РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 106).
- 36 На март указывает и одно из писем Н.Я. к Д.Е. Максиму (Максимов, 2007. С. 322).
- 37 РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 44.
- 38 Правильно: ВУОАП (Всесоюзное управление по охране авторских прав), организация, созданная в 1938 г. и, вопреки названию, специализировавшаяся на ограблении советских писателей посредством вычета драконовских пошлин из их валютных гонораров за публикации за рубежом; в 1973 г. на его основе было создано Всесоюзное агентство по авторским правам (ВААП).
- 39 РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 57.
- 40 Ср. в письме к Н.Е. Штемпель в середине мая: «Наташенька! <... > Я работаю, и это очень растет».
- 41 РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 87.
- 42 МА. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 6.
- 43 Летом в Верее побывала Н.Е. Штемпель, именно тогда, по всей видимости, она и получила от Н.Я. экземпляр рукописи об Ахматовой, легший в основу настоящего издания.
- 44 К декабрю 1967 г. этот комментарий был практически готов — см. запись в дневнике А.К. Гладкова от 7 декабря 1967 г. (РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 107).
- 45 И почти тогда же — 24 октября — Максиму: «Немного работаю, но каждое слово дается с великим трудом просто потому, что гложет беспокойство и нет сил» (Максимов, 2007. С. 322).
- 46 Мурина, 2001. С. 138–139.
- 47 В любом случае маловероятно, чтобы Н.Я. заново взялась за рукопись в 1970 или 1971 г. — «в состоянии крушения „оттепелых“ надежд и в сознании итога», как это предполагает А.А. Морозов (Н. Мандельштам-2. С. 1).
- 48 Н. Мандельштам-3. С. 138.
- 49 Еще более близким его прообразом был, впрочем, коллектив из пяти (а по сути — семи) наследников в завещании Н.Я. от 30 июня 1967 г. (с. 19–21).
- 50 Листки из дневника. С. 109.
- 51 А.А. провела в Ташкенте два с половиной года — с 9 ноября 1941 по 13 мая 1944 г. Н.Я. приехала в Ташкент не позднее 3 июля 1942 г.
- 52 Впервые: ВРХД. 1975. № 116. С. 186 [публ. Н.А. Струве]. Печ. по: АМ. Короб 3. Папка 85.
- 53 Кузин, 1999. С. 731, 733.
- 54 См. примеч. 1 на с. 227.
- 55 Десятого июля 1957 г. Н.Я. получила официальное письмо в служебном конверте на бланке Исполкома Московского городского Совета Депутатов Трудящихся от 9 июля 1957 г. за подписью Заместителя Председателя Исполкома Моссовета Д. Лебедева: «На Ваше заявление о предоставлении жилой площади в г. Москве сообщая, что Исполком Моссовета удовлетворить Вашу просьбу возможности не имеет, в связи с недостатком жилой площади» (АМ. Короб 3. Папка 102. Ед. хр. 17).
- 56 Эту телеграмму она подписала именами своим и Харджиева.
- 57 Лившиц Е.К. Воспоминания, прочитанные в 1986 г. на вечере в честь 100-летия Б.К. Лившица. Черновой автограф (ОР РНБ. Ф. 1315. Ед. хр. 7).
- 58 Шнейдерман, 1996. С. 87.
- 59 Персонаж из романа У. Фолкнера «Особняк».
- 60 РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 298. Л. 140–142 об.
- 61 Там же. Ед. хр. 107. Л. 31.
- 62 Мормоны — члены американской религиозной секты, практиковали многоженство.
- 63 РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 298. Л. 145–145 об.

- 64 *ОР РНБ*. Ф. 1315. Ед. хр. 63.
- 65 Ю.Ф. Львова.
- 66 *РГАЛИ*. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 298. Л. 143–143 об.
- 67 По всей видимости, подруги О.А. Ваксель по Институту живого слова, на вечерние курсы которого она поступила в августе 1920 г. (сообщено А.С. Ласкиным).
- 68 А.Ф. Смольевский, муж О.А. Ваксель.
- 69 Впервые без купюр в кн.: *Полякова С.В.* Олейников и об Олейникове и другие работы по русской литературе. СПб.: ИНАПРЕСС, 1997. С. 171–173; приводятся по машинописному экземпляру, который после смерти А.А. Смольевского хранится в архиве А.С. Ласкина. Встреча Лютика с Н.Я. состоялась в Детском Селе, вероятней всего, в сентябре 1927 г.
- 70 Голландский режиссер Франк Диаманд взял киноинтервью у Н.Я. 1 мая 1973 г. Фильм был смонтирован в 1976 г. и показан по телевидению в январе 1981 г., вскоре после смерти Н.Я.
- 71 В написанном на склоне лет очерке «Надежда Яковлевна» Э.Г. Герштейн замкнулась чуть ли не на исчерпывающий обзор проявлений бисексуальности у Н.Я., а заодно и «мормонства» у О.М., не исключая и приставаний лично к ней. Не довольствуясь этим, мемуаристка пошла еще дальше и постаралась объяснить потомству то, как сквозь призму сих обстоятельств следует понимать и поэзию, и чуть ли не поэтику Манделштама (*Герштейн*, 2002. С. 580–628).
- 72 «... Н.Я. всегда была склонна к разговорам на „запретные темы“. Уверила, что В.В. Розанов снял с них „табу“. Постоянной темой был „соломонов комплекс“ (700 жен и 300 наложниц). Она „проповедовала“ (иначе и не могу сказать) нечто вроде того, что сейчас называется „сексуальной революцией“. И даже собиралась писать книгу воспоминаний по тему: „Любовь 20-х годов“. Не упомяну всего, что она говорила тогда, но кажется, там речь шла о „любви втроем“» (*Бабаев*, 2000. С. 326).
- 73 *Ласкин*, 2002. С. 85–86.
- 74 Б.К. Лившиц, арестованный в 1937 г., дал под пытками показания, оформленные в протоколе как «признательные». В 1957 г. А.А. довелось давать свидетельские показания для реабилитации Б.К. Лившица (*Разумов А.Я.* «Я закрывала дело Лившица»: допрос свидетеля Ахматовой (*Ахматовский сборник*, 2006. С. 254–277)).
- 75 *РГАЛИ*. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 298. Л. 117.
- 76 *Н. Манделштам-1*. С. 414–416.
- 77 Об остром конфликте между В.Б. Шкловским и Н.Х. по поводу этой комнаты упоминает Э.Г. Герштейн (*Герштейн*, 2002. С. 725).
- 78 *Бабаев*, 1989. С. 226–227; *Герштейн*, 2002. С. 696–698.
- 79 Забавно, что в переписке А.А. величала Пунина точно так же, как Н.Я. именovala в переписке Харджиева, — «Николаша».
- 80 Одно время А.А. находила, что Н.Х. хорошо относится лично к ней, а к ее стихам равнодушен (*Л. Чуковская*, 2007. Т. 1. С. 57).
- 81 *Там же*. С. 87.
- 82 *Харджиев Н.* О рисунке А. Модильяни // *День поэзии-1967*. М., 1967. С. 252–253.
- 83 Подборкой стихотворений в «Огоньке», посвященных 70-летию Сталина, А.А. хотела вырвать из заключения своего сына. В 1950 г. в журнале «Огонек» (№ 14 от 2 апреля, № 36 от 3 сентября и № 42 от 15 октября) А.А. Сурков напечатал стихи из цикла А.А. «Слава миру», но на участии сына это не отразилось. По мнению Н.Н. Пунина, «Акума висела на волоске. Вероятно, ее спасли стихи в «Огоньке»» (*Пунин Н.Н.* Мир светел любовью: Дневники. Письма / Сост., предисл. и коммент. Л.А. Зыкова. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2002. С. 429).
- 84 Н.Я. называла его в первой своей книге «великим обольстителем, Цирцеей, кра-

сивым и обаятельным, когда захочет, человеком» (*Н. Мандельштам-1*. С. 328). Напомним, что Цирцея — это легендарная волшебница со сказочного острова Эя, спутников Одиссея она превратила в свиней, а его самого обольстительными речами год удерживала на своем острове, после чего родила от него сына.

85 *Фигурнова, 1999*. С. 118.

86 *Л. Чуковская, 2007*. Т. 1. С. 61, 105; на обороте рисунка В. Хлебникова имеется следующая надпись: «Н.И. Харджиеву от Ахматовой. Скоро 10 лет, как мы дружим. 2 дек. 1939 г.» (*Бабаев, 1989*. С. 225).

87 Сохранившиеся письма А.А. к Н.Х. см. в публикации: *Бабаев, 1992*.

88 *Там же*. С. 222–223.

89 Письмо-«рецензия» Н.Х. Э.Г. Герштейн на ее книгу «Новое о Мандельштаме» (Париж, 1986) (*АГМ*. Короб 155).

90 *РГАЛИ*. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 1000. Л. 9.

91 Н.Х. должен был принести вино и закуску, но опаздывал так, что А.А. уже ушла к месту своего ночлега; Н.Х. вернул ее назад звонком — благо, было недалеко, на Пречистенке. Этот пир на столике и маршруте известен под названием «бессарабская линейка» (*Н. Мандельштам-1*. С. 263–265).

92 *Там же*. С. 414–415.

93 Письмо от 28 мая 1967 г. — редкий случай, когда не письмо послужило эскизом для мемуарного эпизода, а мемуар для письма.

94 *Н. Мандельштам-1*. С. 415.

95 К сожалению, два письма Н.Я. к Н.Х. — от 14 января и 16 февраля 1965 г., которые находятся в московской части его архива и хранятся в *РГАЛИ* (Ф. 3145. Оп. 1. Ед. хр. 204), оказались нам недоступны.

96 В нем, конечно, нет той буквальности, ничем не прикрытой страстности, какую дышат письма Н.Я. к Кузину — документы прежде всего человеческие, а не литературные.

97 Она, кстати, не забывала об этом письме и в Ташкенте, прямо отсылая к нему того же адресата: «Теперь уже не напишешь, почему бы вам не приехать в Ташкент — далековато».

98 Энтузиасты ковыряния в грязном белье и специалисты по «дон-жуанским спискам», вдохновленные некоторыми мемуарами, появившимися в последние годы в печати, могут тут всё же не волноваться.

99 Эта калька с немецкого — «есть ваш друг» — повторяется неоднократно и перекликается с «Антологией житейской глупости» О.М. — «Это есть художник Альтман...» (*О. Мандельштам. Собр. соч.* Т. 2. С. 84) — и другими шутками и дразнилками.

100 По этому адресу жил А. Ивич с семьей.

101 Для того чтобы лучше понимать состояние и настроение самого Н.Х. осенью 1962 г., нелишне знать, что именно в это время и именно он затягивал всё издание тома стихов О. Мандельштама в «Библиотеке поэта».

102 См., например, следующий документ: «Управление Охраны Общественного Порядка Исполнительного комитета Московского городского Совета депутатов трудящихся. 24 июня 1964 г. № 9/6 — 1433. Тов. Маршаку С.Я. Москва, ул. Чкалова, д. 14/16, кв. 113. Уважаемый Самуил Яковлевич! Ваша просьба о прописке гр. МАНДЕЛЬШТАМ Надежды Яковлевны удовлетворена. Прописка ей по адресу: Лаврушинский переулок, дом 17, кв. 47 — разрешена. Начальник Управления Охраны Общественного Порядка Исполкома Мосгорсовета СИЗОВ» (*Фигурнова, 2001*. С. 183). Отметим, между прочим, что Николай Трофимович Сизов (1916–1996), историк, генерал-майор, был человеком причастным к литературе и кино: он печатал романы и повести, а позднее был генеральным директором «Мосфильма» и первым заместителем председателя Госкино.

- 103 Она запечатлена не столько в ее воспоминаниях, сколько в специальных очерках «Архив» и «Конец Харджиева» (*Н. Мандельштам-3*. С. 140–171), а также в некоторых письмах (в частности, к Н.Е. Штемпель).
- 104 См. примеч. 6 на с. 296–297.
- 105 *Н. Мандельштам-3*. С. 161–162.
- 106 Э.Г. Герштейн, обобщая, называла это почему-то не иначе как «профессионализмом». Могу засвидетельствовать, что искусство выпытать у собеседника интересующее тебя и не выдать ему интересующего его также входило в это своеобразное и несколько однобокое представление.
- 107 Письмо И.В. Исакович Н.Х. от 30 мая 1967 г. (*АГМ*).
- 108 Кстати, макет в руки Н.Я. вскоре попал, и она ужаснулась тому, что увидела.
- 109 *Мандельштам О.* Путешествие в Армению // *Литературная Армения*. 1967. № 3. И.В. Исакович тут же связалась с начальством на предмет ускорения издания и заключения с Н.Я. договора как с наследницей и выплаты ей 60% гонорара. Кстати, догадка редактора была правильной, хотя и опережающей реальные события. Действительно, еще в 1967 г. Л.М. Мкртчян хотел издать в Ереване томик Мандельштама, но занялся этим не раньше осени 1967 г., связавшись с Н.Я. через А.А. Тарковского. В письме Л.М. Мкртчяну от 16 октября 1967 г. Н.Я. не только согласилась с этим предложением, но и изложила свои представления о составе книги (копия письма — в собрании П. Нерлера). Примерно в это же время аналогичные переговоры велись и в Воронеже.
- 110 *РГАЛИ*. Ф. 2833. Оп. 1. Ед. хр. 283. Л. 6 об–7 об. Идея глобального сговора западных и своих славистов, конечной целью которого являлось похищение тех или иных сведений из не опубликованных еще его трудов, основательно обуяла Н.Х. (с Хлебниковым и хлебниковедами проблем у него было, кажется, еще больше).
- Библиографические сведения, сообщенные Г. Суперфином и Е. Барабановым в рецензии Г. Дальнего на американский трехтомник Мандельштама (*ВРСХД*. 1970. № 97. С. 140–144), он и Э.Г. Герштейн всерьез посчитали украденными из примечаний Н.Х. к еще не вышедшему тому в «Библиотеке поэта», а то, что другие филологи — вот чудак! — сидят себе в библиотеках и архивах и — в поисках следов О.М. — добросовестно просеивают всё что можно и что нельзя, было для них откровением.
- 111 На несколько дней свой экземпляр макета сборника дал Н.Я. для ознакомления член редколлегии «Библиотеки поэта» В.О. Перцов. В том же письме Н.Я. — вопреки всем фактам — вдруг «привызывает» факт своего знакомства с Н.Х. к А.А.: «Помните, как он ругался в телефон? Как я попала с ним! Смешно, но *все*, что от Анны Андреевны, всегда плохи (либо сразу, либо погодя)».
- 112 См. об этом свидетельства двух участников этой «операции» — самой Н.Я. (*Н. Мандельштам-3*. С. 124) и И.В. Сиротинской (*Сиротинская И.* Долгие-долгие годы бесед // Шаламовский сборник. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 132; более полная версия под названием «Поход за рукописями» — в сб.: *Сохрани мою речь..* Вып. 4. М., 2008. С. 274–278). См. также: *Мурина*, 2001. С. 165.
- 113 От волнения она даже пишет в адресе вместо привычного «Крапоткинская ул.» (именно так, как слышится, — через «а») — «ул. Крапоткина».
- 114 Подобные прозвища-дразнилки Н.Х. придумывал исключительно для своих врагов. Так, Н.Я. после мая 1967 г. он называл не иначе как «Иуда Яковлевна».
- 115 *АГМ*. Короб 155.
- 116 В чем, в чем, а в слабости по части «разрывных» писем Н.Я. не заподозришь! Перечитайте ее письма Б.С. Кузину за 1939 год!

- 117 Подробнее о конфликте вокруг архива А.А. и о суде см.: *Толстой Ю.К.* Спор о наследстве А.А. Ахматовой // *Правоведение.* 1989. № 3. С. 62–73; *Чуковская Лидия.* После конца // *Знамя.* 2003. № 1. С. 154–167; *Каминская А.Г.* О завещании А.А. Ахматовой // *Звезда.* 2005. № 5. С. 190–203; Ответ А.Г. Наймана // *Там же.* С. 204; «Приключенческий роман с неожиданными поворотами сюжета». Из переписки В.М. Жирмунского с Л.К. Чуковской (1966–1969) / Вступит. заметка, подгот. текста, публ. и примеч. Е.Ц. Чуковской // *Знамя.* 2007. № 1. С. 166–187.
- 118 Публикуется по ксерокопии подлинника (МА. Фонд Л.Н. Гумилева).
- 119 *Н. Мандельштам-3.* С. 138.
- 120 В примечаниях к статье «О завещании А.А. Ахматовой» А.Г. Каминская сообщает: «В ГПБ был передан И.Н. Пуниной архив А.А. Ахматовой — 10 000 ед. хр. общей стоимостью в 6435 руб. 45 коп., т. е. 1 ед. хр. оценена приблизительно в один рубль; из них: продано на сумму 3318 руб. 45 коп., в дар передано на сумму 3117 руб. В ЦГАЛИ (2000 ед. хр.) — в дар были переданы записные книжки, на одной из которых есть распорядительная надпись <... >, и продано на сумму 4500 руб. Мемориальные вещи и библиотека были сданы в музей Пушкинского Дома и в Музей истории Ленинграда на временное хранение с условием передачи их в Фонтанный дом, если там будет музей, что и было сделано спустя двадцать лет, в 1989 году — безвозмездно» (*Звезда.* 2005. № 5. С. 201).
- 121 Перенесенное заседание было назначено на 8 января, а состоялось 11–19 февраля 1969 г., и Ленинградский горсуд решил дело в пользу Л. Гумилева. Однако 3 июля 1969 г. Верховный суд РСФСР пересмотрел дело в пользу И. Пуниной (ЦГАЛИ и ГПБ, как полагали многие, вполне устраивали государство как места надежного хранения небезопасного во многих отношениях архива).
- 122 *Шаламов, 2004.* С. 784–785. Ср. об этом же, но в шуточной тональности, в письме Д.Е. Максимова, датированном июлем 1967 г.: «На всякий случай я решила жить до 90 лет (еще 22 года), чтобы самой подготовить академическое издание. Как вы к этому относитесь?» (*Максимов, 2007.* С. 325).
- 123 Очерк «Архив» был завершен в Верее 4 августа 1967 г. (*Н. Мандельштам-3.* С. 162).
- 124 *Шаламов, 2004.* С. 788.
- 125 Речь идет о стихотворении О.М. «Еще не умер ты. Еще ты не один...» (1937). «Нищенкой-подругой» в первой его строфе названа Н.Я. Это стихотворение Н.Х. напечатал полностью.
- 126 См. примеч. 6 на с. 302.
- 127 Тот же самый перечень, но в несколько более развернутом виде, она привела и в очерке «Конец Харджиева» (*Н. Мандельштам-3.* С. 166–170).
- 128 См. пункт 11 в письме Н.Я. к Н.Х. от 11 октября 1967 г. и примечание к нему.
- 129 См. примеч. 3 на с. 302.
- 130 См. примеч. 6 на с. 302.
- 131 Об этом свидетельствует Э.Г. Герштейн: «Через некоторое время Николай Иванович получает по почте письмо от Надьки со списком рукописей, которые он ей не сдал. На Николая Ивановича было страшно смотреть, я очень боялась за него. У него не было этих рукописей, потом они у Надежды Яковлевны нашлись. И это известно, но она не сказала ему: „Я ошиблась, рукописи все тут“. Она сочинила список рукописей, украденных Харджиевым. <... > И после получения этого списка, якобы того, что он ей не вернул, Николай Иванович сказал Наденьке: „Вы дрянь!“ Она этого забыть не могла никогда» (*Герштейн, 2002.* С. 723–724).
- 132 Другую немаловажную причину затихания скандала указывает Э.Г. Герштейн: ей, Н.Я. и Н.Х. предстояло вместе защищать интересы Л. Гумилева в споре И. Пуниной за наследство А.А., а компрометация Н.Х. не могла не ослабить позиций

- «Левиной» партии (*Герштейн, 2002. С. 723*).
- 133 *Н. Мандельштам-2. С. 402.*
- 134 Подробнее об этом см. пункты 2 и 8 письма 36 на с. 300–301 и примечания к ним, а также вступительную статью, с. 80.
- 135 *Баран Х.* Еще раз об идеологии Хлебникова // Труды Русской антропологической школы. Вып. 2. М., 2004. С. 98–112 (особенно с. 109). Однако не следует забывать, что речь идет о редактировании, осуществлявшемся в условиях 1939–1940 гг.
- 136 *Шатских А.* «Последний кружок им. Бухарина» // *Супремус. 1999. № 6* (без пагинации).
- 137 «Альбом Эренбурга» и «Ватиканский список» — машинописный и рукописный (составлен Н.Я.) сборники стихов О.М. Об отношении Н.Х. к спискам стихов Мандельштама см.: *Герштейн, 2002. С. 718.*
- 138 См.: *Швейцер В.* Спустя почти полвека (К выходу «Стихотворений» О. Мандельштама) // *Russica-81. Литературный сборник. New York: Russica Publishers Inc., 1982. С. 229–255.*
- 139 Дальнейшим разбором архива О.М. занимались И. Семенко, В. Борисов и А. Морозов, уже в 1968 г. напечатавшие фрагменты из записных книжек и заметок поэта (Вопросы литературы. 1968. № 4. С. 181–199).
- 140 *Н. Мандельштам-3. С. 162.*
- 141 Н.Х. отозвался на ее смерть эпиграммой, которую привела в своих воспоминаниях Л.В. Глазунова: «Потоки грязи источила / И христианкой опочила» (*Бабаев, 2000. С. 327*).
- 142 О том, как это отразилось на текстологии, см., например, ст.: *Богатырева С.И.* Воля поэта и своеволие его вдовы: проблемы текстологии позднего Мандельштама // «Отдай меня, Воронеж...» Третьи Мандельштамовские чтения. Воронеж, 1995. С. 360–377.
- 143 Но относительно мягко, по сравнению с очерками «Архив» или «Конец Харджиева», например.
- 144 Ул. Каляева, 21; в послевоенные годы она жила в Купянском пер., д. 3, кв. 7, и, начиная с 1961 г., на Никитинской ул., 38а, кв. 29.
- 145 Это стихотворение «предсвадебное» — в конце мая 1936 г. Н.Е. Штемпель вышла замуж за инженера-строителя Бориса Евгеньевича Молчанова (1907–1978); в конце того же года они разошлись.
- 146 В настоящее время находятся в *РГАЛИ.*
- 147 *Новый мир. 1987. № 10. С. 207–234* (журнальный вариант).
- 148 На ее могиле установлен памятник работы скульптора В.И. Циммерлинга (средства на его установку были собраны Мандельштамовским обществом, основным спонсором явился московский коллекционер В.С. Михайлович).
- 149 Например, нет писем за 1946–1951, 1954–1959 гг.
- 150 А вообще-то воли или ходу своему остроумному языку Н.Я. в письмах к Наталье Евгеньевне почти не дает.
- 151 *АМ. Короб 3. Папка 102. Ед. хр. 26.*
- 152 В зримых образах.
- 153 *АГМ. Папка 155.*
- 154 См. примеч. 1–4 на с. 362.
- 155 Другой вариант: он сидел в гостях у Н.Я., и в это время позвонила Наталья Евгеньевна.
- 156 По свидетельству А.И. Немировского, Н.Е. Штемпель доверительно рассказывала ему, что в несохранившихся письмах Мандельштама к ней она предстала «как новая Лаура» (сообщено Ю.Л. Фрейдиным).
- 157 Цит. по копии письма Н.Е. Штемпель Э.Г. Герштейн от 20 февраля 1983 г., предоставленной Н.В. Гординой.
- 158 Библиографию публикаций, сделанных на основании этой машинописи, см. на с. 109–110.
- 159 *Н. Мандельштам-2. С. 41–42.*
- 160 *Ахматовский сборник, 2006. С. 389;* здесь упоминается английская славистка Аманда Хейт и ее публикация «Поэмы без героя», авторизованная А.А. (*Ахматова А.*

Поэма без героя / Публ. А. Хейт // *Slavonic and East European Review*. Vol. XLV. No. 105. London, 1967. P. 475–496. См. также письма Л.К. Чуковской В.М. Жирмунскому от 10 октября 1968 и 18 июня 1969 г. (*Ахматовский сборник*, 2006. С. 423, 425 и 447). 161 Л. Чуковская, 2001. С. 219. В письме В.М. Жирмунскому от 17 декабря 1967 г. Л.К. Чуковская объясняет сделанную А.А. замену эволюцией общего замысла поэмы: «И понятно, что пока А.А. думала о своей „Поэме“, как о „13 годе“ — только, — там должен был быть Мандельштам. Но потом, с годами, окрепла сквозная сюжетная линия, всё сконцентрировалось вокруг основных героев и стало В.К. А О.М. вообще выпал» (*Ахматовский сборник*, 2006. С. 389; здесь и далее курсив Л.К. Чуковской). Об этом же она писала и 10 октября 1968 г.: «Насчет Посвящения — В.К. или О.М.? Когда А.А. читала мне его впервые, она говорила, что оно посвящено О.М. О дивных рещницах О.М. упоминала много раз. Почему же стало В.К.? Я думаю, потому, что, работая над „Поэмой“, АА очень заботилась об уточнении сюжета, о концентрации всего материала вокруг главных героев, о ясности. О.М. героем не стал, сюжет укрепился вокруг В.К. Тогда АА перепосвятила посвящение... Аманда права (!?!), говоря в примечании, что посвящение относится к обоим. (Она написала это, насколько я знаю, со слов Над. Як. Это верно, хотя и не принято.)» (*Там же*. С. 423). В том же письме Л.К. Чуковская благодарит В.М. Жирмунского за присылку ахматовского отрывка «Через 23 года», посвященного, как ей тогда казалось, О.М. При таком понимании получалось, что «Поэма без Героя», «начатая в 40 г., открывається посвящением О.М. (в сущности!) и кончается прощением с ним в 63 г. — через 23 года...» (*Там же*. С. 425). 162 Н. Мандельштам-2. С. 257. 163 А. Найман вспоминал об этом посещении так: «В один из вечеров отправи-

лись к Надежде Яковлевне. Она снимала комнатку в коммунальной квартире у хозяйки по фамилии Нещетаева, что прозвучало в той ситуации не так забавно, как зловеще. Она была усталая, полубольная, лежала на кровати поверх одеяла и курила. Пауз было больше, чем слов, явственно ощущалось, что усталость, недомогание, лежание на застеленной кровати, лампочка без абажура — не сиюминутность, а такая жизнь, десятилетие за десятилетием, безысходная, по чужим углам, по чужим городам. Когда через несколько лет она наконец переехала в Москву, это был другой человек: светлая, что-то ненужное доказывающая, что-то недостоверное сообщаящая, совершенно непохожая на ту до конца дней явно или прикровенно ссыльную, которой нечего терять и недопустимо и унижительно — прельщаться мелочами беззаботной жизни вольняшек» (*Найман*, 1999. С. 112–113). 164 Бродский И. Сочинения. СПб., 1999. С. 109, 111 (авторизованный перевод с английского Льва Лосева). 165 *Там же*. С. 110–111. 166 *Там же*. С. 113. 167 *Там же*. С. 115. 168 *Найман*, 1999. С. 114–115. 169 Л. Чуковская, 2001. С. 5–238. 170 *Там же*. С. 98–99. 171 ВРСХД. 1973. № 108–110. С. 189, 191. 172 Н. Мандельштам-2. С. 605–606. 173 РГАЛИ. Ф. 2788. Оп. 1. Ед. хр. 625. Л. 5. 174 О. Мандельштам. *Собр. соч.* Т. 2. С. 603. 175 Об особой «оптике» мемуаров Н.Я. пишет и Е. Мурина: «[Н.Я.] не историк. Для нее <...> истина была сосредоточена в Мандельштаме-поэте и том мире культуры, который он олицетворял. Всё остальное она видела сквозь эту призму, игнорируя драматизм борьбы за сохранение культурных ценностей перед тотальным натиском идеологии. Тем самым она многих задела, повергла в гневное неприятие ее второй книги» (*Мурина*, 2001. С. 145).

От составителя

В настоящее издание входят неизданная мемуарная книга Н.Я. Мандельштам «Об Ахматовой» (название дано составителем), а также ее переписка с четырьмя корреспондентами — А.А. Ахматовой, Е.К. Лившиц, Н.И. Харджиевым и Н.Е. Штемпель. Эта переписка дополняет мемуарный корпус, существенно помогая понять историю как его написания, так и его вытеснения будущей «Второй книгой» Н.Я. Мандельштам.

Издание снабжено вступительной статьей, примечаниями и аннотированным именованным указателем, одна из задач которого состоит в освобождении примечаний от персональных сведений.

Текст воспоминаний Н.Я. Мандельштам об А.А. Ахматовой дается по оригиналу машинописи, в свое время подаренному составителю Н.Е. Штемпель и хранящемуся в его архиве. Впервые фрагмент из этой книги был напечатан в 1989 году, в ахматовском номере журнала «Литературная учеба»: Надежда Мандельштам [Об Ахматовой] / Публ., послесл. и примеч. П. Нерлера // Литературная учеба. 1989. № 3. С. 134–158. Эта публикация не осталась незамеченной, несколько раз ее перепечатавали — и, как правило, с указанием на источник — составители различных ахматовских сборников. Например: *Мандельштам Н. Из воспоминаний* // Анна Ахматова. REQUIEM / Предисл. Р.Д. Тименчика. Сост. Р.Д. Тименчика при участии К.М. Поливанова. М.: Изд-во МПИ, 1989. С. 177–179 [Фрагменты]; *Мандельштам Н. Из воспоминаний* // Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В.Я. Виленкин и В.А. Черных. М.: Сов. писатель, 1991. С. 299–325; *Мандельштам Н. Ахматова* // Анна Ахматова и ее окружение / Сост. К. Поливанов. М.: Прогресс, 1991. С. 100–129. (На англ. яз.).

Настоящее издание готовилось в качестве первой полной публикации книги. Однако ее текст оказался в сборнике: *Мандельштам Н. Третья книга* / Сост. Ю.Л. Фрейдин. М.: Аграф, 2006. С. 17–130 (под заглавием <Думая об А.А.>. Первоначальный

вариант «Второй книги»), где он дан по нашему источнику, но без нашего согласия.

В дошедшей до нас машинописи текст структурирован следующим образом. Три большие, обозначенные римскими цифрами I, II и III, части соответствуют обособленным главам. Каждая из них разбита на периоды, отделенные друг от друга звездочками и состоящие из неравного количества абзацев, как правило, весьма объемных и охватывающих сразу несколько тем, сюжетных линий или их фаз.

Сохраняя и части, и их нумерацию, мы, ориентируясь на графику мандельштамовской прозы, звездочки заменили пробелами, а часть крупных абзацев разбили на тематически замкнутые абзацы меньшего размера.

Хотя машинопись и имеет внутреннюю завершенность, но вместе с тем она несет в себе и единичные элементы неполной окончательности: грамматические рассогласования, недописанные слова или оставленные до финальной правки незачеркнутыми рабочие варианты («легко» и «с чрезмерной легкостью», например).

Неокончательный характер рукописи имел одним из своих следствий незавершенность отдельных фраз, реже абзацев, сокращенные написания некоторых слов. Соответствующие конъектуры даются для наглядности в квадратных скобках.

Дополнительная разбивка текста на абзацы, графическое выделение самоочевидных оборотов прямой речи, пунктуационная правка и исправление очевидных опечаток (например, замена «Элуара» на «Элюара» или «метра» на «мэтра») даются без особых оговорок.

Иногда у Н.Я. среди абзаца возникает взятый в скобки текст, явно относящийся к одной конкретной фразе или даже слову из этого абзаца. Функционально такие «скобки», размером от одной до трех-четырёх фраз, являются не чем иным, как текстуально локализованным автокомментарием. Избранная же Н.Я. форма их размещения в машинописи связана главным образом с удобством их печатания на пишущей машинке.

Это придало нам дерзости вынести «скобки» в подстраничные сноски, приведя тем самым в соответствие функциональное и графическое решение соответствующих мест в тексте. Аналогичные автокомментарии (иногда это цитаты из стихотворений), но размером всего в несколько слов, в оригинале скобками не обознача-

ются (чаще всего они выделяются в тексте тире): их мы, напротив, заключаем в круглые скобки, проясняя грамматический рисунок фраз и облегчая тем самым восприятие текста в целом.

Сноски Н.Я. в тексте даются подстранично, тогда как неавторские примечания идут в сквозной нумерации в конце книги.

Переписка Н.Я. Мандельштам печатается по следующим источникам:

— письма А.А. Ахматовой Н.Я. Мандельштам — по оригиналам в фонде О.Э. Мандельштама в Файерстоунской библиотеке Принстонского университета (Принстон, США), Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме (Санкт-Петербург) и Российского государственного архива литературы и искусства (Москва);

— письма Н.Я. Мандельштам А.А. Ахматовой — по оригиналам в фонде А.А. Ахматовой в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге и собрании А. Каминской, Санкт-Петербург (телеграммы из этого собрания оказались нам недоступными и печатаются по тексту первой их публикации);

— письма Н.Я. Мандельштам Е.К. Лившиц — по оригиналам в фонде Е.К. Лившиц в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге;

— письма Н.Я. Мандельштам Н.Е. Штемпель — по оригиналам в архиве составителя;

— письма Н.Я. Мандельштам Н.И. Харджиеву — по оригиналам в собрании Н.И. Харджиева и Л.В. Чаги в архиве Городского музея Амстердама (Голландия);

— письма Н.И. Харджиева Н.Я. Мандельштам — по оригиналам в фонде О.Э. Мандельштама в Файерстоунской библиотеке Принстонского университета (Принстон, США) и по черновикам в собрании Н.И. Харджиева и Л.В. Чаги в архиве Городского музея Амстердама (Голландия).

Все письма из переписки Н.Я. Мандельштам с Е.К. Лившиц и Н.Е. Штемпель, подавляющее большинство писем из ее переписки с Н.И. Харджиевым, а также отдельные письма и телеграммы А.А. Ахматовой к Н.Я. Мандельштам публикуются впервые.

Составление и вступительная статья — П.М. Нерлера.

Подготовка текста — П.М. Нерлера (письма Н.Я. Мандельштам Е.К. Лившиц), П.М. Нерлера и С.В. Василенко (воспоминания

Н.Я. Мандельштам «Об Ахматовой», письма А.А. Ахматовой Н.Я. Мандельштам, переписка Н.Я. Мандельштам с Н.И. Харджиевым и с Н.Е. Штемпель) при участии Н.И. Крайневой (письма Н.Я. Мандельштам А.А. Ахматовой).

Комментарии — П.М. Нерлера (воспоминания Н.Я. Мандельштам «Об Ахматовой», переписка Н.Я. Мандельштам с Н.И. Харджиевым и Н.Е. Штемпель, письма Н.Я. Мандельштам Е.К. Лившиц, письма А.А. Ахматовой Н.Я. Мандельштам) при участии Н.И. Крайневой (письма Н.Я. Мандельштам А.А. Ахматовой).

Аннотированный указатель имен — П.М. Нерлера и С.В. Василенко при участии Н.И. Крайневой.

Археографические принципы публикации писем таковы.

Источники текста и сведения о первых публикациях указываются в каждом конкретном случае отдельно.

Описки в тексте исправляются без оговорок, семантически значимые особенности сохраняются (например, «вас» с маленькой буквы или «чортов» через «о» — своеобразное «наследие» О.М.). Авторские однократные и двойные подчеркивания даются первые — курсивом, вторые — полужирным курсивом.

Письма печатаются в хронологическом порядке, неавторский текст при публикации выделяется курсивом.

Конъектуры и датировки писем и телеграмм на основании почтовых штемпелей и служебных отметок даются в прямых скобках, предположительные даты и другие сведения — в угловых. Зачеркнутые слова или части слов не показываются.

Примечания даются отдельно к корпусу книги и к каждому из четырех разделов переписки.

Сведения об упоминаемых лицах приводятся в именном указателе.

В книге приняты следующие сокращения имен основных персонажей: О.М. — Осип Эмильевич Мандельштам, Н.Я. — Надежда Яковлевна Мандельштам, А.А. — Анна Андреевна Ахматова и Н.Х. — Николай Иванович Харджиев.

Кроме того, используются аббревиатуры и библиографические сокращения (см. их перечень в конце книги).

Составитель считает своим приятным долгом от всего сердца поблагодарить всех, кто помог ему при подготовке настоящей

книги, — Е. Бабаеву, Р. Баранцева, С. Василенко, М. Вахтеля, Л. Гейро, Н. Гордину, М. Горнунга, Ю. Живову, Д. Заславского, И. Иванову, С. Ивич-Богатырёву, Г. Иманзе, В. Исакович, Н. Крайневу, А. Курилкина, А. Ласкина, О. Ласунского, В. Литвинова, Е. Мачерет, А. Меца, Т. Муштавинскую, А. Наймана, А. Наумова, А. Немировского, Л. Николаеву, В. Перельмутера, Е. Пермяков, Н. Поболя, А. Попова, Н. Попову, И. Сиротинскую, Д. Скемера, Н. Струве, Г. Суперфина, Р. Тименчика, Б. Фрезинского, Ю. Фрейдина, В. Черныха, О. Шамфарову, Н. Шапиро и В. Шкловскую.

Павел Нерлер

Москва–Фрайбург, декабрь 2006 — ноябрь 2007

Н.Я. Мандельштам
Об Ахматовой

Надпись на книге: «Другу Наде, чтобы она еще раз вспомнила, что с нами было»¹.

Из того, что с нами было, самое основное и сильное — это страх и его производное — мерзкое чувство позора и полной беспомощности. Этого и вспоминать не надо, «это» всегда с нами. Мы признались друг другу, что «это» оказалось сильнее любви и ревности, сильнее всех человеческих чувств, доставшихся на нашу долю. С самых первых дней, когда мы еще были храбрыми, до конца пятидесятых годов страх заглушал в нас всё, чем обычно живут люди, и за каждую минуту просвета мы платили ночным бредом — наяву и во сне.

У страха была физиологическая основа: хорошо вымытые руки с толстыми короткими пальцами шарят по нашим карманам, добродушные лица ночных гостей, их мутные глаза и покрасневшие от бессонницы веки. Ночные звонки — «пока вы мирно отдыхали в Сочи, ко мне уже ползли такие ночи и я такие слышала звонки»², топот сапог, «черные вороны» — а кто там? — болван, дежурящий на улице не для того, чтобы узнать что-нибудь дополнительное о нас, а просто с целью пугнуть и окончательно запугать.

Ночью в часы любви я ловила себя на мысли — а вдруг сейчас войдут и прервут? Так и случилось, оставив после себя своеобразный след — смесь двух воспоминаний³.

Кроме физиологии была и другая сторона, вроде как нравственная. В 38-м мы узнали, что «психологические методы допроса» отменены и «там» перешли на «упрощенный допрос»⁴, то есть просто пытаются и бьют. А.А. сказала: «Теперь ясно — шапочку-ушаночку и — шась!» И мы почему-то решили: раз без психологии, больше бояться не надо — пусть ломают ребра...

Но вскоре она передумала: как так не бояться? Бояться надо — мы же себя не знаем: а вдруг нас сломают и мы чорт знает чего

наговорим, как такой-то, такой-то и такой-то, и по нашим спискам будут брать, и брать, и брать... В самом деле, откуда людям знать, как они будут вести себя в нечеловеческих условиях? Я многому научилась от нее и этому тоже: Господи, помоги, ведь я даже за себя поручиться не могу...

Больше всего А.А. боялась «непуганых». В наших условиях это самые опасные люди. «Непуганый» лишен сопротивляемости. Если «непуганый» попадает в их лапы, он по глупости может загубить всех родных, знакомых и незнакомых. Родители, охраняя детей, растили их в неведеньи, а потом могли сесть родители, оставив «непуганого» на произвол судьбы, или садился сам «непуганый», милый человек с открытой душой, или наконец — никто не садился — повезло ж людям! — и «непуганый» ходил по улицам и по домам, разговаривая по своему разумению, а иногда даже писал письма или вел дневник, а расплачиваться за его идиотизм приходилось другим. Для нас «непуганый» был хуже провокатора: с провокатором хитришь, и он понимает, в чем дело, а «непуганый» смотрит голубыми глазами, и его не заткнешь.

В наши дни только страх делал людей людьми, но только при условии, что он не влечет за собой низкой трусости. Страх был организующим началом, а трусость — жалкой сдачей позиций. Этого мы себе позволить не могли, да, правду сказать, такого искушения у нас не было.

В самые страшные годы А.А. всегда первая приходила в дома, где ночью орудовали «дорогие гости». Это про них: «И всю ночь напролет жду гостей дорогих, шевеля кандалами цепочек дверных»⁵. Недавно я спросила у Таточки, дивной красотки, отстукавшей на свое счастье только пять лет без повторных приговоров, но со всеми последующими изъятиями, непрописками, капканами и лишениями: «А она пришла?» — «Конечно, — ответила Таточка. — Сразу же... Первая... Мы еще не успели убрать...» — «А кто сказал, что теперь надо иметь только пепельницу и плевательницу — ты или она?» — «Конечно, она», — удивленно ответила Таточка.

Эта прелестная женщина, вдова Л., символизирует для меня бессмысленность и ужас террора — нежная, легкая, трогательная, за что ей подарили судьбу? Вот уж действительно женщина как цветок — как смели отравить ей жизнь, уничтожить ее мужа, плевать ей при допросах в лицо, оторвать от маленького сына, которого она уже никогда не увидела, потому что и он погиб, пока она гноилась

на каторге в вонючем ватнике и шапочке-ушанке. За что? Это жертва в угоду идее о том, что мир надо переделать, чтобы сделать всех людей счастливыми, и такая великая задача посильна только сверхчеловеку, окруженному сильными людьми, — это вариант сверхчеловека, только по второму сорту, которым всё можно. Чего только не сделаешь из любви к людям...

А с другой стороны, моя Тата, оставшаяся прелестной даже в старости, — это символ женской силы, невиданного пассивного сопротивления тем, кто превратил «сильных мужчин» в покорную и дрожащую тварь с хорошо организованным коллективным разумом. Кто сказал, что коллективный разум всегда тварный? Это Таточка ответила прокурору, когда он сказал ей, что она может вторично выйти замуж — так у нас иногда, в виде особой милости, сообщали о расстреле, гибели или другой форме уничтожения мужа: «Я с мертвыми не развожусь».

Женщины выходили из испытаний не такими изломанными, как мужчины, среди них было меньше психозов, они не так легко сдавались, хотя их тоже морили голодом, бессонницей и били. Даже свою каторгу они выносили с большей стойкостью, чем мужчины. Шаламов мне сказал, что женщины иногда приезжали к своим мужьям на Колыму, чтобы хоть чем-нибудь облегчить им существование. Они шли на невероятную муку, их насиловали, над ними издевались. Но они приезжали и жили там. Но он никогда не слышал, чтобы хоть один мужчина приехал к своей жене или возлюбленной — «дорогая, я за тебя жизнь отдам...».

Что дала нам эта проклятая эпоха звериного страха? Что могу я сказать в ее оправдание? Может, и смогу, если подумаю, а пока: всё же были отдельные люди, которые оставались людьми, единицы, капля в море, но не все превратились в нелюдь. И еще: в таких условиях человек познается быстрее и легче, чем там, где, спрятавшись под условные формы приличных фраз и приличного поведения, нелюдь может гримироваться под человека, и, наконец, острые болезни если не приводят к полной гибели, то дают более полное выздоровление, чем хронические, медленно протекающие и оставляющие навсегда пагубные следы. Все три найденные мною наспех оправдания относятся скорее к отрицательному, чем к положительному ряду чисел.

Нас с А.А. очень интересовал вопрос о том, что такое храбрость. Во-первых, мы сразу выяснили, что храбрость, смелость и стойкость не синонимы. Во-вторых, жалкие трусы в повседневной жизни — блюдолизы, чиновники, поедающие глазами начальство, не смеющие не только высказать, но даже хранить в душе собственное мнение, оказывались во время войны храбрыми офицерами, настоящими несокрушимыми воинами. Что укрепляло в них воинский дух? Уж не то ли, что они просто выполняли приказы, снимая с себя всякую ответственность за происходящее?

То, что происходило у нас, можно назвать кризисом духа, и так называемые настоящие сильные мужчины, «химены»⁶, как говорят англичане, первые сложили с себя ответственность за всё, что делается, и покорно построились в ряды, голосующие «за». А те, что послабее, из тех, про которых говорят: «что он за мужчина», — проявили наибольшую сопротивляемость. В слабом теле неожиданно оказался клочок духа. Не бог вещь какой силы, но по нашим грехам и то хорошо. Они вместе с женщинами кое-как барахтались, поддерживая веру в человека, что он еще может возродиться, покаяться и начать новую жизнь. Сильные лезли наверх по социальной лестнице, слабые застревали на нижних ступеньках. Новое время принесло огромную категорию молодых, которые сознательно отказываются от благополучия и карьеры. Это первый признак выздоровления, и мы успели с А.А. отметить его как прекрасный симптом. Впрочем, нельзя поручиться, что молодые, у которых еще всё впереди, не свернут на старый путь. Кто их знает? С ними как с непугаными, — всё зависит от обстоятельств.

К счастью, ее уже нет, а мои дни сочтены.

Деревенские бабы по утрам рассказывают друг другу свои сны. Я расскажу про то, что А.А. называла «мой сон»: в нем сгустилось время — три десятка лет слились в один комок, и нестерпимая боль за двух людей, к которой примешивалось, вероятно, чувство вины, получила символическое оформление.

Коридор пунинской квартиры⁷, где стоит обеденный стол, а в конце за занавеской спит Лева, когда его пускают в этот дом, — старшее поколение Пуниных⁸ все-таки было почеловечнее, и Леву не всегда выгоняли. В коридоре «они», ей предъявляют ордер и спрашивают, где Гумилев. Она знает, что Николай Степанович спрятался у нее в комнате — последняя дверь из коридора налево. Она выводит из-за занавески сонного Леву и толкает его к чекис-

там: «Вот Гумилев». Остается неизвестным, которого из двух они ищут: ведь старший уже убит. «Меня мучит, что я отдала им Леву», — сказала она мне, когда в первый раз рассказывала «мой сон».

А что, в сущности, ей оставалось делать? Они ведь могли бы забрать обоих. Выхода не было даже во сне.

Разные эпохи — разные сны. Первая эпоха — в ней сплющилось много лет и несколько десятилетий с однотипными снами увода и гибели. Следующая пошла на постепенное преодоление страха. К ней относится тот сон, который я видела в Пскове⁹. В нем тоже участвует тот, которого уже не было. Отчаянный стук в дверь. Меня расталкивает О.М.: «Одевайся, это за [нами]...» — «Нет, — отвечаю я. — Тебя ведь уже нет, за тобой не придут. А если за мной, то плевать. Пусть хоть ломают дверь, мне какое дело? Надоело... Хватит...» И, повернувшись на другой бок, я снова во сне засыпаю.

Смешное последствие этого сна — меня нельзя разбудить стуком и звонками: я не желаю просыпаться. Однажды в Тарусе приехавшие за чем-то шоферы грузовика — их послал хозяин дачи — так стучали во все окна и двери, что чуть не разнесли дом, но я не позволила себе проснуться. Проснуться и открыть — это своеобразное «сотрудничество», а сотрудничать в этом деле я с ними не собираюсь. Если меня пожелают затоптать и уничтожить, это будет сделано без моего согласия.

Итак, я преодолела страх. Это случилось не рано и не поздно, а тогда, когда следовало, то есть когда распространились в списках стихи О.М. и я перестала над ними дрожать: теперь их уничтожить и стереть с лица земли, как человека, уже нельзя. Мое дело сделано.

С Анной Андреевной было сложнее: во-первых, Лева, во-вторых, еще не написанные стихи. Иногда я ей говорила: «Чего вы боитесь? Нам уже терять нечего», — а она отвечала: «Нет, мне еще есть что терять».

В новую эпоху страх сменился тем, за что ее хвалил Сурков: «Исключительно тактично себя ведет...» На моем языке это называлось «чрезмерная осторожность». В какой-то момент ее уговаривали послать «Реквием» в редакции журналов, например, в «Новый мир»¹⁰. Она ведь огорчалась, что ее стихи мало циркулируют в списках. Но в редакции она их послать отказывалась. «Что вы хотите, чтобы опять весь удар пал на меня?» — сказала она мне.

А вот стихи О.М. она раздавала со всей силой, всячески содействуя их распространению: «Наденька, всё с Осей благополучно.

Он в Гутенберге не нуждается», — говорила А.А.,¹¹ когда я огорчилась, что книги упорно не выходят. Это действительно так. Купив книгу, можно ее потерять или не прочесть. А кто забудет стихи, которые он раздобывал с огромным трудом, а потом тайком переписывал на машинке? С такими стихами не так просто расстаться. В этом преимущество нашей догутенберговской эпохи.

Во второй период новой эпохи А.А. почувствовала почву под ногами и расщастливилась — к этому времени «Реквием» уже вырвался из-под ее опеки и куда-то улетел. В эти дни исчезла ее обычная ожесточенность и она даже раз сказала мне: «Довольно об этом думать — есть в жизни еще что-то, кроме политики...» Разве мы могли подумать, что доживем до того, что сейчас? Ведь нам казалось, что «он — вечный». Так и было.

Новая эпоха началась с того дня, когда мы шли с ней по улице — в церковный садик, куда я водила ее гулять, — и заметили на улице множество шпиков. Они торчали из всех подворотен, всюду и везде. «Это за нас, а не против нас, — сказала А.А., — вы не бойтесь — там что-то делается хорошее». Иначе говоря, это шло какое-то совещание, предварявшее знаменитый съезд¹². Но успокоились мы лишь в шестидесятых годах, и успокоение длилось один миг.

Совет А.А. «думать о другом» означал только, что она поддалась старческой иллюзии. В старости бывает такой период благодушия, когда всё видится в розовом свете; этим благодушием страдает и ранняя молодость. Молодой дурью болела и я. А.А. напомнила мне, что в начале нашего знакомства я была вполне «просоветски» настроена, то есть почти равнодушно слушала ее рассказы про очередные аресты и верила, что «так» продолжаться не может и рано или поздно всё войдет в свою колею. Это одна из бесчисленных ошибок моей молодости, исправить которые нам не дано. И мне, и ей пришлось снять розовые очки. Страх вернулся к ней перед самым концом.

Последние месяцы жизни А.А. провела в Боткинской больнице¹³. До этого она жила у Ардовых¹⁴ — Ира по обыкновению выгнала ее на зиму — чтобы не мешала. Она всё хотела приехать посмотреть мою новую квартиру¹⁵, уже было собралась, но ей стало плохо. Отложили на два дня, но она очутилась не у меня, а в больнице. В испуге я помчалась к ней. Меня провожал Шаламов¹⁶. Он остался ждать в раздевалке, а я поднялась наверх. Такой страшной я ее никогда не видала. Она лежала в полузабытьи, уже отрешенная

от жизни, но всё же узнала меня. Изредка, открыв глаза, она делала над собой явное усилие и обращалась ко мне. Меня поразило, как тщательно она подбирает, о чем заговорить — о самом добром, о том, что нас связывало, о прошлом... «Надя, я так болела в Ташкенте¹⁷, а вы были со мной... мне так хотелось к вам приехать... вы берегите мои „листки“¹⁸, и я напишу еще...»

Я спустилась к Шаламову в полном ужасе: конец, как быть без нее? Но она, как всегда, сделала то, чего никто не ожидал, — воскресла. Меньше всего этого ожидали врачи, как она мне сказала, уже сидя в коридоре и готовясь переезжать домой^{**}. В тот день ее смотрела врачиха и удивлялась, как это она выкарабкалась. «Вероятно, вам еще что-то надо сделать», — сказала я. «О Господи, сколько ж еще делать?» — ответила она. Откуда у нас взялась вера, что человек покидает этот мир, лишь завершив то, что ему полагалось сделать на земле? Государство доказывало нам совсем обратное: ведь О.М. ушел в самом расцвете, полный сил и замыслов. Уходя, он был крепким и спокойным человеком. Во что они превратили его в несколько месяцев? Он из тех, кто органически не переносил насилия. Запертый, он так метался, что переставал быть собой. И у него всегда было предчувствие насильственной смерти: «Еще немного — оборвут простую песенку о глиняных обидках...»²⁰ Именно оборвут, а не что иное. Вот это у нас умели без промаха.

Теперь вроде и полегче: один видный писатель очень точно сказал про дело Д. и С.²¹: чего подняли шум? В двадцатых годах мы за это ставили к стенке, и никто не шумел...²² Что правда, то правда, но лагерная пыль всё равно остается лагерной пылью²³: «До самой могилы, попадья...»²⁴

В привилегированном отделении, где лежала А.А., простых смертных не было, только тещи и матери номенклатурных работников, деятельницы двадцатых годов, случайно уцелевшие от разгромов, твердо помнящие, как и за что ставили к стенке, чтобы сохранить достижения революции. Они читали в газетах про дело С. и Д. и громко его комментировали: «Вот так подонки... в наши дни...» «Каково мне это слушать?» — жаловалась А.А. И шепотом: «Пусть Д. и С. потеснятся — мое место с ними»²⁵. «В инфаркте

* Это и сейчас непонятно — ведь она была всегда!¹⁹

** Какой там дом! Никакого дома у нее не было, а я побоялась взять ее к себе: как быть без телефона — вдруг что-нибудь случится и надо [будет] вызвать неотложку?

шестой прокурор»²⁶, — процитировала я. Она замахала руками: тише, услышат... И вдруг я увидела, что к ней вернулся страх. «Что вы, Ануш, вас не тронут...» — «А „Реквием“? Ведь это то же, что у них...»

Я не могла ей сказать прямо в глаза, что у нас действительно произошла перемена к лучшему и умирающих не стягивают с больничной койки, чтобы отвезти на допрос. Та эпоха кончилась. Наступила новая: открытый суд по приглашениям, общественные обвинители, прокурор, защитник и небольшая горсточка лагерной пыли за преступное печатанье неподходящих литературных произведений. А чтобы литературные произведения не удирали в другой мир, писателям предлагается забирать их из редакции, где отказались их печатать, и получше прятать дома, а то и уничтожать. Второе даже патриотичнее: зачем писать и держать вещи, которые нельзя у нас напечатать? «Но вас, Ануш, не тронут, право же, не тронут... Вам простят „Реквием“... В крайнем случае, вы сами попросите прощения». Это был последний приступ страха — перед самой смертью.

Она вышла из больницы, и ее действительно никто не тронул. Умерла она на второй день по приезде в санаторий. Три дня тело держали в морге — праздник 8 марта — Международный женский день. Люди звонили в Союз за справками, но им отвечали, что она уже в Ленинграде: боялись толпы на похоронах. Девятого марта тело выставили в маленьком зале морга, с ней простилась небольшая кучка народу²⁷, а потом тело отвезли на аэродром и погрузили на самолет. Несколько человек, в том числе и я, провожали ее тем же самолетом.

Тело из Москвы, в сущности, выкрали — такова российская традиция²⁸. Какие-то женщины устроили по этому поводу скандал на партийном собрании в Союзе: почему не дали проститься с Ахматовой? Некто из важных руководящих работников, как рассказывают, объяснил: «Мертвых, товарищи, нам бояться не надо...»²⁹ Так ли это? А самое замечательное, что боимся мертвых и живых не только мы, но и они. У них есть что терять, и они боятся еще больше, чем мы, которым терять нечего.

Страх душил и душил нас. Освободившихся от страха мало, но среди них — [и] я. Меня уже не застрашают, потому что мое дело сделано.

«Мы даже не подозревали, что стихи так живучи», — сказала мне А.А., успевшая дожить до дней, когда люди снова вернулись к стихам. А в двадцатых годах Тынянов успел предсказать конец стихов и переход к прозе³⁰. В течение нашей долгой жизни несколько раз возникали, а потом исчезали читатели стихов. Первая волна интереса к стихам поднялась в десятиные годы. Это символисты воспитали нового читателя. Как ни отрекались потом от символистов, они провели огромную воспитательную работу и разбудили тягу к поэзии — в узких, правда, кругах. Резкий спад интереса начался в тридцатых годах. «Никто не знает теперь Мандельштама, — сказал как-то Катаев. — Разве только я или Евгений Петрович где-нибудь напомним о нем...» Я подумала: вот нахал, тоже нашелся посредник, но О.М. меня успокоил: «Сейчас так и есть...» И действительно, так и было, хотя имя находилось под запретом не больше десяти лет, а публикации стихов и прозы проскользнули еще в 31–32-м годах³¹. Самое удивительное, что О.М. легко переносил это забвенье. Оно его не беспокоило. Его бесил лишь запрет печататься, а то, что читатель забыл его, он приписывал, вероятно, непечатанью или, скорее всего, вовсе о нем не думал. А на самом деле всё обстояло гораздо серьезнее.

Новый подъем читательского интереса начался во время войны. Тот же Катаев — в отличие от прочих писателей этот человек всегда узнавал меня и, бросив очередную девку среди улицы, подбегал ко мне даже в центре Москвы и Ташкента — приехал в Ташкент и сообщил мне: «Ахматова переживает вторую славу, надо обязательно зайти к ней посмотреть, как это выглядит...» Боюсь, что то, что А.А. считала новым подъемом, захватило лишь старых читателей типа Катаева.

В Среднеазиатском университете моя сослуживица Усова уговорила меня послушать молодого поэта из эвакуированных. Это был сверхмодный юнец из Одессы, и его набор поэтических авторитетов не включал ни одного поэта, кроме тех, кто печатался в толстых журналах, зато он обзавелся мирноносцами, верившими в него как в Симонова грядущих дней³². Я нечаянно произнесла имя Ахматовой, и поэт вместе с мирноносцами оскорбился: что за старье!

Там же, в Ташкенте, я присутствовала еще при одной пикантной сценке — словоизвержении Миши Вольпина, характерном для неблагодарного читателя двадцатых годов. Свежие, подтянутые, в военной форме, Эрдман и Вольпин явились в дом на Жуковской³³,

куда расселили часть эвакуированных писателей. Они зашли к моему брату Е. Хазину. Эрдман по обыкновению молчал, а держал речь Вольпин. Он рассуждал о том, что из поэтов ему, Вольпину, интересен Есенин и Маяковский: «улица корчится безъязыкая», «барам в баре»³⁴, волосы как пшеница, мало ли что... Ахматову ему читать скучно — зачем ему Ахматова? Подумаешь тоже: любит — не любит...

В своевольной атмосфере двадцатых годов появился своевольный читатель, который желал, чтобы ему чесали пятки. Этот читатель жаждал «новаторства» и, кроме новаторства, не признавал ничего. Это слово означало ломку формы и всех представлений в духе сегодняшнего дня: любовь? — дайте мне девочку, и на три дня с меня хватит...

Ахматова, пробуя объяснить подъемы и спады читательского интереса, как-то сказала: «Стихи такая вещь — если раз проглотишь суррогат, потом уж до них не дотронешься». В этом есть какая-то доля истины, но далеко не вся. Суррогата полно и сейчас, но читатель отлично знает, что ему надо, и что стоит переписывать, и за чьими книгами стоит поохотиться. А в эпоху культа силы и отказа от ценностей читатель искал в поэзии укрепления своих позиций и оправдания своей цинической веры в приспособление. Этому читателю был чужд весь пафос отречения Ахматовой, и он замечал в ней только то, что становилось легкой добычей для хулителей, и совершенно игнорировал ее лучшие качества: строгую сдержанность, точность и силу ее прямых попаданий. Избалованный читатель не искал настоящей поэтической правды, он не утруждал себя поисками ради крупниц духовного преображения, а желал, чтобы его оглушали и поражали, «не отходя от кассы», как выражалась А.А. Этот читатель даже не заметил, что Ахматова поэт не любви, а отказа от любви ради высокой человечности.

Еще хуже обстояло дело с Мандельштамом. Требовалось усилие, чтобы его понять, и еще большее усилие, чтобы, поняв, избавиться от его власти, от того, что он называл «сознанием своей правоты» у поэта³⁵. В борьбе с властью поэта хороши все средства — от клеветы и анекдотов, от всяческой внеполитической компрометации до постановлений высших органов власти и ордеров на арест.

В нашем обществе во все эти годы была очень точная градация человеческого материала — два полюса, а между ними целая гамма промежуточных нот. На крайних полюсах стояли деятели двух про-

тивоположных типов: с одной стороны — глашатаи «нового», волюнтаристы, отказавшиеся от всех ценностей, теоретики силы и сторонники диктатуры, с другой — те, кто противопоставлял силе свою правоту, основанную на ценностных понятиях. Эти две полярные группы понять друг друга не могли, да и не хотели. Для полюса силы полюс духа казался смешным, глупым, нелепым. Один мой знакомый юнец, тайный любитель поэзии³⁶, женатый на женщине из противоположного лагеря³⁷, в конце пятидесятых годов осмелел и повесил у себя в наемной комнатке — он приехал с женой из одной из окраинных республик в Москву — портрет Ахматовой. А жену его посещали сыновья могучих отцов, выгнанных в отставку после съездов. Их призвали учиться в каких-то тайных академиях ремеслу отцов, чтобы они их поскорее заменили. Приходя к подруге своих детских игр, они с недоумением смотрели на портрет Ахматовой и громко над ним издевались. Изображенная на нем женщина была им физиологически чужда. Ее красота казалась им уродством. Я слышала, что их теперь называют «одноклеточными», а иногда «хунвейбинами», хотя те действуют в более трудных условиях — на улице, а не в закрытом помещении, называемом по-русски застенком. Одноклеточные не понимают сложный состав человеческой природы, а в эпохи, когда именно они являются знаменем «переоценки ценностей» и к ним тяготеет большинство людей, читатели стихов исчезают с лица земли.

Духовная победа над одноклеточной структурой вызвала подъем любви к поэзии в конце пятидесятых годов. Для русской культуры в поэзии заключено, очевидно, освободительное начало.

Мой друг К.Б.³⁸ однажды сказал мне: «Я не сомневаюсь, что любовью наш поэт согласился бы быть русским поэтом». — «Со всеми биографическими последствиями?» — спросила я. «Да, — сказал К.Б., — у вас это серьезное дело...»

Всё же мне кажется, что К.Б. недооценил «биографические последствия», и в этом со мной согласилась А.А., но она заметила, что обратное явление, то есть желание русского поэта стать иностранным, — немислимо. Такого не может быть, несмотря на «биографические последствия». От них никуда не уйдешь. Работать в русской поэзии — великая честь, и вместе с честью приходится принимать и последствия.

Надо прибавить, что К.Б. приезжал к нам в самый цветущий период нашей жизни, когда уже не сажали и еще не сажали в массо-

вом, по крайней мере, масштабе, а против дела С. и Д. ополчился весь мир и даже мы что-то вякали. Впрочем, если б он приехал в дни гробового молчания, он, как и все, кто тогда приезжал, ничего бы не понял и никто бы ему ничего не объяснил, так что и тогда ему могло бы показаться, что хорошо быть русским поэтом.

А я предпочла бы быть сапожником любой национальности, а еще лучше — женой сапожника: сапоги целые и муж при деле.

Ленинград. Церковь. Панихида. Многотысячная толпа кольцом окружала церковь Николы Морского. Внутри была давка. Щелкали киноаппараты, но у фотографов отняли потом пленки: вредная пропаганда церковных похорон, да и женщина не совсем та: постановления ведь никто еще не отменил³⁹. Пленки запрятаны в каком-то архиве, а у фотографов были неприятности, хотя они запаслись всеми возможными разрешениями⁴⁰.

После службы я вышла из церкви и села в автобус, приготовленный для перевозки гроба. Из церкви непрерывной лентой лился поток выходящих, и так же непрерывно вливались в нее толпы людей, еще не успевших пройти мимо гроба. Шло медленное прощание. В толпе были старухи-современницы, но больше всего молодых незнакомых лиц. А обычные посетительницы церкви — измученные старые женщины в допотопном тряпье — отчаянно прорывались внутрь, ругая тех, кто пришел сюда по экстренному случаю — похороны — и оттеснил их, всегда посещающих службы... Организаторы похорон волновались: прощание затягивается — кто мог подумать, что набежит такая толпа? — и нарушается график...

Второе прощание и гражданская панихида состоялись в Союзе Писателей. Там давно уже ждала толпа и внутрь больше не пускали. Швейцар стоял у дверей, отгоняя рвавшихся туда людей. Нас с Левой тоже не пустили, и мы попробовали улизнуть за угол, чтобы там, спрятавшись, переждать всю эту официальщину. Но кто-то из администрации узнал Леву и водворил нас на место. Академик толстенького типа нес несусветную чушь про «Золотого петушка», от которого А.А. давно отказалась⁴¹. Поэтические дамы с волосами разных цветов истерически клялись в верности Ахматовой, прогудел какой-то поэт, и церемония кончилась. В толпе — в церкви и в Союзе — я замечала неподвижное и сосредоточенное лицо Кушнера и отчаянные глаза Бродского. Москвичи — их было не-

много — резко отличались от ленинградцев: они вели себя так, будто Ахматова, которую они привезли на самолете, принадлежит им. В Ленинграде Анна Андреевна жила гораздо более изолированно, чем в Москве, где к ней непрерывно ломилась толпа друзей и в квартире, где она проводила очередные две недели, происходило то, что называлось «ахматовка». Лишь в последнее время в Ленинграде она сблизилась с кучкой молодых поэтов. «Они рыжие», — сказала мне А.А. и показала «главного» — рыжего, с бородой, очень молодого Бродского⁴². Я рада, что эти мальчишки скрасили ленинградское одиночество А.А. ...

Снова двинулись автобусы. В нашем, где гроб, были Кома, Володя, Томашевская, влезла на минуту Аня, и Лева назвал ее племянницей... После короткой остановки у Фонтанного Дома машины двинулись в Комарово, а впереди бежала милицейская машина. От чего она охраняла мертвую? Ведь, как известно, «моя милиция меня бережет...».

Добиться места на кладбище стоило немало усилий. Это тоже дефицитная площадь, и сюда тоже врывается идеология. Пока тело было в церкви, шли непрерывные переговоры с Москвой, где через Суркова добивались куска земли. Начальник кладбища в Комарове наконец сдался, поставив условием, чтобы над могилой не было церковной службы. Жить у нас трудно, почти невозможно, а умирать тоже нелегко. Даже этот последний путь осложнен тысячами приказов и постановлений, не говоря уж о том, что даже гроб почти что дефицитный товар. И всё же счастье, что А.А. легла в родную землю без бирки на ноге. Могло быть и иначе — путем вся земли⁴³.

Последние впечатления: на кладбище небольшая кучка народу, кое-кто из них живет в Комарово. Почти все лица знакомые. Вдруг возник, произнес речь и исчез какой-то Михалков, направленный сюда московским Союзом после скандала⁴⁴. Разъезд. У нее на даче служба. Присутствующие не умеют перекрестить лба — отвыкли. Священник прекрасно служит, но ему трудно — кругом непонимающие люди. Накрытый поминальный стол. Квартет — тот самый, что приезжал играть ей в Комарове⁴⁵. Бледный Тарковский, и кто-то увозит меня и его в город. Конец. Я ее больше на этой земле не увижу. Она дорожила каждым днем жизни и оттягивала смерть изо всех сил. Под конец тьма слегка рассеялась, стало гораздо легче и она как бы увидела будущее. Даже последняя книга не

так обглодана, как другие, но и в ней она стилизована под поэта любви, а не отречения⁴⁶. Эта жизнелюбивая женщина смолоду отказалась от всех земных благ.

Прошло больше сорока лет с начала нашей дружбы. В самой ранней молодости я ее не знала. От нее остались одни рассказы — ее и О.М. Как она жила с Валей Срезневской, например, и прислуга, озабоченная тем, что деньги подходят к концу, жаловалась: «Раньше Анна Андреевна распустит волосы, бегаёт по комнате, как олень, и что-то бормочет — вот у нас деньги [и] были, а теперь...»

А.А. долго оставалась легконогой. Мы к этому привыкли, а посторонние удивлялись. Прислуга Нарбутов, которую зачем-то прислали к нам на Фурманов⁴⁷ (зима 33/34 г.), доложила своим хозяевам: «У них там женщина живет — ходит — земли не касается...» Еще тогда А.А. поражала своей гибкостью — она могла, лежа на полу, так перегнуться, что каблуками касалась затылка. Утонувшая балерина Иванова⁴⁸ говорила ей, что у них в балете никто не мог делать со своим телом то, что без всякой тренировки делала А.А.

А я помню, как я приходила к ней в Фонтанный дом, где она, еще тоненькая и гибкая, с прозрачными руками, полулежала на неуклюжем пунином диване, покрытая гарусным одеялом. Никакая фотография, никакой портрет не могут передать наклон этой покорной шеи, сладостную и горькую линию рта и странную горбинку на носу, которая делала ее похожей на финикийскую рабыню. А дальше горчим, как сказал О.М., шепотом она сообщала, кого взяли, в чем обвиняют — дело Академии, дело Русского музея, дело Эрмитажа⁴⁹. Их было столько в разные времена, что не перечтешь, но она всегда понимала, что нельзя спрашивать: «За что взяли?» «Всех берут ни за что», — мы никогда в этом не сомневались. И дальше: у кого из жен взяли, а у кого не приняли передачу и — Господи! — когда же всё это кончится?.. Это в тот период, когда мы живем в Ленинграде, в Царском Селе, в Крыму или приезжаем из Москвы. Потом ее поездки к нам в Москву. Она была один раз и в Воронеже, а чаще приезжала для встречи со мной в Москву. В 37/38 году, когда мы жили в стоверстной зоне, мы раза три ездили в Ленинград, сидели с ней за пунином столом и даже ночевали за Левиной занавеской. В последний приезд О.М. уже лег, когда она подошла к нему и села на кровать. Он прочел ей «Киевлянку»⁵⁰. Это в тот приезд: «Не столицей европейской с первым призом за красоту — страшной ссылкой ени-

сейской, пересадкою на Читу, на Ишим, на Иргиз безводный, на про-
славленный Атбасар, пересадкой на город Свободный в чумный за-
пах гниющих нар показался мне город этот этой полночью голу-
бой — он, воспетый первым поэтом, нами грешными и тобой...»⁵¹
Но за динамикой нашей жизни угнаться нельзя: все перечисленные
ею места ссылки к этому времени уже не казались такими страшны-
ми, потому что осваивалась Колыма с ее непревзойденным ужасом.
А между тем А.А., сидя у себя в комнате, всегда была поразительно
осведомленным человеком. Мне даже не удалось ей рассказать, какую
воду пьют в Казахстане на полевых работах, — она знала и это. Она
знала всё и всегда. Даже блаженным неведеньем ей нельзя было спа-
стись от действительности.

Я приехала в Ташкент — это она устроила мне вызов из деревни,
где я погибала, и спасла мне жизнь — меня поразило, что она стала
грузной, тяжелой женщиной, с трудом двигалась и никуда не выхо-
дила одна, потому что в 37-м году заболела боязнью пространства.
Теперь, сочиняя стихи, она уже не бегала, как олень, а лежала с те-
традкой в руках. Память тоже начала сдавать, и сочинять стихи в уме
она уже не могла.

Изменение внешности легко объяснимо возрастом, хотя
и пришло слишком рано. Перемена более глубокая — внутрен-
няя — сказалась и на ее речи, и на всем поведении. В прежние го-
ды — в Ленинграде, в Москве — и у нас на Фурмановом — О.М.,
отмахиваясь от моих насмешек, часто говорил: «Ты бы хоть когда-
нибудь заплакала!»* и: «Почему ты такая логичная? Посмотри на
Анну Андреевну и спрячь свою логику...» Логичность для женщи-
ны, конечно, большой порок, и А.А. отлично это знала. Пока не
произошел окончательный разрыв с Пуниным, пока жив был О.М.
и люди нашего поколения**, А.А. отлично скрывала свой ум и ло-
гику. Вообще в рассуждения она не пускалась***.

Когда она приезжала к нам в Москву, мы часто оказывались вче-
твером: мы двое, она и Пастернак. О.М. очень ценил приготовлен-
ную ею селедку — культура дома Пуниных: на обед любую дрянь,
а к водке отличная закуска. В дебри мужского разговора А.А. не вме-
шивалась, а была приветливой хозяйкой, шутила****, улыбалась..

* Он почему-то забывал, что «в мире нет людей бесслезней, надменнее и проще нас»⁵².

** Вернее, «наши мужики».

*** Этим при жизни О.М. я тоже не грешила.

**** Это еще не сногшибательное остроумие последних лет, а милая женская шутка.

Мы даже представить себе не могли силы ее ума и язвительности речи. Об этом, вероятно, знали только мужа, с которыми она расходилась, когда с утра до ночи лился «поток доказательств несравненной моей правоты»⁵³. Но О.М. был другом, объяснений с ним не требовалось, и потому никакого «потока доказательств» мы не обнаружили. Вот почему в Ташкенте, услышав этот новый голос, я только ахнула: «Ануш, как вы их провели!.. Как умели скрывать свой ум!»

А.А. шутиливо объяснила мне, что это действительно приходится от «них» скрывать, не то они тут же разбегутся. А вот что говорила Кшесинская, раскрывшая тайну своего успеха: надо «им» дать поговорить, не прерывать «их» излияний, а женщина должна только сочувственно слушать и не сводить с «них» глаз — успех обеспечен, больше ничего не требуется. Отец А.А. когда-то бросил семью и ушел от жены к странной, невзрачной, горбатой женщине. «Она, наверное, умела слушать», — комментировала А.А.*

В Ташкенте не было «их», чтобы сочувственно слушать все излияния, и А.А. заговорила во всю силу. Именно в эти дни в ее стихах появились жестко-прямолинейные формулы («Чужих мужей вернейшая подруга и многих безутешная вдова»⁵⁴) и начали складываться две несуществующие книги.

А.А. всегда удивлялась, как неточно говорят люди, как в своих рассказах они искажают факты, каким сдвигам подвергается в их передаче** любое событие. Она упражняла свой ум, выискивая общие законы, которые управляют этими искажениями и сдвигами. Пинцетом разбирала она каждый рассказ и каждую сплетню, раскладывала на составные части и выявляла, на чем строится всякое уклонение от истины. Типические искажения обобщались в «законы» (например, желаемое выдается за действительное, острые углы сглаживаются, происходит приравнивание по аналогии, закрытие глаз для собственного спокойствия и т. п.). Она срывала со всего пристойные покровы и в упор называла вещи своими

* Я мало знаю об отце А.А. Он служил по морскому ведомству, вышел в отставку, отдал пенсию жене и удрал к горбатой. Это, вероятно, он был горбоносый — хохол. С его стороны никаких родственников А.А. не видела. Сам он иногда приезжал к ней в Царское и однажды, не застав ее дома — она ночевала у Вали Срезневской, — забеспокоился. «Вы, женщины, так и попадаетесь», — поучал он дочку. А раньше, еще в Царском, когда А.А. девочкой, распустив косы, бегала, как олень, он с презрением сказал: «Декадентская поэтецца!» Вот и всё, что осталось у А.А. от отца.

** Да и вообще в человеческом сознании.

именами. Меня поразила тогда беспощадность ее суждений, и я узнала, что анализ — основное структурное начало ее мышления. Этого я бы не могла сказать про О.М., человека целостного мироощущения и иерархической системы идей. У него логика использовалась для построения и укрепления целого, она же разнимала целое для своих нужд.

«Ануш, как вы их обманули», — говорила я. Ведь не только я, но и все друзья ее молодости были бы ошеломлены разгулом логических и разоблачительных речей этой недавно еще молчаливой и нежной женщины. «Вы мне казались такой кроткой...» Впрочем, в эту ее черту О.М. никогда не верил. Она как-то сказала ему, что она кроткая, а он сделал зверскую рожу и угрожающе произнес это слово с долгим дребезжащим «р»... А.А. призналась, что от такой кр-р-р-ротости не поздоровится. В Ташкенте она на былой кротости не настаивала. В юности, по ее словам, она была очень трудной: раздражительной, нетерпеливой, вечно вспыхивала. Ей стоило больших усилий обуздать свой бешеный характер. Сначала я этому почти что не верила — в те годы она еще держала себя в узде. Эти свойства провалились у нее на старости, когда сдерживающие центры ослабевают. В последние годы в ней таинственным образом воскресла молодая и необузданная Анята.

Кстати говоря, удивила ее и я. Ей казалось, что я шумная, озорная и наглая девчонка, а живя вместе со мной под одной крышей, она не переставала удивляться, что я в общем довольно спокойная. Мы обе без мужчин менялись в диаметрально противоположных направлениях.

Сочинение ненаписанной книги началось в Ташкенте и продолжалось много лет. А.А. называла это «моя книга» или «исследование о природе клеветы», а я уверяла ее, что «книгу» можно защитить как диссертацию по социальной психологии. Ведь эти частные, но свойственные человеческому уму искажения и сдвиги распространялись в обществе, образуя то, что называется общественным мнением. Крайние типы этих искажений давали чувствительную легенду и подлую клевету, которые часто оставались закрепленными за человеком и после его смерти — в истории. А.А. ненавидела легенды, украшения и смягчения, но для нас особенно опасной считала клевету, какой бы фантастической она ни была. «К нам всё липнет», — говорила она. Действительно, к ней и к О.М., а в последние годы и ко мне до сих пор «липнет» всё, что угодно.

Недавно только отсохла приторная легенда о романе Ахматовой с Блоком⁵⁵. Она была так широко распространена, что я спросила в дни нашего первого знакомства с О.М. об этом. Он рассмеялся и сказал, что А.А. никогда не ошибается: только «офицерня». Это слово означало у него особый физиологический тип⁵⁶. * Мое определение романов А.А. точнее: профессора и комиссары. Комиссарами искусств в начале революции были и Пунин, и Лурье.

Вот еще примеры «прилипания» к А.А.: к ней явился очень приличный шведский журналист и задал волнующий его вопрос: правда ли, как многие рассказывают, что в юности она танцевала на столах в литературных кабачках. Или очевидица-мемуаристка, которая подробно описала бродячую цирковую труппу под управлением Гумилева с главной акробаткой Ахматовой, подвизавшуюся среди крестьян в имении Гумилевых⁵⁷. А дальше множество романов, которых никогда не было...

Что же касается до О.М., то про него в некоторых кругах еще циркулируют анекдоты, пущенные Волошиным, которому почему-то нравилось изображать О.М. чем-то вроде современного Вийона. Эти анекдоты очень повредили в свое время О.М., они позволили нашим начальникам несерьезно относиться к этому непонятному человеку.**

В десятых годах порча репутаций считалась милой игрой, любимой волошинской «мистификацией», но она попала в «личные дела» более поздних и грозных времен. Легкомысленная фраза Эйхенбаума о монашенке и блуднице была роскошно использована в ждановском постановлении⁵⁸. Помои бриковского салона определили судьбы О.М. и А.А. А вот совершенная мелочь: кто-то назвал О.М. маленьким и щуплым, а теперь всем кажется, что они видели маленького, щуплого человечка — Мандельштама. Чужое мнение заразительно. Это острая инфекция. Да что говорить об отдельных сдвигах, изменяющих облик одного человека. Все исторические события доходят до нас в тех своеобразных искажениях,

* «А Николай Иванович?» — спросила я. Он задумался: действительно не выходит, но тут же нашелся: «Колониальные войска...»

** О.М. перестал даже ездить в любимый им Коктебель и решил туда поехать только после смерти Волошина. В радиоповести «Юность Гёте» О.М. собрал всё, что считал характерным для периода становления поэта. Это тоже своеобразное автопризнание. Там есть эпизод — Гёте попадает в плохую компанию. Для себя такой «плохой компанией» юности он считал Волошина и Георгия Иванова и жалел, что некому было его остановить.

с какими они отразились в сознании современников. Факты шлифуются согласно руководящим понятиям (приличиям), которыми живет общество, они подгоняются под общие концепции, которые всегда оглушают людей. История, как заметил Розанов, всегда плавает в гипнозе и самогипнозе⁵⁹. Аналитические умы, разрушающие власть общих концепций, нужны, как воздух, как океанский ветер, как очистительная гроза.

А.А. с упорством первоклассного следователя прослеживала клевету до ее первоисточника. Первым она ставила вопрос: кто пустил этот слух? зачем это понадобилось? кому это полезно? какую потребность общества удовлетворяет эта клевета или легенда? А дальше она классифицировала сдвиг или искажение с точки зрения индивидуальной и социальной психики...

«Моя книга», или исследование об особенностях человеческого мышления, индивидуального и коллективного, сочинялась в течение нескольких лет, но это было устное сочинительство, и на бумагу оно не попало. Исследуя индивидуальные особенности, А.А. подходила и к социальному преломлению фактов, ведь представления сообщаются, передаются от одного ума к другому, уже общими «приличиями» подготовленному к их восприятию, живут в «обществе умов», как они живут в отдельных людях. И лучше не задумываться о том, что в каждый данный момент согласно подхватить это пресловутое «общество умов». А.А., например, блистательно доказывала (мне очень не хотелось в это поверить), что сталинские казни, безумные обвинения во вредительстве, шпионаже, диверсиях и тому подобных вещах поддерживались всем обществом, зарождались в нем, импонировали ему. В это никто не хочет поверить. Л.Я.Г. считает, что все немцы виноваты в фашизме, а бедный русский народ никакой вины за прошлую эпоху не несет: его просто одолела пассивность. Так ли это? Думаю, что права А.А. Во время дела врачей я наблюдала отличные сценки. Секретарша в Институте языкознания громко вопила, что вода в графинах отравлена вредителями — чуть кто пригубит, сейчас же заболевает. И все слушали, и ее не отправили в сумасшедший дом. Целый ряд овдовевших в те дни дамочек, например Сонька Вишневецкая-Вишневская, обвиняли врачей во вредительском уничтожении их мужей. В общежитии Ульяновского пединститута⁶⁰ женщина, болевшая гриппом, набросилась с кулаками на несчастную врачуху,

обвиняя ее в покушении на свою жизнь. Это была преподавательница моей кафедры, по-своему даже порядочная, кандидат наук, пробовавшая защищать меня, когда меня выгоняли.

Это и есть «общество умов», а всякому времени своя отрава. Были эти люди за чрезвычайные меры или, невинные по природе, просто страдали российской пассивностью? Кто прав — автор «Моей книги» или умнейшая женщина Л.Я.Г.? За коллективное преступление мы несем коллективную ответственность.

Но, кроме серьезных «законов», в «Моей книге» были и второстепенные, и мы ими очень забавлялись. Придумала она около десятка таких полущуточных законов, но я запомнила только один: «закон мирового свинства» — особого свойства последней иголки, которая, упав, обязательно попадает в щель. Обидно, что в повседневной жизни нельзя записывать за своими близкими все глупости, которые они говорят: сколько пропало блистательных разговоров А.А. и О.М.! Этого уже не воскресишь. Остается только контур, общие очертания, но не яркий поток мыслей и метких слов. Я раз что-то попробовала записать из рассуждений А.А. о стихах, но она заметила и подняла дикий визг: «Как! И вы тоже!»⁶¹ А ведь записывать тоже надо уметь. В записи самое отличное слово смягчается согласно законам «Моей книги», приличиям данной эпохи и характеру записывающего. Самое трудное — взять быка за рога.

«Моя книга», хоть она и не была написана, многому нас научила. В частности, исследуя поведение и разговоры некоторых сомнительных знакомых, мы научились определять, принадлежат ли они к многочисленной породе стукачей или нелепо ведут себя просто по глупости. В наших условиях очень полезно уметь делать такие анализы; благодаря этому мы не шарахались от невинных людей, принимая их за стукачей, и не целовались со стукачами, считая, что перед нами первый друг: ведь стукачи тоже иногда бывают очень милыми, особенно те, которым полагается поухаживать за женщиной в критическом возрасте, когда еще очень хочется тряхнуть своими увядающими прелестями наподобие цирковой лошади, попавшей в деревню, но не забывшей все цирковые аллюры. Эти стукачи легко, с чрезмерной легкостью очаровывали разных идиотов и выжимали из них чорт знает что... В такую эпоху, как наша, я бы всем рекомендовала овладеть законами и категориями из ненаписанной книги Ахматовой.

Кроме ненаписанной книги есть еще написанная, но несуществующая драма под названием «Пролог». История ее достаточно трагична, впрочем, не трагичнее всех наших многомиллионных судеб и жизней. Я до сих пор не решила, что надо больше жалеть — человека или вещь. Если уничтожат человека, от него остается прах, и память о нем постепенно исчезает: помнят, помнят, а потом, гляди, и забывают — жизнь продолжается дальше... Об уничтожении памятника архитектуры или искусства помнят гораздо дольше: Реймский собор⁶², московские и вообще русские церквушки... Мне невыносимо жалко людей, мне настолько их жалко, что я готова выкупить их жизнь, отдав за нее все памятники архитектуры... Но мне так жалко потерянных стихов, так болит сердце оттого, что порубили на дрова древние иконы и растаскали на бревна и кирпичи дивные церквушки, что я готова отдать жизнь, свою, конечно, а не чужую, чтобы спасти их от вандализма. До сих пор я не могу решить, какая потеря страшнее.

«Я знаю, почему нельзя было выпускать людей из Ленинграда, — сказала мне А.А. вскоре после снятия блокады. — Они должны были спасти город». Да, они спасли это архитектурное чудо — Ленинград, но сколько их погибло, озверев от голода и страданий? Вещи или люди? Чего же больше жаль?

«Пролог» погиб⁶³. Вот его история. А.А. написала эту вещь в Ташкенте. В Ленинграде ее оглушило ждановское постановление. Говорят, что оно появилось в результате конкуренции двух «наследников». В Москве на вечере стихов в Политехническом музее весь зал встал, приветствуя А.А.⁶⁴ М. был сторонником издания стихов А.А. Жданов, подкапываясь под него, сообщил хозяину об истории в Политехническом музее. «Кто организовал вставание?» — возмущенно спросил хозяин. Отлично зная механизм нашей славы, он представить себе не мог, что вставание было спонтанным. Жданов действовал безошибочно и выиграл. Это рассказал Ахматовой Зоценко, а кто ему — я не знаю, но, как говорил Пастернак, это всё «цитатно», то есть чувствуются голоса участников... После постановления вскоре пришли заевой. Он к этому времени уже отсидел первый срок⁶⁵, отвоевался и набрал грудку медалей за взятые города, кончил за год университет и защитил диссертацию. Оба они расположились жить и в те годы, свободные от пунинского влияния, необычайно друг с другом дружили — мать и сын... Комната у них была одна, но по очередной инструкции

в ее бумагах не рылись. На этот раз А.А. повела себя как простая баба: взвыла, запричитала, а когда гости ушли, уводя с собой ее единственного сына, она долго металась по комнате, хватала бумаги — к чорту стихи — всё из-за них! — и швыряла их в горящую печку⁶⁶. Драма «Пролог» попала в огонь с большими основаниями: вдруг они еще раз придут, как тогда к Осипу, — тогда они схватят «Пролог», и Леве не поздоровится — ведь он заложник... Заложников берут, чтобы обеспечить смиренно-разумное поведение тех, за кого они сидят... Зачем нужна эта писанина, если от нее только гибель?..

Стихи потом удалось восстановить по памяти. Этим отличаются стихи — их помнит сам автор и его друзья. Вспомнили почти всё. Знакомые «дарили» ей ее собственные стихи. Я подарила ей «De profundis» и еще кое-что — четверостишья, часть «Китежанки»...⁶⁷ Но драму восстановить не удалось — она в свое время не позволила ее запоминать, а с голоса это было почти невозможно. Она погибла.

В шестидесятых годах А.А. вздумала восстановить свою драму. Она расспрашивала всех, кому она ее раньше читала, не помнят ли чего, но люди поразительно поверхностные читатели, а со слуха вообще ничего не запоминают. Самой А.А. казалось, что она помнит свой «Пролог», и вскоре она начала записывать куски. А к этому времени сама-то она была уже не та: к ней уже успели вернуться все ее юношеские особенности. Прежде всего исчезли резкость ума и беспощадность суждений. Если в разговорах они еще мелькали, то из стихов почти совсем выветрились (разве что в «Родной земле» было еще что-то от зрелой Ахматовой). Последний период Ахматовой — это углубленное переживание встреч, невстреч, ощущений и чувств. Заостренная социальная формулировка сороковых годов исчезает. Это уже не бесслезная женщина, а новая, вполне способная лить слезы, иногда даже по пустякам.

Основания для вновь обретенного оптимизма у нее, конечно, были. За небольшой период сравнительно спокойной жизни мы все оправились и начали думать и жить. До нас донеслось много добрых вестей, которые способствовали подъему настроения. В прежние темные годы, отторгнутые от жизни, мы думали, что те идеи, которые определяли наше поведение и не позволяли идти на слишком уж позорные компромиссы, затоптаны, безвозвратно погибли и уже никогда не воскреснут. Мы даже поверили, что мир, вступив в эру торжества науки, перечеркнул все наши жал-

кие идеалистические концепции — о высшей правде, о ценностях, об особой, не только тварной природе человека. Мы считали себя побежденными, но, веря в то, что мы — последние хранители ценностей, продолжали стоять там, где мы стояли. Даже в искусстве, казалось, верх взяло другое течение. «Всюду в мире, — говорила А.А., — победил абстракционизм и футуристы — „смысловикам“ пора на покой...» Но постепенно до нас начали доходить вести о новых идеях и новом миропонимании. Прежде всего это коснулось науки, которую в нашей молодости считали главным антагонистом религиозного мышления, а тем самым искусства. Оказалось, что в современной науке нет противопоставления ума — знания и веры — откровения, во-первых, благодаря логическим выводам, которые сделала сама наука, а во-вторых, в связи с новыми методами научного обобщения. Позитивизм в науке перестал распространяться на общую концепцию мира и стал лишь методом исследования и трактовки научного материала. Иначе говоря, позитивизм из воинствующего мировоззрения, каким он был в девятнадцатом веке, стал тем, чем ему надлежало быть: принципиальной базой науки-знания.

А.А. сообщала мне эти новости по-своему: «Знаете, что мне сказали физики...» Кое-кто из них специально приходил ее утешать. Здесь утешения она принимала, а вот когда Э.Г. попробовал утешить ее по поводу только что вышедшей книги⁶⁸, что она вовсе не такой урод, А.А. заткнула уши: «Меня утешать не надо: я безутешная...» И всё же безутешной она не осталась — вышла вторая книга, затем третья⁶⁹. Народ валил к ней валом. Стихи бродили по стране. Отчаянье покинуло ее, жестокая прямая речь смягчилась, А.А. ушла в себя и внутри себя искала драматической коллизии. При таких условиях восстанавливать драму было невозможно, ей оставалось только написать ее заново, но уже не ту.

Новый вариант драмы близок к стихам последнего периода, к теме «невстречи», но без острого социального привкуса лирики о «невстрече». В «драме» это небесная невестрача: души людей, не встретившихся на земле. И на этот раз А.А. заинтересовалась формальными вещами — новой организацией сцены: сцена на сцене, оркестр, двери, место, где блуждают ее не встретившиеся на земле души. Зоркая и на старости, она недолго блуждала по своим театральным-небесным мирам. Посмотрев какие-то западные пьесы, она сказала мне, что все ее выдумки уже выдуманы и использованы

в западной драматургии. На этом и оборвалось так называемое восстановление «Пролога», потому что она изменила основному принципу, сформулированному О.М.: «Мы смысловики».

Первый «Пролог» был острым и хищным смысловым сочинением. Для оформления сцены она позаботилась только о том, чтобы перетащить на сцену лестницу балаханы, и героиня без церемоний, под взглядами зрителей спускается по ней в одной ночной рубашке, потому что ее вызвали на судилище, не дав ей одеться. «Пролог» — чудесным образом предвещал всю кутерьму, вызванную ждановским постановлением*. На сцене большой стол, за которым расселся литературный суд. Со всех сторон сбегаются писатели. У одного в руках пакет, из которого торчит рыбий хвост, у другого такой же пакет, но с рыбьей головой. Все пристают к секретарше нечеловеческой красоты: где же, наконец, состоится суд. Каждому лестно там побывать и высказаться. Секретарша отвечает знаменитой формулой: «Вас много, а я одна». Героиню судят, и весь смысл в том, что ей предъявляют обвинения, которых она не понимает и не может понять, а суд и зрители сердятся, что она отвечает невпопад. Для них эти обвинения вполне ясны и нормальны. Вся драма была написана в прозе, и каждая реплика резала, как теннисный мяч. Эти реплики — донельзя сгущенные формулы официальной литературы и идеологии. Героиня в ночной рубашке иногда лепечет полубезумные стихи. Ей даже не страшно. Это уже не страх, а глубокое сознание, что человек попал в мир нежити и нелюди. Беспомощная героиня сильна тем, что она человек среди нелюди. Из всех чувств ей доступно одно — удивление: нежить не может лишить ее жизни, потому что суд происходит вне жизни. Если жизнь есть — она не здесь. В тюрьме героиня тоже свободна, потому что воли нет — на воле есть только писатели с рыбьими головами и хвостами.

Первые слушатели сравнивали эту пьесу с гоголевским «Театральным разъездом» и с Сухово-Кобылиным. Могли бы сравнить ее и с Кафкой, но тогда его еще не знали. Еще меньше это Набоков с его заключенным⁷⁰, где авторское презрение к людям делает их механическими уродцами. На самом деле эта пьеса могла быть написана только Ахматовой периода своей беспощадной зрелости

* Для нас, кстати, всё это было не новостью — ничего другого вообще мы не видели, а вот для Зощенко это оказалось и неожиданностью, и ударом.

с точной оценкой своей собственной судьбы. А все разговоры героев — самые обычные, «моча в норме», как говорила А.А., точно такие, как зафиксированные в различных судилищах и отречениях, чьи протоколы велись хотя и безграмотными, но внимательными секретаршами нечеловеческой красоты. Лирическая героиня — это та женщина, у которой не было ничего, кроме пепельницы и плевательницы. А нас таких было сколько угодно, но мало кто из нас писал стихи. Это дано не каждому.

II

Как случилось, что трое своевольцев, три дурьих головы, набитые соломой, трое невероятно легкомысленных людей — А.А., О.М. и я — сберегли, сохранили и через всю жизнь пронесли наш тройственный союз, нашу нерушимую дружбу? Всех нас тянуло на сторону — распустить хвост, достать крысоловью дудочку, «проплясать пред ковчегом завета»⁷¹, все мы дразнили друг друга и старались вправить другому мозги, но дружба и союз были неколебимы. Мы стояли друг около друга, как я стояла около ее гроба, где она лежала чужая, грозная, уже узнавшая, что будет дальше. Для того чтобы сохранить эту дружбу, надо было иметь стойкость и волю. Откуда мы их взяли? Как преодолевали мы кризисы, неизбежные и в любви, и в дружбе? Мы что-то понимали с самого начала, немного, конечно, но и этого хватило, чтобы зацементировать нашу связь.

Казалось бы, что жизненная ставка А.А. — любовь, но эти дела рушились у нее, как карточные домики, от самого первого кризиса, а напряженно-личное, яростное отношение к О.М. выдержало все испытания. Первый кризис произошел незадолго до моего появления. Где-то году в восемнадцатом она решила охранить О.М., чтобы он в нее не влюбился, и попросила его пореже у нее бывать⁷². Сделала она это, наверное, с обычной своей неуклюжестью, во всяком случае О.М. смертельно на нее обиделся. Влюблен он в нее не был, по крайней мере, он мне так говорил, а он умел различать градации отношений и врать или скрывать что-нибудь органически не умел. К тому же он ощущал А.А. как нечто равное или даже высшее, то есть созданное только для товарищества, а не для любви, которая была для него длительной или мгновенной вспышкой, игрой, беснованием, но всегда направленной на слабейшего.

В «Путешествии в Армению» есть скрытая формула его вождений: «Персидская миниатюра косит испуганным грациозным

миндалевидным оком... Как наслаждались ими завоеватели!..» Эпитеты — грациозный и миндалевидный — прибавлены для приличия, а вся суть в испуганных глазах. Этим можно было его взять в одну секунду, и он часто мне жаловался на меня же, что у меня больше нет удивленно-испуганного взгляда. Его юношеские увлечения Саломеей Андрониковой и Зельмановой⁷³ — это дань красоте с большого расстояния, которого между ним и А.А. не могло быть, к тому же эти петербургские красавицы воспринимались как нечто созданное для восхищения, а А.А. была своим братом-поэтом, с которым нужно идти рядом по трудному пути. Во влюбленности же его в Марину кроется нечто совсем другое, свойственное именно ей: прекрасный порыв высокой женской души — «в тебе божественного мальчика десятилетнего я чту...»⁷⁴. Я Марину встречала, но не знаю ее, однако по всему, что она о себе сказала, мне кажется, что у нее была душевная щедрость и бескорыстие, равных которым нет, а управлялись они своеволием и порывистостью, тоже не знающими [себе] равных. Она из тех русских женщин, которые рвутся к подвигу [и], наверное, обмыли бы раны Дон-Кихота, если б в нужную минуту не были б заняты чем-нибудь другим.

А.А. не великорусской, а южнорусской, да еще петербургской породы. В ней было больше самопоглощенности и несравненно меньше самоотдачи, чем в Марине. Взять хотя бы ее отношение к зеркалам. Когда она смотрелась в зеркало, у нее как-то по-особенному складывались губы. Это она сказала: «Над столькими безднами пела и в стольких жила зеркалах»⁷⁵. Она именно жила в зеркалах, а не смотрелась в них, поэтому это не имеет никакого отношения к замечанию Розанова о том, что писатели делятся на два типа — одни смотрятся в зеркало, а другие нет⁷⁶. Розанов здесь имеет в виду оглядку на читателя, заигрывание с ним, актерский элемент в писателях, которого в подлинных поэтах почти никогда не бывает. Предельно этот элемент отсутствовал у О.М.

Когда-то в Крыму умный и странный человек Рож. сказал О.М., что провел утро с кем-то, кто по профессии своей является антиподом О.М. и вообще поэтов. Знает ли О.М., что это за противоположная профессия? О.М. кивнул. Я пристала к обоим, не поняв, о чем они говорят и почему посмеиваются... Но их объяснение, что речь идет об актере, стало мне понятным только через десятки лет⁷⁷. У поэтов актерства не было и в помине, даже у Маяковского, хотя половину жизни он провел на эстраде, ни у Клюева, несмо-

тря на то что он старался скрыть свой блеск и образованность под личиной мужика.

Актер смотрится в зеркало, чтобы знать, как он должен улыбаться, двигаться и говорить перед зрителем. Ахматова вступала в глубоко личные отношения с неслышанным количеством людей (когда людям перестало грозить тюремное заключение за дружбу с Ахматовой) и гляделась в них, как в зеркало, словно ища свое отражение в их зрачках. Это совсем не эгоцентризм, а тоже высокий дар души, потому что она со всей щедростью дарила себя каждому из своих друзей, жила в них, как в зеркалах, искала в них отзвук своих мыслей и чувств. Вот почему, в сущности, безразлично, [к] кому обращены ее стихи, важна только она сама, всегда остающаяся неизменной и развивающаяся по собственным внутренним законам. Например, я была когда-то уверена, что стихи про «застывший навек хоровод надмогильных твоих кипарисов»⁷⁸ написаны в память Недоброво, тем более что в первой редакции нарциссы были не белоснежными, а царскосельскими. Это стихотворение 28-го года, то есть [написано] в тот год, когда О.М., вернувшись из Ялты, рассказал ей, что нашел могилу Недоброво в Ялте. Однако А.А. мне сказала, что стихи [эти] в память не Недоброво, а другого человека*. Иначе складывались отношения А.А. — без зеркал — с немногими людьми, прежде всего с О.М., со мной, с Харджиевым и, вероятно, с Эммой Герштейн. Тут было не до зеркал.

Еще несколько слов о зеркалах... О.М. заглядывал в зеркало в те трудные минуты, когда мы ссорились, а это бывало всегда в одной форме: он изобличал и честил меня, не жалея сил и красноречия, а я, изловчившись, кусалась. Иногда, среди обличительного потока слов, я брала инициативу в свои руки и поминала Розанова... Но это было обычной женской несправедливостью: О.М., вкладывавший всю душу в наши перебранки, поглядывая в зеркало, проверял, вероятно, достаточно ли у него убедительный вид... По существу то он бывал обычно прав, но я пользовалась его слабостями, вроде зеркала, чтобы сбивать его с толку и переводить разговор на другие рельсы. Женщины, как известно, не любят признаваться в своей неправоте, и я хоть и не из «настоящих женщин», но всё же кой-какие уловки своей касты знала. Как я ни люблю женщин, но всё же

* Я знаю про балетмейстера из Мариинского театра, который тоже умер от туберкулеза в Ялте⁷⁹.

страшно, что они непогрешимы, как римский папа. Ведь «поток доказательств несравненной моей правоты»⁸⁰ тоже основан на этой непогрешимости. И я понимаю О.М., который всегда знал, какая хорошая вещь в человеке сознание неправоты, ошибок, глупостей, которые он наделал и не мог не наделать. Человек не модель, не кукла, не автомат. Кто до ужаса не запутал свою бестолковую жизнь? А может, эти ошибки и придают нашей жизни ее теплоту и человечность? Это наши хозяева живьем канонизировали друг друга, но мы-то ведь не портреты, а люди.

О.М. мне как-то сказал, что, если бы я выбрала себе мужа по своему вкусу, это был бы такой ханжа, [какого] свет не видел... Но это относится только к «потокам доказательств», а все-таки выбрала я его, а не умозрительного ханжу, и мне ни одной секунды в жизни не было тошно, уныло и скучно. Пусть Ахматова глядится в людей, как в зеркала, пусть Пастернак очаровывает собеседника, пусть Мандельштам рвется к людям («тянуться с нежностью бессмысленно к чужому»⁸¹) и получает щелчки по носу от своих умных современников, пусть Клюев хорохорится в мужицкой поддевке, а Клычков шатается «от зари до зари по похабным улицам Москвы»⁸². Ни один из них «крови горячей не пролил»⁸³, все они люди, а не людьё⁸⁴, сложная многоклеточная структура с удивленными глазами, глядящими на Божий мир. Их убили, а они не убивали.

Самый факт сочинительства вызывает тягу к людям, усиливает связь с людьми. Стихотворный поток идет от людей (живых и мертвых) и к людям. Для людей. А каждый человек — избранный сосуд, если он не отказался от своей человечности, не объявил себя высшим разумом, который вправе распоряжаться судьбами человеческой мелюзги. Если он не порвал с заветами живых и мертвых, не [осквернил] священных ценностей, добытых людьми в ходе исторического процесса.

Думая об А.А., я почему-то возвращаюсь к собственной жизни, о которой совсем не думала, когда писала об О.М. Его судьба такова, что сметает всё личное и интимное, к которому меня возвращают мысли о нашем друге — Анюте, Аннушке, Ануш, Анне Андреевне.

О.М. повел меня к ней на Казанскую или в квартиру на Неве — я была в обоих местах, но не могу вспомнить, где состоялась первая встреча⁸⁵. И там, и здесь она жила с Оленькой Судейкиной, и Оленька, размахивая тряпкой — она прибирала квартиру

и украшала ее, чем могла, — сказала, что за Аничкой нужен глаз да глаз, не то она обязательно что-нибудь натворит... О.М. сразу راستаял и улыбнулся...

Когда он вел меня, он топорщился. Недавно он взял да дважды напал на А.А. в печати⁸⁶, а теперь боялся посмотреть на свою бывшую союзницу и подружку. А еще он беспокоился, как она меня встретит, и вспоминал Марину: с этими дикими женщинами можно ждать всего на свете. Марина действительно приняла меня «мордой об стол». Дружески протянув руки О.М., она сказала, что сейчас отведет его к Але, а мне, еле взглянув на меня, бросила: «Подождите здесь — Аля терпеть не может чужих...» О.М. позеленел от злости, но к Але все-таки пошел, оставив меня в чем-то вроде прихожей, заваленной барахлом и совершенно темной. Раньше там была столовая — это мне сказал потом О.М. — с верхним светом, но фонарь, не промытый с начала революции, так зарос многослойной пылью, что не пропускал ни одного луча. Визит к Але длился несколько минут, и, вернувшись, О.М. тотчас увел меня и больше к Марине не заходил. Я же ничуть не рассердилась, и напрасно Марина выдумала, что я ревнива. Именно отсутствие ревности всегда было моим главным женским дефектом. В сущности, это показатель вульгарно-поверхностного отношения к людям, и О.М., как и другие мои друзья, в частности А.А., всегда ставили мне это в вину. Единственный раз, когда я по всем правилам разбила тарелку и произнесла сакраментальную формулу: «Я или она», вызвал у О.М. припадок восторга: «Наконец-то ты стала настоящей женщиной!» Но это произошло гораздо позже.

А в несостоявшихся отношениях с Мариной сейчас меня интересует совсем другое: почему люди не умеют вовремя сказать друг другу простое человеческое слово? Почему так затруднены отношения между людьми? Почему они скованы какими-то идиотскими преградами — ложным самолюбием, позой, самыми модными правилами поведения, законами того стиля, в котором в данную эпоху протекает роман, любовь, дружба, приятельство, — вообще чорт знает чем, что мешает им с открытой душой подходить друг к другу и создает между ними вечную преграду? А.А. с большой точностью сказала: «Есть в близости людей заветная черта...»⁸⁷ Эта черта или преграда существует не только во влюбленности и страсти, а в любых человеческих отношениях — всюду, всегда, везде... Почему я, например, не сказала тогда Марине, что я совсем не такая чужая,

как ей показалось, что нас осталось слишком мало, чтобы из-за каприза отказываться друг от друга? Почему я предпочла злорадно хихикнуть — вот дура! — и отсидеться в темной прихожей? Насколько легче обидеть человека или поднять его на смех, чем нарушить эту вечную преграду! Ис О.М., несмотря на подлинную нашу близость, мы всё же далеко не во всем переступили «заветную черту», и по моей, а не по его вине. Он-то умел гораздо глубже и честнее открываться, чем я. Ведь у него было сознание и вины, и ошибки, а у меня главным образом потребность доказывать свою непогрешимость и «несравненную правоту». Моя затаенность, которую я когда-то считала своим главным козырем, много мне повредила: ведь я не успела сказать О.М. самого главного и задать ему много вопросов, на которые теперь я уже никогда не получу ответа, даже если будет та встреча, в которую я тайне не перестаю верить.

Нечто подобное произошло у меня и с А.А. Она годами упорно добивалась у меня ответов на некоторые вопросы, направленные на суть вещей, но я столь же упорно уклонялась от ответов, отшучивалась, дурила, хотя, ответив, могла бы ей в чем-то облегчить жизнь, помочь ей понять себя и некоторые особенности в ее отношениях с Гумилевым. Но я в отношениях с таким другом, как она, сохраняла ту же невидимую черту, преграду, стену, о которую разбиваются человеческие отношения. И я заметила, что чем крупнее человек, тем он легче открывает себя, тем глубже его отношение к другим людям — даже до такой степени, что преграда иногда становится прозрачной. Это я видела и в А.А., и в О.М., но прочие всегда хотят прихорошиться и для этого запрянуть собственную душу. Чтобы признаться в этом, понадобилось тридцать лет ночных раздумий, горького одиночества и конечной потери А.А., голубки и хищницы, самого ревнивого и самого пристрастного друга из всех, кого я знала.

О.М. напрасно боялся первой встречи с А.А. Никаких неприятных казусов не произошло. А.А. приняла меня отлично, с той приветливостью, которую придерживала для новых друзей. Вскоре разрешился и основной вопрос: настало время читать стихи, и А.А. сказала: «Читайте первый, я люблю ваши стихи больше, чем вы мои...» Это называлось «ахматовские уколы»⁸⁸ — невзначай как будто сказанное слово, а оно ставило всё на место. Потом мы несколько раз навещали ее, и она раз пришла к нам без зова на Морскую⁸⁹, но

застала меня одну — О.М. уехал в Москву за вещами — больную, в пижаме. Она потом при мне рассказывала Нине Пушкирской, как я сразу погнала ее за папиросами и она тут же покорно сбегала: «Вы же знаете, какая я телка...» Может, моя бесцеремонность в какой-то степени растопила лед: ведь она не очень ценила почтительное и восхищенное отношение к себе. На такое были падки чужие, а у своих хороша некоторая грубоватость. Так с ней обращались ее товарищи по цеху: Нарбут и О.М., и она этому радовалась. Близких и равных людей становилось всё меньше. Последним из них пришел Харджиев. Она узнала о разговоре Харджиева с Чуковским и повеселела, словно с нее сняли десяток лет. Корней изливал потоки патоки, говоря об А.А. Харджиеву это надоело, и он сказал: «Она славная баба, я люблю с ней выпить».

А.А. всегда повторяла: «Не хочу быть „великим металлистом“...» «Великий металлист» — это фарфоровая статуэтка Данько⁹⁰, где Ахматова стоит во весь рост со всеми полагающимися ей атрибутами: ложноклассическая шаль, фарфоровые складки и тому подобное...

И всё же настоящая дружба началась не в первые наши встречи, а в марте 1925 года в Царском Селе⁹¹. Это было трудное время единственного серьезного кризиса в наших отношениях с О.М. В январе 1925 года О.М. случайно встретил на улице Ольгу Ваксель⁹², которую знал еще девочкой-институткой, и привел к нам. Два стихотворения говорят о том, как дальше обернулись их отношения⁹³. Из ложного самолюбия я молчала и втайне готовила удар. В середине марта я сложила чемодан и ждала Т., чтобы он забрал меня к себе. В этот момент случайно пришел О.М. Он выпроводил появившегося Т., заставил соединить себя с Ольгой, довольно грубо простился с ней*. Затем он взял меня в охапку и увез в Царское Село. Меня и сейчас удивляет его жесткий выбор и твердая воля в этой истории. В те годы к разводам относились легко. Развестись было гораздо легче, чем остаться вместе. Ольга была хороша, «как Божье солнце» (выражение А.А.),⁹⁴ и, приходя к нам, плакала, жаловалась и из-под моего носа уводила О.М. Она не скрывала этих отношений и, по-моему, форсировала их**.

* Я в ужасе вырвала у него трубку, но он нажал на рычаг, и я успела только услышать, что она плачет.

** Я видела страничку ее воспоминаний об этом, но там всё сознательно искажено: она, очевидно, сохранила острое чувство обиды.

О.М. к себе, а иногда являлась к нам и при мне требовала, чтобы он немедленно увез Ольгу в Крым: она здесь погибнет, он друг, он должен понимать... О.М. был по-настоящему увлечен и ничего вокруг не видел. С одной стороны, он просил всех знакомых ничего мне об этом не говорить, а с другой — у меня в комнате разыгрывались сцены, которые никакого сомнения не оставляли. Скажем, утешал рыдающую Ольгу и говорил, что всё будет, как она хочет. В утро того дня, когда я собралась уйти к Т., он сговаривался с ней по телефону о вечерней встрече и, заметив, что я пришла из ванны, очень неловко замая разговор. Откуда у него хватило сил и желания так круто всё оборвать? Я подозреваю только одно: если б в момент, когда он застал меня с чемоданом, стихи еще не были б написаны, очень возможно, что он мне дал бы уйти к Т. Это один из тех вопросов, которые я не успела задать О.М. И при этом он болезненно переживал всякое стихотворение, обращенное к другой женщине, считая их несравненно большей изменой, чем всё другое. Стихотворение «Жизнь упала, как зарница...» он отказался напечатать в книге 28-го года, хотя к тому времени уже всё перегорело и я сама уговаривала его печатать, как впоследствии вынула из мусорного ведра стихи в память той же Ольги⁹⁵ и уговорила его не дурить. Честно говоря, я считала, что у меня есть гораздо более конкретные поводы для ревности, чем стихи, если не живым, то уж во всяком случае умершим. Мучился он и стихами к Наташе Штемпель и умолял меня не рвать с нею, а я никак не видела основания в этих стихах для разрыва с настоящим другом (второе стихотворение «К пустой земле невольной припадающей...» он вообще скрыл от меня и, если бы была возможность напечатать его, наверное, бы отказался. Он об этом говорил: «Изменнические стихи при моей жизни не будут напечатаны» и «Мы не трубадуры...»⁹⁶).

Должно быть, я здесь чего-то не понимаю, считая, что стихи — это уж не так важно. Есть таинственная связь стихов с полом — до того глубокая, что о ней почти невозможно говорить. Это знала А.А., и ей хотелось и меня выпотрошить на этот счет. Знает об этом и Шаламов, который сердится на О.М. за то, что он писал стихи другим женщинам. Он тоже пытался убедить меня, что всё остальное мелочь перед стихами...

Я знаю, что есть несколько форм этой связи пола и стихов. Самый обычный случай — это порыв к женщине, и, если страсть удовлетворяется, стихи сразу иссякают. Все эти Лауры и Беатриче,

недоступные и прекрасные дамы — не мода и не выдумка своего времени, а нечто более глубокое, лежащее в физиологии и в природе поэзии. С «прекрасными дамами», кажется, вообще не живут, и семейная драма Блока в том, что он женился на «прекрасной даме».

Так и А.А. не писала стихов тем, с кем жила, пока не наступало кризиса. О.М. несколько раз осторожно мне об этом говорил, и я и с его слов, и по собственному наблюдению знаю и другую связь стихов с полом, более сложную, — особый объект любопытства А.А. Это то, о чем говорил О.М.: «Я с тобой такой свободный...» — когда исступленный аскетизм сменяется совсем другим исступлением. Это я узнала только в тридцатые годы, а обычную регулярную и нудную семейную жизнь испробовала только в тот период, когда О.М. не писал стихов. А.А. многое знала по себе и по своему опыту и, расшифровывая судьбы поэтов прошлых эпох, на-талкивалась на следы тех же особенностей.

Мне кажется, ни у художников, ни у музыкантов такой прямой связи их искусства с полом нет. Особое напряжение поэзии, ее чувственная и пророческая природа гораздо больше меняет человека, чем другие искусства и наука.

Есть еще одна особенность, которая не перестает удивлять меня в О.М., — это то, как ясно и сразу он определял роль каждой женщины в своей жизни. Этим он резко отличался от других людей, у которых путь от любви до разлуки с разными женщинами всегда в основном совпадает, и от Анны Андреевны — у нее течение романа в основном было однотипным. Это ясно заметно даже по скупым высказываниям О.М. и в стихах и в прозе. С первой минуты, когда у нас началось то, что я считала легким романом в стиле первой четверти века: «от недели до двух месяцев без переживаний» (это была моя формула, очень забавлявшая О.М.), он уже назвал в стихах свадьбу⁹⁷. Потом, думая обо мне в Крыму во время нашей первой невольной разлуки, он определил мою участь: исчезнуть в нем, раствориться⁹⁸.

Теперь я понимаю, что это лучшее из того, что я могла сделать со своей жизнью, но тогда вряд ли такая перспектива могла меня прельстить, и он разумно объяснил это мне через много лет. Автопризнания О.М., как я уже говорила, рассыпаны в самых неподходящих местах и изрядно закамуфлированы, и я уверена, что в последних стихах о Чарли Чаплине, которые я до сих пор ненавижу, и не только потому, что они вообще неудачны, в строчке «и твоя же-

на — слепая тень»⁹⁹ О.М. тоже имел в виду меня, хотя для того периода это было явной несправедливостью.

Из его признаний, пожалуй, самое интересное то, что он засунул в «Юность Гёте»: «... Нужно также помнить, что... дружба с женщинами, при всей глубине и страстности чувства, была твердыми мостами, по которым он переходил из одного периода жизни в другой». Не только дружба с женщинами, но и отношения со мной, его «слепой тенью», тоже были резко периодизированы. Подобно тому, как в стихах у О.М. резко чувствуются «этапы», «возрасты поэта», так и такая обыкновенная вещь, как отношения с женой, тоже делится на вполне точные и отделенные друг от друга этапы — здесь тоже видно структурное начало психики О.М.

Первый этап — это насильственно увезенная девчонка, с которой трудно возиться, но женолюб должен это терпеть. В те годы О.М. не подпускал меня к своей жизни, мало со мной разговаривал и, в сущности, только кормил и держал при себе. Он всегда считал, что жена должна быть одна, — ему очень, видно, надоели разводы и случайные связи современников, но сначала это вовсе не значило, что мужу не мешает иногда и поглядеть на жену. Правда, уже в эти дни он постепенно приучал меня к стихам, показывал что-то, но главным образом следил, чтобы я куда-нибудь не удрала.

Настоящая близость началась только после «умыкания» (как ни смешно умыкать собственную жену) в Царское Село. Это письма в Ялту, где я лежала больная¹⁰⁰, это огромная воля, проявленная им для того, чтобы сохранить наш союз или брак. Я перестала быть девчонкой, которую он таскал за собой, — нас стало двое.

Третий период нашей жизни — это тридцатые годы, когда он сделал меня полной соучастницей своей жизни. Это началось с путешествия в Армению и с возвращения к нему стихов. Странно, что стихи начались, как и потом в Воронеже, с обращения ко мне¹⁰¹. И каждый период отношений начинался с того, что он определял такой фразой: «Я опять в тебя влюбился». Мне кажется, что к концу мы подошли еще к какому-то периоду, может даже к разрыву, но мы этого не узнали, потому что нас насильственно разлучили.

Нашему сближению после его разрыва с Ольгой Ваксель очень способствовало возобновление дружбы с Анной Андреевной, которое произошло, как она часто мне говорила, благодаря мне. Это случилось в Царском Селе.

В марте 1925 года, насильно увезенная из своей милой гарсоньерки на Морской, я очутилась в маленьком пансиончике в Царском Селе. Жители Петербурга всегда ездили для объяснений в Финляндию. За неимением финских городков пришлось довольствоваться Царским. Первую ночь я металась и хотела вырваться из плена. Как я тогда не удрала от О.М.? Я и сейчас этого не понимаю. Бегство к Т. предвещало мне вольную жизнь, к которой я тогда очень стремилась, может даже возвращение к живописи, где, мне казалось, я могу что-то сделать*, и уж во всяком случае я получала право на самоубийство в случае неудачи. Все мои представления, вся моя жизненная направленность в те годы была за разрыв, но я не ушла.

Наутро в нашу комнату вошла Мариэтта Шагинян. Это было первое событие, заставившее нас рассмеяться, — Мариэтта оказалась нашей соседкой, жившей за тоненькой стенкой. Если б она не была глуха, она бы слишком много узнала о нашей жизни, но, на наше счастье, этого не случилось. Мариэтта все-таки почувствовала что-то неладное и дала нам с сотню дурацких советов, а затем — нам вторично повезло — уехала в город. События продолжали разворачиваться — появился Пунин, искавший, куда бы ему пристроить А.А., у которой тоже начался весенний приступ туберкулеза. О.М. сразу затопорщился — она не приедет, сказал он мне, вспомнив старую обиду: увидишь, она не приедет, но она приехала, и ее приезд таинственным образом снял все наши раздоры.

Она тогда собрала всю информацию о нашей драме — ей рассказал о ней О.М. и, конечно, я, да еще Т., который меньше всех был в ней заинтересован и втянут в нее почти случайно. Во всяком случае, мы оба сохранили с ним хорошие отношения.

Наша дружба с А.А. началась на террасе этого пансиончика. Хозяин его — повар Зайцев — всё время ездил в город к фининспектору, пытаясь отстоять свое «частное предприятие» от полного разорения, но ему это не удалось: в двадцать шестом году, когда мы вернулись в Царское, там уже оставалось только два пансиона, которые спасались не столько посетителями, сколько связями с нашими правителями. Один из таких пансиончиков действовал именем Урицкого и держался дольше других. Частный сектор у нас исчезал — как в поварском деле, так и в литературе. Мы в последний раз жили в частном пансионе, неслыханно долго ждали хозяина,

* О.М. напрасно мне объяснял, что если я не работаю, то только потому, что мне нечего сказать.

чтобы он вернулся от фининспектора и нас накормил, и лежали закутанные на террасе, дыша целебным царскосельским воздухом — считалось, что он спасает от туберкулеза. И мы действительно выжили. Здорово было бы, если б мы тогда померли, не зная всего того, что нам пришлось узнать.

Терраса была еще завалена сугробами мартовского подтаявшего снега, но солнце уже здорово грело сквозь стекло. Мы непрерывно мерили температуру и радостно ждали смерти. Однажды, еле вытаскивая ноги, проваливавшиеся в снег, к нам подошел нищий. Мы высыпали ему всё, что у нас было, гроши, наверное, и он ушел, потрясенный нашей щедростью. Мы запомнили с ней этот эпизод, потому что именно он послужил началом нашей настоящей, не календарной дружбы. Всё началось с моего признания, что у меня сжимается сердце, когда я вижу нищих: а вдруг это мой отец, мать, братья или сестра?.. Долго ли нашим близким до того, чтобы пойти с протянутой рукой? Это чувство было ей слишком знакомо. В то время еще были живы ее мать и сестра. Они погибали где-то на юге. Куда-то исчезли братья — Виктор и Андрей*. Тогда, кажется, она еще не получила известия о самоубийстве Андрея — любая весть годами добиралась до нас. Мы уже испытали в полной мере первый голод: она — сидя неподвижно в Ленинграде, а я — бродяжничая по стране, как бродяжничали в течение многих лет миллионы людей в поисках хлеба. О.М. уже написал: «Дети, мы обнищали, до рублища дошли...»¹⁰² Мысль моя про нищих не отличалась оригинальностью, но чувство принадлежит нам с ней, а не всему разворошенному муравейнику. Люди старались не оборачиваться на бедственные годы и верили, что они остались позади. Основной целью всех было пробиться к казенному [неоскудевающему] пайку, чтобы при любом обороте событий остаться за оградой, куда впускают своих и сытых, где кормят сытно, а может, еще сытнее, чем раньше. Людей с самого начала у нас кормили выборочно, по категориям — согласно заслугам перед государством. В нэп наибольший кусок доставался ИТР — инженерно-техническим работникам, но писатели уже рыли землю, чтобы стать «инженерами человеческих душ»¹⁰³.

Свою нищету мы приняли добровольно. В этом ее сила. И по мере того, как я из испуганной девочки Европы, как назвал меня

* Этого я знала до знакомства с А.А.

О.М., которая так мешает плывущему быку-женолюбцу — «ноша хребту непривычна, и труд велик»¹⁰⁴, — превращалась в нищенку, которая уже не мешает никому и побирается сама, крепи наши отношения с А.А. Ведь отречение от внешних благ, от всего, что составляет вождление людей, за что с таким остервенением боролись все, было свойственно ей с ранней молодости. В первых стихах это самый сильный голос. В нем сущность Ахматовой, а не в левой и правой перчатке¹⁰⁵. И в этих ранних стихах можно уже найти отрешение от любви. В юности до всяких катастроф она уже называла себя брошенной и говорила о печальной женской судьбе. Ставки на счастье она не делала. И у Марины есть эта тема: «всегда бросали». Но в те царскосельские дни она еще не подозревала, как сложатся ее отношения с Пуниным. Через много лет, вспоминая жизнь в зайцевском пансионе, она, стилизуясь под бабенку, смешно сказала мне: «Они все хороши, когда они женихи...» Пунин был ее ставкой на спокойную жизнь. Ставка оказалась с треском битой. Для жизни с ним она нашла безукоризненно точную формулу: «одиначество вдвоем». У А.А. после разрыва с Пуниным сложилась горько-веселая теория «слабого пола»: «Наденька, мы с вами знаем, что мужчины не моногамны», — повторяла она. А я вспоминаю Розанова — как он шипел на церковь — они еще обрекли нас на единобрачие! И его наблюдение, что спасает брак только измена: после измены, гляди, опять живут вместе и даже неплохо...¹⁰⁶ Увы, это, кажется, действительно так..

Согласно теории А.А., удержаться, да и то случайно, может только ранний брак, поздние обречены на быструю гибель. Через пять-шесть лет любой брак и любая любовь рушатся во всех своих элементах, потому что исчерпывается страсть. Потом начинается своеобразный симбиоз, простая формальность, жизнь под одной крышей, в которой ни одна из сторон не заинтересована. Боюсь, что здесь есть суждение по аналогии, но ведь ни один из мужей А.А. не был ей по плечу. Не потому ли она охотно вспоминала первые дни, когда «дивный голос» звучал у нее за плечом?

Мужья, из которых я знала троих — Шилейку, Пунина и Гаршина, чувствовали рядом с ней свою неполноценность и проявляли это в достаточно диких поступках. Шилейко сжег ее стихи в самоваре, а Пунин всячески подчеркивал, что она бывший поэт, устарела, никому не нужна... Знаменито его изречение, популяризированное самой А.А.: «поэт местного царскосельского значения»...

В этом есть элемент шутки, но Пунин — старый лефовец, светлые воспоминания о Бриках, особенно о Лиле, — ежедневно выливал на А.А. целые ушаты «бриковщины». Подозреваю, что этот теоретик футуризма знал наизусть все «белые стаи»¹⁰⁷, но не считал возможным в этом признаться. К этому примешивалась обида, что ему она стихов не писала до самого разрыва. И наконец безумие продланного ими эксперимента: А.А. гордилась тем, что не разрушала семейной жизни своих друзей; ради ребенка или бог знает ради чего, возможно, просто из-за трудности с жилплощадью, Пунин после жизни в зайцевском пансионе перевез ее из Мраморного дворца к себе на Фонтанку. Это дикое сожителство — нам всё можно! — скоро дало свои плоды. И я хорошо помню день, когда я пришла на Фонтанку и застала А.А. под тем же гарусным одеялом, бледную, с расширенными отчаянными глазами. Она тогда сказала мне: «Надя, мне здесь плохо...»

Ей было очень плохо в пунинском доме, но к ней никто не подходил с обычной женской меркой. Я только сейчас поняла, как ей было страшно поневоле — куда денешься? — продолжать спать на том же диване, под тем же гарусным одеялом, когда отношения уже безвозвратно прервались. Именно в отношениях с Пуниным А.А. не порвала после первого кризиса и впервые в жизни произнесла: «Я или она», но Пунину больше нравилось бросить Ахматову, чем считаться мужем Ахматовой. Это возвышало его в собственных глазах. Когда через несколько лет он приехал в Ташкент, я увидела, что прежний развод был в значительной мере делом пунинского самолюбия и самоутверждения. Он опять оказался «женихом» уже навсегда отказавшейся от него Анны Андреевны.

Трудно быть поэтом, трудно быть женой поэта, но совершенно невозможно быть и женщиной, и поэтом. А.А. нашла в себе силы быть и тем и другим, но и то и другое дорого ей далось.

Мои отношения с О.М. не подходили под ее теорию, разрушали ее, и до самого конца жизни она меня допрашивала — что и как, — требуя анализа и самых немислимых подробностей. Она не понимала «этапности» Мандельштама и все-таки не понимала и того, что даже в отношениях с женой он не подходил под пунинско-мужскую мерку. Когда-то в Комарове А.А. после очередного допроса, вздохнув, сказала: «Должно быть, это только я жила с ними, не живя...» И потом: «Может, так и нужно было, чтобы я их всех так топтала, чтобы сделать то, что я сделала...»

Может, действительно нам троим было предназначено стоять вместе против всех бурь и сделать то, что каждый из нас сделал? О.М. не сбежал почему-то от меня, я не ушла от него, как полагалось по кодексу приличия двадцатых годов, А.А. твердо стояла около О.М. до самой его смерти и берегла его память. Она держалась и за меня: «Теперь вы — это всё, что нам осталось от Осипа», — сказала она мне в Ташкенте. Этим лучше всего определяется ее отношение ко мне.

Она часто говорила посторонним: «Надя — это почти что я сама», но это неточно — в ней было слишком много того, что нас разъединяло, а соединял нас О.М. — и это было главным в нашей жизни и дружбе. В этом внутренний смысл всего.

Разве память и время даны нам случайно? Неужели это только забавные феномены эфемерного бытия? Если так, то вся наша жизнь — лишь пляска смерти, брачный танец фосфорических букашек, который так испугал О.М. в Сухуме («Путешествие в Армению») ¹⁰⁸. И я всё же сейчас начинаю понимать, что в судьбе каждого человека заложен некий смысл, что у каждого есть основная задача, которую он может выполнить или уклониться от нее, выйдя на окольный путь. А.А. поняла это раньше, чем О.М. и, тем более, чем я: «Или это ангел мне указывал путь, невидимый для вас?» ¹⁰⁹ Но собственную судьбу еще труднее прочесть, чем историю — тоже производное от времени и памяти, — «и с отвращением читая жизнь свою, я трепещу и проклиная», потому что она прошла «в безумстве гибельной свободы...» ¹¹⁰.

Прошлые поколения задавали себе вопрос, в чем смысл жизни, в юности, когда они едва начинали понимать, кто они и куда их влечет, и поэтому ответ на этот вопрос почти всегда бывал ложным. Вся беда в том, что начинаешь прозревать этот внутренний смысл только задним числом — у самой могилы, и есть только один миг, когда его можно ухватить: когда всё уже прожито, но еще не наступила всё примиряющая старость, которая находит оправдания решительно для всего, скрадывает острые углы, обволакивает туманом всё, что было ярко и страшно, и сквозь туманное покрывало различает только контуры событий... Старость уже не смотрит жизни в глаза и уклоняется от слез и раскаяния. Но перед старостью, на ее пороге, когда человек еще не утратил силы зрения и суждения, надо оглянуться на собственный путь, и тогда, может, и удастся увидеть его смысл — тот, что в юные и даже зрелые годы

светил как крохотный огонек среди тьмы и почти ускользал от нас в суеде каждодневных событий. И еще одна беда: жизнь прожита, и всё необратимо, использовать собственный опыт уже нельзя. От скользких падений и ложных шагов избавило бы нас понимание своей задачи с самого начала, с первых шагов. И другим передать свой опыт нельзя, потому что у каждого свое собственное предназначение и чужой опыт ему ни к чему: «И каждый совершил душою, как ласточка перед грозой, неопиcуемый полет...»¹¹¹

Нам, очевидно, дано одно: право и обязанность, читая свой горький опыт, не смывать печальных строк¹¹² и хоть для себя, если не для людей, сделать из него выводы.

Но если путь наш предначертан, если огонек светит уже в первые наши дни, в чем же свобода человека, в чем его воля в этом брачном полете фосфорических букашек? Вероятно, только в том, пойдет ли человек по своему пути или увильнет от него... Зигзаги разрешены и неизбежны. Они-то и есть то, что мы делаем «в безумстве гибельной свободы».

Личная жизнь и личный опыт — необратимы, они никого не научат, как искать свой путь. Но еще есть история и существует и коллективный опыт; история — тоже производное от времени и памяти — основных чудес человеческой жизни. Но что прочтешь в безумной истории общества, если не прочтешь своего собственного неразумного пути? И всё же мы тычемся в историю, растерянно восстанавливая прошлое и выясняя пороки и доблести правителей, гениев и человеческих масс. Чудо истории в том, что ее опыт может служить предостережением для следующих поколений, чтобы они не повторили ошибок отцов и дедов. Надо только научиться ее читать, а это суровое мистериальное действо прочесть не так просто. Между тем в [ней], несомненно, заложено знамение для людей, чтобы они научились отличать ложные идеи от истинных, прямой путь от безумного и окольного. Не пора ли спросить, почему гуманистический девятнадцатый век, золотой век человечества с его культом свободы и человека, перешел в двадцатый с его массовыми смертями, войнами, лагерями, застенками и прочим ужасом, всем известным, но еще не осознанным. Вчерашние поборники свободы и защитники человека оказались образцовыми палачами, проповедники разума — распространителями идей, которые гипнотизировали миллионные массы и разрушали культуру... Что же такое эта пресловутая свобода, [не] она ли нас до этого довела?

Каждый может прочесть опыт собственной жизни, но редко кто хочет это сделать. Еще меньше людей, которые хотят обдумать опыт того отрезка истории, в котором он прожил свою жизнь. Людям моего поколения, наверное, знакомо такое чувство: кто мы? что от нас зависит? Ведь мы просто щепки, и нас несет бурный, почти бесшумный поток истории. Среди этих щепок есть и удачливые, которые умеют лавировать — то ли найти причал, то ли выбраться в главное течение, избежав водоворотов... А что поток уносит нас прочь от родных берегов, то в этом мы неповинны — разве мы плывем по собственной воле?

Всё это так, и всё это не так. Ведь «зане свободен раб, преодолевший страх»¹¹³, такому рабу, может, и сам поток не так уж страшен. Такой раб понимает, что свобода только тогда истинна, когда она основана на нравственных ценностях. Эту свободу, вероятно, следует отделить от другой свободы, которая названа «гибельной».

Мы с А.А. когда-то нашли для этого, то есть для зигзагов или для гибельной свободы, нужное слово, и произошло это совершенно случайно. Люба Эренбург передала ей через меня томик Элюара, надеясь, что А.А. соблазнится и что-нибудь переведет, — вдова Элюара обижалась, что его у нас не переводят. А.А. не соблазнилась. «Это уже не свобода, — сказала она про стихи Элюара. — Это своеволие...»

Любопытно, что поэты с большой долей своеволия легче всего приходят к традиционному стиху и традиционной, до них отработанной мысли. В просторечии это часто называется «простотой». Ведь «простота» — это не понятие, и ей ничего, в сущности, не соответствует в рядах со знаком плюс. Она влечет за собой только элементы отрицательного ряда: обеднение структуры — внутренней и внешней, отказ от многоплановости и от основных свойств языка и мысли: их метафоричности и символики.

«Простота» — это забота о потребителе, то есть читателе, редакторе, цензоре и особенно о начальниках, которые так не любят утруждать себя излишними глубинами, если они не связаны с их прямыми начальственными функциями. «Простота» — это, скорее всего, синоним понятности, то есть набора готовых элементов, уже угнездившихся в человеческом сознании*. Улягутся какие-то ве-

* Этой способностью человека орудовать готовыми элементами пользуется всякая политическая пропаганда.

щи в человеческом мозгу и живут там. Вот им и кажется через сто лет, что Пушкин стал им понятен. Поскребите эту понятность и то, что называется моим Пушкиным, и найдете такое, от чего не поздоровится. «Пишите просто, как Пушкин» — идиотское изобретенье лентяев, которые и самого Пушкина не понимают и дико бы взвыли, если бы пришел новый Пушкин.

Прямизна мысли, ахматовской, например, тоже иногда кажется «простотой», но это совсем не то и только случайно совпадает с ней в одном свойстве: доходчивости до читателя — в искаленном, конечно, и упрощенном виде. И чаще, кстати говоря, отпугивает, потому что в ахматовской мысли всегда присутствует анализ, основное структурное начало ее мышления. Этого я никак бы не могла сказать про Мандельштама, тоже человека высокологического, но отличающегося целостным миропониманием и иерархической системой идей.

Найденное слово (своеволие) помогло нам осознать смысл свободы. Общество только тогда устойчиво, когда оно основано на вечном нравственном порядке и этот нравственный порядок не может быть уничтожен никакими гражданскими законами и обычаями. Коллективный разум легко поддается гипнозу слов и гипнозу идей. Целые общества бывают одержимы гипнозом при служении религиозным, политическим и социальным идеям.

Свобода — это возможность выбора, вернее, отбора идей. Она основана на нравственном начале, которое охраняет нас от гипнотизирующей силы преходящих и ложных идей. Это свобода не от высшего начала жизни, а от гипнотизирующей силы социальной среды. Она отличается от своеволия тем, что у нее есть основа в животворящих силах человечества, в богочеловечестве, говоря словами Достоевского, а не в человекобожестве. О.М., отстаивая эту свободу, сказал: «Здесь я стою, я не могу иначе»¹¹⁴.

Безрелигиозный гуманизм девятнадцатого века во главу угла поставил человека, его волю, его счастье, его желания, развитие в нем индивидуалистических черт. Именно это должно было поощрять своеволие с его вечными признаками: «я хочу» и «я могу». У своеволия есть два крайних проявления: воля к власти — я знаю, как создать счастье, как надо поступать, что нужно делать, — и самоубийство: «зачем мне жить, если что-то не удовлетворяет меня в жизни, если мое „хочу“ расходится с тем, что я „могу“?» Своеволие отказывается от наследства идей и ищет новых, которые само изобре-

тает для самых разных целей: могущества, счастья, богатства или других произвольно поставленных целей. Служение человеку, не ограниченное никаким вечным законом, должно было дать расцвет своеволия и в личной, и в общественной жизни.

Своеволие окрасило всю нашу жизнь. В десятых и в двадцатых годах оно стало знаменем века. «Всё позволено»¹¹⁵ — ради какой-либо цели или просто потому, что я так хочу или считаю нужным, — основной закон этой эпохи. Человекобожество — результат своеволия — это губительная вера в сверхчеловека, окруженного сильными людьми, которые способны перестроить жизнь по своему произволу, сметая с пути все препятствия, игнорируя все человеческие ценности и многовековые установления.

В России этими дерзаниями своевольного человека были охвачены оба лагеря интеллигенции — элита и революционное подполье*, но никто не понимал, насколько более опасные формы своеволие принимает в революционном стане. Бердяев наивно думает, что интеллигенция боролась за народ, а победивший народ уничтожил борющуюся за него интеллигенцию. Точно так он считает, что большевизм — это анархия. Он вывез из России вчерашний день..

На самом деле большевизм по идее всегда был сильной властью, готовой применять всяческое принуждение для достижения своих целей, а народ никогда никого не побеждал и не уничтожал. Интеллигентская верхушка так называемого демократического лагеря использовала народ для победы, расправилась с кем считала нужным и расчистила себе дорогу к власти. Она разожгла волю к власти в несметной толпе своих клеветов, во всех слоях населения, во всех классах общества.. Каждый дом и каждая квартира, каждое учреждение, каждая деревня и каждый коллектив выдвинули своего сверхчеловека, упивающегося властью, и массовое движение людей, зараженных болезнью власти, обосновало вождизм и неограниченную власть одного человека или группы людей.

Летом 35-го года в дебрях Воронежской области мы встретились с остаточным для тридцатых годов явлением: одним из последних людей, больных волей к власти. Это был председатель одного из первых колхозов, которого сняли с работы и лишили власти тоже одним из первых. Звали его Дорохов. О.М. ездил по области с поручением от воронежской газеты и трое суток не мог отлипнуть

* Деление Бердяева.

от Дорохова, разговаривал с ним, как замороженный, пил с ним и не сводил с него взгляда. Именно тогда он шепнул мне про бациллу власти — страшной болезни двадцатого века. Вернувшись с фронтов Первой мировой и Гражданской войны, Дорохов начал организовывать счастливую жизнь и прошел через все полагающиеся степени: комбед, волостной совет, председатель коммуны, а потом укрупненного колхоза. У него была живописная речь: «как в воду поглядели» — говорил он и жаловался на комсомол: «только бы им яблоки жрать — чисто скажу, яблочный комсомол...» Дорохов управлял колхозом, как собственной трепещущей семьей, и издавал один приказ за другим. За неисполнение карал. В особенности его возмутило небрежное отношение к глубоко продуманному приказу о том, что в каждом доме в течение трех дней должны поставить на окнах горшки с цветами. «Народ темный, — объяснял он, — не понимает... Надо поскорее научить его, как жить. Цветы ведь против ревматизма — лишнюю влагу забирают...» За самоуправство его несколько раз снимали с его поста. Тогда он брал мешок и шел побираться. Подавали ему все — как не подать человеку, который так прекрасно повествовал о своем величии и падении! И никого не смущало, что он, проведя в самый короткий срок самое глубокое раскулачивание, завел собственную каталажку, куда сажал ослушников, невзирая на их правильное бедняцкое происхождение.

Дорохов для 35-го года был человеком вчерашнего дня. Централизация, сопутствующая вождизму, уже не нуждалась в местных вождях и воспитателях. Уже началось искоренение этого типа и замена его другим, на который мне тоже показал О.М. Этот был директором огромного совхоза, и мы провели с ним целый день, разъезжая на его полугрузовичке по полям. В каждом полевом стане он требовал, чтобы ему дали попробовать квасу и шей... «Приказ, — объяснял он О.М. — Забота о людях...» О.М. шепнул мне, что будь он на месте этого директора, он бы забеспокоился: уже начиналось дикое засорение полей, и они буквально цвели желтыми пятнами сорняков. Но приказа еще не было.

Под конец путешествия разыгралась настоящая драма. Мы случайно наткнулись на какой-то поляне на еле заметную землянку. Директор отчаянно струсил и проявил неожиданную энергию — вместе с шофером и тремя рабочими, ездившими с нами по полям, он вскочил на крышу землянки и начал плясать. Нашлись лопаты, и в восемь рук пошли разносить землянку. Зазвенело стекло крохот-

ного оконца, а из землянки стали гуськом выходить люди с вещами. Я запомнила швейную машинку. Это были старики и женщины с детьми. О.М. поразился, как могло столько народу вместиться в такую землянку. «Ты смотри, какие они все чистые», — сказал мне О.М. Мы стояли в стороне и с ужасом наблюдали за этой гнусной расправой — остановить директора нам не удалось, а настаивать мы не рискнули. Одной из последних из землянки вышла молодая женщина в таком же ослепительно чистом сарафане, как и другие, [держала] крохотного морщинистого заморыша, похожего на живой трупик — безволосого, не с руками, а с страшными зеленоватыми щепками. Женщины, которым уже нечего было терять, крыли директора густым южнорусским матом, но он, как исполнительный работник, не успокоился, пока не разрушил это последнее прибежище раскулаченных. В машине он объяснил нам, что мужья этих женщин либо сосланы, либо разбрелись по городам искать работы, а они «отсиживаются на совхозной земле». Именно это его испугало: он твердо знал, что положено, а что не положено. Любая комиссия, объяснил он, а их бывает без счету, могла натолкнуться на эту землянку, и тогда его — директора — обвинили бы в укрывательстве классового врага¹¹⁶.

«Это новый продукт, — сказал мне О.М., — это уже не Дорохов». Директор уже не болел волей к власти и знал свое исполнительское место. Ему принадлежало будущее, а Дороховых всех видов вскоре уничтожили — это массовое уничтожение было трагедией конца тридцатых годов. Подъявшие меч погибли, как полагается, от меча¹¹⁷ и в своем падении увлекли несметные толпы людей, только шараящихся от меченосцев. Раскулачивание производилось еще меченосцами, но на их место поставили покорных исполнителей приказов, сменивших мечи на лист бумаги, на котором пишется донесение по начальству и донос. Если в двадцатых годах идея еще детерминировала волю, то на втором этапе победившая идея, за которую не надо было бороться, уже не определяла ничего, кроме правил поведения.

Массовая воля к власти начала иссыхать и полностью изжила себя после смерти того, кто впитал в себя все тлетворные бактерии этой болезни. Сейчас действует только аппарат, созданный сверхчеловеком, но идеи сверхчеловека уже нет. Сверхчеловеческая тенденция, исчерпавшись, оставила после себя пустыню, населенную человеческими тенями, в которой былые страсти выжгли все признаки жизни.

Этой болезнью болели не мы одни, но нигде она не принимала таких острых форм. От болезни, протекающей в острой форме, можно выздороветь. Медленный и вялый процесс иногда бывает губительнее бурного. Мы дали материал для прививок, его нужно использовать, чтобы предотвратить новые вспышки эпидемии или хронические болезни этого рода. Это и называется использовать опыт истории.

Я всегда думала, что «Поэма без героя» говорит о свободе и своеобразии, но сейчас у меня появилось основание сомневаться в этом. Прежде всего надо изложить факты.

Под первым посвящением поэмы стоит дата 27 декабря 1941 — это годовщина смерти О.М.* [А.А.] жаловалась мне, что люди не замечают этой даты, и даже перенесла ее в заглавие посвящения. У меня именно такой экземпляр.

В «Листках из дневника» А.А. поминает ресницы О.М.¹¹⁸ Их замечали все — они были невероятной длины. Когда-то в Киеве в начале моей близости с О.М. одна довольно милая опереточная дива долго разглядывала О.М., а потом сказала мне: «Он совсем не похож на поэта, только ресницы...» Муж моей дивы тоже был поэт — он писал эстрадные номера, и О.М. действительно ничем не напоминал этого поэта, но ресницам она позавидовала... Они бросались в глаза. И сам О.М. ощущал их как какой-то добавочный орган: «Колют ресницы...»¹¹⁹, «Как будто я повис на собственных ресницах...»¹²⁰. И про мои, удивляясь, очевидно, что они не такие, как у него: «Слабых, чующих ресниц...»¹²¹ А.А. считала, что если в стихах упомянуты ресницы, то это обязательно к О.М. Она очень интересовалась Ольгой Ваксель: все-таки Наденька не единственная... Где-то она нашла кучу стихов Ольги — совсем слабеньких, О.М. даже не подозревал, что она пишет стихи. «А это, конечно, Осе», — сказала мне А.А., показав стихи с упоминанием о длинных ресницах. «Разве у одного Оси были ресницы? — сказала я. — Да и год не тот (там стояла дата — 27-й или 29-й год) — уже в это время давно всё было кончено». Про год А.А. сказала, что это ничего не значит, можно и через много лет написать, а про ресницы твер-

* Найдутся экземпляры, где проставлено 28 декабря — А.А. ошибочно считала этот день годовщиной и даже спорила со мной — спорщица она была неслыханная. В дате мы, конечно, уверены быть не можем, но это число есть на официальном документе о смерти. А.А. писала начало поэмы и посвящение ночью с 27 на 28 декабря.

до: таких ресниц ни у кого не было — если про ресницы, то это Ося...¹²² И тогда я спросила про посвящение, уже не в первый раз: такой разговор уже когда-то был в Ташкенте, и А.А. сказала, что это, конечно, О.М.: «На чьем черновике я могла бы писать?»¹²³

Наконец, снежинка. Я думала, что снежинка есть где-нибудь в стихах, и спрашивала об этом А.А.: «Что там было с этой снежинкой?..» Она успокоила меня, что Ося сам знает. Может, это воронежская зима, а может, что другое. О.М. мне в этом помочь не мог: к этому времени его уже давно не было на свете.

И еще: в самой поэме на секунду звучит голос О.М.: «И в отдалении чистый голос: „Я к смерти готов“». Эти слова она приводит и в «Листках из дневника»¹²⁴.

Каким же образом на «Первом посвящении» стоит «Вс. К.»? Неужели в годовщину смерти О.М., дату которой она так подчеркивала, она вспоминала о другой смерти? Зачем ей тогда понадобилась эта дата? Может, она испугалась ассоциации с О.М. — узнают и откажутся печатать? Ей всегда казалось — и при жизни О.М., и после его смерти, — будто все на нас смотрят, если мы вместе: «опять вместе и в том же составе...» Быть вместе ведь по тем временам — это почти государственное преступление. В Воронеже ее мучил дикий страх именно по этому поводу. Тогда еще были основания для этого страха: только что она выла под кремлевскими стенами¹²⁵ и тут же поехала навещать ссыльного. Но страх не проходил, и когда Сурков попытался раздобыть ей комнату в двухкомнатной квартире вместе со мной, она сначала радостно согласилась, а потом пошла на попятную — как можно нам селиться вместе — что «они» скажут...

Этот самый страх мог заставить ее закамфлировать «Первое посвящение», но ручаться за это нельзя. Ей случалось переадресовывать стихи и посвящения — и это тоже может служить объяснением. Или в образе человека с ресницами, которого она оплакивала, слились оба человека? Вот еще один вопрос, который я не успела ей задать. Кто теперь разрешит мое недоумение?

Между тем, если речь идет о двоих, то поэма написана о свободе и своеволии, а если дата смерти прилеплена к стихам о красивом гусарском корнете, весь смысл поэмы мельчает и упрощается. В этом случае я бы сказала, что сама А.А. проявила своеволие, а не истинную свободу, которую не могла не вынести из десятых годов — расцвета своей юности.

Когда мы поняли, что свободе противопоставлено своеволие, я ей рассказала свое понимание поэмы, и она просила меня записать его (это еще не значит, что ресницы в «посвящении» [не]мандельштамовские, она его, несомненно, вспомнила в ту первую ночь). Поэма началась мыслями о том, как преждевременно оборвалась жизнь одного поэта, смерть которого была форсирована не календарным, а настоящим двадцатым веком, и эти мысли привели на память другую — своевольно оборванную жизнь. Появился «гусарский корнет со стихами и с бессмысленной смертью в груди»¹²⁶. Он уклонился от своей подлинной судьбы и совершил акт величайшего своеволия — самоубийство: «Сколько гибелей шло к поэту, глупый мальчик, он выбрал эту — первых он не стерпел обид. Он не знал, на каком пороге он стоит и какой дороги перед ним откроется вид...»¹²⁷

Первая смерть — результат внутренней свободы, вторая — своеволия. Из прошлого в Ленинград сорок первого года — тридцать седьмой позади, впереди война — врывается атмосфера десятых годов: карнавальная маскарад. Это пиршество элиты, к которой принадлежала А.А., которым заправляют краснобаи и лжепророки, снявшие с себя всякую ответственность за что бы то ни было: «и ни в чем не повинен: ни в этом, ни в другом и ни в третьем... Поэтам вообще не пристали грехи...»¹²⁸ Это пора, когда «всё можно» на радость человеку, эпоха цветущего своеволия. Не случайна поэтому реминисценция, не сразу осознанная, из «Бесов»: «Или вправду там кто-то снова между печкой и шкафом стоит?»¹²⁹ (сцена самоубийства Кириллова).

В поэме десятые годы даны как разгул безответственности, за которую сейчас в 41-м году расплачивается А.А. — «твоя старая совесть»¹³⁰, и своеобразного варианта «воли к власти» — литературных учителей: «я забыла ваши уроки, краснобаи и лжепророки» и «ты железные пишешь законы, Хаммураби, ликурги, солоны у тебя поучиться должны»¹³¹. У А.А. двойственное отношение к десятым годам: с одной стороны — «до неистового цветенья оставалось лишь раз вздохнуть»¹³², а с другой — безответственность, карнавальная маски... Однако, может, эти трактовки не так уж непримиримы: праздничное веселие масок перед концом культуры могло показаться подлинным цветением — в дни, когда из будущего слышится гул приближающейся катастрофы — «и всегда в духоте морозной, предвоенной, блудной и грозной, жил какой-то будущий гул...»¹³³ или: «Как в прошедшем грядущее зреет, так в грядущем

прошлое тлеет — страшный призрак мертвой листвы»¹³⁴ и много еще мест о том, что десятиые годы жили предчувствием будущего, грядущим приходом настоящего двадцатого века.

В десятиые годы действовали два фактора — разложение идей девятнадцатого века и ужас перед будущим. Деревья не зацветают перед рубкой, а общества, наделенные мыслью и чувством, в истоме предчувствия дают пышное, но ложное цветение, и тогда демонстрируются те плоды, которые приносит своеволие. Культ своеволия разрушает культуру и подрубает ее корни.

В демократическом лагере зарождается идея о сильной власти, о людях, призванных вести народ за собой, о праве тех, кто обещал облагодетельствовать человечество, на любое насилие — а ведь кровь порождает только кровь — и, наконец, о могуществе человека, способного повернуть историю в любое удобное ему русло.

В лагере элиты — веселье, безответственность и та же борьба за власть, но не над жизнью, а над интеллектами. Правда, там была и тревога, та самая тревога, что порождает литературу, но все, кто жил этой тревогой, предлагали свои рецепты спасения, ни один из которых не исходил из подлинного анализа событий, а лишь из теоретических выкладок. Это относится и к Розанову, и к Мережковскому, и к Гершензону, Бердяеву и многим другим.

А.А. осталась и в поэме при любовной теме, она увидела разложение любви в десятиых годах и признала свою ответственность за одну из происшедших в те годы любовных трагедий. Я заметила странную закономерность: в годы тревоги — перед бедой, когда из будущего слышится только ее отдаленный гул, рушатся человеческие связи, начинается разгул. Это было и в десятиых годах: пир перед чумой. Люди пируют, словно пытаются насладиться последним днем.

Нечто подобное происходило и в наши дни перед каждым приступом террора. Но тогда всё принимало скромные размеры из-за общей нищеты. Я слышу рассудительный голос Тани Луговской — она объясняет, что советский человек не может бросить ни службу, ни квартиру, он может бросить только жену (жена ведь, как верно отметил Платонов, единственная собственность, доступная нищему). Слишком уж часто у нас случалось, что тихий и скромный человек, семьянин, «моча в норме», почуяв, что к нему приближается беда, мечется, заводит случайный, кратковременный, никому не нужный роман, так что органы, выкорчевывая «человеческие излишки», ссылали после его депортации в лагерь не одну, а двух жен-

щин. Так сказывалось брожение среди обреченных людей, когда всё можно, потому что жизни осталось чуть-чуть, капелька, один последний глоток.

Безответственность, разложение исторических, общественных и других человеческих связей — это результат своеволия, как и воля к власти. Режим, создаваемый «сильной властью», взявшей на себя функцию единственного мозга, единственного судьи, единственного законодателя и поставщика нравственных законов, усиливает среди людей и безответственность, и разложение. Царство своеволия оставляет после себя пустыню, населенную теньями. Возможно ли возрождение и с чего оно начнется?

Я не случайно считаю отсутствие ревности своим женским изъяном. Это мужчины оболгали ради собственного удобства женскую ревность. В ревности зачаток трагедии. Не ревнивы вялые и равнодушные. «Слепая тень» не знает ревности. Женщины высокого класса всегда ревнивы. Г.К., очень нравившаяся А.А., призналась, что, если у нее окажется соперница, она ее задушит. А.А. торжествовала и ставила мне в пример Гаю. Она отчаянно многие годы старалась возбудить во мне ревность сначала к живому, а потом к мертвому. Она презирала меня за мое ничтожество — никого не собираюсь душисть... Я была ей непонятна, а Галя подкрепляла ее собственные позиции. Такой ревнивицы, как А.А., свет не видел. Она ревновала всех ко всем, мучительно отдавая себя этому грозному чувству. Меньше всего, по-моему, она ревновала своих мужей, которых она просто растапывала при разлуке, а растоптанного уже ревновать не приходится: не человек, а куча дряни. Но всех прочих — живых и мертвых — она терзала своей ревностью во всю силу своей неистовой души и, не стесняясь, публично, расправлялась со своими соперницами. Основная сила ее удара падала на жен поэтов и отчасти писателей всех времен и народов. Не помню, за что доставалось Анне Григорьевне Достоевской, скорее всего за бездарность и деловитость¹³⁵, а Наталья Герцена получила полный ушат, когда были опубликованы ее письма к Гервегу¹³⁶. «Теперь ясно, — говорила А.А. — Она была влюблена, как кошка...»¹³⁷ И А.А. поносила уровень писем, достойный горничной*. О Наталье Гончаровой и говорить нечего — уступить Пушкина такой женщине А.А. не могла¹³⁸: просто

* Сама А.А. остерегалась писать какие-либо письма: наговоришь глупостей под горячую руку, а потом сраму не оберешься, когда их опубликуют в каком-нибудь «Литературном наследстве».

это историческая ошибка, которую надо поскорее исправить. Логично и стройно А.А. доказывала, что не Дантес влюбился в Гончарову, а это она за ним бегала. Почему бы иначе она рассказывала обо всем Пушкину? Разве женщины когда-нибудь рассказывают мужьям про свои удачи? Вы ведь знаете, Наденька, что никогда... Рассказывают, если ничего не вышло... Наталья Гончарова, по мнению А.А., была ниже уровня светской женщины того времени — плохая мать, провинциалка, безвкусно одетая москвичка — как Пушкин, наверное, стеснялся ее «обдуманых» нарядов и просил графиню Финкельмонт ей помочь, может, и не ее, но кого-нибудь, конечно, просил... «Вы себе представляете, что могла тогда выдумать москвичка, да еще из такой семьи...» Даже насчет красоты Гончаровой у А.А. были серьезные сомнения: «Ну, знаете, мы ведь с вами ее не видели...»¹³⁹ Зато жену Блока она видела: нос как лапоть... кожа... и какие приемы!.. Здесь следовал рассказ Георгия Чулкова, совершенно конфиденциальный и очень похожий на то, что Любовь Дмитриевна сама о себе рассказала: они все восхищались своими роскошными телами в начале нашего века — культ дамы в эпоху своеволия¹⁴⁰.

Софью Андреевну Толстую А.А. почему-то щадил, и скорее всего потому, что не любила ее мужа, который бесстыдно оболгал Анну Каренину — милую женщину и к тому же тезку... Пока она жила с Карениным, а ведь ее просто продали ему, всё шло хорошо, а сошлась с любимым человеком — тут бы торжествовать, а Толстой выдумывает про нее чорт знает что. И А.А. показывала отрывок, не вошедший в основной текст, где Каренина вульгарно кокетничает с каким-то офицером. Ясно, что Толстой из моралистических побуждений просто оклеветал ее...¹⁴¹ Я иногда напоминала А.А. ее собственную теорию любви, которая в несколько лет должна иссякнуть. Но на чужую логику А.А. не клевала.

Некоторое исключение А.А. делала для первой жены Тютчева и для Баратынской, но мне кажется, что о них она просто ничего не знала. А жена Анненского, дама как дама, и вообще ничего, только старовата для него, но как она смела отправлять Иннокентия Федоровича за границу, как только он влюблялся?..

— Ануш, почему вы щадите меня? — спрашивала я, а она вздыхала. Вопрос этот, конечно, был лукавым. Со мной А.А. сдерживалась изо всех сил, но и в закрытом котле страсти не переставали кипеть. «Почему у Оси так мало любовных стихов?» — грозно спрашивала она меня. «Мы не трубадуры», — отвечала я цитатой.

«Всё равно нехорошо», — огорчалась А.А. Втайне, но эти тайны ясны каждому, А.А. в этом обвиняла меня, хотя за границу я его явно отправить не могла и, скорее всего, поехала бы туда сама, если бы можно... И ее злила моя идиотская уверенность, что, прокрутившись без меня от двух недель до месяца, он всё равно ко мне прискачет...

А.А. убеждала меня, чтобы я не заносилась: они никогда не возвращаются к прежним женщинам... Где вы такое видели? Женя Пастернак тоже думала, что Борис вернется к ней, а он оказался у «этой Ивинской»... С мужчинами такого никогда не бывает... Какой Оська мужчина, говорила я, он просто дурак, и тут мне попадало по первому классу. Она изливала такой поток доказательств, что три дня я вертела перед О.М. хвостом, стараясь, чтобы он меня не бросил и не забыл.

При жизни О.М. она пыталась исправить положение и один раз ей даже удалось выбить из него изменнический стишок¹⁴², но вела она себя при этом довольно осторожно. Я бы и не узнала про ее участие в этом деле, если бы О.М., каюсь, не стал вдруг умолять меня не рвать отношений с А.А. ... Эту милость я ему, разумеется, предоставила... Мне и в голову не приходило ссориться с ней. Ни за что на свете я бы этого не сделала.

После смерти О.М., и особенно в Ташкенте, она полностью завладела мной — «Вы теперь всё, что у нас осталось от Оси», — [а] со мной и О.М., и это успокоило ее. Потом наступил новый период ужаса, когда мы позабыли обо всем на свете, кроме «черного ворона». Когда настала «оттепель», А.А. развеселилась и дала себе полную волю.

Первая ее задача — доказать мне, что я была не единственной женщиной в жизни О.М., но я это и без нее — увы! — знала. «Надо, пока не поздно, — говорила она, — собрать все фотографии женщин, которым он писал стихи». К ее возмущению, я отказалась этим заниматься: «Это пусть делает кто хочет. Я здесь ни при чем...» А.А. решила сама об этом позаботиться, но, кажется, не слишком энергично занялась — только взяла то, что было под рукой. Надо отдать ей справедливость, она предложила мне прибавить к коллекции и свою карточку: только выберите там, где вы лучше... Я и от этого отказалась.

В любви О.М. ко мне она все-таки сомневалась: так с мужчинами не бывает, тут что-то кроется... В конце пятидесятых годов ко

мне вернулись письма О.М., сохраненные Наташей Штемпель. Я сама, перечитав, удивилась им и отнесла показать их А.А. Она только ахнула: ну теперь понятно всё! «Но почему он вам не писал стихов?» — «Писал», — сказала я и перечислила стихи, обращенные ко мне.

А.А. огорчилась и весь свой гнев перенесла на Наташу Штемпель. Бедная Наташа, которой тогда случилось быть в Москве, пришла со мной к А.А. и опешила от ледяного приема¹⁴³. Она спросила меня, чем она так не угодила А.А. Я скрыла от нее, что А.А. не может ей простить стихов, написанных ей. А.А. три дня бушевала: «Это вашей Наташе такие стихи? Может, лучшее стихотворение!.. Это она будет приветствовать воскресших!?!» Все-таки в «Листках из дневника» А.А. упомянула Наташу¹⁴⁴. Я спросила ее, почему она не назвала стихов, обращенных ко мне, но А.А. жестко объяснила мне, что этим пусть занимается кто хочет...

Меня втайне всегда волнует один вопрос, и я однажды поделилась своей тревогой с А.А. Это про встречу — будем ли мы там вместе с О.М.?.. Но она тут же поставила меня на место: там никаких мужей и жен не будет — об этом сказано совершенно ясно...¹⁴⁵ Вот этого я и боялась — она постарается «там» отнять у меня О.М., потому что «там» не действует мое единственное земное преимущество...

Она хотела безраздельно владеть всеми людьми прошлого, настоящего и будущего, но только теми, кто сочинял стихи или, по крайней мере, знал в них толк. Ко второй категории я, по ее мнению, подходила, и поэтому мною она тоже хотела владеть безраздельно, уступая меня только мертвым, но не живым. И в этом моя неслыханная удача. Если б не она, я бы никогда не вынесла этих страшных и темных лет. Однажды она просто спасла мне жизнь, когда, с дикой энергией впившись в совершенно чужих людей, заставила раздобыть мне вызов в Ташкент из глухой деревни, где я погибала, и всю мою жизнь она поддерживала во мне веру в О.М. и в правильность той задачи, которую я поставила перед собой: изо всей силы, изворачиваясь как угодно, зацепиться за жизнь, чтобы спасти его стихи.

В последние годы мы как-то сидели с ней в церковном садике наискось от дома Ардовых. Я выводила ее туда, чтобы она подышала хоть этим бескислородным московским воздухом, а мы могли поговорить без помехи. «Вы ведь всегда верили в меня?.. не сомневались?» — спросила она. Тогда вышла первая из ее книг¹⁴⁶, и она

очень расстроилась — как ее обстригли и обкорнали. А к этому еще прибавилась очередная выходка Ардова: с ним делалось что-то омерзительное, когда при нем произносили слово «акмеизм». Мы не знали, чем это объяснить — преданностью лефовским идеалам или чем-нибудь более современным, например, желанием начальства уничтожить это слово...

Я ответила, что всегда в нее верила и никогда не отрекалась от ее стихов. Это истинная правда, и она это всегда знала, но немного огорчалась, что я предпочитаю те ее стихи, где она говорит в лоб и поражает жесткими и прямыми формулами. Должно быть, и ей, и О.М. нужна была моя вера в их путь и в их труд, потому что и О.М. успел мне сказать то же, что она. Сейчас может показаться странным, что два больших поэта нуждались в поддержке женщины, которую они сами научили с голоса воспринимать стихи. Оказывается, жизнь устроена так, что без этого обойтись нельзя. И не похвалы ведь они от меня ждали, а только кивка — да, да — или чтобы я замотала головой и сказала: «кажется, нет...» В извечном и страшном человеческом одиночестве, которое для поэта увеличивается в тысячи раз, даже если он окружен людьми, необходим хоть один слушатель, чей внутренний слух настроен на постижение их мысли и слова.

«Меня, как реку, жестокая эпоха повернула, и я своих не знала берегов...»¹⁴⁷ Мы часто с ней говорили о том, что было бы с нами, если бы в нашей жизни не было жестоких и не от нас зависящих катаклизмов. Труднее всего понять, как обернулась бы судьба О.М. Нам казалось, что его поэзия, скорее всего, пошла бы вглубь по какому-нибудь философскому руслу. Марина предсказала ему гибель от женщины¹⁴⁸. На этом, конечно, можно свернуть себе шею, но мне в это не верится: слишком уж быстро он остывал от любой вспышки, и малое количество любовных стихов у него не случайность. То, что он говорил А.А. про стихи, что они пишутся *только* в результате потрясений, как радостных, так и трагических, верно, но он забыл прибавить, что всё, что угодно, может оказаться потрясением — разговор, книга, перемена погоды, закат, туча в небе, встреча с другом и уж во всяком случае путешествие, музыка или смена времен года. Гибели он не искал, как и счастья. С людьми давал скорее положительный, чем отрицательный контакт, хотя в отношениях с ними у него была известная хищность: он жадно брал

у них всё, что они могли дать, а потом отступал — не ссорился, не рвал с ними, а просто вежливо и равнодушно относился к ним. Из всех поэтов, которых я знала, он был самым жизнерадостным и упивался каждым пустяком. Очень возможно, что его жизнь могла бы сложиться при других обстоятельствах вполне сносно: ведь свое своеволие он умел обуздывать.

Про себя А.А. говорила, что, скорее всего, она не развелась бы с Гумилевым, но жила бы не с ним, а во флигеле и ушла бы в литературную борьбу. Себя же я не могу себе представить ни в каких других обстоятельствах: О.М. основательно поработал, чтобы сделать из меня нищенку-подругу¹⁴⁹ и вытравить идею самоубийства. Именно это было величайшим соблазном моей жизни. А случай это не такой редкий — и Марина, и особенно Маяковский смолodu шли на этот путь. Жестокая эпоха с необычайной прямоотой потребовала от каждого из нас троих — О.М., А.А. и меня — выполнения своего долга. Уклониться от него было невозможно: куда денешься? И потому во всех стихах о двух возможных путях А.А. твердо говорит, что та, другая, которая могла бы быть ею, но не осуществилась, с завистью смотрит на нее во всем ее несчастье и страдании. Таких стихов, по крайней мере, три: кроме того, что я процитировала, есть еще «деловитая парижанка» и двойник, глядящий из другой жизни¹⁵⁰.

А.А. с горечью следила за тем, что писали о ней и об О.М. по ту сторону барьера. Все эти «бросили поэзию», «сошли с ума», «переводят», «всем надоели», «опустились», «поэты десятых годов» и всё прочее, что подхватывали за границей из нашей печати и от услужливых «осведомленных» лиц, охотно снабжавших подобной информацией иностранцев, приводили ее в ярость. Составители иностранных литературных справочников потрясающе ничего не понимали в нашей жизни, они даже не подозревали, что непечатанье стихов отнюдь у нас не означало прекращения поэтической работы. О запретах они слыхом не слыхали. Мертвых считали живыми, а живых мертвыми. И всегда в этих сообщениях звучала злорадная нотка: вот они куда годятся, ваши поэты! «Почему они нас так ненавидят? — спрашивала А.А. — Я знаю: они нам не могут простить нашего страдания...» Это та же зависть, с которой двойник из благополучной жизни смотрит на обезумевшую от горя женщину, которая не выдумывает своих мук, но живет в жестокой реальности. Умом этой зависти понять нельзя, сердцем тоже нель-

зя. Но, к моему удивлению, эта зависть действительно существует. И мне ее не понять. Ведь я поглядела назад, и «предо мною раскрылась дорога, где ползла я в крови и пыли...»¹⁵¹.

А.А. сказала, что, вероятно, писала бы прозу, а не только стихи, если бы жизнь сложилась иначе. Мне не очень верится: в исследованиях о Пушкине звучит ее жесткий голос и чувствуется сила анализа, в отдельных же автобиографических отрывках она как-то всё смягчает, осторожничает, стушевывает. Писем же, по которым можно судить о свободной прозе, она никогда не писала, чтобы неосторожным словом не выдать в них себя. У нее был хороший предлог отказаться от писем: противно писать, когда знаешь, что твое письмо вскроют и прочтут не те, кому оно адресовано, но и в юности она на этот счет была сдержанна. Откуда-то с самых ранних лет у нее взялась мысль, что всякая ее оплошность будет учтена ее биографами. Она жила с оглядкой на собственную биографию, но неистовый характер не допускал ни скрытности, ни идеализации, которой бы ей хотелось.

«Всё в наших руках», — говорила она и: «Я как литературовед знаю...» Иначе говоря, одной частью своей души она желала канонического портрета без всей той нелепицы и дури, которые неизбежны в каждой жизни, а тем более в жизни поэта. Красивая, сдержанная, умная дама, да к тому же прекрасный поэт — вот что придумала для себя А.А.

Она призналась мне, что в Петербурге, когда она приехала туда с Гумилевым, ее поразил не успех ее первых книг, а женский успех. К литературному успеху она сначала отнеслась равнодушно и верила Гумилеву, что их ожидает судьба Браунингов — при жизни известностью пользовалась жена, а после смерти она сошла на нет, а прославился муж. А женский успех вскружил ей голову, и здесь кроется тайна, почему ей захотелось казаться приятной дамой.

Первые свои уроки, как должна себя вести женщина, А.А. получила от Недоброво. Какая у него была жена, спрашивала я; оказалось, что его жена очень выдержанная дама из лучшего общества. Сам Недоброво тоже был из «лучшего общества», и его влияние здорово сказалось на некоторых жизненных установках Анны Андреевны. А сам Недоброво, влияя и сглаживая неистовый нрав своей подруги, вероятно, всё же ценил ее необузданность и дикость. «Аничка всем хороша, — говорил он, — только вот этот жест», — и А.А. показала мне этот жест: она ударила рукой по колену, а затем,

изогнув кисть, молниеносно подняла руку ладонью вверх и сунула ее мне почти в нос. Жест приморской девчонки, хулиганки и озорницы. Под легким покровом дамы, иногда, естественно, любезной, а чаще немного смешноватой, жила вот эта самая безобразница, под ногами которой действительно горела земля.

А.А., равнодушная к выступлениям, публике, овациям, вставанию и прочим никому не нужным почестям, обожала аудиторию за чайным столом, разновозрастную толпу друзей, шум и веселье застольной беседы. В этом она была неповторима: люди падали со стульев от хохота, когда она изволила озорничать. В роли дамы она долго выдерживать не могла, но всегда, получив приглашение в приличный дом, готовилась к ней. Что же касается до приглашений, то она их принимала все, сколько бы их ни было, потому что она обожала бегать по гостям, приводя в ужас и меня, и Харджиева: куда она еще побежит?

В гости ей всегда приходилось брать с собой какую-нибудь спутницу — ведь она боялась выходить одна. Мне случалось с ней ходить — только в Ташкенте, да и то очень редко. В Москве же мы никуда вместе не ходили. Причин этому было много, а главная — она при мне не могла разыгрывать даму, боялась встретиться мой насмешливый взгляд. А кроме того, ей хотелось быть в центре внимания, а в последние годы она боялась, как бы ей не пришлось разделить это внимание со мной.

Общих друзей у нас почти не было. Из всей толпы ее гостей за многие годы я подружилась только с несколькими людьми, которых она мне сама подарила: Юля, Ника и, кажется, больше никого. А мои друзья часто становились и ее приятелями и даже друзьями. Однажды утром, не спрашиваясь, я привела к ней Рожанского. Она упорно называла его академиком, не веря мне, что он просто служит в Академии, и с восторгом ездил к нему на званные обеды. Рожанские, вежливые люди, всегда приглашали и меня, но я им откровенно объяснила, что они этим испортят всё удовольствие Анне Андреевне, и всё пошло как по маслу.

Хуже было с Виленкиным, театроведом, про которого О.М. когда-то шутил: «Как оторвать Ахматову от Художественного театра?» Она мне сказала, что приглашена к нему на ужин. И, к своему ужасу, узнала, что он пригласил и меня. Ужаса она не скрывала: что нам теперь делать?! Чтоб успокоить ее, я позвонила Виленкину и сказала больной. Ужин прошел великолепно, а наутро Виленкин явился к Шкловским, где я тогда жила, навестить больную. Я же

в халате и шлепанцах подметала коридор. Он опешил: что это значит? И мне пришлось объяснить этому милому человеку про свою ревнивицу-подругу и про то, что она стеснялась при мне и буйствовать, и изображать из себя даму.

А как же с биографией? Какой она будет в своей биографии? Прозы у нее почти нет, а в стихах зрелого периода она слишком много о себе сказала, чтобы позировать там дамой. И я люблю ее неистовый голос: «Не лирою влюбленного иду пленять народ, трещотка прокаженного в моей руке поет. Успеете наахаться, и воя, и кляня, я научу шарахаться всех „смелых“ от меня. Я не искала прибыли и славы не ждала, я под крылом у гибели все тридцать лет жила. . .»¹⁵²

Я думаю, что за эти стихи сам Недоброво простил бы Аничке ее манеру при споре хлопать себя рукой по коленке.

Юлю и Нику она мне подарила, а Николая Ивановича я забрала себе без всякой санкции с ее стороны. Впервые это случилось в те дни, когда она приезжала для встречи со мной в Москву¹⁵³ и мы устраивали «пиры нищих», а О.М. ночью звонил нам по телефону из Воронежа. Николай Иванович стал участником наших пиров, и А.А. с тревогой заметила, что между нами налаживаются отличные отношения. «Наденька, — говорила она, — вы все-таки поосторожнее: Николай Иванович терпеть не может навязчивых¹⁵⁴ женщин. . .» — «А вас?» — наивно спрашивала я. «Я — другое дело», — отвечала А.А. Это была, конечно, чистая клевета на Николая Ивановича, и мы дружили с ним всю жизнь, хотя были женщинами.

Когда вернулся О.М.¹⁵⁵, он тоже разговорился с Николаем Ивановичем и сам сказал мне, что у Николаши абсолютный слух на стихи, и он хотел бы, чтобы именно такой человек издал его стихи — уже стало ясно, что ему предстоит только посмертное издание. Такой редактор, по словам О.М., — настоящая удача для поэта. Он даже передал ему через меня «Неизвестного солдата», сказав, что Н.И. может что угодно делать с композицией этой вещи, потому что сам О.М. устал и не может из нее выкарабкаться. Впрочем, эти стихи — что-то вроде оратории, как говорил О.М., — сразу же после этого приступа усталости устоялись в теперешнем своем виде.

Когда О.М. исчез и потом пришла весть о его смерти, я уже была зачумленной и все от меня шарахались. Единственным местом, куда я могла спрятаться, была маленькая комнатка в деревянном доме в Марьиной Роще. Именно туда я пришла, узнав на почте, что ко мне

вернулась посылка «за смертью адресата». Я лежала пластом на матраце Николая Ивановича, а он варил сосиски и заставлял меня есть. Иногда он тыкал мне конфету: «Надя, ешьте, это дорогое...» Ему хотелось, чтобы я улыбнулась. В ту пору из Ленинграда приезжала Анна Андреевна с передачами для Левы или хлопотать, то есть стоять в очередях у прокуроров, которые ничего не отвечали ни на один вопрос, а только запугивали и так обезумевшую от страха толпу. Во всей громадной стране у нас был один друг, он единственный от нас не отказался. И эта единственность Н.И. всегда выделяла его из возникшей впоследствии толпы знакомых — они появились, когда прошел страх и выяснилось, что за знакомство с нами они не заплатят головой. «Он был с нами, когда мы были совсем одни», — повторяла А.А. и: «Он единственный от нас не отказался...»

В эвакуацию он попал в Алма-Ату. До нас дошел слух о его неудачной женитьбе и разводе. Анна Андреевна возмущалась и С.Н., и Шкловским: «Вот мразь.. Как она могла так предать Н.И.!»¹⁵⁶ Ведь и С.Н. он поддерживал в те страшные годы и фактически спас ее в начале войны, когда вывез в эвакуацию. Вот тогда-то мы и взвесили, что такое храбрость.. Ведь среди всех не поддался низкой трусости только «наш черный».. Мы так называли его только за глаза — при нем мы бы не осмелились на такую фамильярность. «Хозяин строг, но справедлив», — говорила А.А., и обе мы держались с Н.И. весьма почтительно, хотя он был среди нас самым младшим. А.А. морщилась: «Почему он для вас Николаша? Я всегда называю его Николай Иванович...»

Одно время она задумала отдать меня замуж за Н.И. Этим она хотела убить двух зайцев: пристроить меня и не дать Н.И. вторично жениться, не то жена поступит как все жены: отдалит от нас «нашего черного». Я, к ее огорчению, отказалась от этого ее проекта: ни ему, ни мне этого не нужно. Она же призналась, что будь она богатой — с дачей, это у нас называется богатой — или хоть с квартирой, она бы обязательно поселилась с Н.И. — и пусть люди говорят что хотят... Действительно, люди бы много говорили о разнице в возрасте... «Наш черный» тем временем жил и очаровывал людей, не подозревая о наших кознях. И вдруг А.А. нашла выход: «Пусть он будет нашим общим мужем!» — предложила она, и на это я немедленно согласилась. Мы известили его телеграммой о своем решении. Они шли тогда почти пешком, ответ не приходил, и А.А. серьезно забеспокоилась: вдруг «черный» рассердился! Ответ при-

шел в мое отсутствие. А.А. встретила меня на пороге — мы жили с ней на Жуковской в Ташкенте — размахивая телеграммой: он не рассердился, он подписался «общий»...

Харджиев сыграл большую роль в жизни А.А. Всё трудное время она не делала ни шагу, не посоветовавшись с ним: «как „черный“ или „общий“* скажет...» И многие стихи появились в связи с ее разговорами с ним. Так возникла и тема прокаженного. Она жаловалась ему, что ее считают любовным лириком, не замечая в ней ничего другого. Н.И. ответил: какая там любовь и лира, скорее трещотка прокаженного...

За тысячи верст от Н.И. А.А. соглашалась делить со мной дружбу «черного», но в Москве она относилась к ней далеко не так снисходительно. Здесь, когда он был рядом, она всё же старалась отеснить его от меня и меня от него. Но всё же для нас всех было настоящим праздником, когда удавалось побыть втроем и вспомнить «пиры нищих». Только уж никто не звонил нам из Воронежа по междугороднему телефону. А мы трое молодели, смеялись и радовались украденной у жизни радости.

Как Анна Андреевна ни дружила с Харджиевым, одной вещи она ему никогда не прощала: «молчите, иначе он вас отлучит от ложа и стола» — но как он смеет любить не только Мандельштама, но и Хлебникова! А.А. даже подозревала, что он любит Хлебникова больше Мандельштама, и это приводило ее в неистовство. Никто не смел ей признаться, что любит какого-нибудь поэта больше Мандельштама. «Он пастернакист», — предупреждала она меня, то есть такого стихолюбца надо отлучить от стола, поскольку к ложу он никакого отношения не имеет... Пунин со всеми его лэфовскими штучками все-таки разразился когда-то влюбленной статьей про Мандельштама¹⁵⁸, поэтому ему прощалось многое. Забавно, что к своим стихам она любви не требовала или, во всяком случае, за равнодушие к ним никого ни от чего не отлучала. А к Харджиеву она старалась и во мне возбудить нетерпимость за его преступную любовь к Хлебникову...

Ревность и нетерпимость — близнецы. Это чувства сильных, а не слабых. Н.И. тоже говорил, что его суждениями управляют пристрастия. И у Герцена я нашла слово в похвалу пристрастиям¹⁵⁹. Только равнодушие порок. Слава пристрастиям!

* Невзирая на появление настоящей жены¹⁵⁷, она продолжала называть его «общим».

Меня поразила пронзительная и отчаянная интонация девчонки-поэта, которая покончила с собой где-то в Англии¹⁶⁰: она узнала, что за всякую каплю радости надо расплачиваться собственной шкурой. Еще в ранней юности, до встречи с О.М., я поняла, что любовь — это вовсе не голубое облачко. Мне хотелось избежать общей участи, то есть отнестись ко всему этому приблизительно так, как молодые женщины второй половины двадцатого века. Отсюда теория двух месяцев «без переживаний». Но на первой серьезной встрече — с О.М. — всё сорвалось, и я попала в жены, а дальше всё пошло как обычно плюс все трудности наших дней.

А.А. подарила меня необычайной любовью О.М. Я поддалась соблазну и не уговорила ее снять это место¹⁶¹. Разве можно назвать любовью, если двое, окруженные хунвейбинами, хватаются за руки? Любовь проверяется не в катастрофической ситуации, а в мирной жизни. Не знаю, выдержала ли бы такое испытание наша. Откуда мне знать? У нас не было почти ни одного человеческого года — в невероятных условиях нашей жизни каждый период приносил свои жестокие испытания. Здорово мы жили, надо сказать, по первому классу. Если страдания — то, чего нам нельзя простить, — то, клянусь, мы их не выдумывали.

Режиссер в «Восьми с половиной»¹⁶² завел себе гарем, а у наших женолюбив не было для этого ни жилплощади, ни денег. А в моем случае — я была сниженным вариантом женщины — ангелом Мэри, когда «греки сбондили Елену»¹⁶³, и это, пожалуй, единственный довод в пользу того, что наш брак мог бы выдержать испытания мирной жизни. Елены задаются, ради них приходится выдрючиваться, а ангелы — люди миролюбивые, и с ними особенно возиться не надо.

А.А. во всех своих браках все-таки была Еленой на первые годы — до потока доказательств — и «ангельских» отношений не понимала. Вот она и удивлялась, что у нас всё держится. И второе: в предреволюционном подполье мужа и жены называли друг друга товарищами. А ведь те, кто знал, что такое стихи, или живопись, или наука, тоже очутились в подполье, и я была своему спутнику товарищем горьких дней¹⁶⁴. Вкусив сладость победы, те переменили жен, но мы — не они, и даже после победы дни у нас горькие — сладость не для нас.

Что бы там ни было, я знала живую любовь, не ставшую, а всегда становящуюся, и чудо возникновения стихов, и раздоры, и не-

слыханную близость, отречения и бунт против слишком глубокой связи и радость новой встречи и нового сближения. Я знаю, что такое буйство, неистовство и обузданное своеволие — мое и О.М. Что бы мне ни говорила А.А., я не верю, что такая дружба, любовь, союз, связь, как наша, могла бы распасться, как распались браки и романы традиционно изящного типа. Ну их...

Я когда-то — еще в самом начале нашей дружбы с А.А. — утешала О.М., что не такая скатерть на столе и не те чашки, как в приличных домах, — мы ждали ее в гости: «Чего ты там? — сказала я. — А.А. любит, чтобы было не как у людей...» Он ей это передал, и она поняла.

Основная ее жизненная ошибка — она хотела, чтобы у нее было как у людей, а этого не могло быть. А мы с ним понимали, что не надо как у людей, а нам надо как у нас, и благодаря этому мы прожили тот миг, который был нам отпущен на долю, в движении, в смятении, в любви и горе, в радости от жизни и в ожидании смерти. Так и жили, и тридцать лет бессонных ночей были даны мне для раскаяния за каждое злое слово, для томительного осознания необратимости того, что было. И каждое первое мая я, сказавшись больной, пряталась в свою скорлупу и одна-одинешенька праздновала день нашего тайного брака и день нашей разлуки.

Мы сошлись в ночь с первого на второе мая 1919 года... Мы расстались — вернее его, подталкивая, увели люди, специализировавшиеся на доставке обреченных в большой дом на гнусной площади, эти добродушные существа в полувоенной форме, которым и убийство нипочем, — в ночь с первого на второе мая 1938 года. Май — это мой месяц. Для моих современников этот год — кульминация ужаса и бреда, когда все кричат, что понимают эпоху, приветствуют казни и убийства, рады светлому будущему, ради которого заранее приносится кровавая жертва, а по ночам дрожат в холодной испарине и, превратившись в слух, ловят звуки — то ли где-то остановилась машина, то ли раздался мерный стук солдатских сапог.

А на Западе специалисты и друзья нашей страны хором утверждали, что только злые клеветники, шептуны и ретрограды могут сомневаться в истинном счастье, воцарившемся на одной шестой земного шара. Каждый, по их словам, получал у нас по заслугам, а если кого и пришлось смести, то только потому, что он хотел разрушить счастье миллионов. «Вы спросите моих современниц —

каторжанок, стопятниц, пленниц, как мы жили в смертельном страхе, как растили детей для плахи, для застенка и для тюрьмы...»¹⁶⁵ Хорошо, что у меня не осталось сына, чтобы и его угнали «по дороге, по которой угнали так много»¹⁶⁶. Мы вовремя сообразили, где мы живем.

Две женщины, кроме меня, поняли, что такое О.М. Одна из них пошла другим путем, а потом повесилась, испытыв весь ужас этой жизни¹⁶⁷, а про другую я сейчас расскажу.

Мы жили с ней вдвоем в Ташкенте, и потом она, вспоминая, говорила, что это были наши лучшие дни: «Подумать, что тогда жилось легче всего. А это была война, и сколько людей погибло, и сын был на каторге...» Она сказала это, когда мы шли с ней по Большой Дмитровке, я провожала ее, кажется, к Лиде Чуковской или к Николаше. Уже опубликовали постановление о ней и Зощенко, а потом вторично забрали Леву.

Днем моя легкомысленная подруга бегала по гостям — то к Фанине, то к Беньяш — в нашем же дворе, или к Козликам — Козловским, или к двум правительственным дамам, с которыми познакомилась в Дурмени, крохотном санатории для избранных, куда ее направили после тифа. Правительственные дамы были добрыми бабами и тоже всего боялись, но старались не выдать своего страха. А.А. очень любила навещать их — все-таки большой свет, хотя они жили замкнуто и одиноко, ни с кем не встречались и делали исключение только для А.А. — уж слишком велик соблазн принять такую гостью.

Когда она возвращалась домой, я уже обычно лежала в постели и думала, что надо заснуть, потому что утром придется идти на работу или в лавку — в очередь. Я уже работала в университете¹⁶⁸, куда меня устроила Иза Ханцын, отличная музыкантша, вдова Маргулиса, которому ежедневно сочинялись когда-то «маргулеты», шуточные стишки про нищего «старика Маргулиса»: «Старик Маргулис зачастую ест яйца — всмятку и вкрутую. Его враги бесстыдно врут, что сам Маргулис тоже крут...» Мы жили вдовами в Ташкенте — мужья уже погибли «там».

Вернувшись, А.А. подсаживалась к моей кровати: «Надя, знаете, что я сообразила...» И начинался ночной бред — ей вдруг показалось, что Лева заболел — один там, погибает... Письма не идут, а он, наверное, пишет и ждет ответа... Он сойдет с ума — этого

нельзя вынести. Это он за нее взят заложником, чтобы она чего не написала — проклятье эти стихи... Как жить? Вот она умирала в тифу, а если б она на самом деле умерла, кто же помог бы Леве?.. И вы пропадете и не сможете помочь ему: разве вы вынесете эту жизнь, если меня не будет?.. А если вы погибнете, то разве я смогу жить: одна, не с кем слова сказать... Нам надо жить... Уж как хотите, а жить надо, только когда же кончится эта пытка? Ничего о нем не знать и думать, что его уже нет... А те люди, что от него приходили, я им не верю — вы никогда никому не верьте, сейчас нельзя верить: мы же знаем, где мы живем... Надя, если вы меня переживете, вы будете посылать ему посылки?.. Откуда вы возьмете деньги на посылки?.. Теперь всегда так будет: он там, мы здесь, Оси нет... Надо ложиться... Который час?.. Я чувствую, что он заболел. Мать всегда знает...

Она сидела до рассвета, а утром я выносила из ее комнаты полную окурков пепельницу. Она курила как безумная, одну за другой, потому что в ночном ужасе, когда не знаешь, что с сыном, и боишься заснуть, только папиросы помогают сдерживать дикий звериный крик.

Так жили мы — веселые подруги — и нас были миллионы. У Лёвы имелись шансы выжить — молодость. Я благословляла судьбу, что у О.М. маленькое круглое сердце, которое не способствует долголетию, — лучший дар, полученный в наследство от его матери.

Нам полагается молчать о том, что мы пережили.

С какой стати я буду молчать?

III

Я не знала А.А. в ее ранней юности. Только с ее слов представляю себе, как сразу ничего не вышло из ее брака с Гумилевым. Мне когда-то рассказали, что некто, не помню кто, брал свою возлюбленную как крепость, вел планомерную осаду и наконец добился своего. Я сказала А.А., что, наверное, приятно, если мужчина тратит столько сил на победу, и пожаловалась, что О.М. в сущности не затратил никаких усилий, чтобы получить меня... А.А. не согласилась со мной, она считала, что, если женщину берут измором, из этого всё равно ничего не выходит... — Гумилев? — спросила я, и она подтвердила.

В Киеве, заброшенная, не найдя своего места в жизни, в трудной семье, где ничего не ладилось, она согласилась выйти замуж за Гумилева, который вел длительную осаду. Ее поразило, что братья и сестра даже не пришли в церковь, когда она венчалась, — разруха в семье довела их до полного нигилизма. А ее брат, Андрей Андреевич, почему-то рассказывал мне, тогда совсем девочке — мы случайно познакомились в Севастополе, когда мне было пятнадцать (или шестнадцать?) лет, — что в семье были в ужасе от легкомыслия Анюты, решившейся выйти за Николая Степановича, которого она совсем не любила. Этот брак был обречен с самого начала, объяснял мне Андрей Андреевич, а я еще не представляла себе, что такое брак. Но я запомнила этого красивого, необычайно мрачного человека, который до такой степени не нашел себе места, что искал утешения и разрядки в разговорах о серьезных вещах с чужой девочкой.

Вырвавшись из сумбура собственной семьи, А.А. очутилась в совершенно чужом гумилевском доме. Гумилев отвез ее к себе и сразу уехал в Абиссинию. У него была своеобразная особенность: добившись своего, сразу бросать женщин, но Анна Андреевна бы-

стро эмансипировалась, обзавелась друзьями и зажила своей жизнью, независимой от Гумилева.

А.А. рассказывала, как, оставшись одна в Царском, она купила только что вышедший томик Анненского (не знаю, «Ларец» или «Тихие песни»¹⁶⁹) и, расчесывая у окна волосы, читала. Вот тогда-то вдруг ей стало ясно, что надо делать. Гумилев, приехав, застал почти готовый «Вечер»¹⁷⁰. А раньше он подыскивал занятие для своей молодой жены: «Ты бы, Аничка, хоть в балет пошла, ты ведь стройная...» Он не учел, что для балета она слишком высока, но ведь можно придумать трюк и для высокой балерины не классического, а какого-нибудь оригинального балета...

И поэтическое влияние Гумилева тоже длилось недолго. Он почему-то уговаривал ее писать баллады, чему она все-таки отдала минутную дань. Вот с Одоевцевой ему больше повезло, но поэта из нее не вышло. Не был ли и сам Гумилев жертвой своих теорий, которые чуточку попахивали Брюсовым¹⁷¹? Вообще из рассказов А.А. о Гумилеве я поняла, что по своей внутренней сущности он принадлежал к разряду учителей и дороже всего ему были ученики, которые выслушивали его советы. И О.М. в какую-то минуту прислушивался к Гумилеву*. Анне Андреевне предстояло тоже слушать советы, [но она] еще скорее, чем О.М., нащупала свой путь. Настала очередь Гумилева присматриваться к тому, что делали она и О.М. Это точные слова А.А. Она считала, что мысль об акмеизме зародилась у Гумилева, когда он увидел новый подход к поэзии у нее и у О.М. Теперь уже он подвергся их влиянию, и впервые оно сказалось в «Чужом небе», в частности в стихах о «Блудном сыне»¹⁷². Именно на эти стихи обрушился со всей силой Вячеслав Иванов (в «Академии стиха»), что и послужило толчком к отделению группы поэтов и к созданию «Цеха»¹⁷³.

Тут оказалось, что у Гумилева есть и организаторские способности. Н.И.Харджиев заметил, как велика эта роль «организаторов» в период становления нового течения в литературе. В начальном периоде «организатор» заметен больше, чем те, кому суждено сказать свое слово. Искажение масштабов у современников выправляется временем. Браунинговская гипотеза Гумилева потерпела крах.

После расстрела Гумилева А.А. проявила себя настоящим другом и товарищем. Она давно покончила всякие личные счета со

* Иногда он впоследствии жаловался, что у него были плохие советчики, но имен не называл.

своим бывшим мужем и отцом Левы, или, во всяком случае, они были преданы забвению. Только один раз она вспомнила о них, когда обнаружилось, что у Левы есть брат, почти точный его ровесник¹⁷⁴. «Не очень-то приятно, когда узнаешь такое», — сказала она, а я удивленно на нее поглядела: ей-то, казалось мне, не всё ли равно — ведь она «не женщина земная...» И действительно, она вела себя не как бывшая жена, а как друг поэта, расстрелянного поэта, — по самой высокой шкале.

В работе Лукницкого она приняла [самое живое участие], собрала всё, что можно, о Гумилеве, изучила его стихи. С тех пор и до конца жизни у нее был обостренный интерес какмеизму. Она всегда ждала встречи со мной, чтобы сообщить мне еще какие-нибудь соображения по этому поводу. «Нам надо встретиться для нашей работы, Надя...» Она активно наговаривала всех своих знакомых, как пластинки, повествуя им о том, что означало появление акмеизма и в чем его суть.

А.А. крепко помнила старые обиды, нанесенные «мэтрами», и, разыскав мемуары или дневник Герцык, с торжеством показала мне ряд мест, свидетельствующих о плохом отношении хозяина башни к трем поэтам — Гумилеву, О.М. и к ней¹⁷⁵. Он собирался устроить публичный «разгром» жене Гумилева, хотя в тот же день расхвалил ее, уведя к себе в кабинет. Вся компания готовилась к очередному развлечению: измордовать Мандельштама и тому подобное... А.А. избежала разгрома, потому что отказалась при гостях читать стихи...

За «акмеизм» А.А. держалась до конца своих дней. Больше всего она боялась, что их группу сочтут младшей ветвью символизма. «Как литературовед, — говорила она, — я знаю... Вы напрасно недооцениваете эти вещи...» И еще: каким образом акмеизм, просуществовавший один миг, так всем запомнился, когда другие литературные группы — имажинисты, ничевоки, «Центрифуга»¹⁷⁶ и пр. — канули в вечность. «Значит, что-то было...»

Я действительно недооценивала «эти вещи», хотя и знала, что здесь что-то кроется. Интерес к группе как таковой поддерживался тогдашним состоянием литературоведения, в частности Тыняновым, который представлял себе всё развитие литературы как сплошной поток борющихся течений. Тынянову — я думаю, по молодости — иногда даже казалось, что поэт строит свою биографию и своего «лирического героя» согласно нормам своей литературной

школы. Нормальную связь со своим временем, с его идеями и понятиями Тынянов готов был отождествить с зависимостью от литературных течений; в какой-то степени смены «литературных героев» напоминали в его трактовке шествие карнавальных масок: биография у поэтов, по Тынянову, «вызывается» и меняется в итоге смены «лирического героя»¹⁷⁷.

Я не верю в такую концепцию, хотя понимаю всё значение человеческого окружения, особенно товарищей и единомышленников, в период становления поэта. То же относится и к художникам с их идиотскими манифестами, потому что, несмотря на все те глупости, которые они в юности успевают наговорить, они находят себя в первых спорах, борьбе, объединении со «своими» и в противопоставлении себя чуть ли не всему мировому искусству. Маленькая группка, ищущая самоопределения, — это и есть социальная форма развития искусства, первая форма общения внутри своего ремесла, и ее здорово не хватает моим молодым современникам. Ничего, кроме благодарности, к этим юным объединениям сохранить нельзя, и Пастернак отдает дань другой эпохе — ассирийской, когда отрекается от товарища своей юности — Боброва¹⁷⁸. С этой точки зрения я понимаю А.А.

Но меня интересует другое: как случилось, что три поэта — Гумилев, Ахматова и Мандельштам, между поэтической деятельностью которых почти нет ничего общего, так держались до конца жизни за свой акмеизм и так настаивали на нем? Три манифеста акмеизма¹⁷⁹ почти полярны, их не объединяет ничто. Что же объединяло этих троих? А может, это не литературные, а совсем иные связи? На вечере в память Мандельштама на мехмате Шаламов отметил судьбу акмеистов¹⁸⁰. Почему-то именно они подверглись гонениям. Случайно ли это?

Надо только сразу отмести Городецкого. То, что он попал в эту группу, это чистая случайность, прихоть чересчур практичного организатора Гумилева. Он испугался, что выступает с одними мальчишками, да еще с девчонкой Анютой, и решил завербовать себе на помощь зрелого и признанного поэта Городецкого, «солнечного мальчика» символистов. Вместе с Городецким Гумилев забраковал «манифест» Мандельштама — «Утро акмеизма». Теперь мы знаем цену этого быстрого признания Городецкого и природу его «солнечности». Между прочим, он первый сыграл на модной тогда теме

дохристианской Руси — очень уж христианство надоело, — которая потом разрабатывалась Хлебниковым и Стравинским («Весна священная»). А может, и не первый, но это не важно, кто первый поставил карту на язычество, — многим тогда это нравилось.

Городецкого я впервые увидела в 1921 году, когда вагон Центрোэвака, в котором мы ехали в Тифлис, задержался на запасных путях в Баку, потому что начальник (художник Лопатинский) и несколько видных служащих заболели холерой. Городецкий пришел к нам в вагон, где мы занимали целое купе, задернутое занавеской, поставил на столик бутылку и складные рюмки, похвастался своей предусмотрительностью и пошел чокаться и хвастаться. О чем говорили — не помню, но Городецкий произвел на меня впечатление старого маразматика, хотя ему не было еще сорока лет. Я с удивлением спрашивала О.М., как он мог связаться с таким кретином? О.М. отвечал неохотно, но потом признался, что это гумилевская дурь — хочется ему быть организатором, деятелем и главой группы.

Позже в Москве мы раз-другой зашли к Городецкому, и он иногда забегал к нам — никак не могу понять, зачем, и я заметила, что О.М. называет его жену Анной Николаевной (кажется, так), а не Нимфой, как все. Тут О.М. признался, что не может выговорить такое имя: Нимфа... Городецкий обычно нес чушь про свои знаменитые басни, гоудоновские покои, где он проживал, утренние прогулки, особый способ поджаривать помидоры и совершенно особенные рубашки, пропускавшие воздух, так что дышит вся кожа... Нимфа крестом резала раскатанное тесто на пельмени и поддакивала своему супругу. Речи Городецкий вел всегда патристические и не уставал славить революцию. О.М. мне объяснил, когда я злилась на это, что он так старается, чтобы ему не помянули его книжки — «Сретенье царя»¹⁸¹. Поразительно, как новая власть легко завербовала тех, кто в прошлом был поганым подхалимом, — они сразу нашли друг с другом общий язык. И крупнобуржуазные сыновья тоже приспособились и сидели на «ответственной работе», вроде как [это] случилось с Бриком.

Последние мои встречи с Городецким были в Ташкенте в период эвакуации. Он жил в одном доме с А.А., где разместили эвакуированных писателей среднего сорта. Ей дали крошечную комнатку на втором этаже, а ему квартиру внизу. Встречалась я с ним только во дворе, куда я выбегала по воду или [в] уборную — невыносимо

грязную яму, которая ассоциируется у меня теперь с акмеистом Городецким. Он перехватывал меня по дороге и неизменно спрашивал с добродушной улыбкой: «Как поживает моя недоучка?» Под «своей недоучкой» он подразумевал Анну Ахматову и, как мне говорили, всем проходящим к нему рассказывал о ней чорт знает что и чернил ее по поэтической и, главным образом, по политической лавочке. Это была бриковская пропаганда, плюс РАПП с Лелевичем, плюс маразматический бред этого мнимого акмеиста.

В молодости ничего не понимают в людях и сходятся с кем попало, и потому Гумилева нельзя слишком обвинять за союз с Городецким, но как могли символисты, люди уже зрелые, приходиться в восторг и умиление по поводу юного поэта Городецкого? Ведь они попались все, включая Блока... Когда он разговаривал, я боялась поднять на него глаза — мне всё казалось, что у него из уголков рта течет слюна, как у заправского кретина. О.М. относился к нему спокойно, не проявляя ни дружелюбия, ни отвращения.

Два других акмеиста — Нарбут и Зенкевич — рано бросили поэзию. Нарбут, породистый хохол, наивно циничный и озорной, как и полагается украинцу, очень любил О.М. Я видела, как радостно вспыхивают его глаза, когда к нему в директорский кабинет в издательстве «Зиф» входил О.М. В двадцатые годы он был партийным монахом, ни за что не хотел пользоваться никакими привилегиями, отказался от полагающейся ему машины, предпочитая висеть на поручнях переполненных до ужаса московских трамваев. Его предпринимательский дух находил отраду только в «Зифе» — издательстве, которое он принял совершенно нищим и в несколько лет неслыханно обогатил. Ему хотелось поставить его на американскую ногу — чтобы оно было прибыльное, коммерческое, с зазывающими обложками, сенсациями и бестселлерами. У него был размах настоящего предпринимателя и украинское озорство, толкавшее его на дурацкие поступки: он описал, например, мебель у своего хорошего знакомого Асеева за неотработанный аванс и торговался со всеми авторами, включая О.М., за каждую копейку. Сам же он потом признавался, что эта торговля велась из любви к искусству: авторские гонорары в ту эпоху были так ничтожны, что совершенно не отражались на калькуляции книги.

В 1927 году его с треском выкинули из партии. Кажется, под ним подрыл землю Воронский, поддерживавший «попутчиков», а Нар-

бут делал ставку на «усачей», составивших кадры Раппа. В самом этом занятии заметен изрядный, хотя и добродушный цинизм. Какое было дело Нарбуту — шестому акмеисту — до романов и повестей, которые он издавал? Его просто развлекала коммерческая и политическая игра и странная власть над аппаратом «Зифа», где он удивительно подобрал целую кунсткамеру служащих, почтительных, раболепных, рыжих, коротконогих, смиренных, наглых, но всегда почтительно выполнявших его волю и взбунтовавшихся против него только после его падения. О.М. они считали креатурой Нарбута и, как только он пал, всей оравой обрушились и на него.

Нарбут хотя и своеобразно, но всё же переболел опасной болезнью воли к власти — на помещицко-украинский лад: веселый паннич, что тешится со своими гончими. Излечился он от этой болезни только после падения и тогда снова заговорил о поэзии на уровне приблизительно таких вопросов: «Осип, что ты думаешь о научной поэзии? Ведь это как раз то, что сейчас нужно...» или: «Побольше бы инициативы дали — может, что и вышло б! Ведь поэт — это изобретатель, правда, Осип?»

Зенкевич в этом отношении чист, как стеклышко. Он так тихо служил при Нарбуте, что никто об их старинной дружбе даже не подозревал. Во всяком случае ему удалось вовремя улизнуть и избежать всякой травли. Зенкевич, вероятно, никому не сделал ничего хорошего, но он безусловно никому не причинил зла. В нем было тяжелое саратовское добродушие, тихость и осторожность, всосанные с молоком матери или полученные вместе с генами мелких чиновников приволжских провинций, внешняя вялая мягкость и трогательная привязанность к своему акмеистическому прошлому.

Когда А.А. вздумала восстановить все события акмеистической деятельности, она призвала на помощь Зенкевича, и он оказался превосходной справочной инстанцией. В последние годы они часто встречались, и Зенкевич служил живой летописью событий, происходивших за полвека до этого. Все промежуточные события он не помнит и, в сущности, ими не интересуется.

Из шести акмеистов один оказался противоположенным всем остальным (Городецкий), двое, в сущности, только друзьями юности (Зенкевич и Нарбут), а троих соединяла какая-то незримая связь, не прерывавшаяся до самой их разновременной смерти. Была ли эта связь только бунтом против теоретического словоблудия символистов

и их поэтической практики? Анна Андреевна рассказывала, как Гумилев покорно и даже восторженно слушал поучения В. Иванова, изучал его статьи, обдумывал их и вдруг заявил, что за их велеречием ничего не кроется. Когда он прозрел, сила отталкивания оказалась прямо пропорциональной его прошлому притяжению, то есть очень сильной. Ему стало обидно, что он так долго рылся в каждом высказывании мэтра, обвиняя себя в тупости, потому что не находил в них того эзотерического смысла, который ему посулили, а потом вдруг обнаружил, что никакого смысла это учение вообще не имеет.

О.М. прошел свой курс у В. Иванова более легкомысленно и весело. Его бунт начался очень рано. А.А. рассказывала, как О.М., нашептывая ей всякую чушь на вечеру в честь В. Иванова у Сологуба, вдруг сказал: «Один мэтр — это величественно, два — смешно...» А мне О.М., когда я еще в Киеве спросила его про В. Иванова, ответил сказкой: будто двое ехали на извозчике и читали стихи Вячеслава, а извозчик вдруг обернулся и заявил: «Ядовитая приятность...» Внешне О.М. держался с мэтрами очень почтительно (еще и при мне), но внутренне чувствовал себя совершенно независимым с незапамятных времен. Влияние В. Иванова кончилось, вероятно, когда О.М. едва исполнилось двадцать лет.

Единственным своим учителем все трое* считали Иннокентия Анненского. Я сильно подозреваю, что О.М. сразу, при первом знакомстве расположился ко мне, потому что у меня в детском шкафчике с заветными книжками он нашел «Кипарисовый ларец» и «Книги отражений». Мне подарил эти книги Володя Отроковский, мой гимназический учитель латыни и приятель, сначала русский, а потом украинский поэт, рано погибший от сыпного тифа. Он приходил к Блоку и очень ему понравился**. В статье его товарища Б. Ларина (языковеда) об Анненском¹⁸⁴ я узнала все мысли Володи Отроковского. Анненский, державшийся в стороне и не равнявшийся в мэтры, оказал наибольшее влияние на поднимавшуюся молодую поэзию.

Ни О.М., ни А.А. не возвращались ни к одному из поэтов-символистов, кроме Анненского. Только его они помнили наизусть и только его цитировали в разговорах. Своими статьями 21–23-го годов О.М. как бы подытожил свое отношение к символистам.

* А по словам Шаламова, и Пастернак¹⁸².

** Сохранились письма и заметки в дневниках Блока¹⁸³.

Из современников он ценил и следил за работой Пастернака, меньше Маяковского — очень огорчился саморастратой Маяковского на агитки, — а еще Цветаеву, Клюеву, не говоря уж об А.А. Он действительно как-то сказал, что он «антицветаевец»¹⁸⁵, но это относилось к методу Марины: игра с корнями фонетически схожих слов, повторы, долбление слов, но саму Марину любил и удивлялся ей.

[Ценил] Павла Васильева (раннего, озорного) и Клычкова (у него были под конец жизни замечательные стихи, но рукописи увезли в мешке, когда забрали автора и потом уничтожили в застенках 37-го года). Из Хлебникова О.М. выбирал куски и очень им радовался. Последняя встреча с Хлебниковым произошла в Саматихе в 38-м году перед самым арестом¹⁸⁶.

А.А. говорила про Марину, что самое главное в ней сила: такой силы, как у нее, не было ни у одного русского поэта. А про Маяковского А.А. говорила, что его забвение в нынешний день — явление временное. Маяковского, по ее мнению, должны вспомнить, потому что он дал новый вид поэмы. Кроме О.М., она ценила Пастернака, но не целиком: почти в каждой вещи ее что-то раздражало. Из последних вещей она отметила «Больницу» (может, за религиозную тему), а из стихов из «Живаго» — про женщину, которая жует мокрый снег¹⁸⁷. «И весь твой облик сложен из одного куска» — А.А. считала реминисценцией из Мандельштама¹⁸⁸ и гадала, как это дошло до Пастернака, который, как известно, чужих стихов остерегался и не читал. «Должно быть, ему кто-нибудь процитировал», — решила она.. В зрелые годы А.А. своих «заявок» на признание поэтов не растратила — то есть относилась скептически ко всем молодым и их стихов не хвалила (кроме Маруси Петровых!), а в старости расхваливала все стихи всех поэтов подряд. У многих от этого закружилась голова.

О.М. и А.А. по-разному читали поэтов — он выискивал удачи, она — провалы.

Все эти годы они часто вспоминали Гумилева: «Коля сказал.. Коля хотел, чтобы..» Но стихов Гумилева не касались. В ту же царскосельскую весну А.А. обнаружила, что я помню стихи Гумилева (одни из его лучших) о том, как он с ней расставался («Стансы») — «Быть может, самое себя губя, навек я отрекаюсь от тебя»¹⁸⁹. У меня была отличная память, и я часто служила О.М. справочником — особенно в Ростове, Харькове и Киеве 22-го года, когда он писал

статьи о поэзии, а книга под рукою не было. Он пользовался тем, что я вспоминала по его заказу всё, что ему было нужно. Его память — феноменальная — была другого типа, чем моя: он запоминал сразу с голосу огромные куски, но быстро их забывал...

А.А. обрадовалась, что я помню стихи, посвященные ей, и сразу показала мне всё, что относится к ней, но я об этом уже знала от О.М. ... Но ни Лукницкому — он часто приезжал в Царское, — ни с О.М., ни со мной она тогда никогда не говорила о своей оценке гумилевских стихов. Я это объясняю тем, что она к ним относилась весьма сдержанно, но не хотела в этом признаваться. Только в последние годы, когда она подводила итоги своей деятельности и много думала об акмеизме, ей захотелось восстановить истинный характер своих отношений с Гумилевым и дать (для себя) оценку его поэзии. Гумилев начал печататься чересчур рано, и в книги попало много сырья — того, что предшествует поэзии. Единственным оправданием ранних стихов Гумилева она считала его состояние — он долго был влюблен и добивался ее, — отсюда этот «юношеский поток». Вырваться из-под влияния символистов (Брюсова и В. Иванова) Гумилеву было труднее, чем ей и О.М., которые почти сразу начали с отталкивания. У него этот процесс происходил мучительно (начиная с «Блудного сына»), и потому становление его как поэта пришлось почти под самый конец жизни. Но уже в ранних стихах она отмечала большие следы влияния Анненского, более прямые, чем у нее и у О.М.

А.А. пишет, что у О.М. нет учителей и предков¹⁹⁰. Это, конечно, неверно. Правильнее сказать, что О.М. шел не от одного поэта, а от многих. Он сам говорил, что «подражает» всем, даже Бенедикту Лившицу (в стихотворении о певице с низким голосом¹⁹¹). Это более сложные и переработанные влияния, чем у многих других, поэтому они не так легко бросаются в глаза. Мне кажется, что это связано с его способом читать чужие стихи, отыскивая в них удачу. На удачах других поэтов он не переставал учиться, и внимательное приглядывание к ним расширяло и его труд.

Удивляясь тому, как живучи стихи, А.А. часто говорила: «Стихи совсем не то, что мы думали в молодости...» Гумилев с его манифестом — это их молодость. В поэзии как будто различимы два типа вещей — одни услышанные, другие — написанные стихи. В одном случае включается вся тайная природа поэта, в другом действует умение, мастерство. Это не относится к самой технике работы —

«услышанные» стихи могут тут же переноситься на бумагу. Речь идет о более глубоком различии. У самых больших поэтов есть множество вещей, сделанных на чистом мастерстве. К примеру можно привести Пушкина, и даже в такой «услышанной» вещи, как песня председателя из «Пира во время чумы», Марина нашла две «написанных строки» (последние)¹⁹². Иначе говоря, на мастерстве могут быть сделаны целые вещи и отдельные строчки в «услышанных» вещах. Стихи, сделанные на мастерстве, соприкасаются с массами стиховых изделий нашей журнальной и не только журнальной литературы. Стиховые изделия я исключаю из рассмотрения. Как всякий суррогат, они только внешне напоминают то, что они фальсифицируют.

Мне даже не жаль тех, кто потребляет эту нездоровую пищу: так им и надо. К тому же потребители этой стихотворной продукции в большинстве случаев принадлежат не к читателям, а к литературным политикам — они есть всюду, но не всегда за ними стоит государство. А вот стихи, сделанные на мастерстве и «услышанные», в равной степени принадлежат поэзии, но разница между ними огромна. Это вещи, изготовленные под совершенно различным давлением, но различие сводится не только к количеству атмосфер. Если поэзия (как и другие искусства) является особой формой познания мира, то «услышанные» стихи принадлежат к наиболее глубоким типам познания, это проникновение в суть объекта, то есть в самого себя, так как субъект является в то же время и объектом, и через этот объект познается сущее и внешний мир в его первоизданной гармонии. Ведь если человек в полной мере осознает, что он человек, разве перед ним не откроется мир? Человекобожество строится не на познании себя человеком, а на ложном толковании свободной воли человека, его способности уничтожать себя и других, его умения создавать ценности — как истинные (это и есть откровение!), а чаще ложные. Разве откровение сводится только к тому, что дано в священных книгах, и не включает в себя и более широкие виды постижения мира?

Мастерство в поэзии может быть тем, чем оно является у Мандельштама, — ученичеством. Вся центральная часть «Камня» — «акмеистический» в узком смысле слова период Мандельштама — является чистым ученичеством. К ученичеству О.М. относился с большим уважением: «Какой же выкуп заплатить за ученичество вселенной, чтоб горный грифель приучить для твердой записи мгновенной...»¹⁹³

Но чаще мастерство не сводится к ученичеству, а представляет собой совершенно другое явление. Посредством мастерства воссоздаются простейшие отношения субъекта к объекту, построенные на основе уже найденных законов, управляемых разумом, чувством, волей, сознанием. Стихи являются сгустком души их носителя, в них он живет больше, чем во всех других своих проявлениях, поэтому значимость стихов в конечном счете зависит от глубины и широты поэта. Если понимать проникновение субъекта в объект как откровение, то ценность стихов зависит и от способности принимать откровение.

Мандельштам — глубинный поэт, и в слышанье он включался полностью и целиком, всем своим существом — не только духовным, но и физическим. Он улавливает внутренний голос и слухом, и осязанием. Чтобы найти потерянное слово, ему нужны пальцы, и пальцы эти «зрячие»: «О, если бы вернуть и зрячих пальцев стыд, и выпуклую радость узнаванья... А смертным власть дана любить и узнавать, для них и звук в персты прольется...»¹⁹⁴

Я хочу сопоставить это центральное для Мандельштама стихотворение с фразой из статьи того же времени, которая проливает свет на природу его стихотворного дара: «Когда любовник в тишине путается в нежных именах и вдруг вспоминает, что всё это уже было: и слова, и волосы, и петух, который прокричал под окном, кричал уже в Овидиевых тристиях, глубокая радость повторения охватывает его, головокружительная радость:

Словно темную воду, я пью помутившийся воздух,
Время вспахано плугом и роза землю была».¹⁹⁵

Здесь тоже поиски потерянного слова («путается... в именах») и с ними все пять чувств, хотя меньше всего досталось на долю зрения. Может, в этом один из ключей связи поэзии с полом, но далеко не все.

Пастернак в наиболее «услышанных» [своих] стихах* — весь в ощущениях. Он регистратор внешних воздействий на зрение и мозг поэта. Это поэт широты и разнообразия, потому что мир ощущений бесконечно широк — и тоже является одним из видов откровения. Журчащая вода шуршит у него по ушам, ничем ему

* «Сестра моя — жизнь», от которой он так легкомысленно отрекся на старости, что иногда бывает со стариками. Для меня эта книга остается чудом русской поэзии.

не «задуть» очей. Мир вливается к нему через окно комнаты, и он потрясен его отражением в трюмо: «Огромный сад тормозится в зале в трюмо — и не бьет стекла!»¹⁹⁶ Удивление раннего Пастернака — это тоже великая радость узнавания, и оно продолжает пробиваться с грозной силой и потом: «вдруг — что за новая, право, причуда? Бестолочь, кумушек пересуды. Что их попутал за сатана?.. Это она, это она, это ее чародейство и диво, это ее телогрейка за ивой, плечи, косынка, стан и спина..»¹⁹⁷ Это Пастернак сначала слухом, а потом зрением узнал весну. Здесь та же тема узнавания, повторения и познания, возникающего через удивление.

Для Ахматовой характерен поиск подвига, отречения, отказа от земного ради высшей цели. Она живет нравственными категориями, а не ощущениями и не онтологией. И во внутреннем голосе есть элемент со-страдания, совместного страдания с людьми: «Неузнанных и пленных голосов мне чудятся и жалобы и стоны», которые предваряют «один всё победивший звук»¹⁹⁸. Марина в своих стихах отказалась от женского начала — как поэт силы, она предельно активна. А.А. сохраняет пассивную женскую природу, и в сострадании она, как женщина, находит свой самый глубокий голос: «Кто женщину эту оплакивать будет?»¹⁹⁹

Твердо, через всю жизнь она пронесла чувство беды, ожидание беды, мысль о бедах: «вот и идти мне обратно к воротам новое горе встречать..»²⁰⁰, «но забыть мне не дано вкус вчерашних слез...»²⁰¹. Тема ее последних стихов — невстреча, зрелых стихов — разлука, гибель вместе с людьми: «Я была тогда с моим народом там, где мой народ к несчастью был»²⁰², ранних — покинутость, отказ от любви: «А я, закрыв лицо мое, как перед вечною разлукой, лежала и ждала ее, еще не названную мукой...»²⁰³ Закрывать лицо руками — характерный для нее жест: «Закрыв лицо, я умоляла Бога...»²⁰⁴ Сила А.А. в точных формулировках, в неслышанной скупости (это тоже форма самоотречения), а ее основное чувство — приближение к смерти, потому что нет сил на вечное совместное страдание.

Гумилев линейный и наивный человек с волевыми порывами — может, отсюда страсть к учительству? Почти весь он рационален и стремится только к мастерству. Это дает однообразие и бедность структур. Поэтому его тянет к рассказу, который он называл балладой. Отсюда и однообразие, и бедность. А внутренний мир его состоит из неосуществленных желаний, и одно из них — шестое чув-

ство; в последний период Гумилев как-то рванулся и впервые у него действительно появилось «шестое чувство» — эта жизнь была прервана не в расцвете, а на подступах к поэзии. Ему не дали сказать своего слова, а это, может, еще большее преступление, чем уничтожить того, кто сказал и продолжает говорить.

Маяковский — поэт мальчишеской обиды. В самой природе его дарования заложен момент незрелости. Этот незрелый голос мог легко иссякнуть. Брик, взявшийся за воспитание оболтуса, может, был не так [уж и] неправ, подсунув ему политическую агитку — она продлила деятельность Маяковского, дала, хоть и не надолго, некоторую устойчивость. Слабые люди нуждаются в авторитете, явном для каждого: что уж более явное, чем победители, сильные люди, мастера убийства и казни, правители, говорящие с народом со страниц всех газет огромной страны... Брик не сократил, а продлил жизнь Маяковского, так как вряд ли у него хватило бы сил, чтобы найти зрелый голос и зрелое оправдание своей жизни.

Что сказать о Хлебникове? Поразительные искры в нерасчлененном потоке... Природа сказителя, а не поэта... Широкая река, заливающая оба берега и меняющая русло. Это не поэт, прислушивающийся к голосу, извлеченному из самых глубин, а тот, у кого слово на кончике языка, — отсюда выдуманные — невозможные и неосуществимые слова, но, всегда пребывающий в слове, он не мог не находить неслыханные залежи или блески подлинной словесной руды.

Мне все пытались доказать, что Мандельштам и Хлебников поэты одного ряда. Этим занимался и Берковский, и Бухштаб, который сказал мне: у них у обоих слова как большие звери. Я знаю, что суть вещей непознаваема и иногда до нее можно дотянуться — чуть-чуть, конечно, — через метафору. Но «большие звери» мне ничего не объясняют. Мандельштам не сочинитель слов, для него слово объективная данность: «А на губах как черный лед горит и мучит память. Не хватает слова. Не выдумать его: оно само гудит, качает колокол беспамятства ночного...»²⁰⁵ А найденное слово, как я уже говорила, обостряет все чувства: оно найдено не только слухом. О.М. ощупывает его, как слепой знакомое и любимое лицо, как любовник в ночной темноте свою подругу: «Как эту *выпуклость* и радость передать, когда сквозь слез нам слово улыбнется, но я забыл, что я хотел сказать, и зрячих пальцев стыд не всякому дается...»²⁰⁶

Я всегда почему-то вспоминала «зрячие пальцы» рембрандтовского отца, протянутые к блудному сыну, — это и есть радость узнавания. И меня поразило, что, встречаясь со мной после разлуки, О.М. почему-то, закрыв глаза, проводил по моему лицу рукой, трогал лоб, глаза, губы... А впервые встретившись со мной, он всё твердил мне, что сразу узнал меня и тоже про радость узнавания. Но я поняла это слишком поздно. Узнается только объективно существующее, отдельное, независимое от субъекта: слово нельзя выдумать, его можно только «узнать», как женщину.

Это, конечно, не хлебниковское отношение к слову. Хлебников ворочает его языком, а к Мандельштаму на язык оно приходит уже узнанное, найденное, встреченное. Мандельштам и Хлебников не однотипны, а скорее полярны.

Ахматова знает, что источники стихов объективны: «Многое еще, наверно, хочет быть воспетым голосом моим, то, что, бессловесное, грохочет, иль во тьме подземный камень точит или пробивается сквозь дым...»²⁰⁷ Здесь неизвестное, которое придет в стихах, дает знать о себе звуком (грохочет) и зрительным образом — мучительно неуловимым: ему нужно, чтобы его увидели, пробиться сквозь дым, скрывающий его очертания. В основном стихотворении, которое приоткрывает внутреннюю лабораторию стихотворца, А.А. опять дает звуковой пейзаж: «Вдали раскат стихающего грома. Незузнанных и пленных голосов мне чудятся и жалобы и стоны... Но в этой бездне шепотов и звонов встает один, всё победивший звук.. Но вот уже послышались слова и легких рифм сигнальные звоночки...»²⁰⁸

Здесь близкое к Мандельштаму слуховое напряжение, прислушивание к себе и к возникающему словесному катаклизму. Но это поиски не отдельного слова, ведущего строку и стих, а голоса, жалобы, стоны. И сразу после того, как ожидание кончилось, приходит не слово, а слова, фразы. Вот почему всё разрешается записью «продиктованных строчек», и они спокойно ложатся в тетрадь²⁰⁹. К Ахматовой приходит как бы основной тон, а дальше всё идет без вслушивания — оно кончается у нее на более раннем этапе, чем у Мандельштама. Когда тон — «всё победивший звук» — уловлен, процесс упрощается, и поэтому в ее стихи могут проникать готовые элементы (момент мастерства). Похоже, что она не выдерживала ожидания, сдавалась раньше, чем успевала выкристаллизовать-

ся самая глубинная прослойка. А вот еще: «Тайное бродит вокруг — не звук и не цвет, не цвет и не звук, — гранится, меняется, вьется, а в руки живым не дается... И, мне не сказавши ни слова, безмолвием сделалось снова...»²¹⁰ Здесь в принципе один тип работы, но другая степень напряжения.

Поразительно, что и Элиот в самом грозном из своих стихов тоже заговорил о «потерянном слове»²¹¹. Он до конца определил свое отношение к этому неуловимому слову: слово будет найдено только там, где находится Слово, иначе говоря, суть вещей открывается только в познании Сущего. Поиски поэтов, никогда не знавших друг друга, отдаленных друг от друга непроницаемым барьером, который построила эпоха, а может быть, и сама жизнь, велись в одном направлении. В стихах о том, что он не надеется вернуться снова в это пространство и время, Элиот переключается с ахматовским: «Но я предупреждаю вас, что я живу в последний раз...»²¹² В этом же стихотворении есть совпадение и с Мандельштамом, который еще в детских стихах наивно сказал: «Но люблю мою бедную землю, оттого что иной не видал»²¹³, и с его статьей — отвергнутым «манифестом» новой школы — «Утро акмеизма», где он говорит, что этот мир нам дан, чтобы мы строили...

Поэты на разных концах земли, в разных культурах и разной жизни отступили от символизма и пришли к близким вопросам жизни и смерти. Впрочем, культуры не такие уж различные, потому что я говорю о трех эллинско-христианских поэтах.

Акмеисты восстали не против символизма, а против литературной школы русских символистов за то, что глубокую природу человеческого познания, по сути своей символистическую, будь то математические символы или словесные, они подменили сознательным сочинением символов, которым надлежало по их теории стать заместителями значений. В сознательном изготовлении символики участвует главным образом разум, не порождая органа для шестого чувства.

Символисты все в значительной мере ницшеанцы или последователи Шопенгауэра. И это относится не только к тем, кто так или иначе интересовался философией. Бальмонта, например, трудно заподозрить в каких-либо отвлеченных занятиях, но и он разделяет черты символистов, которые можно считать «ницшеанскими». Здесь возможна и другая трактовка: и философы, и поэты,

писатели, художники и прочие деятели той эпохи шли параллельными путями, исходной точкой которых был безрелигиозный гуманизм. Отсюда культ человека, переоценка его возможностей, то есть опять-таки — своеволие, выразившееся в литературе самыми различными способами, в частности самостоятельными изысканиями в символике и изобретением собственной системы символов. Из русских символистов, впрочем, никто не дал «системы символов», как Йетс; у них символы были достаточно разрозненными и случайными, как бы изобретенья, остающиеся на совести у каждого из них. Пестрая практика символистов не делала их школой, борьба могла идти только с их теорией. И взбунтовавшиеся против них люди, назвавшие себя акмеистами, искали новой теории для обоснования своей практики.

Что же касается до футуристов, то исходный момент оставался у них тем же — со всем своеволием, культом человека и вытекающим отсюда волюнтаризмом. Не случайно большинство из них легко поддавалось культу силы и воли к власти. В последнем, то есть в воле к власти, исключением является Хлебников — этот странник и бормотун не поддавался искушению нашей эпохи и даже своей властью — [властью] поэта — не воспользовался. Кажется, именно в этом — в добровольном странничестве и отречении, в жизни, одухотворенной непрерывным «сказом», Хлебников является глубоко национальным и народным поэтом. Он как бы вышел из самых глубин народа и почти, в сущности, от него не отделился. И на нем в чем-то сказался особый строй русского народа — его расплывчатость, его волнообразная природа, его способность вдруг формироваться в шквал. Хлебников подобен реке, размывающей оба берега. Говоря о нем, невольно прибегаешь к сравнениям, потому что его сущность неуловима для жесткого понятийного объяснения и анализа.

Символизм с его практикой и теорией восстановил против себя и трех объединившихся акмеистов, и Хлебникова, и Пастернака, и Цветаеву в Москве. Но боролись с символистами и не были ими признаны именно акмеисты. Делая снисхождение для Ахматовой, нападая на блудного сына и взбунтовавшегося ученика — Гумилева, они начисто сняли со счетов Мандельштама. Блок, более сложное явление, чем символисты чистой воды, как, например, В. Иванов, сначала просто отмахивался от Мандельштама, предлагая его заменить не то Рубановичем, не то Рафаловичем, а потом вдруг удивился и заметил в нем не жида, а, как он выразился, «артиста»²¹⁴.

Но с Блоком ни у Мандельштама, ни у Ахматовой и Гумилева не было глубокой связи, а вот уважение я заметила, и настоящее. О.М. удивленно мне рассказывал, что однажды он застал Блока за диковинной работой — он переделывал стихотворение «О подвигах, о доблестях, о славе...» О.М. сказал, что стихи, известные всем и вошедшие в фонд русской поэзии, нельзя переделывать. Разумеется, это не цитата, а только передача смысла его слов, но факт, что для него эти стихи были тем, что у нас принято называть — классикой. В этом эпизоде сказывается отношение к Блоку, близкое к тому, что проявилось в статье о нем²¹⁵. А.А. пишет, что О.М. был чудовищно несправедлив к Блоку²¹⁶, но я не помню ничего подобного. В последние годы он просто Блока почти не поминал. У Блока ему, вероятно, были чужды готовые элементы, то, что Л.Я. Гинзбург называет «гвоздиками»²¹⁷, — все эти мечи, жезлы, кинжалы, да еще напоенные ядом, туманы, чародейность и так далее. Кроме того, христорбчество Блока и его любовь ко всяким мелким тайнам и нечисти — отзвук ставки на дохристианскую Русь — тоже были противоположены О.М. Поэтому, в частности, он не любил «Скифов», но, по-моему, никогда публично этого не высказывал.

Три разных поэта, с разной поэтической практикой, с двумя разными манифестами — еще в начале своего литературного пути выступили против символистов и окончательно порвали с этим уже победившим течением. Что же их объединяло? Я долго искала ответа на этот вопрос. Ни О.М., ни А.А. на него ответить не могли. Они вместо ответа пытались отделаться пустотой символизма, защитой смысла и новым отношением к слову.

Но разве у Ахматовой, Мандельштама и Гумилева одинаковое отношение к слову? Мне кажется, что их соединяло нечто другое, лежащее вне литературы, соприкасающееся скорее с миропониманием, чем с вопросами мастерства, техники и борьбы литературных школ. Эти трое принесли совершенно иное отношение к жизни и к ценностям, чем то, которое было у символистов и у футуристов, давших впоследствии Леф. Однако и [у] этих трех не было единого, совпадающего в деталях миропонимания, но какие-то существенные линии соединяли их настолько прочно, что дали нерасторжимую связь и несомненную общность судьбы.

Бердяев, человек близкий к символистам, в поисках неба отказывался от земли — здешняя жизнь тяготила его, не удовлетворяла его изошренных чувств. Наследники идей безрелигиозного гума-

низма, они, в сущности, каждый по-своему, уходили от христианства — в шопенгауэровский буддизм, в языческие мистерии, в разные виды антропософии и теософии. Даже Соловьев с его учением о Софии, если вдуматься, искал объединения религии природы с религией духа. Конец девятнадцатого века и в особенности начало двадцатого знаменуются отходом от христианства и онтологическими спекуляциями, исходной точкой которых является гипертрофированная вера в человека как в существо, одаренное высшим разумом и способное самостоятельно проникнуть в тайну тайн.

А собственно, какую тайну тайн может открыть человек, если к себе самому, к человеку, к его истории и обществу он не может подыскать даже ключей, а только с трудом подбирает жалкие, действующие на один раз отмычки? А отсюда неожиданности, которые нам подносят человек и история. Разве все мы не поражены тем, что мы увидели в первой половине двадцатого века?

Миропонимание символистов неизбежно вело к своеволию и к чувству безответственности. Человек, который пришел в мир, чтобы видеть солнце или «творить культуру», как полагал В. Иванов, может только давать рекомендации, как получше заняться этими делами, и писать законы, исходя из собственных целей и желаний. Символизм в его теории — это расцвет своеволия, буйство безответственного человека, культ воли и беспредельное развитие индивидуализма.

Символисты, вероятно, не вполне сознавали, почему им сравнительно легко удалось договориться с лагерем победителей. Основы их учения во многом совпадали с теориями тех, кто дал толчок к развитию воли к власти. Прямые потомки символистов — футуристы — попросту слились с победителями. Я заметила также, что люди чисто буржуазной психологии легче находили точки соприкосновения с нашими хозяевами, чем те, кто не отказался от ценностных понятий христианства. Пример тому — Брик и наши технократы.

Расплачиваться за всё пришлось так называемым акмеистам, но объяснение этому надо искать не в манифестах Городецкого и Гумилева, а в отвергнутом ими манифесте Мандельштама, позиции которого разделяла и Ахматова.

О.М. заметил, что символисты были «плохими домоседами», то есть недооценивали земную жизнь, не сознавали своего долга на этой земле. Для акмеистов наша жизнь не только данность, но и данное, и отсюда — уважение, даже пиетет, как говорит О.М.,

к трем измерениям и ко времени, в котором каждому надо выполнить свой долг. О.М. объясняет здесь свою тягу к архитектуре как к наиболее вещественному виду создания ценностей искусства. Если жизнь дана для того, чтобы мы выполнили в ней свой долг, приходится отказаться от своеволия старших поколений и смиренно принять данное. При таком мироощущении художник уже не ощущает себя избранником, которому всё можно, — он один из толпы, один из всех, не лучше и не хуже других, и для него обязательны все исторически добытые ценности. В частности, это относится и к принципиальному отрицанию системы новоизобретенных символов. Символика уже дана в языке, общем для общества, дана в сознании, общем для всех людей.

То, что добыто во времени, является общим сокровищем, откуда черпают художники. Новаторство без исторических корней является таким же своеволием, как и самостоятельно выдуманный символ. Все трое акмеистов, отказавшись от «хрустальных дворцов», от изобретенья новой культуры, нашли свое место в христианском мире, в христианской культуре, в исторической традиции. К этому пришел и Пастернак. В нашей жизни это был самый трудный и опасный путь. Судьбы людей — прямой вывод из их миропонимания. Каждый из них, по данным ему силам, совершил свой жизненный подвиг. Двое стали жертвами насилия, а подвиг Ахматовой заключается в том, что она не упала на середине дороги, а проявила величайшее женское качество — стойкость. Устоять и не свалиться в той жизни, которую я по ее настоянию вспоминаю, — это величайший подвиг. Гораздо легче погибнуть сразу и безвозвратно, но это было бы своеволием, а мы на него не имели права.

В те годы мы часто говорили о гибели. В 1938 году, когда О.М. и Лева уже находились в заключении, мы поднимались с ней по лестнице высокого дома на Николаевской улице. Теперь она, кажется, называется улицей Марата. Там в крошечной и темной каморке большой квартиры умирала от рака моя сестра Аня. «Как долго погибать», — сказала Анна Андреевна. Это она позавидовала Ане, которая уже приближалась к тому берегу. А у нас с ней еще лежал впереди огромный путь. Если б мы тогда знали длину этого пути, мы, быть может, [и] свернули бы в сторону — в реку, в трясины, в смерть. Хорошо, что человек не знает своего будущего — от такого знания никому бы не поздоровилось.

Через несколько дней А.А. провожала меня на вокзал с похорон Ани. Опять переполненные залы, одичалые люди на мешках, развороченный человеческий муравейник — последствие раскулачивания. «Теперь только так и будет», — сказала А.А. Какую-то часть предстоящего нам пути она все-таки видела, а я предпочитала жить текущей минутой — передача, похороны, вернувшаяся посылка, борьба с голодом, эвакуация, опять голод — много всякой горькой беды и заботы, и всё время возня со стихами — отнести в один дом, перенести в другой — и всё время наизусть: столько-то строчек в этом, столько-то в том, а здесь, видимо, спутала, надо проверить, а потом прописка — пропишет меня здесь милиция или нет, куда же мне ехать со своим стихотворным богатством? Главное — всё помнить наизусть, не то двинут в лагерь, с чем я там останусь, если забуду стихи?

Если оглянуться назад, кружится голова — как мы смогли это вынести? Но ведь вынесли, выдержали, вытерпели... «Кто думал, что мы до этого доживем?» — не уставала повторять А.А.

Сейчас ее нет, и я спрашиваю себя: а мне-то до чего еще придется дожить? Уж не всё ли лучшее, что было отпущено на нашу долю, теперь уже позади? Кто его знает... Но свои обязательства я выполнила, а всё остальное мне безразлично. Впрочем, не всё. Для себя я готова на всё, но я не могу больше смотреть, как терзают других людей, я не хочу больше слышать про тюрьмы, лагеря, допросы, суды и прочие беды. Я твердо помню слова Герцена, что в России всегда считалось преступлением то, что нигде в мире преступлением не считается.

Мы живем сейчас в новом мире, где люди, проснувшись, — [а] мы были «рано проснувшимися», а может, и не засыпавшими, — начинают думать и жить нашими мыслями, и нашими горестями, и нашими радостями. Но главное — нашими ценностями. А.А. когда-то сказала: «Ваши дети за меня вас будут проклинать...»²¹⁸ Она ошиблась только в одном. К нам пришли не дети наших современников, а внуки. Мы с ней говорили о том, что в нормальных условиях, то есть в тех, которые мы себе могли представить не в настоящем двадцатом веке, а в самом его начале, старость оказалась бы совсем другой. Вокруг нас кипели бы литературные страсти, молодые люди собирались в кружки, общества, цеха, они выпускали бы манифесты и совсем не замечали давно канонизированных и всеми признанных поэтов: кому нужны они, когда всего дороже

сегодняшний день? И она, обиженная и благополучная, негодовала бы на эти новые школы и не знала бы, куда себя девать.

Жизнь сложилась иначе. Освободительная сила поэзии ощущается не только нами, но и нашими внуками. Тысячи людей на ее похоронах не случайность. Списки стихов Мандельштама, распространяющиеся по всей стране и формирующие сознание новой, только нарождающейся культурной прослойки — новой интеллигенции внуков, тоже не случайность. Очевидно, мы не напрасно жили. И наше счастье, что, дожив, мы смогли заглянуть в будущее. Происшедшие у нас процессы необратимы. Эпоха сверхчеловека кончилась. Эпоха воли к власти кончена, исчерпалась. Произошел какой-то качественный сдвиг сознания, и мы его видели. Это не значит, что новое отменит старые привычки — внукам еще много придется заплатить за право на свободу мысли, за всё, что им придется заново отвоевывать у жизни. Но главное совершилось, и мы жили не зря.

Что еще вспомнить про мою подругу? Как она вдруг сосредоточенно посмотрит на меня и вдруг скажет что-нибудь, и я раскрою от удивления глаза: она поймала мою мысль и ответила на нее. Или как я говорю: «Ануш, там идут к нам», а она спросит: «Что, уже пора хорошесть?» И тут же — по заказу — хорошеет. Или как она прочла в каких-то зарубежных мемуарах — женских, конечно, — что она была некрасивой — писала, очевидно, одноклеточная женщина — и Гумилев ее не любил. «Надя, объясните мне, почему я должна быть красивой? А Вальтер Скотт был красивым? Или Достоевский? Кому это в голову придет спрашивать?»

Я уже думала, что обойдется и она забудет про эти мемуары, но не тут-то было. С этого дня началось собирание фотографий. Все знакомые несли ей фотографии: помните, Анна Андреевна, мы у вас вот эту выпросили... Нужна она?.. Анна Андреевна собирала фотографии, там, где она красивая, разумеется, и вклеивала их в альбом. Их собралось столько, что и счесть нельзя: груды, груды, груды... А записать стихи не успела — времени не хватило. Масса стихов осталась незаписанная. И еще могу вспомнить, как она боялась, что после ее смерти вокруг ее наследства начнется драка. Ей противно было думать, что эти бедные тетради станут предметом купли-продажи. Она показала мне надписи, сделанные ее рукой, — куда и в какой архив сдать папки и тетради. Я боялась архивов: случалось ведь, что там уничтожали рукописи по спискам — бумаги

такого, такого и этого — уничтожить... Книги-то ведь жгли. Но Анна Андреевна твердо решила сдать в архивы: Лева живет один, в коммунальной квартире — это не годится. Надо всё отдать в архивы. Я не возражала...

После ее смерти произошло нечто гнусное. Ира звонила из Ленинграда и требовала, чтобы ей скорее прислали удостоверение о смерти. Она решила бежать к нотариусу и первой подать заявку на наследство Ахматовой; ей, вероятно, казалось, что наследство получают, как золотиносные участки на Клондайке в рассказах Джека Лондона: кто поспеет первым. Ее остановили, объяснив, что наследник Лева — родной сын... А может, она знала, что в нотариальной конторе до последних дней лежало завещание Ахматовой в ее пользу. Дело в том, что, оставшись без Левы после его второго ареста, А.А. сделала завещание — когда Лева вернется, Ирочка ему всё отдаст — там хоть что-нибудь будет, он не останется голым...

Я усумнилась: Ирка спустит его с лестницы и ничего ему не даст... А.А. огорчилась: как все плохо относятся к Ире! Лева вернулся при жизни матери. А.А. порвала завещание. Всё успокоилось... Но, к счастью, я узнала, что основной документ хранится в нотариальной конторе, если его не уничтожить, всё достанется Ире... А.А. долго боялась ехать к нотариусу — вдруг Ира узнает и обидится, что я ей не доверяю... Ира держала ее в ежовых рукавицах: не удастся получить достаточно денег со старухи, уйдет из дому и забудет накормить... А зимой посылала в Москву, чтобы не возиться с ней. И одну зиму за другой А.А. переезжала от одной подружки к другой — у каждой по две-три недели, чтобы не надоесть: Любочка, Ника, Нина Ардова, Маруся, вдова Шенгели, какой-то Западов и даже раз Алигер... Но к Ире до весны она возвращаться не смела... В ту самую квартиру, которую она получила от Союза писателей...

Старость эта была абсолютно бесприютной, только летом «в будке», уродливой литфондовской даче, появлялась иллюзия дома, да, к счастью, ленинградские юнцы-поэты — Бродский, Найман и еще какие-то — не бросали ее, ездили на дачу, дружили с ней и всё для нее делали²¹⁹. Ведь она осталась без сына — Ира его не выносила. Я никогда не забуду, как нам позвонила из Москвы Эмма — я гостила у А.А. — и сказала, что Лева возвращается. Это было в дни массовых реабилитаций. Раньше вытащить Леву не удалось. После двадцатого съезда Сурков обещал помочь, но тут же пошел на

попятный. И вот, получив эту радостную весть, А.А. бросилась к Ире: он на днях вернется! Я еще стояла у телефона, как до меня донеслись вопли и рыдания Иры. Что случилось? Она рыдала, что возвращается Лева. «С ума она, что ли, сошла?» — спросила я у Анны Андреевны, а смущенная А.А. объяснила: «Ира плачет, потому что отец ее уже не вернется...» «И мне заплакать?» — спросила я. — Ведь Ося тоже не вернется...» Ире бы волю, Лева просидел бы в лагере до конца своих дней. И не почему-либо, а ради доходов, которые она получала со старухи.

Глядя на Иру, я всегда думала о том, как дети не пожелали унаследовать культуру отцов, их привычки, их понятия о добре и зле. Пунин был крикуном, был грубияном, но у него никогда бы не поднялась рука выгнать из дому вернувшегося из лагеря сына Ахматовой. Мать Иры, Анна Евгеньевна, имела все основания не любить А.А., но на Лева она этого не вымещала и относилась к нему хорошо. Одичавшие дети советских отцов показали себя с самой худшей стороны. Все бумаги А.А. попали в руки Иры — она воспользовалась тем, что живет с ней в одной квартире, и сейчас она торгует ими, возмещая себе за потерю наследства. И первый вопрос, который Ира мне задала, когда мы очутились вдвоем — тело А.А. еще стояло в церкви и шла панихида, — был про наследство: что я знаю про завещание, есть ли завещание в ее пользу, получит ли она наследство, неужели оно достанется Лева, с какой стати?!

Почему Анна Андреевна давным-давно не отреклась от Иры, не выгнала ее, возилась с ней и терпела всё ее хамство? Не знаю. Она часто жаловалась на Иру, но оставалась с ней. Быть может, она просто боялась остаться одна или помнила, что обещала в Ташкенте ее отцу не бросать Иру с ее дочерью Аней. «У Иры две матери», — сказал тогда Пунин. Может, это обещание и решило судьбу А.А.... Не знаю... Знаю только, что до конца жизни она оставалась бездомной, бесприютной, одинокой бродягой. Видно, такова судьба поэтов. И она не переставала удивляться своей судьбе: у всех есть хоть что-то — муж, дети, работа, хоть кто-нибудь, хоть что-нибудь... Почему у меня ничего нет?..

А все-таки мы устояли и сделали всё, что могли. Спасибо и за это, что хватило сил и стойкости. Мы вспомним незаписанные стихи, мы соберем их, мы их не забудем.

- 1 Предположительно, надпись А.А. на книге «Бег времени» (1965), подаренной Н.Я. Местонахождение оригинала не установлено.
- 2 Из стихотворения А.А. «Какая есть. Желаю Вам другую...» (1942).
- 3 Н.Я. имеет в виду воспоминания о первой встрече с О.М. 1 мая 1919 г. и последнем расставании 2 мая 1938 г. (см. с. 173).
- 4 Здесь и далее автопарафраз из «Воспоминаний» Н.Я. (*Н. Мандельштам-1*. С. 38). Летом, предположительно в июле–августе 1937 г., была разослана директива ЦК ВКП(б), согласно которой органам госбезопасности разрешалось применение физических мер воздействия при допросах врагов народа (текст директивы не сохранился). Отменена 10 января 1939 г. новым постановлением ЦК, которое допускало применение пыток лишь в крайних случаях (действовало до 1953 г.).
- 5 Из стихотворения О.М. «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...» (1930); у О.М.: «ждут».
- 6 От «he-map» (*англ.*) — настоящий мужчина.
- 7 Квартира Н.Н. Пунина на Фонтанке, д. 34, кв. 44, где А.А. с перерывами жила с 1925 по 1952 г.
- 8 Н.Н. Пунин и А.Е. Пунина.
- 9 В Пскове Н.Я. жила в 1962–1964 гг.
- 10 Л.К. Чуковская свидетельствует: «Ахматова хранила „Реквием“, не записывая его и даже не произнося вслух... <... > Помню те торжественные дни в начале декабря 1962 года, когда она продиктовала его наконец на машинку, раздала друзьям, предложила редакции журнала» (*Л. Чуковская*, 2001. Т. 2. С. 93–94). В январе 1963 г. «Реквием» был передан заместителю главного редактора «Нового мира» А.Г. Дементьеву, но публикация не состоялась (*Л. Чуковская*, 2007. Т. 3. С. 15, 353); опубликован «Реквием» был в конце года — его отдельное издание вышло в Мюнхене.
- 11 Ср. высказывание А.А. в записи В.С. Франка: «... мы в России обходимся теперь без изобретения Гутенберга, без печатания. Всё переписывается от руки» (цит. по: *Тименчик*, 2005. С. 683).
- 12 Речь идет о XX съезде КПСС, который состоялся 14–25 февраля 1956 г. в Москве. На нем Н.С. Хрущев выступил с половинчатыми разоблачениями культа личности И.В. Сталина, возложив всю ответственность за репрессии лично на Сталина, а не на всю систему советской власти (см. кн.: Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС / Отв. ред. К. Аймермахер. М.: РОССПЭН, 2003).
- 13 С 10 ноября 1965 г. по 19 февраля 1966 г.
- 14 По адресу: ул. Ордынка, д. 17, кв. 13.
- 15 В конце 1965 г. Н.Я. въехала в собственную однокомнатную квартиру по адресу: Большая Черемушкинская ул., 50, корп. 1, кв. 4.
- 16 См. его короткую записку А.А. (*Шаламов*, 2004. С. 764).
- 17 Имеется в виду скарлатина, которой А.А. болела в сентябре–октябре 1943 г.
- 18 Имеются в виду «Листки из дневника» — воспоминания А.А. о Мандельштаме, над которыми она работала в 1957–1963 гг.
- 19 Скрытая цитата из стихотворения А.А. «Памяти В. Срезневской» (1964): «Почти не может быть, ведь ты была всегда...»
- 20 Из стихотворения О.М. «1 января 1924».
- 21 Имеются в виду писатели Ю.М. Даниэль и А.Д. Синявский, арестованные в 1965 г. и в феврале 1966 г. приговоренные к семи и пяти годам исправительно-трудовой колонии строгого режима за «агитацию и пропаганду, проводимую в целях подрыва или ослабления советской власти», выразившуюся в виде несанкционированных публикаций за рубежом.
- 22 Н.Я. имеет в виду выступление М.А. Шолохова на заседании XXIII съезда КПСС в 1966 г. Часть выступления была

посвящена А.Д. Синявскому и Ю.М. Даниэлю: «Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные двадцатые годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а „руководствуясь революционным правосознанием“...» (цит. по кн.: *Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля*. М., 1989. С. 501–502).

23 Авторство выражения «Стереть в лагерную пыль» приписывается Л.П. Берии (*Душенко К.В. Словарь современных цитат*. М., 1997. С. 38).

24 См. в «Воспоминаниях» Н.Я.: «А меня, когда я осталась одна, всё поддерживала фраза О.М.: „Почему ты думаешь, что должна быть счастливой?“, да еще слова протопопа Аввакума: „Сколько нам еще идти, протопоп?“ — спросила изнемогающая жена. „До самой могилы, попадая“, — ответил муж, и она встала и пошла дальше» (*Н. Мандельштам-1*. С. 69); см. также кн.: *Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения*. М., 1997. С. 99.

25 В 1963 г. за рубежом был опубликован цикл стихотворений А.А. «Реквием», и теперь она, как А. Синявский и Ю. Даниэль, могла быть привлечена к ответственности. Ср. реплику Ахматовой, зафиксированную в записных книжках В.Т. Шаламова: «Я — тоже на скамье подсудимых вместе с Синявским и Даниэлем» (*Шаламов*, 2004. С. 305).

26 Из стихотворения А.А. «Подражание Кафке» (1960).

27 Несмотря на отсутствие официальной информации, перед моргом клиники им. Склифосовского собралось довольно много людей, состоялся стихийный митинг (выступали А.А. Тарковский, Л.А. Озеров и Е.Г. Эткинд). Когда вынесли гроб, свидетельствует О.М. Грудцова, Н.Я., как и многие другие, не смогла сдержать рыданий (*Ахматовский сборник*, 2006. С. 94).

28 Намек на обстоятельства похорон А.С. Пушкина в 1837 г., когда власти, желая свести к минимуму проявление народных чувств, назначили вынос тела в ночное время и прибегли к намеренной дезинформации о месте отпевания: оно должно было состояться в церкви при Адмиралтействе, а прошло в Конюшенной церкви.

29 Подробности этого эпизода см. в воспоминаниях: *Орлова Р., Копелев Л.* Мы жили в Москве, 1956–1980. М., 1990. С. 294–295.

30 Ю.Н. Тынянов не столько предсказывал, сколько констатировал «расцвет» прозы и «отступление» поэзии в статье «Промежуток» (1924): «Три года назад проза решительно приказала поэзии очистить помещение... Факт остается фактом: проза победила» (*Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы*. Кино. М., 1977. С. 168–169).

31 В 30-е годы О.М. печатался в «Литературной газете» (1932, 23 ноября), в журналах «Звезда» (1931, № 4; 1933, № 5) и «Новый мир» (1931, № 3; 1932, № 4, 6).

32 В точности не установлено, но не исключено, что подразумевается поэт Иосиф Павлович Уткин (1903–1944), который около года (до ноября 1942 г.) находился в Ташкенте на излечении после ранения на фронте. В Ташкенте он написал множество военных стихов и действительно имел круг поклонниц (см.: *Громова Н.* «Все в чужое глядят окно». М., 2002. С. 119–120). Н.Я., конечно же, могла и не знать, что ни эвакуированным, ни одесситом Уткин не был (он родился на станции Хинган Китайско-Восточной железной дороги).

33 Некоторые подробности этого визита см.: *Найман*, 1999. С. 130.

34 Цитаты из поэмы В.В. Маяковского «Облако в штанах» ([1914–1915]) и стихотворения «Вам!» ([1915]); у Маяковского:
Я лучше в баре блядам буду
подавать ананасную воду.

- 35 См. в статьях О.М. «Утро акмеизма» (1913): «Сознание своей правоты нам дороже всего в поэзии...» (О. Мандельштам. *Собр. соч.* Т. 1. С. 178) и «О собеседнике» (1913): «Ведь поэзия есть сознание своей правоты» (*Там же.* С. 185).
- 36 Имеется в виду Э.Г. Бабаев, см. его очерк «Диотима», посвященный Н.Я. (*Бабаев, 2000.* С. 128–144).
- 37 Речь идет о Л.В. Глазуновой, отец которой, Виктор Васильевич Глазунов (1903–1958), был старшим оперуполномоченным и сам, будучи братом расстрелянного «врага народа», жил в то время под угрозой ареста; см. о нем подробнее: *Глазунова Л.В.* Не хочу вспоминать (*Бабаев, 2000.* С. 322–325).
- 38 Кларенс Браун; с Н.Я. его познакомил А.А.
- 39 Речь идет об известном постановлении ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“»; отменено постановлением ЦК КПСС от 20 октября 1988 г.
- 40 За съемки отпевания и похорон А.А. режиссер С.Д. Аранович на полгода был переведен в ассистенты, а операторы А. Рейзентул и А. Шафран были уволены (*Ахматовский сборник, 2006.* С. 108). О судьбе снятых на похоронах А.А. киноматериалов см. также: Анна Ахматова: Последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова. СПб., 2001.
- 41 Имеется в виду академик М.П. Алексеев, выступавший на панихиде в Союзе писателей и говоривший, видимо, о заслугах Ахматовой-пушкиниста. Кроме него там выступили М.А. Дудин, О.Ф. Бергольц, М.И. Борисова и Н.И. Рыленков.
- 42 И. Бродский познакомился с Н.Я. в 1962 г. в Пскове по рекомендации А.А. Вдова поэта его называла «рыжим» или «молодым» Осей и приняла горячее участие в общественной защите Бродского в тяжелые для него годы. После смерти
- Н.Я. Бродский опубликовал о ней статью-некролог «Nadezhda Mandelstam (1899–1980)» (*The New York Review of Books.* 1981. March 5. Vol. 28. P. 3–4); авторизованный перевод Льва Лосева: *Бродский И.* Сочинения. СПб., 1999. Т. 5. С. 107–114).
- 43 Название поэмы А.А., написанной в 1940 г.; ср. предсмертные слова царя Давида, обращенные к Соломону: «Вот, я отхожу в путь всей земли, ты же будь тверд и будь мужествен» (3 Цар 2:2).
- 44 Имеется в виду путаница, возникшая из-за полного отсутствия достоверной информации о времени и месте прощания с телом А.А. в Москве и о ее похоронах в Ленинграде: в связи с празднованием 8 марта прощание было перенесено на 9 марта — день отлета самолета с телом А.А. в Ленинград. Кроме С.В. Михалкова, на кладбище в Комарове выступили также А.А. Тарковский и Г.П. Макогоненко.
- 45 Речь идет о квартете под руководством скрипача С.М. Волкова.
- 46 Сборник А.А. «Бег времени» (М.; Л.: Советский писатель, 1965).
- 47 Имеется в виду последняя квартира О.М. по ул. Фурманова (совр. Нащокинский пер.), 6, кв. 26. Он прожил в ней начиная с конца 1933 г. и вплоть до своего ареста в мае 1934 г.
- 48 Иванова Лидия Александровна (1903–1924), балерина, с 1921 г. артистка Государственного академического театра оперы и балеты; погибла 16 июня 1924 г. в Финском заливе при столкновении моторной лодки, в которой она находилась, с пассажирским судном; высказывались предположения о том, что к гибели Ивановой причастно ГПУ.
- 49 Перечисляются сравнительно ранние «дела», затронувшие ленинградскую и, отчасти, московскую научную интеллигенцию. Так, в рамках «Академического дела» (1929–1931) было арестовано более ста человек, в том числе четыре академика

(С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев и М.К. Любавский) и пять членов-корреспондентов. Всем им инкриминировалась организация «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». Фигурантам дела Русского музея (1933–1934), раскрученного после ареста заведующего Украинским отделом музея Б.Г. Кржижановского, инкриминировали создание Российской национальной партии. Под делом «Эрмитажа» Н.Я., скорее всего, имеет в виду чистку, проведенную в марте–апреле 1931 г., когда была уволена и выслана в Уфу группа ведущих сотрудников музея.

50 «Последнее стихотворение, которое я слышала от Осипа, — „Как по улицам Киева-Вия...“ (1937). Это было так. Мандельштамам было негде ночевать. Я оставила их у себя (в Фонтанном Доме). Постелила Осипу на диване. Зачем-то вышла, а когда вернулась, он уже засыпал, но очнулся и прочел мне стихи. Я повторила их. Он сказал: „Благодарю вас“ — и заснул» (*Листки из дневника*. С. 120).

51 Стихотворение А.А. «Немного географии» (1937), посвященное О.М.; у А.А.: «душной ссылкою», «пересылкою в лагерь», «в трупный запах прогнивших нар».

52 Из стихотворения А.А. «Не с теми я, кто бросил землю...» (1922).

53 Из цикла А.А. «Разрыв» (I; 1940).

54 Из стихотворения А.А. «Какая есть. Желаю Вам другую...» (1942).

55 Так, например, в 1945 г. А.А. говорила И. Берлину, что «все школьные учительницы уверены (а некоторые будут так думать всегда), что у нее с Блоком был роман...» (*Воспоминания*. С. 445). См. также свидетельство Н.А. Роскиной: «Когда Анна Андреевна прочитала записные книжки Блока и увидела, что не оставила в них следа, — это уязвило ее. Не раз я слышала ее высказывания в таком духе: „Как известно из записных книжек Блока, я не занимала места в его жизни...“» (*Воспоминания*. С. 537).

56 Далее в машинописи следует зачеркнутый текст: «— рослые мужчины с подозрительно благородным видом и мускулами, которые потом оказываются „испуганным мясом“». И про меня тоже офицеря: „твоя офицеря“. И по отношению к нам обем это было абсолютно несправедливо» (Н.Я. цитирует стихотворение О.М. «Как дерево и медь — Фаворского полет...» (1937): «Но разве сердце лишь испуганное мясо?»).

57 Речь идет о воспоминаниях В.А. Неведомской о жизни А.А. и Н.С. Гумилева в именовании Слепнево и их «цирковых» представлениях: «Ахматова выступала как „женщина-змея“; гибкость у нее была удивительная — она легко закладывала ногу за шею, касалась затылком пяток, сохраняя при всем этом строгое лицо послушницы. Сам Гумилев, как директор цирка, выступал в прадедушкином фраке и цилиндре, извлеченных из сундука на чердаке. Помню, раз мы заехали кавалькадой человек в десять в соседний уезд, где нас не знали. Дело было в Петровки, в сенокос. Крестьяне обступили нас и стали расспрашивать — кто мы такие? Гумилев не задумываясь ответил, что мы бродячий цирк и едем на ярмарку в соседний уездный город давать представление» (цит. по: *Высотский О.Н.* Николай Гумилев глазами сына. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 440).

58 Речь идет о разборе стихотворения «Высокие своды костела...» (1913) в книге Б.М. Эйхенбаума «Анна Ахматова: Опыт анализа» (Пб., 1923): «Тут уже начинает складываться парадоксальный своей двойственностью (вернее — оксюморонностью) образ героини — не то „блудницы“ с бурными страстями, не то нищей монахини, которая может вымолить у бога прощенье» (цит. по: *Эйхенбаум Б.* О поэзии. Л., 1969. С. 136). Формула «не то монахиня, не то блудница» попала в статью об Анне Ахматовой в «Литературной энциклопедии», подписанную инициалами «М. и С.»

- (С.А. Малахов и П.Н. Сакулин): «Эротическое переживание является для творчества поэтессы той осью, вокруг которой вращается ее духовный мир. Однако глубочайшее чувство обреченности, которое пронизывает социальное сознание вымирающей группы, проходит и через эту область, окрашивая ее в сумеречные тона предсмертной безнадежности. Эти настроения сочетаются с мистическими переживаниями, также характерными для классов нисходящих, создавая противоречивый на первый взгляд образ А. героини „не то монахини, не то блудницы“...» (М., 1930. Т. 1. Стлб. 281), а оттуда прямоком в доклад А.А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», «разъясняющий» постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года: «... мрачные тона предсмертной безнадежности, мистические переживания пополам с эротикой — таков духовный мир Ахматовой. <...> Не то монахиня, не то блудница, а вернее блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой» (Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». М., 1946. С. 13).
- 59 Из книги В.В. Розанова «Темный лик: Метафизика христианства» (1911): «Вся всемирная история плывет в (рациональных) гипнозах и самогипнозах» (цит. по: *Розанов В.В.* Религия и культура. М., 1990. С. 520).
- 60 Н.Я. работала в Ульяновском пединституте в 1949–1953 гг. в должности старшего преподавателя кафедры иностранных языков и жила в институтском общежитии.
- 61 Намек на записи, которые вела Л.К. Чуковская.
- 62 Речь идет о повреждениях, которые собор Нотр-Дам в Реймсе получил в ходе боевых действий в Первой мировой войне. См. стихотворение О.М. «Реймс и Кельн» (1914).
- 63 Сведения о времени и причинах сожжения рукописи «Пролога» разнятся.
- 64 По-видимому, речь идет о вечере с участием А.А. в Колонном зале Дома Союзов, состоявшемся 3 апреля 1946 г. Накануне, 2 апреля, не менее триумфально прошел авторский вечер А.А. и Б.Л. Пастернака в Московском клубе писателей. В Политехническом музее А.А. не выступала.
- 65 Л.Н. Гумилев впервые был арестован в 1935 г., затем в 1938 г. Находился в ГУЛАГе с 1938 по 1943 г. Арест 1949 г. был его третьим арестом.
- 66 Согласно воспоминаниям И.Н. Пунниной, после ареста Л.Н. Гумилева А.А. некоторое время «лежала в беспомощности. <...> Следующие дни Анна Андреевна опять всё жгла» (*Воспоминания*. С. 471).
- 67 Подобные «подарки» преподнес А.А. и Э.Г. Бабаев, сохранивший рукопись поэмы «Путем вся земли» («Китежанка») и подаривший А.А. восстановленный по памяти текст стихотворения «De profundis... Мое поколение...», который она считала безвозвратно утраченным (*Бабаев, 2000*. С. 12, 15).
- 68 Имеется в виду книга А.А. «Стихотворения» (М.: Художественная литература, 1958), первая книга А.А. после постановления 1946 года. По словам Л.К. Чуковской, «Анна Андреевна хоть и рада своему сборнику, но и огорчена им: она уверяет, что книжка эта — ерунда, мусор, что она только введет в заблуждение читателей („так это-то и есть хваленая Ахматова? стоило огород городить!“)...» (*Л. Чуковская, 2007*. Т. 2. С. 309). Надписывая ей экземпляр «Стихотворений», А.А. сказала: «— Я многим на этой книжке пишу: „Остались от козлика рожки да ножки“» (*Там же*. С. 361).
- 69 Вторая книга Ахматовой, вышедшая после постановления 1946 г. — «Стихотворения» (М.: Художественная литература, 1961), третья — «Бег времени» (М.; Л.: Советский писатель, 1965).
- 70 Имеется в виду роман В.В. Набокова «Приглашение на казнь» (1935).

71 «Поэма без Героя», Часть первая, Глава Первая.

72 См. об этом в «Листках из дневника» А.А.: «После некоторых колебаний решаюсь вспомнить в этих записках, что мне пришлось объяснить Осипу, что нам не следует так часто встречаться, что это может дать людям материал для превратного толкования наших отношений» (*Листки из дневника*. С. 108). В 1917–1918 гг. О.М. написал несколько стихотворений, обращенных к А.А.

73 С.Н. Андроникова (Гальперн) и А.М. Зельманова (Чудовская) — «петербургские красавицы». Обе они держали в своих домах салон, и, безусловно, их имел в виду О.М., когда в стихотворении «С миром державным я был лишь ребячески связан...» (1931) вспоминал, как он «от красавиц тогдашних — от тех европейок нежных... убежал к неридам на Черное море».

74 Из стихотворения М. Цветаевой «Ты запрокидываешь голову...» (1916).

75 Из цикла А.А. «Полночные стихи» (2; 1963); у А.А.: «сколькими», «скольких».

76 «Боже, сохрани во мне это писательское целомудрие: не смотреться в зеркало. Писатели значительные от ничтожных почти только этим отличаются: смотрятся в зеркало — не смотрятся в зеркало» (*Розанов*, 1990. С. 229). Ср.

разговор с Н.Я., зафиксированный в записных книжках Л.Я. Гинзбург: «Н.Я.: — Розанов, кажется, говорил, что есть писатели, которые смотрят в зеркало, когда пишут, и писатели, которые не смотрят. — Это отчасти, вероятно, то, что мы называем лирическим героем (пренадоедливый термин). Блок смотрел в зеркало, Маяковский смотрел, Ахматова... А Пастернак смотрел? — Пастернак смотрел, но, к счастью, безуспешно. Он ведь вроде мамонта. Ну представьте себе — мамонт топчется перед зеркалом... Что он там может увидеть? — Мандельштам до неве-

роятного обходился без зеркала. И сознательно. Так он понимал современного поэта; о чем и говорил в стихах и прозе. — А всё же... Не было у него таких соблазнов?.. Таких аспектов саморассмотрения? Аспекта трагического поэта, гонимого? — Нет, знаете, стоило прийти приятелям и принести ему вина и немного еды, он забывал сразу, что он трагический поэт» (*Гинзбург Л.Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 274).

77 Далее в машинописи следовало: «Какой-то небольшой элемент актерства можно было заметить только у Пастернака, да и то он появился лишь на старости. Правильно считать актерством желание нравиться собеседникам».

78 Из стихотворения А.А. «Если плещется лунная жуть...» (1928).

79 Речь идет о М.М. Циммермане.

80 Из цикла А.А. «Разрыв» (1; 1940).

81 Из стихотворения О.М. «Кому зима — арак и пуш голубоглазый...» (1922).

82 По-видимому, контаминация речевого оборота «от зари до зари» и цитат из «Четвертой прозы» О.М. «похабные окна дома на Тверской» и «морозные улицы Москвы».

83 Из цикла О.М. «Армения» (3; 1930).

84 Из стихотворения О.М. «Дикая кошка — армянская речь...» (1930).

85 По адресу Казанская, 3, кв. 4 А.А. снимала две комнаты в ноябре 1923 – апреле 1924 г. С.О.А. Глебовой-Судейкиной она жила по адресу: Фонтанка, 18, кв. 28.

86 Речь идет о следующих двух высказываниях О.М.: «Анненский до сих пор не дошел до русского читателя и известен лишь по вульгаризации его методов Ахматовой» (статья «Буря и натиск», ж. «Русское искусство», 1923, кн. 1; цит. по: *О. Мандельштам. Собр. соч.* Т. 2. С. 293), «Воистину русские символлисты были столпниками стиля: на всех вместе не больше пятисот слов — словарь полинезийца. Но это по крайней мере были аске-

- ты, подвижники. Они стояли на колодах. Ахматова же стоит на паркетине — это уже паркетное столпничество» («Vulgata (Заметки о поэзии)», ж. «Русское искусство», 1923, кн. 2–3; цит. по: О. Мандельштам. Собр. соч. Т. 2. С. 300).
- 87 Начало стихотворения А.А., посвященного Н.В. Недоброво (1915).
- 88 См. обращенное к А.А. шуточное стихотворение О.М. «Привыкают к пчеловоду пчелы...» (1934).
- 89 Одно время О.М. и Н.Я. жили по адресу: ул. Герцена (Б. Морская), 49, кв. 4.
- 90 Фарфоровая статуэтка работы Н.Я. Данько (1924). В 1934 г., из-за нехватки денег на билет из Москвы, куда Ахматова ездила навестить Мандельштамов, она продала ее в Музей Союза писателей (в настоящее время находится в ИМЛИ).
- 91 В Китайской деревне и Царском Селе О.М. и Н.Я. жили в 1924–1927 гг.
- 92 Эта встреча произошла раньше, в 1924 г.
- 93 «Жизнь упала как зарница...» (1924) и «Я буду метаться по табору улицы темной...» (1925). Памяти О.А. Ваксель О.М. посвятил стихотворения «Возможна ли женщине мертвой хвала...» (1935) и «На мертвых ресницах Исакий замерз...» (1935).
- 94 Ср. реплику А.А. об О.А. Ваксель, зафиксированную ее сыном, А.А. Смольевским, со слов И.Н. Пунинной: «Ослепительная красавица» (Смольевский, 1990. С. 165).
- 95 См. примеч. 93.
- 96 По свидетельству Н.Е. Штемпель, показав ей это стихотворение, О.М. добавил: «Надюша знает, что я написал эти стихи, но ей я читать их не буду. Когда умру, отправьте их как завещание в Пушкинский Дом» (Штемпель, 1992. С. 61).
- 97 См. стихотворение О.М. «На каменных отрогах Пиэрии...» (1920).
- 98 Ср. в стихотворении О.М. «Вернись в смесительное лono...» (1920):
Нет, ты полюбишь иудея,
Исчезнешь в нем — и Бог с тобой.
- 99 Из стихотворения О.М. «Чарли Чаплин» (1937); у О.М.: «А жена твоя».
- 100 Имеются в виду письма О.М. к Н.Я., датированные октябрём–ноябрём 1925 г. (О. Мандельштам. Собр. соч. Т. 4. С. 44–48).
- 101 Н.Я. имеет в виду стихотворение О.М. «Куда как страшно нам с тобой...» (1930).
- 102 Имеется в виду перевод О.М. из старофранцузского эпоса «Сыновья Аймона» (1922).
- 103 Фраза из выступления И. Сталина на встрече с советскими писателями на квартире М. Горького 26 октября 1932 г.
- 104 Из стихотворения О.М. «С розовой пеной усталости у мягких губ...» (1922).
- 105 Имеются в виду следующие строки из стихотворения А.А. «Песня последней встречи» (1911):
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.
- 106 В.В. Розанов неоднократно критиковал ограничения, которые накладывала на развод православная церковь: «...должна ли церковь расторгнуть брак <...> когда муж просит жену отдаваться, а она, чувствуя отвращение к таким отношениям и гнусность ко всему этому типу семьи, нося в сердце идеал лучшей семьи — просит церковь освободить ее от неудачно заключенного брака и дать разрешение на вступление в новый? <...> И церковь сохраняет и приказывает сохранять такой чудовищный брак, около которого случайное „прелюбодеяние“ мужа или жены, „прелюбодеяние“ по налетевшей буре любви, кажется чем-то невинным и детским» (Розанов, 1990. С. 484). А касаясь вопроса об измене, он писал: «Измена есть, таким образом, самоисцеление любви, „починка“ любви, „заплата“ на изношенное и ветхое. Очень нередко „надтреснутая“ любовь разгорается от измены еще возможным для нее пламенем и образует сносное счастье до конца жизни. Тогда как без „измены“ любовники или семья равно-

душно бы отпали, отвалились, развалились; умерли окончательно» (Там же. С. 233).

107 «Белая стая» — третья книга А.А., вышедшая в 1917–1923 гг. четырьмя различными изданиями.

108 О. Мандельштам. *Собр. соч.* Т. 3. С. 197.

109 Из стихотворения А.А. «Помолись о нищей, о потерянной...» (1912); у А.А.: «свет».

110 Из стихотворения А.С. Пушкина «Воспоминание» (1828) и ранней редакции того же стихотворения; у Пушкина: «жизнь мою».

111 Из стихотворения О.М. «Под грозowymi облаками...» (1910).

112 См. примеч. 110.

113 Из стихотворения О.М. «Люблю под сводами седья тишины...» (1921).

114 Легендарные слова М. Лютера, произнесенные 18 апреля 1521 г. перед сеймом Священной Римской империи в Вормсе в ответ на предложение отречься от «еретических» взглядов; О.М. использовал их в качестве эпиграфа (на немецком языке) к стихотворению 1915 г., первую строку которого цитирует Н.Я.

115 Часть известной формулы «Если Бога нет, то всё позволено», восходящей к репликам ряда персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

116 См. краткое упоминание об этом эпизоде у О.М. в «Набросках к документальной книге о деревне» (О. Мандельштам. *Собр. соч.* Т. 3. С. 429).

117 Парафраз речения Христа (Мф. 26: 52).

118 «Я познакомилась с О <сипом> Мандельштамом <...> весной 1911 года. Тогда он был худощавым мальчиком <...> с ресницами в полщеки» (*Листки из дневника*. С. 100).

119 Из стихотворения О.М. «Колют ресницы, в груди прикипела слеза...» (1931).

120 Из стихотворения О.М. «1 января 1924 года» (1924).

121 Из стихотворения О.М. «Твой зрачок в небесной корке...» (1937).

122 А.А. и Н.Я. познакомились со стихотворениями О.А. Ваксель благодаря ее сыну А.А. Смольевскому. Ср. в его воспоминаниях о встрече с Н.Я. в феврале 1969 г.: «О стихах Лютика [О.А. Ваксель] она сказала: „Анна Андреевна читала их в моем присутствии. Среди тех стихотворений было одно, в котором есть слова: „При свете свеч тяжелый взмах ресниц...“

[А.С.:] „Да, вот это: Вот скоро год, как я ревниво помню / Не только строчками исписанных страниц, / Не только в близорукой дымке комнат / При свете свеч тяжелый взмах ресниц / И долгий взгляд, когда почти с испугом, / Не отрываясь, медленно, в упор / Ко мне лился тот непостижный взор / Того, кого я называла другом...“ [Н.Я.:] „Анна Андреевна предположила, что эти стихи адресованы Осипу, у которого были очень длинные ресницы. А я сразу же сказала: „Нет, это не о нем“. [А.С.:] „Вы правы, это действительно не о нем, это о ее будущем муже, моем отчиме Христиане Вистендале, и оно относится уже к другому времени — к 1932 году, когда она снова начала писать стихи“» (*Смольевский, 1990*. С. 166).

123 Здесь и далее речь идет о следующих строчках из «Посвящения» к «Поэме без Героя»:

... а так как мне бумаги не хватило,
я на твоём пишу черновике.

И вот чужое слово проступает
и, как тогда снежинка на руке,
доверчиво и без упрека тает.

124 «Мы шли по Пречистенке (февраль 1934 года), о чем говорили — не помню. Свернули на Гоголевский бульвар, и Осип сказал: „Я к смерти готов“» (*Листки из дневника*. С. 112).

125 Из поэмы А.А. «Реквием»:

Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими стенами выть.

- 126 «Поэма без Героя», Часть первая, Глава Четвертая и последняя; у А.А.: «драгунский».
- 127 Там же.
- 128 «Поэма без Героя», Часть первая, Глава Первая.
- 129 Там же.
- 130 «Поэма без Героя», Часть первая, Глава Четвертая и последняя.
- 131 «Поэма без Героя», Часть первая, Глава Первая.
- 132 Из цикла А.А. «Венок мертвым» (II; 1944).
- 133 «Поэма без Героя», Часть первая, Глава Третья.
- 134 «Поэма без Героя», Часть первая, Глава Первая; у А.А.: «праздник».
- 135 Ср. реплику А.А. в записи Л.К. Чуковской: «Анна Григорьевна жадна и скуппа. Больного человека, с астмой, с падучей, заставляла работать дни и ночи, чтобы „оставить что-нибудь детям“. Такая подлость! Он пишет ей: „Пообедал за рубль“. Зарабатывал десятки тысяч и не мог пообедать за два рубля!» (Л. Чуковская. 2007. Т. 2. С. 369–370).
- 136 Письма Натальи Александровны Герцен к Гервегам (обзор) / Публ. и коммент. Л.Р. Ланского // Литературное наследство. М., 1958. Т. 64. С. 259–318; о знакомстве А.А. с этой публикацией см.: Н. Роскина. «Как будто прощаюсь снова...» (Воспоминания. С. 540).
- 137 Ср. реплику А.А. о Н.А. Герцен в записи Л.К. Чуковской: «... как теперь известно, она прямо-таки висела на Гервеге, он от нее избавиться не мог...» (Л. Чуковская. 2007. Т. 2. С. 139).
- 138 А.А. не скрывала своей нелюбви к Н.Н. Пушкиной: «Наталья Николаевна не только глупа; это хищная, жадная, злая стерва» (Л. Чуковская. 2007. Т. 2. С. 187).
- 139 См., например, запись беседы с А.А. о Н.Н. Пушкиной: «Была ли она красива? Ее тоже видели сквозь стихи: Психея и пр. Но ведь так ее видели при *его* жизни. Когда

она вернулась в свет, ей было всего тридцать два года — расцвет для женщины! — но почему-то уж нигде ни звука о ее красоте. В письмах рассказывают о ней и то, и сё, но о красоте ни слова» (Л. Чуковская. 2007. Т. 3. С. 213).

- 140 См. запись начала той же беседы: «... Маша [Алигер] задала Анне Андреевне тот же вопрос, какой некогда я: была ли красива Любовь Дмитриевна Блок? Ну, это привычная и хорошо разработанная Анной Андреевной тема. Тихо и по складам: — Она была похожа на бегемота, поднявшегося на задние лапы». (Там же).
- 141 Ср. мнение А.А. о романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» в записи Л.К. Чуковской: «Весь роман построен на физиологической и психологической лжи. Пока Анна живет с пожилым, нелюбимым и неприятным ей мужем, — она ни с кем не кокетничает, ведет себя скромно и нравственно. Когда же она живет с молодым, красивым, любимым, — она кокетничает со всеми мужчинами вокруг, как-то особенно держит руки, ходит чуть не голая... Толстой хотел показать, что женщина, оставившая законного мужа, неизбежно становится проституткой. И он гнусно относится к ней...» (Там же. Т. 1. С. 149–150).

- 142 Речь идет о стихотворении О.М. «Мастерица виноватых взоров...» (1934), посвященном М.С. Петровых. А.А. считала его «лучшим любовным стихотворением 20 века» (Листки из дневника. С. 105).
- 143 Краткие воспоминания Н.Е. Штемпель о встречах с А.А. см. в сб.: Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 534–535.
- 144 «В Воронеже Осип дружил с Наташей Штемпель» (Листки из дневника. С. 105).
- 145 Мф 22: 30; Мк 12: 25; Лк 20: 35.
- 146 Речь идет о сборнике «Стихотворения» (М., 1958).
- 147 «Северная элегия» (<Пятая>; 1945); у А.А.: «суровая эпоха», «не знаю берегов».

- 148 См. стихотворение М.И. Цветаевой «Гибель от женщины. Вót — знак...» (1916).
- 149 Из стихотворения О.М. «Еще не умер ты. Еще ты не один...» (1937).
- 150 Н.Я. имеет в виду следующие стихотворения А.А.: «Северная элегия» (<Пятая>; 1945) (прочитана на предыдущей странице) и «Прав, что не взял меня с собой...» («Из „Черных песен“», I; 1961), откуда приведены слова «деловитая парижанка»; двойник глядящий из другой жизни — парафраз строк из той же пятой «Северной элегии»: «Но если бы оттуда посмотрела / Я на свою теперешнюю жизнь...».
- 151 Из стихотворения А.А. «Ты напрасно мне под ноги мечешь...» (1957); у А.А.:
 А за нею темнеет дорога,
 По которой ползла я в крови.
- 152 Стихотворение А.А., написанное в 1956 г.
- 153 Такая встреча могла состояться в апреле 1935 г.
- 154 Это слово в машинописи зачеркнуто, но замена ему не найдена.
- 155 Имеется в виду возвращение из воронежской ссылки в Москву (май 1937 г.).
- 156 Речь идет о С.Г. Нарбут, которая в 1941–1942 гг. была замужем за Н.И. Харджиевым. В 1943 г., в эвакуации, у нее начался роман с В.Б. Шкловским; впоследствии он ушел из семьи и женился на ней. Н.Я. дружила с первой женой Шкловского, В.Г. Шкловской-Корди, и поддерживала ее в этих обстоятельствах (см. ее письма к Шкловской: *Фигурнова*, 2001. С. 322–326).
- 157 Имеется в виду Л.В. Чага.
- 158 Имеется в виду рецензия Н.Н. Пунина на книгу О.М. «Tristia» (Жизнь искусства. 1922. 17 окт.).
- 159 «Может, для верности суждения о делах, не подлежащих ни полицейскому суду, ни арифметической проверке, *пристрастие* нужнее справедливости. Страсть может не только ослеплять, но и проникать глубже в предмет, обхватывать его своим огнем» (*Герцен А.И.* Былое и думы. Собр. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. 11. С. 213).
- 160 По-видимому, имеется в виду американская поэтесса Сильвия Плэт (1932–1963), покончившая с собой в Нью-Йорке. По сообщению Ю.Л. Фрейдина, Н.Я. читала ее стихи по-английски (*Н. Мандельштам-3*. С. 505).
- 161 «Осип любил Надю невероятно, неправдоподобно» (*Листки из дневника*. С. 109).
- 162 Фильм Ф. Феллини (1962).
- 163 Из стихотворения О.М. «Я скажу тебе с последней прямой...» (1931).
- 164 Ср. в стихотворении О.Ф. Берггольц «...Я буду сегодня с тобой говорить» (1941):
 Товарищ, нам горькие выпали дни...
- 165 «Поэма без Героя», Часть вторая; у А.А.: «Ты спроси у моих современниц», «Как в беспамятном жили страхе».
- 166 «Поэма без Героя», Часть третья; у А.А.:
 И открылась мне та дорога,
 По которой ушло так много...
- 167 М.И. Цветаева.
- 168 С мая 1944 г. Н.Я. работала старшим преподавателем кафедры английского языка Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте.
- 169 В краткой автобиографии «Коротко о себе» А.А. писала: «Когда мне показали корректуру „Кипарисового ларца“ Иннокентия Анненского, я была поражена и читала ее, забыв всё на свете» (приводится по изданию: *Ахматова А.* Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1976. С. 20); сб. стихотворений И.Ф. Анненского «Кипарисовый ларец» вышел в свет в 1910 г.
- 170 Первый сборник стихотворений А.А. (1912 г.).
- 171 Подразумевается литературное учительство, наставничество.
- 172 «Чужое небо» (1912) — книга стихотворений Гумилева, в которую входит поэма «Блудный сын» (1911).

173 Академия стиха (Общество ревнителей художественного слова) — поэтическое объединение, возглавлявшееся В.И. Ивановым; поэму «Блудный сын» Иванов подверг критике на заседании 13 апреля 1911 г. «Цех поэтов» был образован осенью 1911 г.

174 О.Н. Высотский.

175 С воспоминаниями Е.К. Герцык А.А. познакомилась, по-видимому, по копии, распространенной в самиздате (впервые они вышли за рубежом в 1973 г.). Приводим ее сдержанный отзыв о них: «Воспоминания сестры Аделаиды Герцык утверждают, что Вяч<еслав> Иванов не признавал нас всех» (*Листки из дневника*. С. 103.). А.А. имеет в виду следующий отрывок из главы «Вячеслав Иванович», касающийся возобновления литературных вечеров в доме поэта после смерти Л.Д. Аннибал: «Ученики приходили к мэтру, подобие литературных семинаров произвольно возникало из просмотра нового стихотворного сборника, из обсуждения новой театральной постановки. Каждый вечер студенты Модест Гофман, Ивойлов, изредка Гумилев, Ахматова, совсем юные, ставшие впоследствии поэтами или так и не ставшие, а также уже и несомненные, как Верховский и другие. Однажды бабушка привела внука на суд к Вячеславу Иванову, и мы очень веселились на эту поэтову бабушку и на самого мальчика Мандельштама, читавшего четкие фарфоровые стихи. Щедрость Вячеслава Ивановича в выслушивании и углублении чужого творчества была изумительна. Детальнейший технический разбор непременно переходил в грозное испытание совести молодого автора, в смысле философском, общественном. Мастер слова, влюбленный в тончайшие оттенки его, внезапно оборачивался моралистом. Это не всем было по нутру» (*Герцык Евг.* Воспоминания. М.: Московский рабочий, 1996. С. 128–129). Комментируя эпизод

с «бабушкой», Н.Я. писала: «У Герцык, кажется, в мемуарах Ахматова нашла запись с издевательством над молодым Мандельштамом. Ждали, что он будет читать стихи на „башне“, и готовились посмеяться над ним и над „бабушкой“. Очевидно, была какая-то пожилая женщина, любившая стихи молодого поэта, но в его жизни не участвовавшая. Кто она, я не знаю. Всё это естественная драка поколений, „литературная злость“ или прилитературная склока» (*Н. Мандельштам-2*. С. 533).

176 «Ничевоки» — поэтическое объединение футуристического направления (1920–1922), «Центрифуга» — московская группа футуристов (1914–1922).

177 Н.Я. обобщает идеи Тынянова о «лирическом герое» и литературной эволюции, изложенные в его статьях «Блок» (1921), «Промежуток» (1924), «Литературный факт» (1924), «О литературной эволюции» (1927) и др.

178 Н.Я. имеет в виду следующий фрагмент очерка Б.Л. Пастернака «Люди и положения»: «Бобров незаслуженно тепло относился ко мне. Он неусыпно следил за моей футуристической чистотой и берег меня от вредных влияний. Под таковыми он разумел сочувствие старших. Едва он замечал признаки их внимания, как из страха, чтобы их ласка не ввергла меня в академизм, любимыми способами торопился разрушить наметившуюся связь. Я не переставал со всеми ссориться по его милости» (*Пастернак Б.Л.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1991. Т. 4. С. 330).

179 Статьи «Некоторые течения в современной русской литературе» С.М. Городецкого (1913), «Наследие символизма и акмеизм» Н.С. Гумилева (1913) и «Утро акмеизма» О.М. (1913).

180 Речь идет о вечере памяти О.М. на механико-математическом факультете МГУ 13 мая 1965 г. Текст выступления Шаламова сохранился в стенографической записи не установленного лица: «Удивительна

судьба того литературного течения, в рядах которого полвека тому назад Мандельштам начинал свою творческую деятельность. Принципы акмеизма оказались настолько здоровыми, живыми, что список участников напоминает мартиролог...» (Шаламов В.Т. Воспоминания. М., 2001. С. 312–313). Ср. близкое высказывание в письме Шаламова Н.Я. от 29 июня 1965 г. (Шаламов, 2004. С. 765).

181 «Сретение Царя» — стихотворение из сборника стихов С. Городецкого «Четырнадцатый год» (Пг.: Лукоморье, 1915).

182 Б. Пастернак упоминает об этом в своем письме В. Шаламову от 9 июля 1952 г. (Шаламов, 2004. С. 395).

183 Известно одно письмо Блока В.М. Отроковскому от 23 апреля 1913 г. (Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 416–417) и одно упоминание о нем в дневнике поэта 4 марта 1913 г. (Там же. Т. 7. С. 227).

184 Речь идет о статье: Ларин Б.А. О «Кипарисовом Ларце» Ин. Анненского // Литературная мысль. Кн. 2. Пг., 1923. С. 149–159.

185 Листки из дневника. С. 100.

186 Н. Мандельштам-1. С. 423.

187 Здесь и далее речь идет о стихотворении Б. Пастернака «Свидание» (1949).

188 Ср. в стихотворении О.М. «Уничтожает пламень...» (1915):

Оно легко и грубо,
Из одного куска
И сердцевина дуба,
И весла рыбака.

189 Из стихотворения Н.С. Гумилева «Пятистопные ямбы» (1912–1915).

190 «У Мандельштама нет учителя. Вот о чем стоило бы подумать. Я не знаю в мировой поэзии подобного факта. Мы знаем истоки Пушкина и Блока, но кто укажет, откуда донеслась до нас эта новая божественная гармония, которую называют стихами Осипа Мандельштама!» (Листки из дневника. С. 119).

191 Стихотворение О.М. «Я в львиный ров и в крепость погружен...» (1937).

192 См. в статье М.И. Цветаевой «Искусство при свете совести» (1932): «Есть в Гимне Чуме две строки только-авторские, а именно:

И счастлив тот, кто средь волнения
Их обретать и ведать мог.

Пушкин, на секунду отпущенный демоном, не дотерпел. Это, а не иное происходит, когда мы у себя или у других обнаруживаем строку на затычку, ту поэтическую „воду“, которая не что иное, как мель наития. <...> Так случается, когда рука опережает слух» (Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 5. С. 370–371).

193 Из промежуточной редакции «Грифельной оды» О.М. (1923).

194 Из промежуточной редакции стихотворения О.М. «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» (1920).

195 Из статьи О.М. «Слово и культура» (1921) (О. Мандельштам. Собр. соч. Т. 1. С. 214).

196 Речь идет о стихотворении Б.Л. Пастернака «Зеркало» (1917).

197 Из стихотворения Б.Л. Пастернака «Опять весна» (1941).

198 Из цикла А.А. «Тайны ремесла» (1; 1936).

199 Из цикла А.А. «Библейские стихи» (2; 1922–1924).

200 Из стихотворения А.А. «Что нам разлука? — Лихая забава...» (1959–1963).

201 Из цикла А.А. «Песенки» (6; 1964).

202 Из стихотворения А.А. «Так не зря мы вместе бедовали...» (1961); строфу с приведенными Н.Я. строками А.А. в 1962 г. поставила эпиграфом к «Реквиему».

203 Из стихотворения А.А. «Ответ» (1914).

204 Из стихотворения А.А. «Памяти 19 июля 1914» (1916).

- 205 Из промежуточной редакции стихотворения О.М. «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» (1920).
- 206 См. примеч. 205.
- 207 Из цикла А.А. «Тайны ремесла» (9; 1942).
- 208 Из цикла А.А. «Тайны ремесла» (1; 1936).
- 209 См. примеч. 208.
- 210 Из цикла А.А. «Тайны ремесла» (6; 1959).
- 211 Здесь и далее речь идет о поэме Т.С. Элиота «Пепельная среда» (1930).
- 212 Из цикла А.А. «В сороковом году» (5; 1940).
- 213 Из стихотворения О.М. «Только детские книги читать...» (1908).
- 214 Н.Я. имеет в виду отзыв А.А. Блока о выступлении О.М. в Петрограде на вечере в Клубе поэтов 21 октября 1920 г.: «Гвоздь вечера — И. Мандельштам. <... > Он очень вырос. Сначала невыносимо слушать общегумилевское распевание. Постепенно привыкаешь, „жидочек“ прячется, виден артист» (цит. по статье: *Гришунин А.Л.* Блок и Мандельштам //
- Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М., 1991. С. 155).
- 215 *О. Мандельштам. Собр. соч.* Т. 2. С. 252–256.
- 216 «О стихах говорил ослепительно, пристрастно и иногда бывал чудовищно несправедлив, например, к Блоку» (*Листики из дневника.* С. 99).
- 217 «Блоковские зори, закаты, сумраки, туманы, ветры, метели — слова-острия, наэлектризованные блоковским контекстом и потому перестраивающие всё, что их окружает» (*Гинзбург Л.* О лирике. М.: Интрада, 1997. С. 259).
- 218 Из стихотворения А.А. «За меня не будете в ответе...» (1934) (входит в цикл «Вереница четверостиший»).
- 219 См. в телеграмме Н.Я. А.А. Суркову, отправленной 16 марта 1966 г.: «Прошу учесть необходимость включения комиссии по наследству Ахматовой Анатолия Наймана тчк Такова воля Анны Андреевны сообщенная мне последние дни = Надежда Мандельштам» (*РГАЛИ.* Ф. 1899. Оп. 1. Ед. хр. 418. Л. 7).

Из переписки

Н.Я. Мандельштам

I. Ануш

Переписка с А.А. Ахматовой

1

А.А. Ахматова — Н.Я. Мандельштам

[17 мая 1944 г., Москва]

675 МОСКВЫ 159/153 10 17 21 14 = 80

СРОЧНАЯ ТАШКЕНТ ЖУКОВСКОГО 54 МАНДЕЛЬШТАМ

= ЗДОРОВА ЦЕЛУЮ ПРИВЕТ ДРУЗЬЯМ АННА

АМ. Короб 3. Папка 104. Почтовый
штемпель: «Ташкент 19.5.44».

Впервые: *Нерлер, 2007*. С. 419.

Телеграмма послана во время пребы-
вания А.А. в Москве по дороге из Ташкен-
та, где она находилась в эвакуации, в Ле-
нинград.

2

А.А. Ахматова — Н.Я. Мандельштам

[12 июля 1944 г., Ленинград]

834 ЛЕНИНГРАД 28/95 11 12 1715 = 90

СРОЧНАЯ ТАШКЕНТ ЖУКОВСКАЯ 54 МАНДЕЛЬШТАМ

= НЕ СЕРДИТЕСЬ¹ СКОРО НАПИШУ ЦЕЛУЮ = АННА

Сохранившаяся переписка А.А. и Н.Я. состоит из 46 документов, в том числе из 28 писем и 3 телеграмм Н.Я. к А.А. и 10 телеграмм и 5 писем А.А. к Н.Я. Часть писем и телеграмм Н.Я., возможно, пропала 6 ноября 1949 года, когда был арестован Л.Н. Гумилев и А.А. сожгла весь имевшийся под рукой архив.

АМ. Короб 3. Папка 104. Почтовые штемпели: «Ташкент 16.7.44, Ташкент 17.7.44».

Эту телеграмму, похоже, приносили дважды: в архиве сохранились два практически идентичных ее экземпляра — на маленьких — экономного военного формата — бланках.

Впервые: *Нерлер, 2007*. С. 420.

3

А.А. Ахматова — Н.Я. Мандельштам

[5 августа 1944 г., Ленинград]

2439 ЛЕНИНГРАДА 28/132 20 5 186184

ТАШКЕНТ ЖУКОВСКАЯ 54 МАНДЕЛЬШТАМ

= ГАРШИН ТЯЖЕЛО БОЛЕН ПСИХИЧЕСКИ РАССТАЛСЯ
СО МНОЙ СООБЩАЮ ЭТО ТОЛЬКО ВАМ КРЕПКО ЦЕЛУЮ
ПОМНЮ = ВАША АННА¹

АМ. Короб 3. Папка 104. Почтовые штемпели: «Ташкент 7.8.44 (два)».

Впервые: *Нерлер, 2007*. С. 420.

1 Телеграмма с идентичным текстом была послана на другой день и Н.А. Ольшевской в Москву (*Герштейн, 2002*. С. 667). Вызов из Средней Азии в Ленинград прислал А.А. В.Г. Гаршин. А.А. обещала стать его женой после смерти первой его жены Т.В. Гаршиной, которая скончалась в 1942 г. в блокадном Ленинграде. Находясь в эвакуации, А.А. очень беспокоилась, когда долго не получала о нем никаких известий. В редакции «Поэмы без Героя» 1942 г. Часть вторая имеет посвящение «В.Г. Гаршину», ему же была первоначально посвящена поэма «Путем вся зем-

ли» (1940) и несколько стихотворений того времени. Первого июня 1944 г. Гаршин встречал А.А. на Московском вокзале в Ленинграде, после их недолгого разговора она сообщила В.Г. Адмони, что едет к Рыбаковым. В письме Б.С. Кузину от 20 августа 1944 г. Н.Я. писала: «... у нее случилось большое горе: Гаршин — ее муж — психически заболел и бросил ее. Она больна. Лежит. Сердце. Одна. Ей, видно, очень худо. Письма отчаянные» (*Кузин, 1999*. С. 740). Подробнее об А.А. Ахматовой и В.Г. Гаршине см.: *Будыко М.И.* История одного посвящения // *Русская литература*. 1984. № 1. С. 235–238; *Рыбакова О.И.* Грустная правда // *Об Анне Ахматовой*. Л., 1990. С. 224–230.

4

**А.А. Ахматова — Н.Я. Мандельштам
2 августа 1945 г., <Ленинград>**

2 авг.

Надюша!

Чувствую себя до такой степени виноватой перед Вами, Эдиком и Ниной, что не знаю, с чего начать. Я получала письма и телеграфные поздравления, я бывала утешена Вашей памятью обо мне, я отвечала невпопад, уверена, что не всё дошло. Представляю себе, как вам жарко сейчас. А у нас шумные предосенние бури с крупным дождем и облаками.

От Софьи Аркадьевны, которой я иногда пишу, — никогда ни слова.

Целую Вас, Ервана, Нину. Не забывайте.

Ваша Ахматова.

АМ. Короб 1. Папка 39. Почтовая карточка: «Ташкент. Ул. Жуковская, 54, Надежде Яковлевне Мандельштам». Адрес отправителя: «От А. Ахматовой, Фонтанка, 34, кв. 44».

Впервые: Анна Ахматова. К 10-летию со дня смерти. Два неизданных письма к Н.Я. Мандельштам // ВРХД. 1976. № 117. С. 162. Перепеч.: Ахматова, 1983. С. 339.

5

**Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой
<Не ранее 1952 г., Ульяновск>**

Ануш, лучший, большой мой! Я уже в Ульяновске. У меня сменилась зав. кафедрой. Иначе говоря, старую суку сняли. Мне немного легче. Может, в самом деле...

Ольга Петровна Любищева — славная баба, но сейчас бушует, потому что кто-то опоздал к обеду. Напишите мне с ней о квартире¹ (о решении с Ирой... о себе). Я очень по вас скучаю, даже позвонила Эмме. Еще увидимся, правда?

Друзья моих друзей — мои друзья. Ольга Петровна — мое единственное утешение.

Надя

ОРРНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 1–2. На обороте письма — записи рукой Н.Я.:

«Москва В 12533 Нина Антоновна или Виктор Ефимович», рукой О.П. Любище-

вой: «Надежда Яковлевна потеряла телефон Анны Андреевны. *Сказать!* Или Томашевские, или адресный ларек». Письмо, очевидно, было передано с О.П. Любисшевой.

Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 98.

1 В 1950–1952 гг. администрация Арктического института выселяла А.А.

и семью И.Н. Пуниной из занимаемого институтом Фонтанного Дома (Н.Н. Пунин и Л.Н. Гумилев находились в это время в лагерях). В марте 1952 г. после долгих мытарств И.Н. Пунина с мужем и дочерью и А.А. переехали в коммунальную квартиру по адресу: ул. Красной конницы, 4, кв. 3.

6

А.А. Ахматова — Н.Я. Мандельштам <Начало апреля 1953 г.>, Ленинград

Дорогая Надюша,

как приятно было получить от Вас весточку. Сегодня у меня бурный день: завтра сдаю Марьону¹. Она до ужаса надоела мне — предвижу еще много возни и сложностей. Если всё пойдет гладко — надо бы опять поехать в санаторию. Здоровьем своим я, в общем, довольна². Когда и что узнаем о Вас? В Ленинграде — пустыня. Не вижу почти никого. К новому дому словно привыкла, но как-то всё еще живу на Фонтанке.

Я даже не знаю Вашего адреса. По радио говорят, что в Ташкенте — лето. Вспоминаю 1944. Ах, Надя, Надя!

Ваша Анна

АМ. Короб 1. Папка 36. Ед. хр. 1. Конверт отсутствует (возможно, было передано с okazji), на обороте — телефон: А 2-13-42.

Впервые: Анна Ахматова. К 10-летию со дня смерти. Два неизданных письма к Н.Я. Мандельштам // ВРХД. 1976. № 117. С. 162. Перепеч.: *Ахматова, 1983*. С. 339. В обоих случаях — с неточной датой: [1945]. Перепечатывая письма, М.М. Кралин уточнил датировку: <1952> (*Анна Ахматова. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 227*), но и она заслуживает корректировки. Настоящая датировка уточнена по письмам А.А. к М.Л. Лозинскому, консультировавшему А.А. в работе над переводом В. Гюго

(Там же. С. 208–210). Предположительно, является ответом на письмо № 4.

1 Имеется в виду сдача в издательство перевода трагедии Виктора Гюго «Марьон Делорм», которую А.А. переводила для полного собрания сочинений В. Гюго (договор на перевод был подписан в декабре 1952 г., гонорар выплачен в мае 1953 г.).

2 По-видимому, А.А. вспоминает о своем пребывании в марте–апреле 1952 г. в санатории Болшево под Москвой, куда она была направлена для лечения перенесенного в феврале инфаркта задней стенки миокарда.

7

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой
<24 июня 1956 г., Ленинград>

Ануш! Поздравляю вас и крепко целую. Лева¹ вам скажет, почему я не могу приехать. До сих пор я не подготовилась к защите — а у меня осталось два дня². После защиты, если вы не приедете, я заеду перед отъездом к вам (даже если провалю, а на это появляются шансы). Сегодня я, может, поеду к Адмони, а то весь день буду сидеть дома и готовиться. Эмма сбежала к вам от отвращения ко мне. Это у нее повторяется каждые шесть месяцев, мы привыкли — не беда. Знаете, кто неистово звонит — Карлица³, оповещенная Софьей Казимировной. Ей, наверное, уже лет сто. Она требует, чтобы я пришла к ней в гости. Уф... Я сбегу в Москву. Помните скарлатину и балахану⁴?

Целую, Ануш, скучаю, Ануш. Ах, Ануш, Ануш.

Надя.

Если провалю, возьмите к себе. Будем жить на даче зимой. Я буду чистить снег и всё устраивать для большого писа.

ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 3–3 об.

Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 98.

Письмо написано в день рождения А.А. и передано ей с Л.Н. Гумилевым, поехавшим в тот день к матери в Комарово, где она жила в своем летнем дачном домике, именуемом ею «Будка».

1 Освободившись из лагеря в мае 1956 г., Л.Н. Гумилев вместе с матерью жил в квартире на ул. Красной конницы, куда приехали из Москвы Н.Я. и Э.Г. Герштейн.

2 Двадцать шестого июня 1956 г. Н.Я. защищала кандидатскую диссертацию в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена.

3 Неустановленное лицо.

4 Н.Я. вспоминает период (май 1943 – начало 1944 г.), когда она жила с А.А. на балахане (надстройка над первым этажом) в доме по ул. Жуковской, 54. В Ташкенте А.А. часто болела, в том числе скарлатиной (в апреле и августе 1943 г.).

8

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой
3 марта <1957 г., Москва>

3 марта

Анюш!

Когда я говорила с Сурковым, он несколько раз спрашивал про вас. Между прочим, посоветовал не добавлять ничего в книгу, чтобы ускорить ее выпуск¹. Я не знаю, что надо делать, но решила вам

сообщить об этом. Я просила Эмму сообщить вам по телефону, но она может не передать вам.

Он говорил, что это задержка, а надо спешить, чтобы наконец вышла книга и была пробита «брешь». Они сейчас добрые — вот смысл его слов.

Я очень волнуюсь, утвердят ли комиссию в том виде, какой был намечен².

Кстати, я забыла, что потеряла регистрацию моего брака с Осей. Я еще могу оказаться не вдовой. Тогда вдовой будет Евг. Эм. Это очень смешно, но всё же может быть маленьким осложнением. Та-та Лившиц — была, кажется, свидетелем этой грозной процедуры в Киеве в 1922 году. (Меня без этой бумажки не брали в штабной вагон.) Нельзя ли попросить ее написать соответствующее показание? Я не знаю ее адреса.

Получили ли вы телеграмму от Никитки? Ее отправляли Эдик (он очень мил) и Варя. Никитка грозно этого требовал. «Иначе она меня забудет»³.

Целую Вас крепко. Привет вашим.

Надя

ОРРНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 4–5.

Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 98.

1 Н.Я. имеет в виду подготовку к изданию книги А.А. «Стихотворения» (М., 1958).

2 Речь идет о Комиссии по литературному наследию О.Э. Мандельштама. Она была утверждена 28 февраля 1957 г. в предложенном Н.Я. составе: А.А. Ахматова, Н.Я. Мандельштам, З.С. Папер-

ный, А.А. Сурков (председатель), Н.И. Харджиев, Е.Я. Хазин (секретарь) и И.Г. Эренбург. Сообщение об этом пришло с двухнедельным опозданием (см. телеграмму Н.Я. от 16 марта 1957 г.).

3 По свидетельству В.В. Шкловской, знакомство с А.А. в Москве произвело на пятилетнего Никиту Шкловского неизгладимое впечатление. Телеграмма была отправлена, по всей видимости, из Тарусы.

9

А.А. Ахматова — Н.Я. Мандельштам

[15 марта 1957 г., Ленинград]

ЛНГ 25/134 ЛЕНИНГРАДА 25/79 16 15 1630

ЧЕБОКСАРЫ КООПЕРАТИВНАЯ 10 КВ 13 МАНДЕЛЬШТАМ

АДРЕС ТАТЫ УЛИЦА ЛЬВА ТОЛСТОГО 1/3 КВ 68 ЦЕЛЮЮ
АХМАТОВА

АМ. Короб 3. Папка 86. Почтовый штемпель: Впервые: *Нерлер, 2007*. С. 421.
«Чебоксары 15.3.57».

10

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой

[16 марта 1957 г., Чебоксары]

ГРК/ 12 ЧЕБОКСАР 4/191 16 16 1030

ЛЕНИНГРАД КРАСНАЯ КОННИЦА 4 КВ 3 АХМАТОВОЙ

АНИЧКА КОМИССИЯ СОЗДАНА СОСТАВ БЕЗ ИЗМЕНЕНИЯ
ЦЕЛЮЮ ВСЕХ НАДЯ

ОРРНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 6.
Почтовый штемпель: «Ленинград 16.3.57».

Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 98.

11

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой

31 марта <1957 г., Чебоксары>

31 марта

Ануш, милый!

У меня к вам такая просьба: надо написать Суркову, что мы просим его быть председателем комиссии. Он ждет таких писем. Мое уже лежит у Жени. Пошлите (не откладывая) и свое Жене. Сурков уезжает, и ему, может, нужно это письмо до отъезда. Я написала в форме письма — «очень прошу вас» и «я надеюсь, вы не откажете». Прибавила личную записочку¹. Кстати, он помнил всё, что было в неотвеченных письмах. Его формула во время разговора «я вам худого совета не дам». Я ему верю, — кстати, я с ним говорила после статьи в «Крокодиле»². И спокойно предложила Эренбурга. Он весело смеялся. Одно печально, статья действительно не таё³...

Только что Сурков в Гослите у директора⁴ требовал издания полного Оси и Рильке⁵!

Меня очень порадовала Наташа (которой стихи про Наташу). Она чудная.

Эмма писала, что Лева получил комнату⁶. Очень рада. Сердечный привет всем.

Надя.

Вас очень крепко целую — и всех.

Р. С. Женин адрес: Страстной б., № 6, кв. 34.

Не откладываете. Он скоро уезжает, а ему, может, нужно сразу. Орлов очень внимателен.

Я ему написала, что хотела бы, чтобы Осю редактировали он и Николай Ив.

Думаю, что я этого добьюсь. Не печатанья — но хоть подготовки издания. А не зайти ли вам к Лине Самойловне Рудаковой, Эмма знает адрес.

Сурков ищет по архивам Осино наследство. Надо узнать уже!
Женин телефон: Б 9 46 90.

ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 7–8.

Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 98.

1 Письмо не сохранилось.

2 В журнале «Крокодил» (1957, № 5) был напечатан фельетон И. Рябова о «смертяшкиных», критиковавший И. Г. Эренбурга за выступление в «Литературной Москве» (1956. Т. 2. С. 709–715) в защиту М. И. Цветаевой (см.: *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь. М., 1990. С. 315 и 409, коммент.).

3 «Таё» и «не таё» — словечки из речи крестьянина Акима — персонажа драмы Л. Н. Толстого «Власть тьмы, или Коготок увяз — всей птичке пропасть».

4 А. К. Котов.

5 Книга стихотворений Райнера Мария Рильке (1875–1926) была напечатана намного позднее (Лирика / Пер. с нем. Т. И. Сильман. Вступит. статья и примеч. В. Г. Адмони. М.; Л., 1965).

6 В 1957 г. Л. Н. Гумилев получил в Ленинграде комнату в трехкомнатной коммунальной квартире (Московский пр., 195), полагавшуюся ему после реабилитации.

12

Н. Я. Мандельштам — А. А. Ахматовой
28 мая [1957 г., Чебонсары]

28 мая

Ануш — голубка!

Орлов телеграфировал, что план «Библиотеки» утвержден. Но раньше он мне объяснял, что будет утверждение плана 1958 г. В телеграмме деталей нет. Было это после второго дня Пленума и выступления Дымшица.

Не знаю, когда приеду в Москву. Вероятно, числа 15-го. Вероятно, буду на 2–3 дня в Ленинграде. Целую крепко. Очень скучаю.

Надя

ОРРНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 9. Конверт: «Ленинград, ул. Красной Конницы, № 4, кв. 3. Ахматовой Анне Андреевне». Адрес отправителя: «Чебоксары, Кооперативная, 10, кв. 13. Мандельштам». Почто-

вые штемпели: «Чебоксары 28.5.57», «Москва 31.5.57».

Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 98.

13

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой

[19 июня 1957 г., Чебоксары]

СУРКОВ ПРЕДЛАГАЕТ ПЕРЕДАТЬ ЛЕНИНГРАДСКУЮ КВАРТИРУ ИРЕ ЗВОНИТЕ ВЕЧЕРОМ В-19-1-85 НАДЯ

Архив И.Н. Пуниной (собрание А.Г. Каминской).

Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 104 (в примечаниях).

Из истории с общей квартирой в 1957–1958 гг. так ничего и не вышло. Н.Я. описывает это так: «Ахматова сначала согласилась поселиться со мной, но потом раздумала. Ей казалось, что, когда мы вместе, начальство сходит с ума и засылает к нам всех своих стукачей. Вето, наложенное на нашу квартиру, ее не огорчило, но я осталась неустроенной, и это смущало ее. Ей казалось, что виновата во всем она, хотя на самом деле ее вины уж никак не было. Ведь в отдельную комнату меня потом не впустили точно так, как в квартиру. <... > Я работала в Пскове, когда Ахматова в порыве раскаяния пригласила к себе Суркова, чтобы поговорить обо мне. Сурков явился с букетом белых роз неслыханной красоты. Ахматовой ничего не пришлось ему объяснять, потому что он говорил обо мне с вдохновением и приплясом. Он твердо обещал немедленно устроить мне прописку и комнату. Ахматова пришла в восторг.

Я получила от нее телеграмму в Псков с похвалой Суркову. В тот же день пришла вторая телеграмма — от человека, которого я называю „некто в штатском“. Он сообщил, что Литфонд перевел мне двести рублей. Ссуда была безвозвратной. Сурков проявил чуткость, свойственную функционеру, — комната и прописка превратились в кучку денег. Я сначала не хотела брать этих денег, но потом вспомнила Женю Левитина, первую ласточку, который однажды по такому же поводу накричал на меня: „С паршивой собаки хоть шерсти клок!“ На эти деньги я купила „Камень“, принадлежавший Каблукову. На полях Каблуков вписал грудку стихов Мандельштама. Он трогательно следил за своим молодым другом... Я считаю, что это хорошее употребление денег, выданных грязным учреждением» (*Н. Мандельштам-2*. С. 598–599). Получить совместную квартиру не удалось еще и потому, что против этого возражала И.Н. Пунина, настоявшая на том, чтобы А.А. и ее семье выделили жилье в Ленинграде.

14**А.А. Ахматова — Н.Я. Мандельштам****12 июля 1957 г., <Ленинград>**

12 июля 1957

Дорогая Надюша,
очень хочу жить с Вами в Москве, лишь бы сохранился мой дом
в Ленинграде.

Работы у меня много (переводной) и всё московская. Жду вестей, крепко Вас целую. В воскресенье еду к себе на дачу в Комарово.

Ваша А. Ахматова
Красная Конница,
4, кв. 3.

АМ. Короб 3. Папка 86.

Впервые: *Ахматова*, 1983. С. 340.

15**А.А. Ахматова — Н.Я. Мандельштам****[12 июля 1957 г., Ленинград]**

ЛЕНИНГРАДА 15/63 20 12 1345

МОСКВА ЛАВРУШЕНСКИЙ ПЕР 17 КВ 47 НАДЕЖДЕ ЯКОВ-
ЛЕВНЕ МАНДЕЛЬШТАМ

ПИСЬМО С СОГЛАСИЕМ ЖИТЬ ВМЕСТЕ ВАМИ ОТПРАВ-
ЛЕНО ЛАВРУШЕНСКИЙ ШКЛОВСКОЙ МАНДЕЛЬШТАМ =
АХМАТОВА

АМ. Короб 3. Папка 86. Почтовый штемпель: «Москва 12.7.57». Там же — приписка

Н.Я. Мандельштам: «Варюша! Я пошла к больной Люле. Буду вечером. Н.».

Впервые: *Нерлер*, 2007. С. 421.

16**А.А. Ахматова — Н.Я. Мандельштам****[20 июля 1957 г., Ленинград]**

КОМАРОВО ЛНГ 418 22 20 2153

МОСКВА ЛАВРУШЕНСКИЙ ПЕР 17 КВ 47 НАДЕЖДЕ МАН-
ДЕЛЬШТАМ

ВНЕЗАПНО ОСЛАБЕЛА НЕ МОГУ ПОЗВОНИТЬ ЗАВТРА
ЖЕНЯ ПОЗВОНИТ ЭММЕ МОСКВУ КРЕПКО ЦЕЛЮЮ ОЧЕНЬ
ЛЮБЛЮ = АННА

АМ. Короб 3. Папка 86. Почтовый штемпель: «Москва 20.7.57».

Впервые: *Нерлер*, 2007. С. 424.

17

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой

[22 июля 1957 г., Ленинград]

КВАРТИРУ ПОЛУЧИМ НОЯБРЕ ЗАКРЕПИВ ЛЕНИНГРАДСКУЮ ТЕЛЕГРАФНО ПОДПИШИТЕ СОЮЗ ПРОТЕСТ ПРОТИВ ЗНАМЕНИ.

Архив И.Н. Пуниной (собрание А.Г. Каминской).

Впервые: *Крайнева*, 1991. С. 104 (в примечаниях).

18

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой

<Не ранее 24 июля 1957 г., Верея>

Анюша! Это объяснение того, что происходило в Союзе в эти дни. Вопрос о квартире возник, когда Сурков, разговаривая со мной, спросил про вас. Из общей ситуации он сам сделал вывод, что вам нужна комната для работы. Сказал, что больше этого не забудет, и ахнул, как он мог упустить это раньше. *Лицемерия в этих вздохах не было*. Но этим разговором я осталась недовольной и тихо шипела на А. Ал. Однако на следующий день меня вызвал некий Воронков, расспросил и заявил, что у меня с вами будет двухкомнатная квартира. Я спросила, можно ли вам сообщить об этом, т. е. наверняка ли будет. Он ответил, что утром был секретариат и Сурков провел этот вопрос. Я ему повторила, что условием является сохранение ленинградской квартиры. Он — Сурков, это взял на себя, как и мою прописку. Прошло несколько дней, и он, вместо того чтобы вызвать меня, позвонил вам. Теперь мы договорились, что все переговоры будут вестись через меня. Именно тогда, в первую встречу, возник вопрос об Ардове и о том, захотите ли вы жить со мной. Поставил его не Воронков, а мелкий служащий.

А Воронков только спросил, какие у нас отношения, и не сочтете ли вы такую квартиру коммунальной, на что я нагло объяснила, что мы обожаем друг друга.

Следующий этап. — Я опять была у Суркова после «Знамени»¹ в четверг 18 июля. Он просил меня сообщить вам, что лучше жить на птичьем положении в Ленинграде, и предложил перевести квартиру на Ирино имя. Условились встретиться в понедельник. В понедельник же мне позвонил Воронков — и я к нему приехала. Что делать? Обе мы в списке, который нужно дать в Моссовет (вселение в августе), а неизвестно, что в Ленинграде. Вселять ли меня без вас и т. д.? Отложили решение до приезда Суркова. К Суркову Воронков и еще какой-то спец по квартирам ворвались, как только вошла. Я нарисовала им план вашей квартиры и объяснила, что Ире ее будет трудно удержать, если не будет солидно всё оформлено. Речь, разумеется, шла не об удобствах Иры, [а] о том, что вас нельзя отрывать от Ленинграда (вся жизнь и вся поэтическая деятельность, как объяснил Сурков). Предложил отложить наше устройство до ноября. Меня же сняли со списков. В ноябре будет 1) заселяться новый дом 2) 4 квартиры в Фурмановом. Я подала по просьбе Воронкова мотивированное заявление о вас: 1) Как вы связаны с Ленинградом и 2) что вы делаете в Москве (переводческая деятельность). Эта мотивировка будет использована в письме в Совет Министров РСФСР. Вам волноваться нечего — вы можете на этом только приобрести базу в Москве. Рискую только я. Если изменится что-нибудь в моем положении, я рискую в ноябре ничего не получить. Авось не случится. Еще деталь: в последнем разговоре с Воронковым я сказала, что на Фурмановом нет лифта, но он ответил, что это старый дом и никто не собирается нас селить в старый дом. Он для нас намечает новый дом у Белорусского вокзала. Сурков же клялся, что всё будет сделано по первому классу. Сурков во всем ведет себя безупречно. Кстати, по поводу «Знамени». Он хотел написать от имени комиссии письмо (открытое) с протестом в «Знамя». Просил меня написать проект. Но я, когда писала, поняла, что у меня нет слов, способных быть напечатанными, по этому поводу. Сначала я говорила ему, что не оставлю этого так, но теперь у меня появилась глубокая апатия. Посмертная травля Оси со стороны «Знамени», вероятно, «Литгазеты» и, может быть, «Звезды»² прольет свет на какие-то черты биографии. Мы расстались с Сурковым во вторник. Он хотел отредактировать мой проект письма, чтобы его подписа-

ли члены комиссии по наследству³. А я [сказала,] что мне достаточно его отношения, которое меня успокоило, и что впредь я просто не буду читать журналов, которые печатают Коваленкова... Мне действительно стало всё равно. Никакая комиссия не сможет действовать грязными методами Коваленкова (кстати, это клевета и на Есенина; отношения были странные, но дружественные. Осмеркину Есенин говорил, что он «этого жида любит»; встретили мы его чуть ли не накануне самоубийства, он звал в трактир, и Ося долго каялся, что не пошел). Если писать письмо, придется повторять и мусолить Коваленковские перлы «собирался бить» и «было за что». Я этого не могу, а Ося, слава богу, умер.

В общем, я уехала в Верею, не закончив дела с письмом. С квартирой мне или вам надо быть [в Москве] осенью. Я буду в сентябре и в ноябре.

Устала я страшно. Сейчас верейская тишина меня чуточку успокоила.

У меня просьба — телеграфируйте, получив это письмо, в Верею (город Верея Московской, Больничная, 11 /43).

Вторая просьба: я не могу найти Осину детскую книгу «Кухня» (изд. Мысль (?), Ленинград, 1926)⁴, стихов (перевод со старофранц[узского]) об Алексее («Россия» 1924 или 1925)⁵ и стихотворения «Приглашение на луну» (не помню, где напечатано)⁶. В Ленинской нет. (Потеряно.) «Алексей», вероятно, в журнале «Россия» за 1924 или 1925 год. В Ленинской разрозненный комплект. Попросите кого-нибудь посмотреть в Публичной и в случае удачи прислать мне текст. Я по этим стихам очень тоскую. В Верею буду месяц. Жду известий. Надя. В архивах ничего не нашла. Я уже введена в права наследства⁷.

ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 11–12 об.

Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 98–99.

1 В 1957 г. в журнале «Знамя», в рубрике «Трибуна писателя», была напечатана статья А.А. Коваленкова «Письмо старому другу», содержащая лживые и оскорбительные упоминания об О.М. Коваленков, в частности, писал: «Мне довелось неоднократно встречаться с Мандельштамом. Он рецензировал мою первую книгу. Запомнились не только его желчные вздо-

хи о невозможности реставрировать на буржуазный лад принципы античного искусства:

...Греки сбондили Елену
по волнам,

Ну, а мне соленой пеной
по губам... —

но и попытки найти контакт с современностью, эстетизировать то, что для нас было самой жизнью, а для него — объектом для самонаблюдения: ... Держу в уме, что нынче тридцать первый / Прекрасный год

в черемухах цветет, / Что возмужали дождевые черви / И вся Москва на яликах плывет... Думается, что „капиталистические пережитки в сознании“ нашли после революции наиболее прочную поддержку у поэтов-акмеистов. Мандельштам был одним из крупнейших представителей этого направления. Предметность, отточённость его стихов была соблазнительным противодействием абстрактному пафосу, которым грешили многие поэты тех лет. Но за каждой строкой этого оказавшего настолько заметное влияние на литературные течения начала тридцатых годов поэта, что даже появился термин „мандельштамп“, стоял призрак буржуазной цивилизации Запада. Сергей Есенин однажды даже пытался бить Мандельштама. И было за что. Ведь это он написал:

... Я пью за военную астру...

.....
За розу в кабине роллс-ройса,
Полей Елисейских бензин,
За музыку сосен савойских,
За дальних колоний хинин...»

(Знамя. 1957. № 7. С. 168).

2 Статьи об О.М. в «Литературной газете» и журнале «Звезда», как-либо связанных с выступлением А.А. Коваленкова, не обнаружено; негативные высказывания об О.М., правда по другому поводу, в «Литературной газете» датируются сентябрем 1957 г. (см. примеч. 2 на с. 280).

3 Проект открытого письма Комиссии по наследию О.Э. Мандельштама в редакцию журнала «Знамя» рукой Н.Я. с небольшой правкой А.А. Суркова сохранился в его архиве: «Комиссия по литературному

наследству О. Мандельштама считает, что любой писатель имеет право на оценку другого писателя, но только в пределах его творчества и методами, принятыми в литературной практике. Между тем журнал «Знамя» опубликовал в № 7 статью Коваленкова, содержащую недопустимые выпады против покойного О. Мандельштама, призывая к кулачной расправе над ним. Кроме того, Коваленков позволил себе цитировать в грубо искаженном виде нигде раньше не публиковавшиеся стихи О. Мандельштама. Комиссия по литературному наследству О. Мандельштама считает выпад Коваленкова недопустимым и несовместимым с практикой советской прессы» (РГАЛИ. Ф. 1899. Оп. 1. Ед. хр. 721).

4 Книгу О.М. «Кухня» (Л., 1926) по просьбе А.А. разыскала в библиотеке Академии художеств И.Н. Пунина и сообщила об этом Н.Я.

5 «Жизнь святого Алексея» в журнале «Россия» не публиковалась; впервые этот перевод напечатан в издании: *Мандельштам О. Собр. соч.*: В 2 т. / Под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Нью-Йорк, 1966. Т. 2. С. 13–16.

6 Это стихотворение напечатано в книге О.М. «Стихотворения» (М., 1928. С. 65).

7 Пятнадцатилетнее наследственное право Н.Я. на пятьдесят процентов гонораров за произведения О.М. было оформлено нотариально в 1957 г. и истекло в 1972 г. (см. ее эссе «Мое завещание»: *Н. Мандельштам-3*. С. 135).

19

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой

<1958 г., Чебоксары>

Анюша! К 20-му я буду в Москве. Как будто комната у меня всё же будет. Как нам повидаться? Может, приехать на несколько дней в Ленинград?

План «Библиотеки Поэта» утвержден. С Николашей будут заключать договор. Меня предупреждают, что в основном будет издаваться старое. Посмотрим.

Читая Осин архив, я увидела, что у него был период удушья, когда он рвался в судьбы поэзии, хотя ведь это не ему было делать — ведь сам-то он подсудимый¹. Это период статей в «Русском Искусстве», где все оценки всех поэтов кривы и косы². Здесь был какой-то роковой момент, когда что-то, похожее на голос Городецкого³, прорывалось у него. Это мгновение — и ужасно горькое. Когда он собирал книгу статей, я спросила его, почему он не печатает статью из «Русского Иск[усства]»⁴. Он сказал: это не то. Больше я от него ничего не добилась. Только сейчас я увидела, что он именно от нее и присных отрекается в предисловии к сборнику статей⁵. Кроме этой статьи у него был еще ряд статей (о вас там нет ничего), где масса кривых оценок и глупостей, совершенно на него не похожих⁶. Тут в чем дело: когда у него влюбленность в чьи-то стихи — у него голос поэта. Когда он отмахивается от чужих стихов — он сам не свой: онемел бы в Городецкого. По-моему, именно за это он расплатился периодом, когда он не писал стихов, — этим удушьем. За то, что был умным. Я вспоминаю, как это удушье приходило. Это были счеты с лэфом⁷: «Вот у Асева есть рифма, а у меня нет...». Я и тогда понимала, что о хорошей рифме ему полагается заботиться в шуточных стихах. Затем какой-то Голосовкер (это не Меер) спросил его на бульваре: «Какие стихи вы сейчас пишете?» И он уверял, что уже не может писать стихов из-за Голосовкера и т. п. Потом (уже гораздо позже, когда все время сочинял) он мне сказал, что у него всё время — был ли он в своих или в чужих стихах — был какой-то деревянный звук в ушах — вроде Асева. А когда всё это ушло, он всё хотел, чтобы сам Кирсанов признал его. Я смеялась и дразнила его, но сейчас я вдруг что-то поняла, читая архив. Именно это назойливое волнение, страх остаться одному и метание в оценках других и себя, когда наступал со своими мерками Лэф. Это, кстати, не только в статьях о стихах, но и о прозе — какие-то губительные боковые ходы («мое прямое дело тараторит вкось»⁸). Период журнализма (оценочные статьи о стихах^{*}, это двадцать второй, кажется, год), он мне как-то сказал («Когда был Лежнев и все эти статьи»), стоил ему не меньше, чем переводы. Да-

* Кстати, это единственный случай, когда он плохо говорит о Маяковском⁹.

же больше. А я не поняла, а сейчас увидела (увидела на статейке о прозе), что это правда.

Я вам пишу, потому что именно что-то, напомнившее мне гнусный голос Городецкого, испугало меня, я вспомнила, как у нас с Осей всё рвалось в эти два, кажется, года. Как в «Шуме времени» где-то тоже что-то такое прорвалось и т. п. (голос — пересмотр чего-то, между прочим, школы). Была, очевидно, страшная минута, когда он мог стать Городецким (кстати, его — и потом — раздражал Шкловский. Он говорил, что он противопоказан всякому поэту. Бриковские истины у нас изрекал всегда Шкловский¹⁰. Огорчившая меня статья о «Серапионовых братьях»¹¹ — она сплошные перевернутые прогнозы). К статьям в «Русском Искусстве» я относилась как к чему-то случайному, вспоминая всё прямо противоположное, что он всегда — потом и раньше — говорил. Теперь я вижу, что это был роковой момент — он тогда мог погибнуть. Этого больного очень мало — это тонет в жизнеутверждающем (чудные фельетоны о Сухаревке, о Киеве, о Батуме¹² и т. п.). Если б я не знала Городецкого, я бы, может, не увидела бы этого. Но — увы! — я его видела — и поняла. Жаль, что я тогда была молодой дурой.

Я действительно должна заставить Николашу записать с моих слов всё, что я знаю о его настоящих оценках и о том, почему появились вступительные строчки о «случайных» статьях перед сборником статей, который он выпустил. Он тогда злился, когда его уговаривали издать «полный» сборник статей; таких разговоров при мне было несколько. Затем он собрал сборник статей и фельетонов для какого-то издательства в Киеве (там был Ушаков), и эти разговоры повторились (26 год)¹³. Женя тоже их помнит. Переписанную статью из «Р[усского] Иск[усства]» он сразу порвал и не оставил ее в архиве — и еще ту статью о прозе, о кот[орой] я пишу (там ничего особенно — о фольклоре у Серапионов). Но у Жени нашелся второй экземпляр (о прозе) и я его бросила в архив. Вот сейчас и прочла.

Всё это письмо очень бестолково. Вы выбросьте его. Но просто это продолжает наш разговор о статье о поэзии в «Р[усском] Иск[усстве]», и я вдруг поняла, что это не какая-то глупая случайность, а просто момент — быть или не быть. И я поняла, как вы были правы, когда сказали, чтобы я записала, как он относился к статьям «случайным» и каковы у него были постоянные, а не «случайные» оценки. Как хорошо, что мы встретились в Детском Селе в тот год..¹⁴ После этого «городецкое» и «лефовское» отсут-

пило навсегда. Не было даже самых крошечных рецидивов. Каким вы были молодцом в отношениях с Осей — до чего вы были умнее всех мужчин. Целую вас.

Надя.

Письмо выбросьте. Я постараюсь всё записать толково и передать в Союз Писателей с архивом и подготовленным собранием. Это в биограф[ической] справке, которую должна составить комиссия по наследству.

Ануш, голубка, я почему-то вам всё выложила и ничего не сказала о себе и не спросила о вас. И вообще я, по-моему, пишу вам в первый раз в жизни. Письмо дурацкое. Я бы сказала всё гораздо толковее. И жаль, что теперь, понимая, я не могу уже сказать этого Осе.

А Вы в Москве не будете? Как быть? Я приеду в Москву и позвоню.

ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 13–14 об.
Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 99–100.

1 Интересно, что здесь под периодом удущья Н.Я. подразумевает не 1925–1930 гг., когда О.М. не писал стихов, а предшествующие им 1922–1924 гг., когда сочинение стихов сочеталось с большим объемом прозаических и критических текстов.

2 Речь идет о статьях О.М. «Буря и натиск» и «Vulgata. Заметки о поэзии» (журнал «Русское искусство». 1923. № 1 и 2), «Литературная Москва» и «Литературная Москва. Рождение фавулы» (журнал «Россия». 1922. № 2 и 3).

3 В дальнейшем Н.Я. дала обоснование случайности связи С.М. Городецкого и акмеизма как литературной группы (с. 192), а посвященную ему главу во «Второй книге» назвала «Лишний акмеист».

4 Речь идет о статье «Буря и натиск»; при подготовке сборника «О поэзии» О.М. снял ее в наборной рукописи.

5 В предисловии к сборнику «О поэзии» О.М. писал: «Случайные статьи, выпадающие из основной связи, в этот сборник не включены».

6 См. примеч. 2.

7 ЛЕФ (Левый фронт искусств) — литературно-художественное объединение, существовавшее в 1922–1929 гг. Среди его членов Н.Н. Асеев, С.И. Кирсанов, Б.Л. Пастернак (до 1927 г.), А.М. Родченко, В.Е. Татлин, О.М. Брик, В.Б. Шкловский и др. Во главе объединения стоял В.В. Маяковский.

8 Из стихотворения О.М. «Влез бесенок в мокрой шерстке...» (1937).

9 Н.Я. имеет в виду следующие фрагменты из статей О.М. «Литературная Москва» (1922): «Здесь Маяковским разрешается элементарная и великая проблема „поэзии для всех, а не для избранных“.

Экстенсивное расширение площади под поэзию, разумеется, идет за счет интенсивности, содержательности, поэтической культуры. Великолепно осведомленный о богатстве и сложности мировой поэзии, Маяковский, основывая свою „поэзию для всех“, должен был послать к черту всё непонятное, то есть предполагающее в слушателе малейшую поэтическую подготовку. Однако обращаться в стихах к совершенно поэтически неподготовленному слушателю — столь же неблагодарная задача, как попытаться усесться на кол. Совсем непод-

готовленный совсем ничего не поймет, или же поэзия, освобожденная от всякой культуры, перестанет вовсе быть поэзией и тогда уже по странному свойству человеческой природы станет доступной необъятному кругу слушателей. Маяковский же пишет стихи, и стихи весьма культурные: изысканный раешник, чья строфа разбита тяжеловесной антитезой, насыщена гиперболическими метафорами и выдержана в однообразном коротком паузнике. Поэтому совершенно напрасно Маяковский обедняет самого себя. Ему грозит опасность стать поэтессой, что уже наполовину совершилось» (О. Мандельштам. *Собр. соч.* Т. 2. С. 258–259) и «Буря и натиск» (1923): «Как бы для контраста, рядом с Хлебниковым насмешливый гений судьбы поставил Маяковского с его поэзией здравого смысла. Здравый смысл есть во всякой поэзии. Но специальный здравый смысл — не что иное, как педагогический прием. Школьное преподавание, внедряющее заранее известные истины в детские головы, пользуется наглядностью, то есть поэтическим орудием. Патетика здравого смысла есть часть школьного преподавания. Заслуга Маяковского в поэтическом усовершенствовании школьного преподавания — в применении могучих средств наглядного обучения для просвещения масс. Подобно школьному учите-

лю, Маяковский ходит с глобусом, изображающим земной шар, и прочими эмблемами наглядного метода. Отвратительную газету недавней современности, в которой никто ничего не мог понять, он заменил простой здоровой школой. Великий реформатор газеты, он оставил глубокий след в поэтическом языке, донельзя упростив синтаксис и указав существительному почетное и первенствующее место в предложении. Сила и меткость языка сближают Маяковского с традиционным балаганным раешником» (*Там же.* С. 296–297).

10 Подробнее об О.М. и Шкловском в лефовско-опоязовском контексте см.: *Toddес Е.А.* Мандельштам и опоязовская филология // Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 78–102.

11 «Литературная Москва. Рождение фабулы» (Россия. 1922. № 3).

12 Речь идет о статьях О.М. «Сухаревка», «Киев» и «Батум» (О. Мандельштам. *Собр. соч.* Т. 2. С. 227–233, 309–312, 434–438).

13 В 1923–1924 гг. харьковское издательство «Пролетарий» собиралось выпустить в серии «Критическая библиотека» сборник статей О.М. В хлопотах об этом издании принимал участие Н.В. Ушаков.

14 Имеется в виду 1925 г.

20

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой

11 марта <1959 г., Ташкент>

11 марта

Милая Ануш!

Послала вам с аэродрома телеграмму. На столе лежит талон на звонок в Ленинград, но я потеряла номер телефона. Телеграфируйте мне ваш номер, чтобы я могла позвонить. Чувствую себя хорошо и радуюсь весне в Ташкенте. Эдик и Лариса¹ очень хороши.

Скучаю по вас. Страшно хочу видеть. Беспokoюсь. Как вам сейчас?

Вернувшись, съезжу к вам, если не встречу вас, как я надеюсь, в Москве.

Крепко вас целую. Не забывайте меня.

Надя

Ташкент, Бородинская, 24. Бабаеву.

ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 15.
Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 97–98.

1 В марте–апреле 1959 г. Н.Я. гостила у Э.Г. Бабаева и Л.В. Глазуновой в Ташкенте; здесь она впервые приступила к работе над своими воспоминаниями.

21

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой

3 июля <1959 г., Таруса>

3 июля

Ануш, родная моя! Хорошо, что мы встретились и посидели на скамеечке, но плохо, что я сразу уехала. Сколько уже лет каждая встреча для нас чудо, подарок судьбы и нечто происходящее вопреки всему.

Я действительно вспомнила всё — террасу в Детском Селе, и как вы взяли будильник, когда мы поехали кататься на рысачке, ваше гарусное одеяло и диван на Фонтанке, когда вы сказали «мне здесь плохо», приезды на Нащокинский и пиры нищих, воронежскую зиму, Ташкент и наезды в Москву. Еще на Нащокинском вы мне сказали, что мы будем встречаться в Москве... Помните?

Мне не хочется, чтобы вы уехали, не повидавшись со мной еще раз. Я знаю, что вы уезжаете всегда внезапно, вдруг срываетесь с места. Попробуйте на этот раз предупредить меня за несколько дней, и я приеду еще на 2–3 дня. Позвоните Варюше и велите ей дать мне телеграмму.

Ануш, очень сложно жить в разных городах и с таким трудом добираться до места свидания. Но оно необходимо.

Женя тоже говорит, что все его знакомые (молодые) очень радуются вашей книге¹ и умеют отделить подлинное; они видят за ним то, чего нет, и полны волнения и интереса.

Мика Гольшев, молчащий физик, точно передал ваш рассказ про «Известия» и очень его оценил.

Целую Вас.

Надя

ОРРНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 16.
Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 100.

1 Имеется в виду кн.: *Ахматова А.А.*
Стихотворения. М., 1958.

22

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой

8 октября <1959 г., Таруса>

8 октября

Ануш!

Дом оказался чудным¹. Всё наладилось. Я не скучаю и еще не опомнилась. Первым, вероятно, приедет Женя, на один-два дня, посмотреть, как я живу. Повидайтесь с ним, расскажите ему о своей жизни.

Приезжайте хоть на несколько дней сейчас. У осени есть такая прелесть, которую ничем не заменишь. Зима и снег придут, я буду на месте, и вы приедете надолго.

Мне очень грустно, но не потому, что я здесь одна.

Поезжайте только с опытным шофером. Сын Елены Михайловны — красавец, рожденный быть шофером знатной дамы, — сбросил меня в канаву². Хорошо, что не перевернул машину. А мой хозяин³, осваивая своего «Москвича», положил его вчера набок.

Кланяйтесь Нине и В.Е.

Филька прелестный и вполне воспитанный пес. Вернее, он воспитался за 4 дня, вспомнив своих летних хозяев. Но ему со мной скучно. Я не гожусь в подруги молодым, даже собакам.

Видела Алю и пресмыкалась перед ней⁴. Жизнь продолжается.

Надя

Я глазами прочла то, что вы написали, и буквально *услышала* — до того это Ваш голос. Как и всё Ваше, это драгоценно. Какая тоска... Но это не осень. Из окна чудо, и само окно чудо.

ОРРНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 17–18.
Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 100.

3 Н.Д. Оттен.

1 Имеется в виду тарусский дом Голышевых, где Н.Я. жила осенью и зимой 1959/60 г.

2 В.Ж. Арнс; в машине, кроме него и Н.Я., находились также Е.М. Арнс и Э.Г. Бабаев (*Бабаев, 2000*. С. 233).

4 В письме к А.А. от 29 мая 1959 г.

А.С. Эфрон так описала свое знакомство с Н.Я.: «Некоторое время тому назад мы наконец познакомились с женой О.Э., и всё получилось совсем неожиданно: четыре часа ехали вместе в машине и тихо, вежливо и ядовито ругались всю дорогу. „Не сошлись характерами“ буквально

с первого взгляда, как обычно влюбляются. Она сидела — шерсть дыбом — в одном углу, со своим Мандельштамом, а я в другом — тоже шерсть дыбом — со своей

Цветаевой, и обе шипели и плевались» (*Крайнева, 1991. С. 105*); ср. обстоятельства знакомства Н.Я. с самой М.И. Цветаевой (*Н. Мандельштам-2. С. 466–467*).

23

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой

<Не позднее 11 октября 1959 г., Таруса>

Анюша! Получили мое письмо? Здесь рай. Очень жалко, что он пропадает без вас. Зимой такой прелести не будет. Еще грязи нет. Подушка есть.

Надя

ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 19.

Впервые: *Крайнева, 1991. С. 100*. Конверт: «Москва, Большая Ордынка, 17,

кв. 13. Ахматовой А.А.» Почтовые штемпели: «Таруса [нрзб.], Москва 12.10.59».

24

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой

17 октября <1959 г., Таруса>

17 октября

Анюша! Я вам написала два письма, а не одно. Одно не дошло, потому что его отправляла не я, а милейший забулдыга, который мне носит воду.

В первом я говорила о вас. То есть два слова: то, что вы написали, чудо, как и вообще всё, что вы пишете.

Целую вас. *Жду*.

Надя

ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 21.

Впервые: *Крайнева, 1991. С. 100*.

25

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой**3 ноября <1959 г., Таруса>**

3 ноября

Анюша! Я не могла приехать в Москву — чемодан такой тяжелый, что необходимо было ехать на машине. А машины не оказалось.

Мне передали, что вы думаете приехать в январе. Это было бы прекрасно, но не в самом начале, так как по условию найма хозяин может с 1-го по 10-е января приехать и занять одну из комнат. (Влюбое другое время у меня весь дом.)

Комната у вас всё равно будет, но это далеко не так приятно в присутствии хозяина — человека чужого и нудного. Рядом (во второй половине) — очень хорошие соседи — Оттен и Гольшевы. Здесь чудесно. Живу я хорошо. И мне очень хочется разделить это хорошее с вами. Приезжать на 2–3 дня, конечно, не надо. А приехать на месяц-другой — стоит. Условия как в шведской деревенско-курортной гостинице прошлого века или в Финляндии. Удивительный покой и т. п. И одиночества не будет. Не забывайте меня.

У меня к вам просьба: позвоните Жирмунскому и Адмони и поддержите мою просьбу: я прошу их, чтобы они прислали отзывы на автореферат к защите Егора Клычкова¹. Работа у него серьезная (иначе бы я не решилась просить), а удары предстоят со всех сторон. Надо искать поддержки. Я им обоим написала, помогите и вы. Егор отличный человек. И очень сурово жил, и до сих пор живет не весело. *Помогите.*

Мой адрес: Таруса, Калужской области, 1-ая Садовая, № 2 (дом Гольшева).

До Тарусы 127 километров. До Серпухова асфальтовое шоссе, потом (37 км) мощеная дорога, по которой ходит автобус и такси (всегда).

Машина — «Москвич» — вездеход — ему не страшны даже заносы. Это приблизительно вдвое дальше Голицына² (туда 70).

Хоть бы получить от вас весточку! Поручите хоть кому-нибудь написать мне.

Да, здесь хорошие врачи и к тому же знакомые. Один приходил к вам в период аппендикса.

ОРРНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 22–23.

Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 100.

1 Защита кандидатской диссертации

Г.С. Клычкова «К развитию системы спи-

рантов в индоевропейских языках (фонема *S как коррелят ларингальных)» состоялась в 1959 г. в 1-м Московском педагогическом институте иностранных языков.

2 Поселок, в котором располагается один из Домов творчества писателей в Подмоскovie.

26

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой **<1960 г., Таруса>**

Ануша, милая! Напрасно вы сердились, что я уехала, не дождав-шись вас. Во-первых, я не знала, что вы сейчас же уедете в Ленинград. Я собиралась отвезти вещи и вернуться, чтобы встретиться с вами. Дело в том, что сейчас нельзя взять такси в Тарусу — на такое расстояние ездить запрещено, а мне нужно было отвезти продукты, вещи и всё прочее... Поездом и автобусом это было невозможно. Машину я искала почти две недели и всё время не знала, когда вы приедете... Наконец, мне обещали отвезти меня, и менять этот сговор я не решилась — пришлось бы бессмысленно торчать в Москве еще чорт знает сколько времени. А тратить его так я уже не имею права. В той комнатке, где я живу у Шкловских, я даже письма не могу написать и совершенно потеряла сон из-за духоты. В Тарусу мне надо было ехать, чтобы передохнуть и заняться делами, которых у меня по горло: для этого я бросила работу и села на голодный паек. Отвезя вещи, я могла бы съездить в Москву налегке — повидаться. Мне сказали, что вы скоро собираетесь в Москву. Известите меня, пожалуйста, когда вы приедете, чтобы я могла приехать к вам на свидание. Мне тоже нужно о многом с вами поговорить.

Надя

ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 24.

Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 100–101.

27

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой **<1961 г., Таруса>**

Анюша! Надпишите лягушку¹ моему приятелю Николаю Васильевичу Панченко. Это он инициатор «Тарусского сборника» с Мейерхольдом и Мариной².

Напишите мне с ним хоть два слова. Перед вашим отъездом сообщите Варе — я еще раз приеду.

Надя

ОРРНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 25.

Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 101.

1 Сборник А.А. «Стихотворения. 1909–1960» (М., 1961); «лягушкой» называла его А.А. за зеленый цвет переплета.

2 В сборнике «Тарусские страницы» (Калуга, 1961) помещены статья Вяч. Ива-

нова «Поэзия Марины Цветаевой» и опубликованы сорок два ее стихотворения, статья А. Февральского «Станиславский и Мейерхольд», а также «Воспоминания, заметки, записи о В.Э. Мейерхольде» А.К. Гладкова и другие материалы.

28

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой <Середина декабря 1961 г.>

Анюшенька! В Ленинград едет Александр Константинович Гладков (это он сохранил архив Мейерхольда и все свои записи о нем, хотя сам перенес всё, что полагается¹), и я пользуюсь случаем, чтобы написать вам более подробное письмо.

Живу я как мышь, сторожа чужой дом и кошку, из-за которого, в сущности, не могу съездить даже в Москву. Зато не плачу денег и наслаждаюсь простором. Сейчас приезжает Женя — уже второй раз. Он чувствует здесь себя блаженно. Ужасно жаль, что вас нельзя сюда привезти. Паустовский скупил бы половину Елисева², чтобы отпраздновать ваш приезд. Звала я Эмму — мне кажется, она в плохом состоянии. Не может — из-за квартиры. Звала Ник. Ив. — не может из-за того, что потерял способность двигаться. Всё это очень печально.

Я надеялась поработать, но вместо этого мне попал кусочек перевода, и я сижу над ним. Слава богу — денег нет, а я что-то зарабатываю и смогу съездить к вам в Ленинград. Расчеты были на «Тарусские страницы», но, кажется, тираж исчезает с земли. Если вас это занимает, вам расскажет Гладков. Вообще это интересно. (Почти только Володя.)³

Получили ли вы мои письма — первое со стихотворением Володи (повез Варин приятель Глёкин сразу после моего отъезда от вас), второе с отрывками из Осиных статей о вас (на всякий случай посылаю еще раз) и наконец третье — просто... Напишите

мне или передайте что-нибудь с Александром Константиновичем. Такого случая можно ждать годы. Кстати, он знает *всё* мое⁴ и давно уже говорил, что надо больше о вас. Он человек редкого ума и *точности*. Это видно по его записям о Мейерхольде. Он удивительно запоминает людей, даже с их интонацией. У меня очень хорошие с ним отношения, и я их очень ценю. Если с ним придет Эмма (Эмилия Анатольевна) — (ее лучшая роль Офелия, но «Гамлет», кажется, не пошел), улыбнитесь ей — она очень хорошая. Я ей посылаю сейчас Осю — пусть читает. Самый «внутренний» и любимый поэт Gladkova — Анненский. Он думал, что я удивлюсь, но Эмма посрамила его, вспомнив запись об отношении к Анненскому...

Я получила несколько писем от Бориса Яковлевича и Наума Яков. Они сочли нужным хвалить мою статейку в «Тарусских страницах», на что я ответила бранью⁵. Всё зовут в Ленинград и вспоминают, как мы мило проводили время.

Сима Маркиш сошел с ума: он решил, что Варькин Панченко (бородач) великий поэт. Если Варька тоже обезумеет, я от нее отрежусь. У меня нет книги Пастернака⁶. Если у вас есть, отдайте ее мне. Зато я забрала у Жени все ваши и Николая Степановича. Между прочим и Гондлу⁷. А у вас Ташкентскую⁸ (среди других). Всё есть только у маленького Женички, которого я к вам приводила, но он прячется от меня, потому что чувствует, что я всё заберу.

Я читаю Соловьева. Неожиданно оказалось, *что это самое главное* (книга о *добре* и ряд статей). (Чепуха о Пушкине и ряд литературных статей, но насчет символистов он был прав; беда только в том, что они победили.) У меня есть *прямые* доказательства, что Ося читал, знал и здорово помнил Соловьева. В частности, «буддийский» как эпитет к порфириноносной столице. Это понимание буддизма от Соловьева⁹; и многое другое. И я этому рада.

Никак не могу достать «Столп и утверждение истины»¹⁰, с которым Ося долго (при мне) не расставался. Очень прошу, пришлите мне все прозаические записи про «Поэму»¹¹. Это мне нужно смертно. У меня только 2 или 3. Если бы хороший текст «Поэмы»... Последний... Пошлите с Gladkovым — он-то их оценит и сохранит... Хотя бы вы могли ему почитать. Если здоровье позволит...

Мне сказали, что вы после больницы¹² поедете в Комарово. Александр Константинович найдет вас, где бы вы ни были. Если вы

не можете написать, скажите ему побольше о себе. Это будет как письмо. Я устала от разлуки.

Целую вас.

Ваша Надя.

Пришлите мне что-нибудь — письмо, слово, улыбку, фотографию, что-нибудь. Умоляю...

Я ведь тоже человек — все об этом забывают, — и мне бывает очень грустно в этой самой разлуке. Мое поколение сейчас психически сдает — Эмма, Николаша, я.

Н.М.

Поэтому вспомните меня и пришлите хоть доброе слово.

Когда я вернулась от вас, у меня был Володя. Он мне очень нравится. Весь кипел, говоря о вас. Пожалуй, такого отношения я давно не видела — всё мелкий народ кругом. А у Володи очень масштабно, то есть он сам, поэтому отношение его к вам мне напоминает какой-то разговор в подворотне с Борисом Леонидовичем¹³ или вспышки Оси.

Я слышала «Моисея» Шёнберга¹⁴. Это ни на что не похоже, сбивает с толку, валит с ног. Трагедия человека, который не может заставить людей верить без чуда или без материальной аналогии (замена тельца). Это же трагедия музыканта, которому приходится прибегать к слову и не хватает чистого звука. Аарон — блаженный тенор и хриплый Моисей; Аарону легко вести толпу, Шёнберг — Моисей, и поэтому он корчится.

У Соловьева поэзия — первое из искусств. Из своей теории познания он делает вывод для поэзии (извиняясь за его необычность) и искусства — утверждая, что только они истинное знание. Очень близкие к этому мысли в «Разговоре о Данте» и «Скрябине». Но это общность идеи. *Я не этим доказываю, что Ося знал Соловьева.* А здесь общие позиции приводят к одному выводу.

Соловьев утверждает, что добро объективно, и выводит его из самой природы человека (отличный, очень скромный, научный анализ), не прибегая к Богу. Это надо бы внушать в школах. Вот я бы взяла заказ на книгу: «Русская философская школа. В. Соловьев. Теория нравственности и познания». Докторская диссертация или популярный очерк на 10 печатных листов.

ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 26–29 об.
Датируется по записи А.К. Гладкова, ко-

торый 20 декабря 1961 г. посетил А.А.
в больнице и передал это письмо Н.Я.

(Гладков А.К. Не так давно: Мейерхольд, Пастернак и другие / Сост., вступ. статья, коммент. Ст. Никоненко. М., 2006. С. 573.

Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 101.

1 С 1948 по 1954 г. А.К. Гладков отсидел шесть лет в лагере.

2 Елисеевский магазин на ул. Горького (Тверской) — в то время самый шикарный и дорогой продовольственный магазин в Москве.

3 По-видимому, имеется в виду повесть в стихах В.Н. Корнилова «Шофер», напечатанная в «Тарусских страницах».

4 Имеются в виду уже написанные фрагменты воспоминаний Н.Я.

5 В сборнике «Тарусские страницы» (Калуга, 1961) были напечатаны очерки Н.Я. (под псевдонимом «Н. Яковлева»): «Хлопот полон рот», «Птичий профессор», «Куколки». Впоследствии они были перепечатаны в «Книге третьей» (Париж: YMCA-Press, 1987. С. 267–295). Двадцать седьмого ноября 1961 г. Н.Я. писала Н.Я. Берковскому: «Дорогой Наум Яковлевич! Что вы выдумали чушь про мой очерк? Это типичная „моча в норме“.

Я его написала левой ногой, потому что без очерков не прошел бы весь сборник. <... > Стоит всё это три гроша. Меня заставили писать очерки, потому что не было очеркистов. Так запрягли меня и Фриду Вигдорову. Больше запрягаться я не собираюсь. Поэтому я очень огорчилась, что вы о такой чуши написали мне первое письмо» («Я всегда вас помнила...» (Письма Н.Я. Мандельштам к Н.Я. Берковскому) / Публ. М. Виролайнен.

Подгот. текста, вступит. заметка и примеч. Л. Дубшана // «Сохрани мою речь...» Вып. 4. М., 2008. С. 248).

6 По-видимому, речь идет о книге Б.Л. Пастернака «Стихотворения и поэмы» (М., 1961).

7 Поэма Н.С. Гумилева «Гондла» издана в Берлине в 1923 г.

8 Имеется в виду книга А.А. «Избранное: Стихи» (Ташкент, 1943).

9 Об отношении О.М. к философии В.С. Соловьева Н.Я. подробнее писала и в «Воспоминаниях», в частности, о замешанном у Соловьева эпитете «буддийский» в «Отрывках уничтоженных стихов» (1931): «В год тридцать первый от рожденья века / Я возвратился, нет — читай: насильно / Был возвращен в буддийскую Москву...» (*Н. Мандельштам-1*. С. 297); о буддизме Соловьев, в частности, писал в статье «Буддийское настроение в поэзии» (1894). Писала Н.Я. о философе и во «Второй книге», в частности, о его этике и о том, как он «блестительно высмеял» символистов (*Н. Мандельштам-2*. С. 50, 526). Книгой о добре Н.Я. называет книгу «Оправдание добра. Нравственная философия» (1897, перераб. изд. — 1899). Чепухой о Пушкине — статью «Судьба Пушкина» (1897), в которой Соловьев нетрадиционно осмысливает смерть поэта.

10 Имеется в виду книга философа и богослова П.А. Флоренского, вышедшая в 1914 г.

11 Речь идет об одном из фрагментов, озаглавленном «К „Прозе о Поэме“», в котором А.А. прямо ссылалась на слова Н.Я. (письмо 19 на с. 229): «У Манд<ельштама>, по словам Нади, было удушье, к тому же он был объявлен бриковским салоном — внутренним эмигрантом...» (*Записные книжки А.А.* С. 209).

12 С начала октября А.А. находилась на лечении в хирургическом отделении Первой Ленинградской больницы им. Ленина в Гавани. Выписали ее только 8 января 1962 г.

13 См. рассказ Н.Я. о встрече с Б.Л. Пастернаком после августовского постановления 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград»: «По дороге к Шкловским я встретила Пастернака. Мы юркнули в подворотню, чтобы прохожие не опо-

знали нас. <... > В подворотне мы долго стояли на ветру и разговаривали. Пастернак спрашивал, можно ли жить, если они убьют и Ахматову. Второй вопрос: что для нее сделать?..» (*Н. Мандельштам-2*. С. 382).

14 Имеется в виду незавершенная опера «Моисей и Аарон» австрийского композитора Арнольда Шёнберга (1874–1951), в которой роль Моисея исполняет чтец,

партию Аарона — певец (тенор). Об этой опере Н.Я. упоминает также во «Второй книге» (*Н. Мандельштам-2*. С. 252). По свидетельству пианиста А.Б. Любимова, Н.Я. проявляла живой интерес к новейшим течениям современной музыки, поддерживала знакомство с композитором В.В. Сильвестровым и другими музыкантами.

29

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой <1961>

Анюточка! Это, чтобы сообщить вам, что я вас жду. Лю-б-лю А-нуш. В общем, довольна жизнью. Сима меня лечит и водит к врачам (Маркишенок Сима).

Трогательно. Николашка опять хочет стать «общим»¹.

Целую крепко, крепко и жду. Надя

РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 500. Конверт: «Анне Андреевне Ахматовой».

Публикуется впервые.

1 См. письмо 9 на с. 270.

30

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой 6 февраля <1962 г., Москва>

6 февраля

Анюша! Звонил Павел Николаевич¹. Рада, что вам лучше. Когда бы мне к вам приехать? Может, пожить у вас на даче? Или в городе? Как вам удобнее. Но хорошо бы сговориться когда.

Н.М.

ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 29а.
Впервые: *Крайнева*, 1991. С. 101.

1 П.Н. Лукницкий, отношения с которым А.А. возобновились после их встречи в Доме творчества в Комарове в январе 1962 г.

31**А.А. Ахматова — Н.Я. Мандельштам****[6 марта 1962 г., Ленинград]**ТАРУСА ПЕРВАЯ САДОВАЯ МАНДЕЛЬШТАМ Н Я
ЛЕНИНГРАДА 59808 15 6 2320= ВЕРНУЛАСЬ ГОРОД ПРИЕЗЖАЙТЕ СКОРЕЕ ЖДУ ТЕЛЕ-
ГРАММУ = ВАША АХМАТОВАМА. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 173 (поступила
в 2002 г. в дар от Г.Д. Муравьевой). Почто-
вый штемпель: «Таруса 7.3.62».

Публикуется впервые.

32**Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой****8 мая <1963 г., Псков>**

8 мая

Ануш, дорогой мой! Очень трудно от вас уезжать. Всегда что-то очень важное еще не сказано. Обидно. Книгу взял Дмитрий Евгеньевич. Жаль, что у меня ее нет. Она бы мне была нужна. Вернул он?

Думаю, что уж и мне пора написать вам о «Поэме». Я эту зиму очень о ней думала. Постараюсь собраться с мыслями и сделать это. А сейчас о вас. Мне нечего говорить о том, как я вас люблю, как я счастлива, что у Оси есть такой несравненный друг, и о том, какую жизненную силу я получила от вас. Это и я, и вы знаем — для нас это не новость. Мне о другом хочется — какая вы прелесть. Умница, веселая, красивая. Просто прелесть. Обольстительная. Как вы сидели с Амусиным¹ и показали ему в его собственном материале и сфере то, о чем он еще не успел подумать. И еще такой озорной скромницей. Ну разве не прелесть?

Именно этого я вам не успела сказать. Остальное всё я, по-моему, уже говорила. Умница, роднуша, прелесть.

Целую вас.

Надя

ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 30.
Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 101. Кон-
верт: «Ленинград, ул. Ленина, 34, кв. 23.Ахматовой Анне Андреевне». Почтовые
штемпели: «Псков 8.5.63, Ленинград
10.5.63».

1 А.А., вероятно, говорила с И.Д. Амусиным о кумранских находках и христианстве. Эта тема долгое время волновала ее.

Ср. запись в записной книжке за два дня до кончины: «Я вся в Кумранских делах» (*Записные книжки А.А.* С. 713).

33

А.А. Ахматова — Н.Я. Мандельштам

8 октября 1963 г., [Ленинград]

Надюша,

очень скучно так долго ничего не знать о Вас. Почему опять Псков? Как здоровье? Кто вокруг Вас? Напишите.

Целую

Ваша

Ануш

8 окт.

1963

АМ. Короб 3. Папка 86. Начало и конец в оригинале графически центрированы. На обороте: «Н.Я. Мандельштам от А. Ахматовой».

Впервые: *Ахматова*, 1983. С. 341.
С графическими уточнениями: *Нерлер*, 2007. С. 426.

34

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой

<Не ранее 10 октября 1963 г., Псков>

Ануш, милый!

Рада весточке от вас — тоже очень соскучилась. Лето было шумное, как и у вас. Сейчас всё тихо.

Почему Псков? А «фер то ке»¹? Псков выручает.

О себе вы, конечно, не написали ничего. Я очень хотела бы знать ваши планы, чтобы вырвать себе хотя бы небольшую поездку к вам. А где вы будете — в Москве или в Ленинграде? Как всё складывается? Как узнать? Хоть бы поручили кому-нибудь написать. Лидия Яковлевна мне пишет. Скажите ей о своих планах, и я согласую их со своими так, чтобы встретиться. Сделайте это, Ануш, как только у вас прояснится.

Очень обрадовалась стихам в «Литературной»². У меня уже лежит куча номеров — все приносили и присылали. Слава богу,

что она есть. Сейчас отобрала у Дмитрия Васильевича остальные, но не могу даже прочесть, потому что он уезжает.

Новостей у меня нет. Про Осину книгу вы знаете. Ну их всех к... Равнодушной мне быть надоело.

27 декабря (если верить этой дате) 25 лет со смерти Оси. Подумайте, четверть века...

Сейчас я сижу, вернее, лежу, тихо и бессмысленно, сделать ничего не могу. Борис выходит в «Библиотеке»³ — после нажима Зины. Ее письмо передали наверх. Видно, без этого ничего не выйдет.

Всё это чепуха... Просто я устала. Хочу вас видеть.

Крепко целую.

Надя

ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 32.
Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 102.

1 Искаженная французская фраза «que faire» («а делать-то что?»), распространенная шутка русских эмигрантов во Франции.

2 Пятого октября 1963 г. в «Литературной газете» были опубликованы стихо-

творения А.А. из цикла «Полночные стихи»: «Вместо посвящения», «Предвесенняя элегия», «Тринадцать строчек», «И последнее».

3 Речь идет о книге Б.Л. Пастернака «Стихотворения и поэмы» (М.; Л.: Сов. писатель, 1965).

35

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой

11 ноября <1963 г., Псков>

11 ноября

Дорогая Ануш!

Мне очень хотелось приехать. Но я могла пробыть в Москве один день и ради этого торчать в вагоне дважды по 17 часов. Да еще был риск не достать билета. Другое дело Ленинград — туда от Пскова только 5 часов.

Я получила от Эммы отчаянную открытку. Ей, несомненно, очень плохо. Знаете ли вы статью в «Звезде»? Я мало что в этом понимаю, но она производит впечатление серьезной.¹ Живу я тихо. Устаю. Скучаю. Очень хочу вас видеть.

Целую вас крепко.

Н. М.

ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 33.

Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 102.

1 В журнале «Звезда» (1963, № 8–9) была опубликована статья М. Яшина «Хро-

ника преддвуельных дней», резко полемизирующая со статьей Э.Г. Герштейн «Вокруг гибели Пушкина» (Новый мир. 1962. № 2).

36

**А.А. Ахматова, В.В. Шнловская, Н.Н. Глен
и Ю.М. Живова — Н.Я. Мандельштам**

[5 ноября 1963 г., Москва]

МОСКВЫ 104/18 15 5 1145

ПСКОВ ВОСТРЕБОВАНИЯ МАНДЕЛЬШТАМ НАДЕЖДЕ
ЯКОВЛЕВНЕ

ОЧЕНЬ ЖДЕМ ПРИЕЗЖАЙТЕ НЕПРЕМЕННО ЦЕЛУЕМ = АН-
НА АНДРЕЕВНА ВАРЯ НИКА ЮЛЯ =

АМ. Короб 3. Папка 102. Почтовый штемпель: «Псков 5.11.63».

Впервые: *Нерлер, 2007*. С. 427.

37

**А.А. Ахматова, Н.Н. Глен и В.В. Шнловская —
Н.Я. Мандельштам**

[24 ноября 1963 г., Пенно]

МОСКВЫ 6/120 26 24 1645

Г ПСКОВ ГЛАВПОЧТАМТ ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ НА-
ДЕЖДЕ ЯКОВЛЕВНЕ МАНДЕЛЬШТАМ

ЗВОНИЛ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СПРАШИВАЛ
ВАШ АДРЕС ЧТОБЫ ВЫСЛАТЬ ДЕНЬГИ С ПРОПИСКОЙ
И КОМНАТОЙ ДЕЛО НАЛАЖИВАЕТСЯ = АХМАТОВА
НИКА ВАРЯ =

АМ. Короб 3. Папка 102. Почтовый штемпель: «Псков 24.11.63». На телеграмме поясняющая приписка Н.Я.: «Сурков был

у Ахматовой по поводу моей прописки и комнаты. Говорил обо мне на большой палец. Обещал всё сделать. Но это кончи-

лось присылкой 200 р. из Литфонда. Я на них купила „Камень“ Каблукова. Н.Я. Мандельштам» (о «Камне» Каблукова см. с. 223). Двадцать третьего ноября 1962 г. Н.Я. получила следующую телеграмму от Союза писателей СССР: «ПСКОВ ПОЧТА ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ МАНДЕЛЬШТАМ = УВАЖАЕ-

МАЯ НАДЕЖДА ЯКОВЛЕВНА СЕКРЕТАРИАТ ВЫДЕЛИЛ ВАМ ДЕНЕЖНОЕ ПОСОБИЕ ТЧК НЕМЕДЛЕННО СООБЩИТЕ КАКОМУ АДРЕСУ ПЕРЕСЛАТЬ ДЕНЬГИ УВАЖЕНИЕМ = ВОРОНКОВ» (АМ. Короб 3. Папка 102. Д. 23).

Впервые: *Нерлер*, 2007. С. 428.

38

А.А. Ахматова — Н.Я. Мандельштам

[27 декабря 1963 г., Москва]

МОСКВЫ 69/21 21 27 1145

ПСКОВ ГЛАВПОЧТАМТ ВОСТРЕБОВАНИЯ МАНДЕЛЬШТАМ
НАДЕЖДЕ ЯКОВЛЕВНЕ

= ПУСТЬ И МОЙ ГОЛОС ГОЛОС СТАРОГО ДРУГА ПРОЗВУЧИТ СЕГОДНЯ ОКОЛО ВАС КРЕПКО ЦЕЛЮЮ = ВАША АХМАТОВА¹ =

АМ. Короб 3. Папка 102. Ед. хр. 22.

Впервые: *Записные книжки А.А.*
С. 418.

1 Телеграмма отправлена в день двадцатипятилетней годовщины гибели О.М. А.А. в это время находилась в Москве, телеграмму отправлял по ее просьбе кто-то из ее московских друзей. В тот же день Н.Я. получила телеграмму и от семьи Македоновых (А.Ф. Македонов в это время готовил вступительную статью к тому О.М. в «Библиотеке поэта»): «ПСКОВ ПОЧТАМТ ВОСТРЕБОВАНИЯ МАНДЕЛЬШТАМ НАДЕЖДЕ ЯКОВЛЕВ-

НЕ. ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЕ ДНЯ СМЕРТИ БОЛЬШОГО РУССКОГО ПОЭТА МАНДЕЛЬШТАМА ВЫРАЖАЕМ УВЕРЕННОСТЬ СКОРОМ ВСЕНАРОДНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПРИЗНАНИИ ПОНИМАНИИ ЗНАЧЕНИЯ ЕГО ТВОРЧЕСТВА ДЛЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОЗДРАВЛЯЕМ НОВЫМ ГОДОМ ЖЕЛАЕМ ЗДОРОВЬЯ = МАКЕДОНОВЫ» (АМ. Короб 3. Папка 102. Ед. хр. 21). Саму Н.Я. в Пскове посетил в эти дни В.В. Иванов (сообщено Б.Я. Фрезинским).

39**А.А. Ахматова — Н.Я. Мандельштам****27 декабря 1963 г., Москва**

27 дек. 1963 г., Москва

Надя,

посылаю Вам три странички — это в «Листки из дневника», которыми я продолжаю постоянно заниматься. Вероятно, кончится небольшой книгой.

Думали ли мы с Вами, что доживем до сегодняшнего Дня — Дня слез и Славы. Нам надо побыть вместе — давно пора.

У Вас, то есть у Осипа Эмильевича, всё хорошо. Сейчас позвоню Вашему Жене.

Спасибо за письмо.

Ваша Ахматова

АМ. Короб 3. Папка 86.

Впервые: *Ахматова, 1983*. С. 341.**40****Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой****29 декабря <1963 г., Псков>**

29 декабря

Ануш, мой друг! Спасибо вам за всё — за телеграмму, за листки из дневника, за записочку.

Понимает ли мой старый друг Анна Андреевна, Ануш, Аничка, Анюта, что без ее дружбы я никогда бы не дожила до этой печальной и хорошей годовщины — двадцатипятилетия. Конечно, понимает. Ведь всё было так наглядно.

В этой жизни меня удержала только вера в вас и в Осю. В поэзию и в ее таинственную силу. То есть чувство правоты.

Три человека, которые ко мне приехали на эту годовщину¹, — это очень много и очень хорошо. Я вас очень люблю и всегда о вас думаю — каждый день.

Ваша Надя

ОРРНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 38.

Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 103.

1 В.В. Иванов, С.П. Маркиш

и В.А. Хинкис.

41

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой**<Начало января 1964 г., Псков>**

Ануш! Я много думаю о вас, очень скучаю по вас, очень стремлюсь к вам, но до конца семестра нет надежды на приезд. Мало того, я не знаю, когда семестр кончится. Мы в сентябре не работали, значит, первый семестр затянется за счет каникул. Вероятно, это конец января и кусок февраля. Где бы вы ни были, я приеду.

Живу я сносно, но это вам расскажет Ника. Ее приезд был для меня большой радостью. Но это промелькнуло как сон. Один день после приезда и один день перед отъездом...

Знаете, Анюша, этой осенью я вдруг заново открыла потрясающего поэта. Я вдруг заново и со свежим восприятием прочла ваши ранние книги, — они у меня здесь с собой (обобрала Женю). Все эти стихи я всю жизнь знаю наизусть и не думала, что они окажутся для меня, так сказать, новыми. Но это случилось. Может, это произошло, потому что всё внимание в течение многих лет было сосредоточено на новом появляющемся или просто на еще не напечатанном. Во всяком случае стихи зазвучали с пронзительностью никогда не слышанного. Я думаю, что мой случай не единичный. Когда я рассказала и написала об этом нескольким людям, они мне сообщили, что с ними недавно произошло то же самое. И тут появляется еще одно предположение. В сталинские дни мы были так измучены общим давлением эпохи, что могли думать и говорить только о том, что было связано непосредственно с ней. Сюда подходит вся тема «невстречи», и многое, и «Поэма» (взгляд настоящего-будущего на прошлое и на предчувствие будущего, которое охватило людей, стоявших на пороге надвигающейся эпохи). Это движение пластов времени, которыми вы орудуете в «Поэме», очень характерное чувство для нашей жизни. Затем второе, что всякий ощущает в «Поэме», это то, что в философии называется «ценностями». «Поэма» трагична, потому что «ценности» заколебались еще в ту эпоху, на которую вы смотрите «из года сорокового»¹, т. е. после и во время крестного пути. (Он-то и был расплатой за потерю «ценностей».) Эту трагичность мы несли внутри себя, и поэтому «Поэма» стала сразу нашей. Но эта же внутренняя трагичность оттеснила от нас всё другое. Сейчас (быть может, перед новыми испытаниями — на эту мысль меня наводит убийство Кеннеди) мы оттаяли, смягчились, «ценности» восстанавливаются у людей в полной мере (не только

у меня и моих знакомых, а у целого народа), и нам стало доступно то, что было спрятано под спудом не меньше чем тридцать пять — сорок лет. Вот и происходит таинственный процесс возвращения высокоценных и раньше, и всегда, но оттесненных стихов. (Поэзия — это та же «ценность».) Об этом я подумала, когда мне стали писать письма на тему «представьте, со мной случилось то же самое... Случайно я раскрыл не поздние, а ранние стихи...». Вероятно, это не случайная случайность, подумала я... Но ведь я всегда помнила и даже про себя повторяла и «есть в близости людей...», и про кленовый лист и про белый камень в глубине колодца...² И стихи из «Четок» и «Вечера». Но звук был не такой.

И еще об одном. О том, что история, эпоха, течение времени, просто само время, наконец, действуют на нас, на наши чувства и мысли гораздо больше, чем мы могли предположить. Казалось, что мы всегда мы, запуганные или успокоившиеся, плачущие или спящие. Оказывается — это не совсем так. Время, как будто, это и есть наша «несвобода», наше «изгнание из рая», наши настоящие оковы. Не возраст, а само его течение. В такие эпохи, как наша, это наглядно. В мирные периоды это ощущается как возраст, как ослабление или усиление жизненных сил, как разное и всякое... Но это тоже происходит. От этого не уйти. И я поняла, как трудно жить «во времени».

Вот, Ануш, как я обиделась на старости лет. А заметили вы, как в человеческие души возвращаются «ценности»? Приятно это наблюдать. Хоть на старости нам такое выпало...

Где вы будете в январе–феврале? Видели ли вы Эмму? Она мне прислала открытку — очень мрачную — на тему, что жить невозможно. Я это знаю. Мы все трое поразительно неблагоустроенные женщины. Но вы, как создатель «ценностей», всегда богаты и могучи. И мне легче, потому что я сознаю, что не заслужила благополучия — палец о палец не ударила, чтобы начальство мне улыбнулось. «Раздатчики хлеба» — так называется начальство в древнегерманской литературе — никогда не тратили хлебных запасов на профессиональных изгнанников. Труднее всего Эмме. И я ее жалею.

Работать легко, но я уже не могу. Скоро кончу. Жалко последних лет. Очень чувствую разлуку. Очень вас целую за всё.

Н. М.

И всегда помню, что без вас я давно бы потеряла силу и способность присвистывать в хвост времени.

ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 34–37 об.
Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 102.

1 Из «Вступления» к «Поэме без Героя».

2 Из стихотворений А.А. «Есть в близости людей заветная черта...» (1915), «Под крышей промерзшей пустого жилья...» (1915) и «Как белый камень в глубине колодца...» (1916).

42

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой

18 февраля <1964 г., Псков>

18 февраля

Ануш, милый! На этот раз я решительно собиралась поздравить вас телеграммой¹, но вместо этого свалилась с болью в животе и два дня лежу. Завтра, вероятно, встану и отправлю вам эту записочку. Проклятая язва мне очень мешает жить — она реагирует на всякое волнение. Хорошо, что соседка топила комнату: две недели не топили, — и грела молоко, которое «болеутоляющее». Сейчас я даже могу писать...

Мне очень грустно, что мы так мало виделись. Я всё ждала, успеете ли вы захватить после сберкассы... Увы!.. Где вы будете в ближайшее время? Впрочем, все вопросы задаются напрасно, потому что вы всё равно не ответите.

От Москвы у меня в голове полный сумбур. Какие-то человеческие слова сказала Эмма. Я просила всех сообщить мне о дальнейшем, но боюсь, никто не напишет. Очень беспокоюсь.

Целую вас крепко. Надя

В будущем году я уже в Пскове не буду. Ни за что.

ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 39–39 об.
Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 103.

1 Вероятно, Н.Я. хотела поздравить А.А. с именинами (16 февраля празднуется память святой Анны пророчицы).

43

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой

[12 апреля 1964 г., Пенев]

Ануш, дорогая! Мне почти невыносимо, что я привязана одной ногой к чужому городу и не могу утром к вам забежать. Вы, говорят, живете в «Шкловском доме». Подумайте, как легко сбежать вниз и увидеть вас¹.

Я впала в чернейший мрак и тоскую, как глупое животное.

В Москву переехать я, очевидно, не смогу. Ответа нет, или его от меня скрывают, что очень глупо. Но дело не в этом. Дело скорее во всем... «Всего» очень много, и у меня опять вульгарно обнажились нервы.

Работать я больше не буду. Зачем? Денег остается мало, потому что жизнь на таких началах (когда работаешь и нет ничего похожего на благоустроенный быт) стоит дороже, чем если сидеть в Тарусе. И стоит ли последние годы тратить на то, чтобы кого-то обучать фонетике или истории чужого языка?

Мне еще придется на днях делать на конференции языковедческий доклад, а все мои мысли за тысячи верст от языковеденья. Они скорее всего с вами, и я очень чувствую вас и очень по вас тоскую.

Помните, вы всегда говорили, что это чудо, что нам удалось встретиться. Действительно, ведь мы жили и выжили исключительно посредством такой простой вещи, как чудо. Может, будет еще чудо, и я успею приехать, когда вы будете в Москве, или съездить к вам на день в Ленинград. С середины мая я могу выкроить 2–3 дня на поездку.

ОРРНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 40–40 об.
Конверт: «Москва, К-6, Садово-Каретная,
8, кв. 13. Глен Нике Николаевне». Адрес
отправителя (рукой неустановленного ли-
ца): «от Н.Я. Мандельштам». Почтовые
штемпели: «Псков 12.4.64, Москва
13.4.64».

Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 103.

1 Имеется в виду кооперативный дом писателей в Лаврушенском переулке, где Шкловские, у которых останавливалась Н.Я., жили на седьмом этаже, а М.И. Алигер, у которой в этот раз остановилась А.А., — на первом.

44

Н.Я. Мандельштам и Н.И. Харджиев — А.А. Ахматовой

23 июня 1964 г., Москва

МОСКВЫ 82206 29 23 2320

ЛЕНИНГРАД УЛ ЛЕНИНА ДОМ 34 КВ 23 АХМАТОВОЙ АННЕ
АНДРЕЕВНЕ

АНЕЧКА ВСЯ НАША ЖИЗНЬ ПРОШЛА ВМЕСТЕ Я ВСПОМИ-
НАЮ ВСЁ ЦЕЛУЮ ВЕЧНОГО ДРУГА В ДЕНЬ СЕМИДЕСЯТИ-
ПЯТИЛЕТИЯ = НАДЯ НИКОЛАША ТОЖЕ

ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 1620. Л. 1. Почтовый штемпель: «Ленинград 24.6.64».

Публикуется впервые.

45

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой

3 июля <1964 г., Моснва>

3 июля

Ануш, дружок!

Получили с Николаем Ивановичем Вашу телеграмму. Я хочу съездить дня на два в Ленинград. Вероятно, между 10 и 15-м.

У меня здесь много мелких дел. Много сижу в библиотеке. Боюсь, что мало что найду.

Мои уже на даче. Потом тоже поеду на дачу — устала. Целую крепко.

Надя

Получили вы мою телеграмму!?

ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 43.

Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 103.

1 Имеется в виду телеграмма 44.

46

Н.Я. Мандельштам — А.А. Ахматовой

<Начало 1960-х гг.>

Аничка! Помогите Вацлаву Данеку — дайте ему фотографии, где вы с Осей¹. Они готовят издание — им нужно. Очень вас целую.

Надя

ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 892. Л. 44. Пометы на обороте рукой Н.Я.: «Ахматовой Анне Андреевне», рукой В. Данека — адреса А.А. в Ленинграде и Комарове.

Впервые: *Крайнева, 1991*. С. 103.

1 Со слов В. Данека известно, что А.А. побоялась дать ему фотографии, когда он приехал к ней в Комарово, потому что

у нее в то время находился корреспондент какого-то радио. Их впоследствии передала Данеку Н.Я. Весь тираж книги стихов О.М. в переводе Данека, вышедшей в 1969 г. под названием «*Kamenni smytņi sni*», был уничтожен. В 1982 г. вышло новое издание стихотворений О. Мандельштама, подготовленное Данеком, но фотографий поэта в нем нет.

II. Тата

Письма к Е.К. Лившиц

I

Н.Я. Мандельштам — Е.К. Лившиц

[10 января 1967 г., Москва]

Таточка! У тебя и сейчас неправильный или неполный адрес. Без корпуса меня не найти (корп. I, выходит на улицу — башня в 12 этажей; на улицу выходят 3 башни; моя средняя). Первый этаж. Отрезок Большой Черемушкинской между ул. Дм. Ульянова и ул. Винокурова. Вход в мою башню не с улицы — надо ее объехать или обойти. Я буду дома с 3 в четверг и весь день в субботу. Ты получишь это письмо в среду... Приходи в четверг, хорошо? Я очень хочу тебя видеть... Если не сможешь в четверг, жду тебя в субботу или воскресенье. Если нет, выбери сама день и час и брось открытку.

Целую тебя и жду.

Надя

Я не знаю, где эта «Молодежная», но «В» — значит недалеко¹.

Вторник 10 января.

ОРРНБ. Ф. 1315. Ед. хр. 64. Л. 1–1 об.
Почтовая карточка: «Москва В-296, Молодежная 4, кв. 156, Ек. Конст. Лившиц». Адрес отправителя: «Москва М-447, Большая Черемушкинская, 50, корп. 1, кв. 4. Мандельштам». Почтовые штемпели: «Москва

10.1.67», «Москва 11.1.67». Пометка адресата: «Надя».

1 Имеется в виду московский адрес, по которому остановилась Е.К. Лившиц.

Письма печатаются по автографам, хранящимся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (*ОРРНБ*. Ф. 1315. Ед. хр. 64. Л. 1–16).

2

Н.Я. Мандельштам — Е.Н. Лившиц
18 марта [1967 г., Москва]

18 марта

Милая Таточка!

Я очень хотела бы, чтобы ты приехала и пожила у меня хоть сколько-нибудь. Я хочу тебе многое показать.

Что ты об этом думаешь?

Напиши: мой адрес: Москва М-447, Б.Черемушкинская, № 50, корп. 1, кв. 4.

Второе: не знаешь ли ты, как найти Гладкова? Эмма Анатольевна (его жена) Попова (актриса от Товстоногова) переехала на новую квартиру. Мое письмо было направлено по старому адресу и не дошло. Гладков перестал писать в минуту, когда этого бы не следовало делать.

Я просила его достать для меня «мемуары» Ольги Ваксель (Лютика). У меня есть сильное подозрение, что это сочиняла не она, а ее мать по ее дневникам.

Евг. Эм. мне показал об О.М. Там явное раздражение и кое-что — брехня. Не брехня то, что мы тогда едва не развелись и что О.М. был сильно увлечен. Но вещи сдвинуты...

При последнем объяснении я была — по телефону. Она плакала. О. М. поступил с ней по-свински.

Если Евг. Эм. показал мне всё, то можно это игнорировать. Но он рассказывал совсем иначе (напутал? или потом что-то скрыл?). Показывал он кусок до прихода через три года к нам, — и всё... Вот тут-то что-то может быть (если судить по рассказу Евгения Эм.).

Кстати, через 2–3 дня после ее прихода мы уехали и больше в Ленинград не возвращались.

Евг. Эм. говорил, что она служила в Метрополе (Москва), теперь он говорит, что она служила в «Астории» — где правда¹? А это очень существенно. Евгений Эм., конечно, мог всё напутать — у нас очень плохо рассказывают — с фактами не считаются... Во всяком случае, я хотела бы знать, что у нее в действительности написано. Плохо, когда речь идет о поэте. «Всё липнет», как говорил О.М...

Помнишь, как О.М. звонил ей при Бене? А Бен потом подошел ко мне и сказал «бедная»?

Господи, как это давно было...

Меня испугало молчание Гладкова: может, в этом дневнике такая мерзость — это мечь, — что он мне боится показать. Не можешь ли ты позвонить в театр Товстоногову и узнать новый адрес Эммы Поповой для меня? Я была бы тебе очень благодарна.

Что ты думаешь о приезде в Москву? Было бы очень славно.

Кстати, мать Ольги Ваксель приезжала к нам (на Морскую) и требовала, чтобы Ося увез Ольгу в Крым. При мне. Я ушла (к Татлину) и не хотела возвращаться... Тьфу...

Дура была Ольга — такие стихи получила?²...

Если она служила в Москве, это может объяснить одну странную историю, которая произошла со мной.

Не говори об этом письме Евгению Эмильевичу.

ОР РНБ. Ф. 1315. Ед. хр. 64. Л. 2–4. Конверт: «Ленинград К-51. Торжковская, 2, корп. 1, кв. 30. Лившиц К.». Почтовые штемпели: «Москва 18.3.67», «Ленинград 20.3.67». Пометка адресата: «Надя Мандельштам».

Прочитировано в кн.: *Ласкин, 2002*. С. 135–136. Полностью печатается впервые.

1 О. Ваксель работала в «Астории».

2 К.О. Ваксель обращены стихотворения О.М. «Жизнь упала как зарница...» (1924) и «Я буду метаться по табору улицы темной...» (1925); ее памяти посвящены также стихотворения «Возможна ли женщине мертвой хвала...» и «На мертвых ресницах Исакий замер...» (оба — 1935).

3

Н.Я. Мандельштам — Е.Н. Лившиц

[28 марта 1967 г., Москва]

Таточка, голубка! Я знаю, что ты в больнице, и очень беспокоюсь за тебя. Напиши, как тебе. И еще — я очень хочу, чтобы ты приехала ко мне. Я хочу тебе кое-что показать. Это даже нужно. У тебя, наверное, скоро всё выяснится, и ты узнаешь, когда сможешь приехать.

Я узнала, что из Лютика это всё. Это не соответствует действительности и подменено обычной пошлостью. Ну и хорошо. Пошлость больше похожа на мать, чем на дочь, но, может, в дочери уже сидела мать. Бог с ней... Того, что я боялась, нет.

Главное, что хочу, чтобы ты ко мне приехала. И хотела бы Изу. Я так сказать, свожу счеты со всей своей жизнью, и тут и о тебе, и обо многом¹. Жду ответа.

С глаукомой, вернее, с ее угрозой все мы. Может, пройдет мимо. Во всяком случае, очень долго спасают зрение. (Это было у Лебедевой.) Сейчас лечат и здорово.

Но это последствия нашей жизни.
 Прошу, напиши, как у тебя.
 Надя

ОРРНБ. Ф. 1315. Ед. хр. 64. Л. 5–6. Конверт: «Ленинград К-51. Торжковская, 2, корп. 1, кв. 30. Лившиц К.». Адрес отправителя: «Москва М-447, Б. Черемушкинская, 50, корп. 1, кв. 4». Почтовые штемпели: «Москва 28.3.67», «Ленинград 29.3.67». Пометка адресата: «Надя Мандельштам».

Прочитировано в кн.: *Ласкин, 2002.*
 С. 136. Полностью печатается впервые.

1 Имеются в виду воспоминания об А.А., над которыми Н.Я. работала в это время.

4

Н.Я. Мандельштам — Е.Н. Лившиц
[29 марта 1967 г., Москва]

Дорогая Таточка! Я знаю про больницу и очень огорчаюсь. Как сейчас? Какой диагноз?

Очень хочу тебя видеть. Нужно что-то показать, нужно о чем-то поговорить.

Можешь ты у меня остановиться? В эти дни может приехать на 2 дня воронежская Наташа Штемпель, но я тогда возьму раскладушку.

С этим сыном Ваксель уже не стоит говорить. «Мемуар» есть у Евг. Эм. ... Это он всё напутал и стилизовал Осю под себя. Мемуар полон ненависти ко мне и к Осе.

Он действительно по-свински с ней поступил, но и она тоже не была ангелом. Ну ее. То, чего я боялась, т. е. реальности, нет ни на грош. Просто он стоял на коленях в гостинице. ... Боялась я совсем другого — начала.

Жаль, что она оказалась такой. Она ненавидела свою мать, а в «мемуаре» чистая мать. Всё же я подозреваю, что это мать. .. Но об этом не думай. Главное мне увидеть тебя. Черкни открытку, какой диагноз.

Целую.

Надя

Я зову и Изу — в любое время: у нее будут каникулы.

ОРРНБ. Ф. 1315. Ед. хр. 64. Л. 7–8. Конверт: «Ленинград К-51. Торжковская, 2, корп. 1, кв. 30. Е. Лившиц». Почтовые штемпели: «Москва 29.3.67», «Ленинград

31.3.67». Пометка адресата: «Н.Я. Мандельштам».

Прочитировано в кн.: *Ласкин*, 2002. С. 136. Полностью печатается впервые.

5

Н.Я. Мандельштам — Е.К. Лившиц

1 сентября [1967 г.], Верея

1 сентября

Таточка дорогая!

Я еще на даче (в Верее!). Твою открытку мне переслали сюда. Книги у меня в Москве², и, разумеется, я рассчитывала и тебе, и Изе... Не знаю, смогу ли я прислать лишние. Еще не знаю даже, сколько мне достали. Я не рассылала пока никому. Сделаю это, приехав.

Целую тебя крепко.

Твоя Надя

Спешу кончить, чтобы дать письмо приятельнице, а она опустит его в Москве.

ОРРНБ. Ф. 1315. Ед. хр. 64. Л. 9–10. Конверт: «Ленинград К-51. Торжковская, 2, корп. 1, кв. 30. Лившиц Екат. Конст.». Адрес отправителя: «Москва М-447 Б. Черемушкинская, 50, корп. 1, кв. 4». Почтовые штемпели: «Москва 1.9.67», «Ленинград 3.9.67».

1 В июле–августе 1967 г. Н.Я. жила на даче в Верее (см. письма 85–88 к Н.Е. Штемпель).

2 Имеются в виду экземпляры «Разговора о Данте», вышедшего в изд-ве «Искусство»; подписан в печать 19 января 1967 г.

6

Н.Я. Мандельштам — Е.К. Лившиц

[13 сентября 1967 г., Москва]

Таточка!

У меня лежит для тебя книжка с надписью (и для Изы). Я жду, чтобы кто-нибудь поехал.

Если поедет кто-нибудь из твоих знакомых, пришли за книжкой. Книжки надписаны, чтобы не спутаться...

Целую.

Н.М.

ОР РНБ. Ф. 1315. Ед. хр. 64. Л. 11–12.
Конверт: «Ленинград К-51. Торжковская, 2,
корп. 1, кв. 30. Лившиц Екат. Конст.».

Почтовые штемпели: «Москва 13.9.67»,
«Ленинград 16.9.67». Пометка адресата:
«Надя Мандельштам».

7

Н.Я. Мандельштам — Е.К. Лившиц
27 октября [1967 г., Москва]

27 октября

Таточка! Получила ли ты книгу? От Изы у меня была открытка, от тебя — нет.

Я послала ее с Хмельницкой. Она чудно выполнила все поручения. Здорова ли ты? Как твои глаза? Отзовись.

Надя

ОР РНБ. Ф. 1315. Ед. хр. 64. Л. 13–14.
Конверт: «Ленинград К-51. Торжковская, 2,
корп. 1, кв. 30. Лившиц Екат. Конст.».

Почтовые штемпели: «Москва 28.10.67»,
«Ленинград 30.10.67». Пометка адресата:
«Надя Мандельштам».

8

Н.Я. Мандельштам — Е.К. Лившиц
19 декабря [1967 г., Москва]

19 декабря

Дорогая Таточка! Спасибо тебе за открытку. Рада буду тебя видеть, когда ты приедешь в Москву. Может, ты остановишься у меня?

Я, вероятно, приеду в Ленинград по Левкино дело (11, кажется, января). Если не разболеюсь. Что-то и я, и мой брат эту зиму болеем.

У тебя не разобрать, у Изы или у Иды болен сын. Иды я никакой не знаю, но если у Изы, то что с ним? Неужели на Изу падет и такое бедствие — болезнь сына? Не кажется ли тебе, Тата, что у нас у всех слишком много «лишнего» в жизни...

Отзовись. Целую тебя.

Надя

ОР РНБ. Ф. 1315. Ед. хр. 64. Л. 15–16.
Конверт: «Ленинград К-51. Торжковская,
2, корп. 1, кв. 30. Лившиц Кат. Конст.».

Почтовые штемпели: «Москва 20.12.67»,
«Ленинград 23.12.67». Пометка адресата:
«Надя Мандельштам».

III. Николаша

Переписка с Н.И. Харджиевым

I

Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву
<1940 г., Калинин>

Дорогой Николай Иванович!

В моей новой и очень ни на что не похожей жизни я часто вспоминаю вас и очень по вас скучаю. Суждено ли нам увидеться? Трехчасовое расстояние — очень трудная вещь. Боюсь, что ни мне, ни вам его не одолеть. И еще поезд и вокзал, а для меня — невыносимость трехчасовых поездок, напоминающих мне о последних трех годах моей жизни.

А я часто придумываю, что бы мы делали, если б вы ко мне приехали. Вы, конечно, не могли бы пойти ко мне в школу и увидеть, как мои тридцать львят (у меня всего триста) сидят на скамейках, а я, как настоящий жонглер, орудую немецкими глаголами у доски. Знаете — подбрасываешь, ловишь, все разноцветные и т. д.

Но зато мы пошли бы с вами на базар, где покупают свинину, печенку, мед и сухие, а также мороженые яблоки. Мы бы, конечно, долго торговались и с медом на ладошках вернулись домой. По дороге бы снялись у балаганного фотографа — верхом на деревянном коне — в лучшем матросском костюме, либо на корабле или — самое простое — на автомобиле во время переезда через Дарьяльское ущелье. Затем — артель Возрождение, где продают случайные вещи, и через реку Тьмаку¹ домой — варить и топить печь.

В публикацию вошли 33 письма Н.Я. к Н.Х. и 4 письма Н.Х. к Н.Я. Тексты печатаются: 2 — по: *Бабаев, 1989*, 3, 6 и 15 — по *АМ*, остальные — по *АГМ*.

Так я принимаю своих гостей. А с вами я бы была особенно гостеприимна — почтительна. Я бы уступила вам лучшую комнату в своем палаццо, с видом на все сараи и домики во дворе.

Ведь я зазываю — но заранее знаю, что мое зазыванье обречено на неудачу.

Сосисок здесь нет². Зато есть голуби. Они чересчур хороши. Кроме голубей, у меня нет ничего. Только голуби — чужие. Как его, того самого, который писал голубей? Того, которого вы мне показывали? Это его голуби.

Мне было легче, пока я не работала. Сейчас я тоскую, как зверь. По утрам я себе почти не представляю, что можно встать и начать жить и, главное, — прожить день: это самое трудное. Такой я еще не была. Совсем дикая. Вы знаете, время совсем не целебная вещь. Наоборот. В начале как во сне. А потом всё встает с полной реальностью. И думаю — чем дальше, тем будет всё реальнее. Я не пробую от себя уходить. Я только начинаю сейчас понимать. Мне раньше приходилось столько ходить — просто физически — ногами, что в мозгах было что-то вроде сотрясения. Теперь — нет. И это хуже.

Из моих немногих подруг пишет только иногда Эмма. Иногда она сообщает, что хочет приехать; иногда зовет меня к себе. Вот и всё. Она женщина сырая — куда ей выбраться. А я была бы ей очень рада. Об Анне А. не слышу ничего. И это тоже, наверное, навсегда, т. к. я живу чересчур далеко.

И еще я никогда так сильно не чувствовала, что есть родные и знакомые. Знакомых много. А родных ужасно не хватает. Например, вас. Я точно не могу определить степени родства. И мамы наши нам не помогут — забыли. Как выяснить? Целую вас.

Надя

Печатается впервые.

1 Приток Волги в городской черте Калинина.

2 Об эпизоде с сосисками в истории взаимоотношений Н.Я. с Н.Х. см. письмо 35 на с. 299.

2

Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву**10 января 1943 г., <Ташнент>**

Дорогой Николай Иванович!

Скучаю по вас и жалею, что, проезжая Алма-Ату¹, не догадалась выбежать из вагона и заглянуть к вам в гости. Жаль-жаль. Когда-то повстречаемся и попируем? Подайте голос — хотела бы его услышать поскорее.

Надя

Впервые: *Бабаев, 1989. С. 230.*

Приписка, сделанная Н.Я. к следующему письму А.А.: «Дорогой Николай Иванович, наконец после долгого лежания в больнице — я дома. Благодарю Вас за память и внимание. Как печально, что мы не встретились в Средней Азии. Может быть, это случится в Москве. Напишите о себе. Не надо терять друг друга в такое время. Ахматова» (*Там же. С. 229–230.*)

Печ. по первопубликации (возможности ознакомиться с оригиналом не представилось).

1 Н.Х. находился в эвакуации в Алма-Ате с ноября 1941 по декабрь 1942 г. Там же находились тогда М.А. Зоценко, В.Б. Шкловский и многие другие. Незадолго до отъезда Н.Х. женился на С.Г. Нарбут (Суок), вдове В.И. Нарбута: ей как немке угрожала этническая депортация из Москвы. В Алма-Ате она устроилась на работу литературным секретарем у В.Б. Шкловского, после чего между ними возник роман; впоследствии они поженились.

3

Н.И. Харджиев — Н.Я. Мандельштам**[24 февраля 1943 г., Москва]**

Дорогая Надежда Яковлевна

Ну, вот я в Москве — она уже бывает по-весеннему голубой, и тогда в ней воцаряются дети, на которых, почтительно сняв шляпу, смотрит «добрый дяденька» Пушкин. В моей деревянной шкапулке — грязь и запустение.

Жить там нельзя. Ледяные столпы подпирают потолок ванной комнаты, а там, где мы пировали, замерзают даже воспоминания.

Друзей всех я растерял, а т[ак] н[азываемые] знакомые стали неузнаваемы — скучны, стары и слишком благоразумны. Я же неисправимый ребячливый злой старик, и, когда (когда?!) мы встретимся, то Вы меня сразу узнаете. Что еще? Я действительно был бы счастлив Вас видеть, потому что я есть Ваш друг¹. Протягиваю Вам руку(и)² через Каспийское море и жду письма.

Ваш Н.Х.

Эмму видел единый раз — она тоже благоразумна и мне говорила с большим уважением о своей высокой квалификации³.

АМ. Короб 3. Папка 103. Ед. хр. 16. Почтовая карточка: «Ташкент. Ул. Карла Маркса, № 7. Ахматовой Анне Андреевне для Надежды Яковлевны». Адрес отправителя: «Москва, Страстной бульв., д. 13а, кв. 33. А.А. Попову для Н. Харджиева». Почтовые штемпели: «Москва 24.2.43», «Ташкент 1.3.43».

Печатается впервые.

1 Комическая калька немецкой фразы. В этом же месте — возможно, для усиления комизма — нарисована «фигура» в виде пенсне с круглыми стеклами без шнура. В письме к Н.Х. от 2 июня 1943 г. А.А. упоминает К.Л. Зелинского, титульного составителя сборника ее стихотворений, изданного в 1943 г. в Ташкенте: «Зелинского я называю: „составитель меня“ <... >».

и Надя говорит, что это не моя острота, а Осипа» (*Бабаев, 1992. С. 210*). Подобного рода грамматические и иные несуразности являлись излюбленной формой литературной шутки в кругу О.М. и А.А. В их отношениях, как писала Н.Я., «всегда чувствовалось, что их дружба завязалась в дурашливой юности. Встречаясь, они любили и наперебой смешили друг друга. У них были свои словечки, свой домашний язык» (*Н. Мандельштам-1. С. 264*).

2 Буква «и» вставлена «птичкой» непосредственно над «у».

3 Между тем именно у Э.Г. Герштейн поселился Н.Х. после того, как, вернувшись из Алма-Аты, нашел свою комнату в Марьиной Роще в непригодном для жилья состоянии (*Герштейн, 1989. С. 268*).

4

Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву
20 марта [1943 г., Ташкент]

20/III

Дорогой Николай Иванович!

Очень обрадовались вашим открыткам. Они пришли вместе — словно две подружки, взявшись за руки.

А.А. еще вам не ответила. Будем, наверное, завтра писать вместе. Однажды, дня два назад, собирались писать, но я заснула от усталости. Завтра надеюсь быть на высоте.

Я тоже хочу жить у А.А. на кухне. Будем жить там вместе. Хорошо? А Эммку не пустим. А?

Что с ней, кроме благоразумия? Мы ей писали вместе в тот же день, что вам,¹ но ответа не было. Я ей сообщала, что было письмо от Левы. Раз вы об этом не знали, значит, она письма не получила.

У меня очень много работы. Живу и старею на окраине города Ташкента, откуда, видимо, никогда и никуда не уеду. Как же мы с вами увидимся?

Женя и Лена здесь. Они меня иногда принимают, как приличную, но не почетную гостью.

Здесь Лида Чуковская — кто сей сфинкс? не Корней ли в юбке? Здесь много народу. Здесь, как перед смертью, видишь всех, кого когда-либо встречал на своем пути.

Я стала очень солидная и совершенно перестала хохмить — и это считаю своей главной заслугой. А то все хохмят, задрав хвост.

Работаю я по воспитанию детей². Я их воспитываю, и они не гадываются, что я дура. Но это отнимает очень много времени. Вечером я сваливаюсь на кровать и засыпаю в 4 часа утра.

Как было страшно, когда А.А. болела тифом³! У меня до сих пор сосет под ложечкой, когда я вспоминаю эти дни. И сейчас страшно, хотя она цветет, хорошеет и совершенно бесстыдно молодеет. Сердце — худо; ноги пухнут, а тиф — всегда тиф, и последствия его на всю жизнь.

Жаль, что вы не в Алма-Ате. Я бы к вам приехала в гости. Мы долго не знали, где вы, пока не пришла ваша телеграмма к девочке-великану — т[о] б[ишь] Лиде. Пишите, Николай Иванович. Я тоже есть ваш друг и протягиваю вам руки — по прямой линии — через Аральское море.

Я очень много ездила. Была в пустыне, которую одобряю, и купалась в Тигре и Евфрате, — т. е. в Сыр- и Аму-Дарье. Со мной ездила мама⁴. Она сейчас спит, а я кончаю письмо.

Надя

Письмо-треугольник: «Москва, Страстной бульвар, д. № 13а, кв. 33. А.А. Попову для Н.И. Харджиева от Н.Я. Мандельштам. Ташкент, Жуковская, № 54. Хазину для Н.Я.». Указанный адрес принадлежал сестре Н.И. Харджиева Е.И. Поповой и ее мужу А.А. Попову. Почтовые штемпели: «Ташкент 21.3.43», «Москва 11.4.43», «Проверено военной цензурой. Ташкент 43».

Печатается впервыe.

1 Приводим текст этого письма Н.Я., датированного 7 января 1943 г., и приписки А.А. к нему: «Дорогая Эмма! Соскучилась по вас. Давно от вас ничего нет. Анна Андреевна переехала из больницы домой, если это можно назвать домом. <... > Вы знаете, она болела брюшным. Потом долго отлеживалась: сердце. <... > А вот лучшее, что произошло за это время: письмо от Левы. Он на старом месте. Работает в музее (так Н.Я. иносказательно называет исправительно-трудовой лагерь. — П.Н.). Пишите, Эмма. Ваша Надя

Милая Эмма, простите, что не ответила Вам сразу. Знаю, что не сердитесь. В ноябре я чуть не умерла, теперь вернулась к жизни. Целую. Анна» (*Герштейн, 1989. С. 257*).

Письмо А.А. к Н.Х. с припиской Н.Я. датировано 10 января 1943 г. (см. с. 262).

2 В Ташкенте Н.Я. преподавала иностранные языки в Центральном доме художественного воспитания детей.

3 А.А. заболела брюшным тифом в самом конце октября 1942 г. Первые шесть дней дома за ней ухаживала Н.Я. Пятого ноября 1942 г. А.А. положили в больницу Ташкентского медицинского института,

где она провела около двух месяцев, попросив при этом Н.Я. воздержаться от посещения. А.А. вернулась домой к 7 января 1943 г.

4 О маршруте и мытарствах Н.Я. и В.Я. Хазиной во время эвакуации (пос. Муйнак в Кара-Калпакии, колхоз возле села Михайловка Джамбульской обл.) см. в письмах Н.Я. к Б.С. Кузину за сентябрь 1941 — июнь 1942 г. (*Кузин, 1999. С. 658–679*). Весной 1942 г. их разыскал ее брат, Е.Я. Хазин; после того, как А.А. сумела добиться для них пропуска, они около 3 июля 1942 г. приехали в Ташкент (*Л. Чуковская, 2007. Т. 1. С. 507*).

5

Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву

6 апреля [1943 г., Ташкент]

6/IV

А это пишу я.

Очень по вас скучаю, потому что я есть ваш друг.

Теперь уж не напишешь, почему бы вам не приехать в Ташкент — далековато...

Это, кажется, Ломоносов сказал, что далековатость укрепляет зрение¹. И я вас вижу с поразительной ясностью в вашей деревянной шкатулке². В пижаме? Или в лучших брюках, сотканых из небесной паутины? Только не ругайте Эммку. Велите ей лучше мне написать.

Хочу в Москву. Но шансов на это мало. Вернее, нет никаких. Ничего не поделаешь — жить мне в Ташкенте и есть персики.

Борис Сергеевич жив. Он там же³. Пишет. Я его обожаю.

Скажите Эмме, что мы ей писали, но ответа не получили⁴.

Целую вас, Николай Иванович, — много, много раз.

Надя

Анна Андреевна велит писать о быте. А что писать — не знаю.

Обедаю в столовой. А.А. — дома. Работаю теткой в Наркомпро-се. Получаю деньги и пропуска. Но всего мало.

Написано химическим карандашом на зеленой бумаге и отправлено вместе с пись-

мом А.А., припиской к которому, собственно говоря, оно и являлось. Конверт,

по всей видимости, отложился среди писем А.А. В своем письме А.А. писала: «Дорогой друг, Ваша открытка была неожиданной и милой радостью. Но как жаль, что мы не встретились в Азии, где сегодня началась нежная зеленеющая свежая весна. Живу в смертной тревоге за Ленинград, за Владимира Георгиевича. Болела много и тяжело. Стала совсем седой. Хотела послать Вам с Валерией Сергеевной мою „Поэму без героя“, которая выросла и приобрела „Эпилог“, но не успела всё это переписать. Как-нибудь в другой раз. От Левы телеграмма. Он здоров и поехал в экспедицию. О возможности моего приезда в Москву поговорите с Валерией Сергеевной. Второе лето в Ташкенте я едва ли вынесу. Получаю изредка письма от Николая Николаевича! (Адрес его: Самарканд, Октябрьская, 13, В[сероссийская] Академия художеств). Передайте мой привет и благодарность Кручыху. Видитесь ли с Бриками? И вообще как всё происходит? И как давно я не видела Вас. Страшно подумать, что листья на деревьях, которые я застала в Ташкенте, выросли еще до войны, а теперь кажется, — это было в прошлом существовании: Марьино роща, и мои приезды в Москву, и проводы на вокзале. Напишите мне, мой дорогой друг. Я Вас всегда помню. Ваша Ахматова» (*Бабаев, 1989. С. 231*).

6

Н.И. Харджиев — Н.Я. Мандельштам
[Начало июня 1943 г., Моснва]

Милая Надежда Яковлвна

Помните тот пир какого-то года — год был соответствующий — вот бы теперь повторить то пирование и объединиться по-детски, с отчаянной веселостью, вокруг стола с песочными пирожками — я очень скучаю по всем дорогим — уже нет ни Хармса, ни Никитина, ни — Вольпе, ни Тренина, ни Юрочки Соколова¹. Когда я прочел о том, что вы воспитываете детей, у меня «болезненно сжа-

Впервые: *Там же. С. 232.*

1 Возможно, Н.Я. имеет в виду следующие строки из «Письма о пользе Стекла» М.В. Ломоносова: «Хоть острым взором нас природа одарила, / Но близость оного конец имеет сила. / Кромé, что вдалеке не кажет нам вещей / И собранных трубой он требует лучей, / Коль многих тварей он еще не достигает, / Которых малой рост пред нами сокрывает!» (*Ломоносов М.В. Избранные произведения. Л.: Сов. писатель, 1986. С. 244*).

2 Имеется в виду комната Н.Х. в Марьиной Роще.

3 В поселке Шортанды Акмолинской области Казахской ССР, куда Б.С. Кузин был послан в середине 1935 г. (с 1938 г. — на положении вольнонаемного). Вплоть до ноября 1944 г. работал здесь на опытной станции республиканского научно-исследовательского института зернового хозяйства. В последующем жил и работал в Алма-Ате (1944–1953) и в Борке (1953–1973).

4 Скорее всего, имеется в виду письмо, о котором А.А. высказалась так: «... Месяца два тому назад Надя и я написали Вам по письму в ответ на Ваши изящные письма, но нашему эпистолярному искусству, очевидно, не повезло, и оно потерпело аварию где-то в районе Ел. Мих. Фрадкиной» (*Герштейн, 1989. С. 257–258*).

лось» сердце — вы мне напомнили чаплиновскую «Парижанку» (не будучи на нее нисколько похожей)².

Я почти утратил работоспособность и даже сейчас с отвращением смотрю на чернильницу. Напишите о себе.

Анна Андреевна мне не написала. Эмма здорова, намерена при положительном звоне въехать в Союз Писателей³.

Если Евг. Як. будет ехать сюда, неуж[ели] он не возьмет вас с [собой?]

Целую вас.

Ваш Н.Х.

АМ. Короб 3. Папка 102. Ед. хр. 17. Почтовая карточка: «Ташкент. Жуковская ул., № 54. Хазину Е.Я. для Надежды Яковлевны». Адрес отправителя: «Москва Страстной бульв., д. 13а, кв. 33. А.А. Попову для Н. Харджиева». Почтовые штампы: «Москва ?.6.43», «Ташкент 14.6.43» (два).

Печатается впервые.

1 Д.И. Хармс в 1941 г. был арестован и в 1942 г. умер в тюрьме, в 1941 г. погибли В.В. Тренин (на Западном фронте) и Ю.Д. Соколов, а М.М. Никитин — в 1942 г. Ц.С. Вольпе пропал без вести, по другим сведениям погиб при переправе через Ладогу в 1941 г.

2 «Парижанка» — легендарная немая мелодрама о нравах высшего общества, режиссерский дебют Ч. Чаплина (1923). После смерти героя его возлюбленная и его мать — до этого заклятые враги — примиряются над его гробом и вместе открывают частный детский дом.

3 Ср. в письме Э.Г. Герштейн Н.Я. Мандельштам от 7 июня 1943 г.: «Дорогая Надичка, приведу еще одну цитатку: „Однаж-

ды к нам приехала совершенно чужая особа, девушка лет сорока, в красной шляпке, с острым подбородком и злыми черными глазами. Ссылаясь на происхождение из местечка Шавли, она требовала, чтобы ее выдали в Петербурге замуж“. Именно так явилась я недавно к Шкловскому, чтоб, ссылаясь на то, что я была у него однажды с Анной Андреевной, стала требовать, чтобы он провел меня в Союз Писателей (ибо рекомендации Эйхенбаума, Бродского, Цявловского и Иракия мне не помогли и мне отказали). С этих пор я от времени до времени робко звоню ему по телефону и напоминаю о себе. Видя мою застенчивость, обусловленную, конечно, мыслью об этой ехидной цитате, Шкловский, наконец, мне сказал. „Вы не стесняйтесь. Звоните“. Вот завтра я опять буду ему звонить. Что из этого выйдет, не знаю, но Шкловский решил мне помочь. Про рекомендации, к[оторы]е мне написали, он сказал, что это „стихи в прозе“, и сам написал мне такую, что ее надо хранить как автограф и целовать перед смертью» (АМ. Короб 3. Папка 103. Ед. хр. 7. Л. 9–10).

7

Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву
<20-е числа июня> [1943 г., Ташкент]

Дорогой Николай Иванович!

С визгом и восторгом прочла вашу открытку и плясала вместе с Анной Андр.

Мы вас часто вспоминаем, и вообще более преданных подружек, чем мы с ней, не бывает на свете.

Она вам много писала. Неужели вы не получали писем?

Жизнь течет довольно быстро. Очень слаба и плоха моя мама¹. Я живу у Лены в ее отсутствие. Куда денусь потом — не знаю. Анна надо мной. Нам хорошо вместе. Если б еще вы были здесь, было б совсем хорошо. Через улицу живет и трубит в хобот Л.К. Чук. Мы с ней не встречаемся. Т. е. я еще встречаюсь. Читаю Достоевского.

Почему вы вспомнили «Парижанку»²?

Я впервые от вас узнала про Никитина и Тренина. Кого еще мы недосчит[аемся]³?

Стоит ли кланяться Эмме? Это вы решите сами. Скоро заболит живот от грязных вишен. Это и есть пиры. Я вас люблю и хочу начать всё сначала.

Надя

Борис Серг. на месте. Я ему пишу. Что слышно про Рудакова? Что он — опять на фронте?

Почтовая карточка: «Москва, Страстной бульвар, д. № 13а, кв. 33. А.А. Попову для Н.И. Харджиева». Адрес отправителя: «Н.Я. Мандельштам. Ташкент, Жуковская, № 54». Опушена в почтовый ящик в Москве. Почтовые штемпели: «Москва 26.6.43» (два), «Москва 28.6.43», «Проверено Военной Цензурой. Москва 582». Помета Н.Х.: «Июнь 1943».

Впервые: *Бабеев, 1989*. С. 235–236 (с датировкой: начало июня 1943 г.).

- 1 В.Я. Хазина (умерла в Ташкенте около 17 сентября 1943 г.).
- 2 См. предыдущее письмо.
- 3 Это слово не дописано и зачеркнуто.

8

Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву

21 июля <1943 г., Ташкент>

21/VII

Дорогой Николай Иванович!

Если письмо — косыночка, то оно записка¹. Письмо будет потом. А сейчас едет Наташа Вишневская. Утро. Еще не проснулась. Болит живот. Жарко. Луна была ночью совершенно непристойная — красная и круглая. День предстоит страшный.

Я никогда не буду в Москве. Я буду жить в Средней Азии. Наши пиры были прекрасны, но они не повторятся. Понимаете ли вы,

сколько сосисок мы не доели? А кофейно-шоколадное драже — дорогое? И вино — в случае приезда друзей... Вчера был Евг. Шварц. Он видел вас в Москве. Говорит, что вы хорошо выглядите, веселы и даже элегантны. Есть ли дыра на брюках? Целую вас.

Надя

Я вам дарю Наташу в подруги для пиров. Она чудная. Я ее очень люблю. Напишите мне.

Надя

Передано с оказией. Помета Н.Х.: «1943? 1944?»

Тогда же Н.Х. написала и А.А.: «Милый Николай Иванович, наш (то есть Надин и мой) друг Наталья Александровна Вишневская передаст Вам это письмо и расскажет о нас всё, что Вам будет интересно узнать. Я опять хвораю — нет сил подняться, а быть в Москве нужно и хочется. В мае я послала Вам несколько писем с Познанской, Ася отвезла Вам мою книгу. Вероятно, Вы молчите, потому что ждете моего приезда. Сейчас узнала Римские новости. Каково? Хочется, как всегда, сказать Вам много замечательных вещей, но меня торопят, или я сама тороплюсь. Все-таки увидимся. Привет Москве. Ваша Ахматова. У нас температура 45°» (*Бабаев, 1989*. С. 236; с неверной датой: 20 июня 1943 г.).

С той же оказией А.А. послала открытку и Б.Л. Пастернаку: «Дорогой Борис Леонидович, письмо Ваше было для меня неожиданной радостью. Как странно, что мы не переписывались всё время — правда? Поздравляю Вас с успехом Вашей книги — вот бы мне на нее посмотреть. Наталия Александровна Вишневская расскажет Вам обо мне. Она прекрасно читает Ваши стихи, и какой голос!» (*Мир Пастернака*. М., 1989. С. 176).

1 Намек на форму письма, так называемый «военный треугольник», т. е. специальным способом сложенный листок, который можно было отправлять, не вкладывая в конверт. Объем письма был ограничен отрезанной по диагонали половинкой листа, отсюда — «записка».

9

Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву

30 июля [1943 г., Ташмент]

30/VII

Дорогой Николай Иванович!

Жизнь, как всегда, прекрасна. Как-то так случилось, что я заматалась и не послала вам писем ни с Наташей Вишневской (первый сорт — вне категорий), ни с Лидой Жуковой (очень мила. Особой одухотворенной силы достигала в период мученического соавторства с Лидией Корнеевной Чуковской¹). Вот сейчас и приходится посылать письмо удлиненным почтовым путем. (Я давно уже заметила, что это гораздо быстрее и верней.)

Живем мы так. Дворик. В этом дворике есть нечто средне-азиатское, чего ни с чем не спутаешь, хотя дома самые обыкновенные, европейские.

В глубине — в буйных джунглях кукурузы — наш. Внизу Же-ня. Наверху — А.А. Сейчас я у нее. По ночам мы открываем окна и дышим. Днем — обливаемся потом, только ручьи у него не холодные, а кипящие.

Я работаю, хозяйничаю и по ночам болтаю с А.А. На всё не хватает времени. Трудней всего разжигать мангал. Где сосиски? Базар завален до небес всеми фруктами и овощами всего мира. Зимой всё было недоступно, сейчас еда идет в руки и люди начали разоряться. Я — поправляюсь вместе со всеми. Цены на фрукты так невысоки, что преступление ими не объедаться и...

Да, я должна вам признаться... Анна Андреевна уже тоже считает, что пора признаваться: дальше скрывать нельзя. Виновна, конечно, она. Она иначе вас не называет, как «наш общий муж»². Я всегда пугаюсь, а потом смеюсь. Бабушка (так меня назвал один узбечонок) была смешлива.

Почему вы не были [на] нашей детской выставке? Ведь она прелестна. В Москве жизнь, наверное, гораздо серьезнее, чем здесь, — и вы — милый, ребячливый, неисправимый старик — как вы плаваете в ней? Тетку Эмму я вполне себе в ней представляю. А вас — нет.

Эмма пишет раз в полгода галантно-элегантные письма. Таковую литературу разводит, что сил нет. Надо, впрочем, ей ответить.

Признаете ли вы нас своими женами и согласны ли признать и третьей и вполне бесправной Эмму? Пожалуйста, телеграфируйте.

Меня премировали на тысячу рублей. Сейчас я отгрызла уже большой кусок, хотя на руки еще ничего не получила.

У А.А. лауреатский паек. Это значит, что она кормит всех, кто нуждается в пище. Очередь не стоит только потому, что у нас богатый двор. Мы живем с ней с апреля, а до этого у нее были другие сожительницы и, когда я приходила, у них был такой вид, как у своего ребенка, у которого отняли хлеб, чтобы отдать его чужому. У меня же довольно миролюбивое отношение к чужим детям, и это скрашивает жизнь.

Сейчас у нас в углу склублилась плесень и воплотилась в Оксану Некрасову³ — маленькую юродивую — незаконную дочь Гуро и Хлебникова⁴. Она помешана на своих стихах и когтит ими всех,

как коршун. Иногда раскрываешь рот от удивления — что за чудо? — а то прет такое, что хочется плакать.

Утром она просыпается с дежурным вопросом, который будет повторять весь день — и всегда об одном и том же: кто может быть ей полезен для напечатанья ее стихов и наверное ли он ей поможет. Перед ней сейчас прямая задача: использовать А.А. на сто процентов⁵.

Напряжение в доме создается к вечеру. Свет горит плохо, она пользуется вечерами для стихов и обсуждений.

Я убеждаю ее, что ей вреден ташкентский климат и что ей нужно обратно в горы, откуда она скатилась. Стихи настолько хороши, что есть искушение вам послать.

В Ташкенте одно бабье. Последний мужчина — Сашка Тышлер⁶. Он вырос на два вершка от горшка и деловито обцеловывает всех ташкентских подруг. Я его обожаю, но боже — какой он мокрый! Мы мокрые, как будто мы всегда только что описались. Мокрое всё. Это климат.

Иду получать нечто в распеде. Это я — Надя.

Целую вас, дорогой Николай Иванович. Пишите, пишите.

Надя

Анна Андр. очень огорчилась, что я во всем призналась, и говорит, что будет беспокоиться, пока не пришлете телеграмму, что согласны на нашу формулу.

Получена телеграмма, в которой привет Наденьке. Не ответ ли это на письмо, привезенное Наташей? Мы даем согласие, чтоб Наташу в третьи жены вместо Эммы. Слово за вами.

А Лидка Чук. — остолоп. Умоляю, молчите. Они мстительны, как папуасы. Этот гигант мысли, не понятый современниками, служит со мной и умеренно пакостит.

Письмо синими (сначала) и красными чернилами на голубой бумаге. Конверт: «Москва, Страстной бульвар, 13а, кв. 33, А.А. Попову. Николаю Ивановичу Харджиеву». Передано с оказией. Помета Н.Х.: «<Ташкент>, апрель 1943».

Впервые: *Бабаев, 1989*. С. 237–238 (с неточной датировкой: апрель 1943 г.).

браны рассказы детей, потерявших родителей и попавших в ташкентские детские дома. Участие Жуковой в этой работе было, по словам Л.К. Чуковской, номинальным (*Л. Чуковская, 2007*. Т. 3. С. 479, 547).

2 Парафраз названия романа Ч. Диккенса «Наш общий друг» (1865). В одном недатированном письме к А.А. Н.Х. подписался так: «Ваш Н. Общий» (*Бабаев, 1989*. С. 243).

3 Правильно — Ксения Некрасова.

1 Имеется в виду кн.: Слово предоставляется детям. Ташкент, 1942, где были со-

4 По всей видимости, намек на то, что родители К. Некрасовой неизвестны (по одной из легендарных версий, ее отцом был Г. Распутин). Из детского дома где-то на Урале ее взял к себе сельский учитель. При эвакуации из Москвы во время бомбежки погиб ее грудной сын, после чего муж, горный инженер, сошел с ума, а сама К. Некрасова получила травматический энцефалит. В. Берестов записал в дневнике, что Н.Я. одно время даже полагала, что стихи К. Некрасовой писала не она, а ее сумасшедший муж (*Берестов В.Д.* Мандельштамовские чтения в Ташкенте во время войны // «Отдай меня, Воронеж...». Третьи международные мандельштамовские чтения. Воронеж, 1995. С. 356).

5 Пятнадцатого августа 1943 г. А.А. обратилась к Эренбургу:

«Милый Илья Григорьевич.

Посылаю Вам стихи Ксении Александровны Некрасовой. Мне они кажутся замечательным явлением, и я полагаю, что нужно всячески поддержать автора. Стихи Некрасовой уже появлялись в журналах до

войны. По эвакуации она попала в горы, на рудники. Потеряла ребенка. Муж сошел с ума и терроризирует ее. Сама она на границе всяких бед. Не знаю, что можно для нея сделать, может быть, вызвать ее в Москву, может быть, снестись с Фрунзе (она в Киргизии), чтобы ее вызвали в центр и снабдили всем необходимым. Конечно, самое лучшее было бы напечатать стихи Некрасовой в журнале или газете — Вам виднее. <... >

Ахматова

Адрес Некрасовой: Сюзюкта, К.С.С.Р., Ошская обл., Советская ул., № 102, кв. 20, Кс. Ал. Высоцкая» (*Фрезинский Б.Я.* Эренбург и Ахматова // Вопросы литературы. 2002. № 2. С. 257–258). В 1944 г. К. Некрасову действительно вызвали в Москву, причем сама Некрасова говорила, что это организовал Эренбург.

6 А.Г. Тышлера Н.Я. знала еще по занятиям у А.А. Экстер в Киеве (он перебрался в Москву в 1921 г.). Во время войны находился в эвакуации в Ташкенте, где сделал известную серию портретов А.А.

10

Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву [Оноло 10 августа 1943 г., Ташкент]

Дорогой Николай Иванович!

Ваше молчание нас очень огорчает. Как вы живете? Что с вами?

Мне очень тревожно: болеет А.А. Очень слаба. Очень плоха сердцем. Сейчас уже неделю лежит: ангина, жар.

Что ей делать — ехать в Москву или зимовать здесь? Я не берусь советовать. Она очень слаба и подвержена всем инфекциям мира. Где ей лучше? Где о ней будут заботиться — просто где у нее будет нянька?

В Москве — холода; здесь — трудный климат. Представить себе, что она ходит обедать, вообще нельзя. Регулярно выходить она не может.

Кто может о ней регулярно здесь заботиться? Она говорит, что зимовать в Ташкенте не будет, но всё, даже дорога, пугает меня —

она так хрупка. Такой она не была. Но выглядит, когда не больна, неплохо.

Все, видимо надеясь на ее приезд, прекратили писать. Никто ничего не пишет: ни о книге, ни о поэме, ни вообще.

Что с вами? Где вы живете? Что делаете и что едите?

Н. Манд.¹

Конверт: «Москва, Страстной б., № 13а, кв. Попова. Для Ник. Ив. Харджиева от Над. Як. Хазиной. Ташкент, Жуковская, № 54». Почтовые штампы: «Москва 16.8.43», «Москва 17.8.43», «Просмотрено Военной Цензурой 18734».

Впервые: *Бабаев, 1989*. С. 233 (с неточной датировкой: апрель 1943 г.).

1 Далее следует карандашный рисунок с надписью: «Харджиеву».

II

Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву

<15 августа 1943 г., Ташкент>

Дорогой Николай Иванович!

Где вы? Что с вами? Просто скучаем.

А.А. пока в Москву не едет. Осенью посмотрим. Сейчас она нездорова. Голова болит.

А.А. сначала не поехала, потому что болела. Потом была страшная жара. Наконец, истратились деньги и кончился пропуск¹. Как видите, всё развивается диалектически.

Посылаем вам два пакета с просьбой передать их каким-нибудь способом Асееву и Эренбургу. Это некрасовиада².

Загляните, умоляем, в стихи и напишите нам.

Целую вас.

Надя

А.А. просит вам кланяться. Скучает без писем. Столько вам писала...

На обороте письма: «Страстной б., № 13а, кв. 33. А.А. Попову для Н. Харджиева». Помета Н.Х: «1943».

Впервые: *Бабаев, 1989*. С. 238–239 (с датировкой: лето 1943 г.).

1 Для реэвакуации требовался специальный вызов или пропуск с фиксированным сроком действия.

2 См. примеч. 5 на с. 272.

12

Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву
29 августа [1943 г., Ташкент]

29/VIII

Дорогой Николай Иванович!

Получив вашу телеграмму, праздновали полтора часа. Обожаю вас, как всегда, но как же будет дальше? Мы, наверное, никогда не увидимся: суждено мне жить в Ташкенте.

Все уезжают. Скоро едут Женя с Леной.

Анна Андр. тоже бы уехала, но она болеет и из-за этого не может ехать. Последние две недели лежит. Температура то высокая, то падает. В чем дело, не понять. Анализ крови малярии не дал.

С огорчением узнала, что вы не подружились с Наташей Вишневской. Если не поздно, исправьте и пойдите к ней. Скажите, что я велела. Считайте это моим завещанием и потому исполните с трепетом.

Пишите, милый, злой старик. Как хорошо, что вы неисправимы.

Целую вас.

Ваша бывшая Надька

Почтовая карточка: «Москва, Страстной б., № 13а, кв. 33. А.А. Попову для Н.И. Харджиева». Адрес отправителя: «Ташкент, Жуковская, № 54, Н.Я. Мандельштам». Почтовые штемпели: «Таш-

кент 29.8.43», «Москва 15.9.43» (два), «Проверено Военной Цензурой 18160». Помета Н.Х.: «Сентябрь 1943». Впервые: *Бабаев, 1989. С. 238.*

13

Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву
28 октября <1943 г., Ташкент>

Дорогой Николай Иванович!

Вы обещали в телеграмме написать. Письмо не появилось. Что с вами? Что вы молчите? Мы обе очень беспокоимся.

Анна Андр. очень болела: у нее была скарлатина. Сейчас оправилась¹. Выходит. Это третья смертельная болезнь за время эвакуации². Как раз в эти дни мы вам телеграфировали. Где же ваше письмо? Где вести о вас?

Право, это нехорошо.

Напишите немедленно.

Надя

28/Х. Хочу в Москву. Но не представляю себе, как это будет. Боюсь даже думать, как будет одиноко после отъезда А.А.

На обороте письма: «Николаю Ивановичу Харджиеву». Помета Н.Х.: «1943».

Впервые: *Бабаев, 1989. С. 240.*

1 Ср. в письме А.А. к Л.Л. Жуковой от 24 ноября 1943 г.: «Я была больна ровно два месяца. Надя ухаживала за мной самоотверженно» (*Жукова Н. О...* М.: Зebra E., 2005. С. 65). Позднее, в письме к Н.Х. от 14 декабря 1943 г., А.А. отозвалась на эту болезнь шутиливой автоэпиграммой:

«Неуважительна причина,
Вам надлежало быть в пути».

«Да я уехала почти,
Но задержала... скарлатина».

(*Бабаев, 1989. С. 240.*)

2 Под первой такой болезнью Н.Я. подразумевает скорее всего азиатскую лихорадку, которой А.А. болела в августе 1942 г. (ср. в недатированном письме Н.Я. к Э.Г. Герштейн: «Анна Андреевна тоже тяжело болела азиатской лихорадкой (по-тапач). Выздоровела. Удивительно молода и хороша. Пишет стихи» (*Герштейн, 1989. С. 257.*)).

14

Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву 7 <апреля 1957 г., Чебонсары>

7-е <апр. 57>¹

Николашенька!

Я только что написала вам бешеное письмо (не успела отправить), что вы не отвечаете.

Ура! Получила от вас.

Нам надо начать работать. Я допускаю, что договор будет не сразу (Орлов надеется на май). Анна, наверное, тоже говорила с Орловым о вас (он у нее был). Но ответ от него на мое предложение (вы и он) пришел молниеносно.

Письмо у Жени — зайдите прочтите.

Ведет себя Орлов по высокому классу. В начале, очевидно, он был запутан Евг. Эм.

Николаш, Николаш — что же будет? Очень волнуюсь.

Так или иначе мы всё приготовим к печати. Кстати, Наташа-ясная, которой стихи, оказалась ангелом. У нее есть всё, вероятно, авторизованное. (Дата — Осинной рукой.)

Лидию Васильевну целую и белочку.

С Женькой будьте страшно нежны.

Надя

Вопрос еще такой: Орлов предложил приехать на заседание комиссии. Я постараюсь приехать в Москву на май, чтобы захватить 29-е и 30-е, а также от силы 6–7 — нет! — 3–4 мая.

Если бы в эти дни в первый раз собралась комиссия! Вопрос:

- 1) Удобно ли это Суркову?
- 2) Сможет ли приехать Орлов?

Орлову я уже написала. Если получу удовлетворительный ответ, надо выяснить с Сурковым. Что с Паперным²? Слышно о нем что-нибудь? Он ведь бегает в этих местах — ему выяснить легче всего.

На письмах пушкинисты ставят даты³.

Заказное письмо. Конверт: «Москва-34. Ул. Кропоткина, д. № 17, кв. 70. Харджиеву Николаю Ивановичу». Адрес отправителя: «Мандельштам, Кооперативная, 10, кв. 13, Чебоксары». Почтовые штемпели: «З[аказное] № 870/4 Чебоксары 40 Чуваши. АССР», «Чебоксары 7.4.57», «Москва <... >».

Процитировано в кн.: *Л. Чуковская, 2001. С. 52.*

Полностью печатается впервые.

1 Текст в угловых скобках — рукой Н.Я. Харджиева.

2 По всей видимости, несколько раньше (в конце марта?) Н.Я. написала и З.С. Паперному, также включенному в состав комиссии. Приводим его ответ: «Уважаемая Надежда Яковлевна! Ваше письмо мне переслали из Москвы в Малеевку, где я с 4 апреля лечусь. Дело в том, что я расхворался, т. к. был неумерен и допускал излишества, но не в чем-нибудь, а только в труде. В Москву возвращусь не скоро, когда поправлюсь, покончу с переутомлением, бессонницей и прочими прелестями. Поэтому пока я мало могу сделать из того, что вы пишете. Ваше пред-

ложение о вводе В.Н. Орлова мне очень нравится. Вы говорите о письме насчет А.А. С[уркова]. Но что я буду писать письмо и кому? Ему? О его председательстве лучше было бы сказать не в письме, а когда мы соберемся. А зачем нам петиции? Впрочем, может быть, я чего-нибудь недопонимаю. Будь я в Москве, я бы смог встретиться с Николаем Ивановичем и Евгением Яковлевичем. А сейчас, здесь, за 100 км от Москвы я плохо представляю, что практически делать. Впрочем, через неделю я должен на один день приехать в Москву и тогда постараюсь встретиться с Н.И. Харджиевым или созвониться. Не сердитесь, что пока я ничего другого не могу сделать. Острое переутомление с довольно грозной бессонницей заставляет всю энергию бросать на лечение. Зато как только снова стану человеком, постараюсь наверстать и буду думать, что нужно. Как теперь любят говорить — „поймите меня по-хорошему“. Желаю всего доброго! Из Москвы опять напишу Вам. Ваш З. Паперный. 8/IV.57» (*АМ. Короб 3. Папка 102. Ед. хр. 15*).

3 Приписка вверху, в самом начале письма.

15

Н.И. Харджиев — Н.Я. Мандельштам
<Середина апреля 1957 г., Москва>

Дорогая Надюша, письма Ваши получил. Позвонил к Е. Я. — он сделает всё в соответствии с Вашими указаниями.

Орлов мне написал любезнейшее письмо — предложение составить, редактировать и комментировать.

Ответственным <ре>дактором (от изд[ательст]ва) будет он.

Я уже ответил.

Предлагаю дополнить том статьями о поэзии — Орлова надо ввести в комиссию.

Анна Андреевна приедет если не сегодня, то завтра.

Устроим маленькое совещание. Без санкции Суркова ничего делать не будем.

Пишите.

Буду отвечать быстро и обстоятельно.

Н.Х.

Лидия Васильевна (Третья Эрзерумочка¹) Вас целует.

АМ. Короб 3. Папка 104. Ед. хр. 11.

Печатается впервые.

1 Здесь комически обыгрывается армяно-греческое происхождение Н.И.:

его жена названа «Третьей Эрзерумочкой» (Эрзерум — город и крепость на северо-востоке современной Турции), т. к. под первыми двумя он шутивно подразумевает своих «жен» А.А. и Н.Я.

16

Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву
15 апреля <1957 г., Чебонсары>

15 апреля

Николашенька! Я чего-то вам написала — и подумала, что наши письма встретятся. Так и вышло.

Вот ответы.

1) Стихи 17 года, может, были напечатаны гораздо позже. [В] 17 — 19–20 уже негде было печатать. Пришлите мне список. Может, я припомню. Некоторые были напечатаны прямо в книгах (17–21); другие были кем-то (Миндлиным) тиснуты в каком-то почти рукописном журнальчике (где-то в Москве или в Феодосии)¹, третьи где-то появились в 22 году.

2) Отрывок из Фредры² переведен в 22 году, когда мы жили на Тверском бульваре. Был разговор, чтобы О.М. перевел Фредру. Сватал, вероятно, Эфрос. Ося попробовал, но сказал, что перевести не будет.

Напечатано впервые и только в госиздатном Камне³.

3) Бетховен⁴ Осины капризы. Видно, он тыркался к новому — не детскому — пониманию Бетховена. Не смог... А как быть? Восстановить, если это стоит. Он фыркал и злился на эти стихи. А потом успокоился и сказал, что надо было печатать по-старому или выбросить. Говорил — дрянь — а почему, объяснить не мог.

С Арменией⁵ очень просто: порядок в напечатанном делал О.Э., а в рукописях я. Следовательно — надо брать напечатанное. А я эту пару вечно путала.

«Как бык» — эпиграф. Снял Полонский⁶, чтобы не возмутить Авербаха. Так и сказал. Но Армения всё же Авербаха возмутила. (В трамвае разговор со мной: М. вернулся и напечатал, говорят, плохие стихи... А дальше: «вечное», а не классовое...)

Разговор с Полонским помню — ведь он был тогда редактором — я не путаю фамилию? Во всяком случае, редактор изобразил негодование Авербаха: Труд? Бык? Как так? Почему грозный? Кто боится труда? Это нам известно? Почему венозные?

Как бы это не повторилось!

Вот по вашему списочку я всё, оказывается, помню, но моя книга у Тали — и нет списка стихов 17 года. А 19?.. а 20?.. А Венеция была напечатана в журнале милиции⁷ — его, конечно, не найти, — и потому называлась «милицейской».

Милый, я по вас тоже очень скучаю, но привязана здесь надолго — до конца мая. А потом вернусь сюда еще в июне. Подавала на конкурс в Орел, но — увы — не взяли. Подаю в Уфу. Авось возьмут.

Интересно, когда С-в был у Анны, говорила она обо мне или предпочла умолчать. Это было бы глупо — так как в ее дела я вмешивала его *энергично* (слевой и последней болезнью). Что он подумает? Но на нее такая дипломатия похожа. Уф!

Конверт помяла я.

Помета Н.Х.: «<1957>».

Печатается впервые.

1 Имеется в виду альманах «Ковчег» (Феодосия, 1920) или журнал «К ис-

кусству!» (Феодосия. 1919. № 2); со-редактором обоих изданий был Э.Л. Миндлин.

2 Диалог из первого действия трагедии Ж. Расина «Федра».

- 3 Третье издание сборника О.М. «Камень» (М.: Госиздат, 1923).
- 4 Стихотворение О.М. «Ода Бетховену» (1914).
- 5 Цикл стихотворений О.М. «Армения» (1930).
- 6 Стихотворение О.М. «Как бык шестикрылый и грозный...» предполагалось печатать в качестве эпитафии к циклу «Армения». Однако в первой публикации

цикла в журнале «Новый мир» (1931, № 4), редактором которого в то время был В.П. Полонский, эпитафия отсутствует.

7 Стихотворение О.М. «Венецкой жизни, мрачной и бесплодной...» (1920) под заглавием «Венеция» печаталось в журнале «Огонек» (1923, № 7); в журнале «Красный милиционер» (1921, № 2–3) опубликовано стихотворение «Прославим, братья, сумерки свободы...».

17

Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву
5 октября [1957 г.], Чебонсары

5 окт.

Николашенька!

Меня напрасно вызвали — занятий еще нет. Я сижу и думаю, а это вредно для желудка. Работать начну 10-го. Уже студенты приехали с целины.

Думаю, что буду в Москве во второй половине ноября.

Кстати, я беспокоюсь, что А. А. вздумает сама разговаривать с Союзом Писателей относительно комнаты: это поставит меня в очень трудное положение — они мигом сделают вид, что мы *обе* отказываемся. Я, кстати, готова отказаться, но *сама*, а может, и не откажусь, я этого еще не решила. Но очень важно, чтобы А.А. ничего не предпринимала. Секретарше Суркова — я сказала. Но говорить об этом надо с Сурковым, а не с его помощниками. Если увидите А. А., узнайте, не собирается ли она что-нибудь делать. Если будет удобно, скажите ей, а нет — напишите мне.

Сейчас получила письмо Жени о Саньке¹ и архиве. Я чувствовала, что будет пакость. Немедленно пишу Жене, чтобы всё взял и дал вам. Хамство.

Еще Женю волнует Литгазета.

Что там? Я видела совершенно невинную фразу. М. *забыт*.² Это?

Умоляю, отвечайте... Забыт так забыт!

В чем дело?

Надя

Конверт: «Москва, ул. Крапоткина, № 17, кв. 70. Харджиёву Ник. Ив.». Адрес отправителя: «Мандельштам, Чебоксары, Кооперативная, 10, кв. 13». Почтовые штемпели: «Чебоксары 6.10.57», «Москва 16.10.67».

Печатается впервые.

1 Кэтим словам Н.Х. сделал следующее примечание: «А. Ивич (Бернштейн) — у него и его брата С.И. Бернштейна находился архив Манд[ельштама]. Часть автографов они оставили у себя». В очерке «Архив» Н.Я. пишет, что А. Ивич по ее просьбе передал архив Н.Х., взяв с него расписку (*Н. Мандельштам-3*. С. 158). Это не совсем так. В действительности А. Ивич, в семье которого с 1946 по 1957 г. хранилась часть архива О.М. (58 автографов и 28 машинописных списков), передал эти материалы по описи, оставив себе заверенный экземпляр, в Комиссию по литературному наследию О. Мандельштама через ее секретаря Е.Я. Хазина (*Богатырева С.И.* «Завещание» // Вопросы литературы. 1992. № 2. С. 258–259). И только потом они поступили в распоряжение Н.Х. В этом письме Н.Я. негодует на «непослушание» А. Ивича, однако позднее она, по свидетельству С.И. Богатыревой, поблагодарила его за проявленную предусмотрительность

и считала, что он поступил правильно (см., например, письмо 37 на с. 303). Что касается автографов, которые, как утверждает Н.Х., братья Бернштейны «оставили у себя», то на самом деле их подарил С.И. Бернштейну О.М. в середине 20-х годов. Эти архивные материалы Н.Х. также использовал при подготовке издания стихов О.М. в серии «Библиотека поэта», обозначив их как «собрание А. Ивича» (*Мандельштам О.* Стихотворения. Л., 1973. С. 260, 262–263 и др.).

2 Имеется в виду анонимная статья «Чьи это „мнения“?» (Литературная газета. 1957. 26 сент.) — отклик на публикацию стихотворения О.М. «На страшной высоте блуждающий огонь...» в переводе С. Поляка в польском журнале «Opinie» (1957, № 1). В этой статье, в частности, говорится: «Недавно в Варшаве вышел первый номер нового ежеквартального журнала „Opinie“ („Мнения“). Это издание специально посвящено, как указывается на обложке первого номера, советской литературе. <...> Спрашивается, как можно судить о советской поэзии нашей страны по стихотворениям М. Цветаевой, под одним из которых стоит дата „1913“, а под другим — „1920“? Или по давно выветрившимся из памяти наших читателей произведениям О. Мандельштама».

18

Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиёву 26 декабря <1957 г.>, Чебоксары

26 дек.

Дорогой Николаша!

Я ищу вязанку для одной мартышки, но пока «выбрасывают» только большие номера.

Мне необходимо что-то рассказать вам о перемене в концепции любви — помните по поводу разных беатричек; и я это очень ясно вижу, потому что знаю, как эта концепция менялась в средневековой литературе. Но бумага этого не терпит... (Я даже пробовала на-

писать вам об этом в письме — и это очень точно и сильно, и сюда входит Хемингуэй с А. ... Причем она этого не понимает.) А Илья Гр. — дурак. Он в последний раз поразил меня тем, что у него под старой кожей бьется молодое сердце. Кожа от этого становится поганой. Тоже мне французики, от которых пахло цыплятами! А я люблю старые сердца — если сердце старое, оно не портит кожу. Кстати, здесь очень скользко и кожаные подошвы скользят... Терпим микропор, роскошен каучук.

Я буду в Москве в начале или во всяком случае в первой трети февраля. Остался один месяц. Напишите мне, как здоровье А.А. Я очень тревожусь, хотя знаю, что врач ее поднял. Это, кажется, всё. Вот...

Крепко целую Лидию Васильевну.
Ваша Н.М.

Конверт: «Москва, ул. Крапоткина, 17,
кв. 70. Харджиёву Н.И.». Адрес отправите-
ля: «Чебоксары, Кооперативная, 10, кв. 13,

Мандельштам». Почтовые штемпели: «Че-
боксары 26.12.67», «Москва 30.12.57».

Печатается впервые.

19

Н.Я. Мандельштам — Л.В. Чаге и Н.И. Харджиёву
21 января 1958 г., [Чебоксары]

21 января 58 г.

Дорогая Лидия Васильевна!

Спасибо за письмо, хотя вести грустные. Но раз Николаша вертится, значит, всё будет хорошо. Пусть наш дорогой, ненаглядный, черный, умный, добрый, хороший друг поправляется. Умоляю, пусть слушается вас и поправляется.

Я буду в начале февраля. Скажите Николаше, чтобы он берег себя.

Я дважды писала Ардовой, и дважды мне не ответили — хамство. Спрашивала, что с А.А. Узнала от вас, что она прыгает. Бог с ней, но если она будет звонить, скажите, что я взбешена. За что, собственно, меня отлучили от ложа и стола?

Обязательно надо съездить на воздух и переменить ваш чортов этаж¹. Вы были в Союзе писателей? Будет ли у них еще что-нибудь? Попробуйте всё же обменяться по объявлению. Я верю в пьяниц.

Как помогло лекарство? Что это?

Пишите мне о Николаше — очень прошу вас. У меня так заболело сердце от вашего письма.

Николаша, вы имели право иметь вкусы, выбирать дачи, желать сидеть в комнате или шляться, пока были одиноким черным жуком. Поставьте на этом крест. Вы теперь женаты — и мало того: я признала вашу жену! Надо лечиться, надо быть умницей, надо спокойно тратить время... Я приеду и пойду в библиотеку — сделаю всё, что вам нужно, как лучший секретарь.

Если вы поедете на дачу, я к вам сейчас же приеду и буду вертеть хвостом перед вами и Лидией Васильевной (видите, я даже не называю ее мартышкой!).

Николаша, не болейте, я так боюсь за вас... Ведь мне жить еще 30 лет... Я бы так хотела, чтобы вы с Л.В. тоже жили со мной... Берегите себя, дружок...

А Эмма-то, Эмма, подумайте! Позвонила! Помирилась она с А.А.?

Но больше всего мне жалко глазастую капитанскую вдову — не смейте ее пугать!²

Я всегда подзревала, что Белый хорош... Проза или стихи? В стихах Ося любил дьякона и то, что Белый называл «некрасовские»³.

Надя

Николашенька, умоляю, лечитесь, как послушный человек, нам столько еще с вами надо сделать. Надо быть спокойным и здоровым, надо пожить на даче, надо быть умным.

Умоляю писать!!

Конверт: «Москва, ул. Крапоткина, № 17, кв. 70. Чага Лидии Васильевне». Адрес отправителя: «Мандельштам Н.Я. Чебоксары, Кооперативная, 10, кв. 13». Почтовые штампы: «Чебоксары 22.1.58», «Москва 27.1.58».

Печатается впервые.

1 Квартира Н.Х. находилась на четвертом этаже доходного дома с весьма высокими пролетами.

2 Очевидно, Н.Я. подразумевает Л.С. Рудакову.

3 Имеются в виду стихи из книги Андрея Белого «Пепел» (1909), посвященной памяти Н.А. Некрасова и снабженной эпиграфом из одного из его стихотворений. «Дьякон» — скорее всего, стихотворение Андрея Белого «Веселье на Руси» (1906).

20

Н.Я. Мандельштам — Л.В. Чаге и Н.И. Харджиеву

21 апреля [1958 г.], Чебоксары

21-е

Дорогой Николаша и милая худышка-попрыгущечка!

Специфическая форма моей тоски-ностальгии — страх. А так как за себя я не умею бояться, страх принимает форму телеграмм — боюсь за друзей — вдруг больны, вдруг грустны... Как мне одна баба на моем пестром пути говорила: не грусти, Надежда, пойди бахни телеграмму. Не сердитесь на меня — я очень в дни телеграмм тоскую и бьюсь о стены своей клетки.

Сейчас я много работаю и устаю. В марте¹ в Москву не попаду... Может, в начале мая. Умоляю, пишите. Тоска и страх питаются отсутствием писем.

Васильев — он шишка в Союзе — передал Варе, что с Осей (книгой) пока всё в порядке... «Я книгой был» — очевидно, сдвиг времен — вместо «был бы» в будущем или «буду»². Бедный мой Оська!

Может, Ямбы Барбье были переведены не целиком, но почти целиком³. Во всяком случае, часть рукописи пропала в Госиздате — я сначала хотела пойти переписать, а когда собралась — уже никто не знал, где она. Точно так было с «Алексеем». Но за Алексея Ося был спокоен, потому что он был напечатан⁴. А Барбье он не ценил, т. к. лучшие напечатал. Уже в Прожекторе — неудачный перевод (вернее, что-то, где не «зацепилось»)⁵. Вот что я помню.

Пишите мне, милые.

Крепко целую обоих.

Очень скучаю.

Надя

Пусть Таля переписывает пока 2-ю часть (новые 90 [страниц]), где установился текст... Она ведь медлительная. Как Варя? Попробовалась? Была мила? Она очень хорошая.

Заказное письмо. Конверт: «Москва Г-34, ул. Крапоткина, № 17, кв. 70. Чага Лидия Васильевна». Адрес отправителя: «Мандельштам, Чебоксары, Кооперативная, 10, кв. 13». Почтовые штампы: «З[аказное] № 81/4 Чебоксары 40 Чуваш. АССР», «Чебоксары 21.4.58», «Москва 28.4.58».

Печатается впервые.

- 1 Описка, имеется в виду май.
- 2 Речь идет о строке из стихотворения О.М. «К немецкой речи» (1932).
- 3 Известно девять стихотворений О. Барбье, переведенных О.М.

4 См. примеч. 5 на с. 228.
 5 В журнале «Прожектор» (1923. 15 авг.
 № 13) под названием «Собачья склока»

был напечатан перевод О.М. стихотворения О. Барбье «La Cugée».

21

Н.Я. Мандельштам — Л.В. Чаге и Н.И. Харджиеву
15 марта [1959 г., Ташкент]

15/III

Целую супругов Харджиевых и предупреждаю, что по-прежнему обожаю их.

В Ташкенте прекрасно. Я решила временно выздороветь от всех болезней, чего и вам желаю.

Летаю я как птичка. Собираюсь проползти в Самарканд, чтобы зреньем напитать¹ свою не старость, а девическую зрелость.

Хочу с Чагой в ресторанчик кушать полезное².

Н.М.

Анна в Москве? Привет...

3-11-51 — ташкентский телефон.

Бородинская, 24, Бабаеву.

Год написания письма устанавливается по воспоминаниям Л.В. Глазуновой, жены Э.Г. Бабаева, у которых Н.Я. останавливалась во время своего приезда в Ташкент в 1959 г. (*Бабаев, 2000*. С. 321–328), а также по завещанию на всё имущество, включая авторское право, составленному Н.Я. в Ташкенте 13 марта 1959 г. в пользу Э.Г. Бабаева и Л.В. Глазуновой в равных

долях (факсимиле — *там же*, на вкладке перед с. 97).

Печатается впервые.

1 Из стихотворения О.М. «Канцона» (1931).

2 Парафраз слов Н.Х.: «Ешьте, Надя, это дорогое» (см. с. 46–47).

22

Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву
23 декабря [1960 г., Таруса]

23 декабря

Николаша! Спасибо за письмо... Ну что ж — всё обошлось благополучно, и слава богу. Что с ней?¹ Старость — это не только «скля-роза», но еще выявление самых характерных черт. Пока можно, их сдерживают и скрывают, а тут они лезут наружу. Из

всех нас полезло. Скоро и из вас полезет — вы же у нас молоденький. Из меня еще мало лезет — это начнется ближе к 70. Тяжелый портрет...

Эта фраза: «защищать от меня Леву» повторяется по всей линии. Самозащита. Хорошо, что так — она сдержится с самим Левой. Я рада, что я не в Москве, но всё это очень грустно. Еще — настоячиво — со мной никакой ссоры не было. Эмма пишет, что она обращалась к юристу (через Ардова), и я оказалась права. Хорошо, что есть множество свидетелей для будущего процесса Лева — Ира². Бог с ними...

Как у вас? Пишите мне хоть иногда. Я ужасно обрадовалась вашему письму: оно чудное.

Мерзкая погода портит мне жизнь, зато в моих холодных комнатах тепло.

Чего-то я очень напряженно думаю и всё время рисую свою левую руку. До чего доводит изоляция!

Целуйте Чагу и не забывайте.

Н.М.

Конверт: «Москва, ул. Крапоткина, 17, кв. 70. Харджиёву Николаю Ивановичу».

Адрес отправителя: «Н. Мандельштам».

Почтовые штемпели: «Таруса 25.12.60»,

«Москва 27.12.60».

Печатается впервые.

1 Здесь и далее речь идет об А.А.

2 См. с. 55.

23

Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиёву

7 июля [1961 г., Таруса]

7 июля

Николаша, птичка моя чернобородая!

По небу ходит гроза, я готовлю Женьке обеды (Любищев уехал) и ужины, он спокоен и весел. Сегодня такое красивое число¹, что, наверное, кто-нибудь празднует день рождения... А я нет.

Сегодня я целый день ничего не делаю. У нас была женщина-математик, доктор наук. Она в душе кибернетик. Куда девать душу? Не пора ли нам стать дуалистами?

Моя душа хочет, чтобы вы ко мне приехали. Для этого нужно предварительно пожить в Малеевке². Достала Чага путевку?

Когда я буду вдовой, я сниму виллу — вы сами выберете где, и нам больше не придется ездить в дома отдыха. Как вы относитесь к виллам? Давайте возьмем с собой Чагу, чтобы она нас развлекала. Ведь она у нас молоденькая.

Эти дни мы здесь одиноки — Оттен и Гольшева в Москве.

Quand même³ мы едим клубнику в неограниченном количестве. Вы приедете на яблоки и сливы.

Николашка, мне скучно без вас. Я написала Анне, что приеду еще раз, когда она соберется в Ленинград. Мне ее очень жаль, но всё же хорошо, что она отказалась тогда от квартиры.

Целую вас, Николаша.

Женька сегодня признал, что Ося растет и что я не так уж глупа, что сидела с ним.

Конверт: «Москва, ул. Крапоткина, 17, кв. 70. Чаге Лидии Васильевне». Почтовые штемпели: «Таруса 7.7.61», «Москва 9.7.61».

Печатается впервые.

- 1 Седьмое число седьмого месяца.
- 2 Подмосковный дом творчества писателей.
- 3 Тем не менее, всё же (*фр.*).

24

**Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву
9 октября <1961 г.>, Таруса**

9 октября

Николаша! Может быть, дней через 5 пойдет пустая машина. Попросить, чтобы вас взяли? Я не могу терпеть вашего образа жизни. Я готова вас разорвать.

Неужели вы мне не ответите?

Надя

Помните, как мы умеем смеяться вместе?

Почтовая карточка: «Москва, ул. Крапоткина, № 17, кв. 70. Харджиеву Николаю Ивановичу». Адрес отправителя: «Таруса, Калужской области, 1-я Садовая, 2. Ман-

дельштам». Почтовый штемпель: «Таруса 9.10.61».

Печатается впервые.

25**Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву****2 ноября <1961 г., Таруса>**

2 ноября

Николашенька! Послать вам «Тарусские страницы»¹ или при-
слать с Варей?

Мне очень жаль, что вы не приехали. Но еще не поздно. Ко мне
через день ходит работница — может, это вас соблазнит?

Анна в больнице. Но, кажется, в порядке. Был, будто бы, инфаркт.

Целую вас.

Надя

1-я Садовая, № 2.

Печатается впервые.

см. примеч. 2 на с. 238 и примеч. 6 на
с. 241.

1 О материалах, опубликованных
в сборнике «Тарусские страницы»,

26**Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву****[21 декабря 1961 г., Таруса]**

Николаша! Почему вы не послали мне копии письма Орлова?
Это очень нужно (1-я Садовая, № 2, Таруса, Калужской области).

Не волнуйтесь из-за всего этого — нужно умно маневрировать,
чтобы Орлов не мог свалить ответственность на вас (или, как он
хотел, на меня). Гнус! Я, кстати, понимаю, почему ему нужно, за-
держивая издание, делать вид, что виноват кто-то (жена или редак-
тор), а не издательство. Худо нам, старик, но мы должны быть ум-
ными, не терять ни веселья, ни бодрости, ни отчаянья¹.

Надя

Чаге привет. Пусть вспомнит меня и напишет.

А, Чага!?! Как? Напишите.

Конверт: «Москва, ул. Крапоткина, 17,
кв. 70. Харджиеву Николаю Ивановичу».
Почтовые штемпели: «Таруса 21.12.61»,
«Москва 24.12.61».

Печатается впервые.

1 Парафраз любимой поговорки
Н.Н. Пунина «Не теряйте отчаянья»; ее
привела и А.А. в письме к Н.Х. от 25 мая
1942 г. (*Бабаев, 1992. С. 207*).

27**Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву****27 сентября [1962 г., Пенев]**

27-е

Николаша, друг мой! Ради бога не огорчайтесь из-за письма. Я его хранила из зловредства — хотела, чтобы все понимали то, что видела я в Борисе Леонидовиче. Раз пропало, значит, так и надо: не зловредничай! Мелкое и паршивое занятие.

Мне неприятно только ваше огорчение. Плкуньте. Не думайте об этом. То ли мы теряли!

Я очень жалею, что не могла зайти к вам в среду — в день отъезда. Но я буквально сдохла от укладки миллиона вещей. Ведь это не отъезд, а переезд — даже твердого знака нет.

Еще, Николаша, ради Бога, пишите. Не забывайте, что я одна и мне трудно. Не могу без писем. Буду воображать чорт знает что. Где вы? Что с вами?

Впрочем, не где вы, а где я.

Псков производит чудное впечатление вместе со стариной и новыми домами. Масса зелени. На 1^{1/2} месяца отдельная однокомнатная квартира. Но что будет дальше?

Я скукаю и волнуюсь. Сообщите, как вы работаете с редакторшей¹. Не забывайте меня.

Надя

Расклеивала письмо я.

Конверт: «Москва Г-34, ул. Крапоткина,
17, кв. 70. Харджиеву Николаю Ивановичу».
Почтовые штемпели: «Псков 28.9.62»,
«Москва 1.10.62».

Печатается впервые.

1 И.В. Исакович.

28**Н.И. Харджиев — Н.Я. Мандельштам****<Начало октября 1962 г., Москва>**

Надежда Яковлевна, пишу абсолютно всерьез.

Пожалуйста, не уговаривайте меня перестать волноваться.

К тому, что меня волнует, Б.Л. не имеет никакого отношения.

Это ваше право считать Б.Л. счастливым или быть к нему великодушной.

Но я от вашего великодушия отказываюсь.

Повторяю: у меня не пропало и не могло пропасть ни листочка, ни обрывка, ни запятой.¹

Именно поэтому я и взвалил на себя весь чернорабочий труд по изданию.

Если вы этого не понимаете, то я разрешаю вам плюнуть мне в лицо и прекратить со мной знакомство.

Н.Х.

Черновик. Автограф. В самом низу рисунок щекастой женщины — возможно, шарж на Н.Я.

ВАГМ ошибочно подложен вместе с черновиком письма Н.Х. к Н.Я. от 24 мая 1967 г.

Печатается впервые.

1 См. предыдущее письмо.

29

Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву

14 октября [1962 г., Пенев]

14 октября

Николаша! Не пишите мне дуэльных писем — мы для этого слишком любим друг друга. И я для вас вот уже лет сорок не Надежда Яковлевна.

В дуэльных письмах всегда всё глупо. Вы «взвалили на себя чернорабочий труд» вовсе не потому, что умеете хранить бумажки, а потому что вы — это вы.

Не меньшая чушь и всё остальное. Есть много вещей, которые от нас и от наших свойств не зависят. Я думала, что вы меня понимаете. Но об этом поговорим, когда встретимся.

В данном случае я все-таки думаю, что «искомое письмо» находится где-нибудь среди моих бумаг. Приехав в Москву, я проверю. Я пришла к этой мысли, потому что сейчас шестидесятые, а не тридцатые и не сороковые годы, когда у меня часто всё пропадало оптом и в розницу. Дай бог, чтобы было так и оно нашлось. Меня интересует сейчас не письмо (на него плевать), а самый факт.¹

Если вы меня и сейчас не понимаете, то отложим ссору и объяснение до встречи. Откровенно сказать, я думала, что вы меня всё время понимали, хотя у вас нет моего опыта. Если мы встретимся, вы меня поймете сразу, и ссоры не произойдет. Вот и всё.

Если и это письмо вас рассердит, сдержитесь. Человеческие отношения — то есть наши с вами — важнее всего. Попробуйте мне почеловечески написать — я буду рада. Вспомните, что я никогда не поддавалась мелкому раздражению в отношениях с людьми, которыми дорожу. А мы с вами друг другом дорожим. Не забывайте этого.

Надя

Знакомства прекращать с вами я не намерена. С какой стати? А вы? Вы так легко собираетесь отдать меня?

Конверт: «Москва Г-34, ул. Крапоткина, 17, кв. 70. Н.И. Харджиеву». Почтовые штемпели: «Псков 15.10.62», «Москва 17.10.62».

Печатается впервые.

1 См. письма 27 и 28.

30

Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву <Первые числа января 1963 г., Псков>

Николашенька! Спасибо за добрую весть, переданную с Юлей. Очень хорошо, что рукопись в издательстве, а там будь что будет. Орлов, я думаю, вполне к этому равнодушен. Об его заместителе (Егоров, кажется) говорят очень хорошо. Но не всё, что хорошо для других, хорошо и для нас. Еще вопрос, кем сочтут Осю — борцом против культа личности или декадентом. Там увидим.

Мне понравилось: приезжала женщина из Ленинградского университета; обо мне не знает... Ведет кружок на филфаке. Жалуются: студенты ни о чем не хотят слышать, кроме М. и Марины. Беда.¹

Саша Морозов мне написал, что у вас был «мемуар» Миндлина². Читали ли вы? Македонов мне его прислал. Это поганая пошлятина и брехня. Журналистская стилизация темы «поэта». Из О. высказывают стихотворные строчки (вплоть до «Я вернулся в мой город» — в 25 году³ после разговора с Ахматовой) — недержание мочи... Он говорит, будто Ося предлагал «рассказать стихотворение» и тому подобное. Я написала Македонову (на 14 машинописных страницах) о том, почему это не воспоминания, а липа. Возвожу я всю эту концепцию к Волошину. Напишите, что вы об этом думаете.

Надя

Конверт с пометой: «Харджиеву» (очевидно, передано Ю.М. Живовой, возвратившейся из Пскова после встречи вместе с Н.Я. Нового года).

Печатается впервые.

1 По-видимому, имеется в виду Л.И. Вольперт. В это время она работала в Пскове и часто ездила в Тарту, где жила, и в Ленинград, где жили ее родители и где она защищала кандидатскую диссертацию. В Пскове она познакомилась с Н.Я.: «... Меня привели в ее каморку

с печуркой, она покорила меня сразу интересом к шахматам» (из письма В. Литвинову от 11 ноября 2006 г.). Возможно, что Вольперт пересказывала историю о студенческом кружке со слов своей подруги, З.Г. Минц.

2 Речь, по всей видимости, идет о машинописном варианте фрагмента воспоминаний Э.Л. Миндлина «Необыкновенные собеседники», опубликованных только в 1968 г.

3 Упомянутое стихотворение О.М. было написано в 1930 г.

31

Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву [6 января 1963 г., Пенев]

6 декабря¹

Николаша! Юлия привезла мне добрую весть про то, что рукопись сдана. Она говорит, что вам не особенно напоминали. Вполне естественно. Зачем торопить? Они ждали «Нового Мира» (№ 11) и дальнейшего поворота событий². И легче легкого, если рукопись у редактора. Орлов сам равнодушен [к] книге, но к нему все пристаюют — и извне, и в редакции. Для него промедление не по его вине очень удобная вещь. Но не надо сердиться и на Орлова — он для нее очень много сделал. И сейчас главное, чтобы она вышла *в любом виде*. Что у вас всё сделано с блеском, я не сомневаюсь.

«Чемчура» — выдуманное слово; а может, нечто вроде этого есть в цыганских песнях.

Про «чемчуру» я знаю от Саши Морозова — он иногда пишет. Счастлив, что вы с ним разговариваете. Сохраните его — он того стоит.

Он же мне написал про Миндлина. Читали ли вы? Это чушь и пошлость. Мне прислал их Македонов. Я не поленилась ответить ему письмом на 14 страницах на машинке — разоблачение пошлятины и вранья. У меня есть копия. Я приеду на неделю в середине февраля и привезу. Во всяком случае, не говорите о МиндLINE, не прочитав. Ведь вы эксперт и авторитет.

Не уходите в себя — не забывайте меня, пишите хоть изредка.

Надя

Конверт: «Москва, ул. Крапоткина, 17, кв. 70. Харджиеву Ник. Ив.». Адрес отправителя: «Н. Мандельштам». Почтовые штемпели: «Псков 7.1.63», «Москва 9.1.63».

Печатается впервые.

1 Описка; надо: 6 января.

2 Имеется в виду реакция на выход повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (Новый мир. 1962. № 11).

32

**Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву
21 февраля <1963 г., Псков>**

21 февраля

Николаша! Я вчера получила вашу открыточку, но до этого успела опустить письмо с призывом ответить мне.

Вы правы, что похвала редактору хуже всего в письме. Но что делать, имея под боком Орлова? Надо было хоть одного человека иметь полностью на своей стороне для разговоров с Орловым, который, кстати, будет хамить, как захочет, и обливать грязью и вас, и меня, если ему понадобится. Вот почему я показала В.М., что стою горой за именно этого редактора.

У Орлова сейчас намечается крупная стычка с дочерью Марины, Алей. Причина та же: он выбрал груду дрянных детских стихов, одно даже не Марины, а Чеботаревской, потому что они «понятные». Аля борется, но к чему это приведет, не знаю. Мы получим с вами пачку такого же развлечения, и лучше действовать через Жирмунского, чем иметь дело непосредственно с Орловым. Для этого надо парализовать все возможные доводы Орлова (вроде: «*Х. любит непонятное*»). Это еще самое невинное из того, на что способен наш благодетель).

Всё это мне заранее осточертело, а выхода нет. Даже послать его к матери нельзя. Надо будет разговаривать. В апреле, думаю, и мне надо будет поехать, если план утвердят. Допускаю, что всё отложится еще лет на десять¹. Слышно что-нибудь? Как будто нет. Следите за секретариатом Союза. Кстати, он произойдет, вероятно, без Суркова...

Что еще? Остается только плевать и спать, что я и делаю.

Лева выйдет скоро из больницы. Болезнь по-прежнему скрывается.

Слущкий окончательно специализировался на Хлебникове. Сейчас будет воздвигать памятник. Иначе, присосался. Слава

богу, что он мне не покровительствует. Этого бы только не хватало...

Чувствуете, что со мной делается?

Надя

Николаша! Скоро — на этой неделе — вам пора звонить Наталье Александровне. Не забудьте!

Печатается впервые.

1 Книга вышла только в 1973 г.

33

Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву
[16 мая 1967 г., Москва]

Дорогой Николаша!

Я вас прошу — отнеситесь серьезно к моему письму. Надо все-таки учитывать [желания] и других людей, а не диктовать свою волю и не рвать с людьми просто потому, что они хотят другого и иначе смотрят на какие-то вещи¹.

Вам известно, что я была на положении ссыльной в течение многих лет. Именно поэтому всё приняло такой оборот. Если б я была нормально устроена, как Лиля Брик и прочие вдовы, вы бы приходили ко мне или я к вам, вы бы брали у меня небольшие пачки стихов и так далее... *Я бы никогда не рассталась со стихами, чудом спасенными*,² на которые я положила всю свою жизнь³.

Теперь уже полтора года у меня есть крыша — вернее, потолок над головой. Я очень осторожно подошла к вопросу об этих бумагах. В прошлом году я не говорила с вами о них, потому что вы еще были в трудном положении, и я считала, что нельзя вас трогать⁴. Сейчас мы в равном положении. Правильно ли, что вы *полностью* отлучили меня от этих листочков? Я просила вас только о том, чтобы вы мне дали возможность *их сфотографировать*. Вы взяли срок (3 или 2 месяца), чтобы найти своего фотографа. Я на это пошла. Сделали ли вы хоть что-нибудь, чтобы найти фотографа? Вы, вероятно, считали, что это моя блажь и больше ничего... Блажь ли это? Можно ли оставлять эти листки в одном экземпляре? Думаю, что нет. Нельзя подвергать их случайностям. Я просила положить сверху листок с распоряжением на случай вашей смерти. Сделали ли вы это?

Я хранила всё это в труднейшие дни, с риском для жизни. Могу ли я предоставлять случаю их дальнейшее существование?

Теперь ваша мотивировка. Вы вложили в них свою работу, т. е. отобрали тексты, которые считали окончательными. Можно в конкретных случаях с вами не соглашаться («вехи дальнего обоза»⁵), можно просто раскрыть от удивления рот: это когда вы мне сказали про последнюю строфу в «Солдате», т. е. «наливаются кровью аорты»...⁶ Но об этом можно договориться. Вы знаете, что я не считаю себя хорошим текстологом (да и вообще я не текстолог) — вам я готова доверять. Вы знаете, что я что-то вспоминала и никогда ни на чем не настаивала. Кого вы боялись, если бы архив очутился в моих руках? Меня? Людей, которые украдут фотографии? А почему тексты секрет? По ним не видно, что вы считаете последним и окончательным вариантом, т. е. *вашу работу украсть нельзя* с помощью этих листов. В чем же дело?

Может, вы считаете, что я их начну распродавать? Какие у вас основания не доверять мне то, что я сохранила?

А теперь почему я требовала тексты и фотографии.

1) Для того, чтобы в случае какой-нибудь истории⁷ у нас были фотографии. Хотя бы фотографии. Если б я могла сфотографировать то, что я дала на *сохранение* Рудакову, мы бы с вами на мели не сидели. Боюсь, что Рудаков сам уничтожил «маленькие листочки». У него была мания, что всё должно сохраниться в *его почерке* и с *его поправками* к Осиному тексту. К несчастью, я не могла этого тогда сделать, т. е. сфотографировать. Вот всё и пропало. Но тогда у меня выбора не было. Сейчас есть. *Нужны фотографии.*

2) Я всю жизнь тоскую в разлуке с рукописями. Для меня эти листки — встреча с Осей. Вы, вероятно, забыли, что вы мне не давали ничего в руки, что я с трудом получила у вас какие-то листки, чтобы дать для книги в Праге (фотографии)⁸. Правы ли вы были, что лишали меня этого? Мое психическое состояние для вас нуль, только ваше: вам нужно было, чтобы эти листки [находились] рядом с вами. Я вас берегла. Берегли ли вы меня?

3) Я думаю о смерти. Я вам это сказала, когда мы говорили о фотографиях. Кто, кроме меня, может дать объяснения: когда что записывалось, где писалось, как писалось? ... Я считаю, что это я обязана сделать, чтобы возместить утраты в бумагах. Иначе будут думать чорт знает что... Имею я на это право? Я дала вам льготный срок на фотографированье. Вы могли за это время если не сфото-

графировать, то проработать что угодно. Вы со мной настолько не считались, что этого и не подумали сделать. А мне вы отказываете в возможности сделать ту работу, которую я считаю своей обязанностью. Почему?

4) Рукописи в плохом виде. Карандаш стирается. До моей смерти надо их прочесть *все*. Имею я на это право? Вы же не прочли части черновики. Ведь даже черновики к «Волку»⁹ прочла я. Мы много раз с вами говорили о подготовке полного издания. Мы этого пока не сделали.

5) Между прочим, мне для моей работы — вы можете ее презирать, но она существует и способствует восстановлению Оси и знанию о нем¹⁰ — нужны черновики. В прошлой работе я написала о том, как он писал по черновикам «Волка». В этой работе я предполагаю сделать еще кое-что. Почему вашу работу я уважаю, а вашу нет? Она вам может не нравиться. Это ваше дело. Но мое право на эту работу неоспоримо. Так ли это?

6) Вы предполагали дать еще стихи в книгу. Я лично предпочитаю, чтобы эта первая книга была маленькой, но не в этом дело. Вы поставили вопрос так: если я забираю материалы, вы пишете в редакцию, что отказываетесь от дополнений. Я считаю такую постановку вопроса оскорбительной для Оси. Если рукописи у вдовы, то ну его к чорту вместе с его вдовой — вот что это значит. Правильная ли это постановка вопроса? К вдове вы можете приехать: я-то вам всё покажу — не так, как вы мне. Вы можете сказать Саше, и он вам привезет что нужно. Лиле Брик вы таких условий не ставили? *Ссылкой*¹¹ Наде можно? Я считаю, что вы просто чего-то не подумали. Это было нервическое движение и привычка не считаться со мной. Уверена, что, обдумав это, вы поймете, что рвать вам не только со мной, но и с Осей не следует. Это вам решать, но я готова на любой контакт с вами; я ценю нашу многолетнюю дружбу, храню память о сосиске¹², считаю вас отличным текстологом и верю вам (хотя не всегда: «Солдат»).

Кое-чего вы просто не знаете. Это детали, которые могут знать только я. Не мешало бы использовать мое знание. Почему вам его игнорировать? Вы знаете, я не навязчива. . . Скажем, некоторые датировки прозы и стихов. Скоро смерть. Не пора ли мне что-то сделать?

Итак, итоги.

По отношению ко мне вы держались гораздо более жестко, чем я по отношению к вам. Я считаю, что разрыв наш был бы идиоти-

чен и для вас, и для меня. Только на радость вашим врагам. Кому это нужно?

Теперь — остается вопрос о моем завещании. Всё то, что я вам говорила, остается в силе. Вопрос в вашем согласии и готовности принять некоторые права и обязанности.¹³ Это зависит от вас. Решайте сами, но не сгоряча.

Надя¹⁴

Заказное письмо. Конверт: «Москва, ул. Крапоткина, 17, кв. 70. Харджиеву Ник. Ив.». Адрес отправителя: «Москва М-447, Большая Черемушкинская, № 50, корп. 1, кв. 4, Мандельштам Над. Як.». Почтовые штемпели: «Москва 16.5.67» (три).

Печатается впервые.

1 Письмо написано в ответ на попытку Н.Х. обострить отношения с Н.Я., когда она после неоднократных просьб вернуть ей архив О.М., который находился у него с 1957 г., пришла к нему домой и забрала рукописи.

2 Здесь и далее в этом письме курсивом выделены слова, подчеркнутые Н.Х.

3 К этим словам Н.Х. сделал следующее примечание: «Архив Мандельштама находится у С.И. Бернштейна, который весьма неохотно предоставил рукописи в мое распоряжение (и часть автографов припрятал). Их унаследовал его братец А. Ивич». Таким образом, Н.Х. утверждает, что архив О.М. хранился вовсе не у Н.Я. Это неверно. У С.И. Бернштейна находилась лишь часть архива (86 единиц), и то кратко — только в 1946 г., а затем до 1957 г. эти рукописи хранились у А. Ивича. Не соответствует действительности и утверждение Н.Х. о том, что С.И. Берштейн «весьма неохотно предоставил рукописи» в его распоряжение — ими он к тому времени уже не располагал (об обстоятельствах передачи этих материалов Н.Х. и якобы «припрятанных» автографах см. примеч. 1 на с. 280).

4 В статье «Конец Харджиева» Н.Я., касаясь обстоятельств того времени, писала: «Анна Андреевна всё время настаивала, чтобы я забрала у Харджиева бумаги. Я медлила: это был несчастный, безумный старик, лишенный даже тени благополучия. Зимой 66 года его дела устроились благодаря Саше Морозову — книга в „Искусстве“, деньги и наконец пенсия с января 67 года. Я ждала получения пенсии. Когда пенсию получила Эмма Герштейн, Харджиев с явной завистью сказал: „Подумайте, у нее есть пенсия...“ Это казалось ему верхом благополучия, и старика в таком положении я обидеть не могла: единственное, что его утешало, — это чемоданчик с рукописями, которые я ему доверила» (*Н. Мандельштам-3*. С. 163).

5 Первую строку этого стихотворения О.М. Н.Х. предлагал читать по авторизованному списку «Вехи дальние обоза...» (*Герштейн*, 2002. С. 715). Н.Я. считала правильным вариант из так называемой «Наташиной книги»: «Вехи дальнего обоза...» (*Н. Мандельштам-3*. С. 385). В современных изданиях стихов О.М. принято чтение «дальние».

6 Ср. в письме Н.Я. к Ю.П. Иваску (осень 1976 г.): «Милый Юрий Павлович! Очень была рада получить от Вас весточку. Сейчас О.М. есть в огромном количестве экземпляров — ксерокопии, конечно. Вы считаете вершиной О.М. „Венецию“. Он считал центром Стихи о неизвестном солдате. Я их не позволила напечатать в советском издании, потому что Харджиев (редактор) хотел тиснуть без последней

строфы («И в кулак зажимая истертый»). Дурак и скотина. Я из Воронежа привезла ему рукопись (моей рукой), когда этой строфы еще не было. Советские издания ужасны...» (Amherst College Center for Russian Culture. Jurij (George) P. Ivask Papers. Box 15. Folder 43; местонахождение рукописи «Стихов о неизвестном солдате», о которой упоминает Н.Я., в настоящее время неизвестно).

7 Напомним, что к этому времени машинопись первой книги ее воспоминаний была уже на Западе (у К. Брауна в США). Предвидеть реакцию властей в случае опубликования книги было бы крайне трудно. Поэтому под «историей» Н.Я. могла подразумевать здесь всё что угодно, — вплоть до изъятия архива и собственного ареста.

8 См. письмо 46 на с. 253.

9 Стихотворение О.М. «За гремящую доблесть грядущих веков...» (1931).

10 Очевидно, имеется в виду работа Н.Я. над комментарием к стихам О.М. 1930–1937 гг. (*Н. Мандельштам-3*. С. 229–448).

11 Реакция Н.Х. на это подчеркнутое им слово усилена значком «?!».

12 Об эпизоде с сосисками см. письмо 35 на с. 299.

13 Н.Я. имеет в виду предложение ввести Н.Х. в число лиц, которым она предлагала хранить и распоряжаться архивом О.М. после ее смерти.

14 На первой странице письма имеется приписка Н.Х.: «Живое словоблудие шантажистки», сделанная после того, как он получил письмо Н.Я. от 11 октября 1967 г.

34

Н.И. Харджиев — Н.Я. Мандельштам

24 мая 1967 г., Москва

Надежда Яковлевна, пишу не об архиве. О нем писать нечего. Я многократно говорил, что он будет возвращен по первому вашему требованию, — независимо от каких бы то ни было моих соображений.

Поэтому весь поток ваших — кипящих пеной — доказательств бьет мимо цели. К чему это свирепое маханье руками? Можно подумать, что вы решили использовать ту воинственную жестикуляцию, которая осталась неистраченной во время вашего набега на Кропоткинскую¹.

От вашего заключительного предложения, конечно, отказываюсь (вряд ли вы сами считаете его серьезным). Где ваш юмор? Ведь я вам почти ровесник, а инфанта совсем нетрудно найти среди молодых завсегдаев вашего салона².

Мне тошно отвечать от имени того пошляка, который, по вашей пронизательной догадке, разговаривает с Лилей Брик иначе, чем с «униженными и оскорбленными»³. Кроме того, и случай совершенно не аналогичный: рукописи Маяковского раннего

периода не сохранились, а те 3–4 автографа, которые были обнаружены мною, Лиле Брик никогда не принадлежали.

Мое отношение к «ситуационной этике» хорошо известно всем моим друзьям (а еще лучше — недругам).

Вымышленное вами «неуважение» к О.Э. — трюк весьма неуклюжий⁴. Мое «неуважение» доказано работой над изданием.

Такому поэту нанести «обиду» вообще никто не может⁵. Он уже не ваша собственность, он — всеобщий. И для того, чтобы состоять в многочислии его читателей и почитателей, не нужно быть ни редактором его произведений, ни личным другом его вдовы.

Мое — выдержавшее испытание временем — отношение к О.Э. называется верностью или преданностью.

А вот вам наше общее «прошлое» ныне мерещится какой-то омерзительной *сосиской*⁶.

Советую вам поскорее съесть ее — с двумя старыми лицемерками, сестрами Корди. И запомнить:

Марьяна Роща — не их, а моя братская дружба, моя братская ответственность.

Семейка Шкловских сыграла фарс дешевого великодушия, воспользовавшись моим тогдашним местопребыванием. Понятно?

Куца у вас память, Надежда Яковлевна.

Н.Х.⁷

Черновик. Автограф.

Печатается впервые.

1 Н.Х. имеет в виду возвращение Н.Я. находившихся у него рукописей О.М.

2 См. примеч. 13 на с. 297.

3 Н.Х. имеет в виду следующие слова из предыдущего письма Н.Я.: «Если б я была нормально устроена, как Лиля Брик и прочие вдовы, вы бы приходили ко мне или я к вам, вы бы брали у меня небольшие пачки стихов и так далее... <... > Вы предлагали дать еще стихов в книгу. <... > Вы поставили вопрос так: если я забираю материалы, вы пишете в редакцию, что отказываетесь от дополнений. <... > Лиле Брик вы таких условий не ставили? Ссылкой Наде можно?»

4 На самом деле Н.Я. писала о неуважении Н.Х. к ее собственной работе над ком-

ментарием к стихам О.М.: «В прошлой работе я написала о том, как он писал по черновикам „Волка“, В этой работе я предполагаю сделать еще кое-что. Почему вашу работу я уважаю, а вы мою нет?»

5 Н.И. имеет в виду следующие слова Н.Я. касательно его отказа от дополнений к книге стихов О.М. в серии «Библиотека поэта», если она заберет у него его архив: «Я считаю такую постановку вопроса оскорбительной для Оси».

6 Этот упрек вызван следующими словами Н.Я.: «Уверена, что <... > вы поймете, что рвать вам не только со мной, но и с Осей не следует. Это вам решать, но я готова на любой контакт с вами; я ценю нашу многолетнюю дружбу, храню память о сосиске, считаю вас отличным текстоло-

гом и верю вам...» (об эпизоде с сосисками см. письмо 35 на с. 299).

7 Внизу приписка: «Оба письма посланы 24 мая 1967 г. Э.Г. Герштейн — беспристрастный современник». Под вторым письмом здесь, возможно, подразумевается письмо к Э.Г. Герштейн с рассказом о произошедшем между Н.Х. и Н.Я. конфликте, чем и объясняется фраза «беспристрастный современник» (Н.Х., по-видимому, сохранил черновик этого

письма вместе с черновиком комментируемого письма к Н.Я., но обнаружить его пока не удалось). Далее в приписке следует позднейшая вставка: «, оказавшаяся тщеславной мерзавкой. Н.Х.» — свидетельство крайне отрицательного отношения Н.Х. к книге Э.Г. Герштейн «Новое о Мандельштаме» (Париж, 1986), которая, отметим, предложила собственную трактовку конфликта Н.Х. с Н.Я. (*Герштейн*, 2002. С. 710–718).

35

Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву

28 мая 1987 г., <Москва>

Николаша! Вы, конечно, абсолютный дурак, злой, отвратительный старик, чудище, собака, ведьмун, лающий пес, эрзерумочка¹, лучший из цепных собак, друзей, толстых ангелов, «черных», «общих»² и разных других... Неужели вы думаете, что я забыла сосиску? Если так, то плюньте мне в лицо. Сосиска для меня символ слишком многого. В день, когда я получила обратно посылку «за смертью адресата», я зашла сначала к своему брату Жене и тыкалась как слепая по светлому коридору, не находя двери. Узнав о посылке, они мне сказали, что у Лены сейчас будут люди по делу (режиссеры!), и я ушла (попросту выгнали). Во всей Москве, а может, во всем мире было только одно место, куда меня пустили. Это была ваша деревянная комната, ваше логово, ваш мрачный уют. Я лежала полумертвая на вашем пружинистом ложе, а вы стояли рядом — толстый, черный, добрый — и говорили: — Надя, ешьте, это сосиска... Неужели вы хотите, чтобы я забыла эту сосиску? Эта сосиска, а не что иное, дала мне возможность жить и делать свое дело. Эта сосиска была для меня высшей человеческой ценностью, последней человеческой честью в этом мире. Не это ли наше прошлое? *Наше общее* прошлое? Чего вы еще хотите? Не ступила ли какая-нибудь Эмма на эту сосиску? Пожалуйста, сберегите ее, Николаша, не плюйте на нее. Человек символическое животное, и сосиска для меня символ того, ради чего мы жили.

А теперь попробуйте разобраться в прочих отношениях. Неужели вы не понимаете, что происходит на самом деле — не на поверх-

ности? Мы оба — два черных ревнивца. Мы жестоко ревнуем друг друга к Осе. То есть как-то не так, но нас трясет от неистовой ревности: кому из нас принадлежит Ося. Благородные слова о том, что Ося уже не моя и не ваша собственность, — брехня. Он, может, принадлежит какой-то стороной и другим, но по-своему и нам, и мы до смерти будем его оспаривать друг у друга. Кроме того, вы ревнуете меня ко всем, с кем я вожусь, а я вас ревную ко всем поэтам, с которыми вы изволите изменять Оське. Вашего Маяковского и Хлебникова я бы разорвала в клочки. Как вы смеете путаться с ними, изменяя Осе? Это не только Анна Андреевна лезла на стены, но и я. Вот за это и ревнуйте меня ко всем людям, с которыми я изменяю вам. И Анна Андреевна ревновала и бесилась. И вы беситесь. Если скажете, что это неправда, то соврете. Так и есть. Так и будет. И до конца жизни будем мучить друг друга.

А вот сосиску никто у нас не отнимет. Она наша. Поняли, Николай Иванович, мой дурак Николашка, что нам предстоит жить до самого конца вместе, мучить друг друга, любить и ненавидеть?

Ваша Надежда Яковлевна, бедная Надя, которая никому не отдаст своего черного и общего.

Надя

Конверт: «Москва Г-34, Кропоткинская, 17, кв. 70. Харджиеву Н.И.». Почтовые штемпели: «Москва 28.5.67», «Москва 29.5.67» (два).

Прочитировано: *Л. Чуковская, 2001.*

С. 53. Полностью печатается впервые.

1 См. примеч. 1 на с. 277.

2 Так А.А. и Н.Я. в шутку называли Н.Х. (см. письмо 9 на с. 270).

36

**Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву
[11 октября 1967 г., Москва]**

Дорогой Николай Иванович!¹

Работая над архивом, я заметила ряд пробелов, сообщаю вам для примера о следующих:

1) Открытка О.М. матери с детским стихотворением (о Сайме) и еще открытка 16-го года (про книги)².

2) Вы разброшюровали альбом Эренбурга, в котором я нашла, а вы прочитали «Нет, не мигрень...». Стихотворение это вы мне не

вернули³. Еще: из книги Каблукова перевод Малларме — я вам отдала все автографы оттуда⁴.

3) Должен быть авторизованный альбом 35 года. Кстати, сохранилась *корочка*⁵.

4) Во второй и третьей воронежской тетради нет ни одного авторизованного листка, кроме «внутри горы». *Вы прекрасно помните*, как мы их с вами рассматривали и я показывала вам, где моя дата, а где О.М. Вы их держали, наверное, отдельно, и где-то они лежат...⁶

5) Автограф (черновик), где четверостишие «бугры голов»⁷.

6) Печатный текст стихов об авиации⁸.

7) У вас остались варианты «Рождения Улыбки». Тот вариант, который я до того, как отдавать вам, записала в свой машинописный текст, сейчас отсутствует. Мы его тоже с вами рассматривали *у вас*⁹.

8) Белый листок «Вехи дальнего обоза»¹⁰.

9) Из ранних стихов я хорошо помню «Летние стансы» и «Женщина в гладкой перчатке» и «Люблю обмен, мелькают перья»¹¹.

10) В статье о Скрябине было *два* первых листа (одинаковых) с разными названиями. Лист с названием «Пушкин и Скрябин»¹² отсутствует. У меня по этому поводу есть какие-то сомнения. Я только хорошо запомнила разговор¹³, когда я вам давала эту статью...

11) Все ли шуточные стихи (Наташины) вы вернули? Наташа говорит, что они были на конвертах (я это помню). Те листки, что у меня, не отвечают форме этих конвертов, даже если предположить, что вы их обрезали¹⁴.

12) Наконец второй экземпляр автографа «На меня нацелились груша и черемуха» (из письма). Их было два — мой и Наташин¹⁵.

Вот вам несомненные примеры. Я прошу вас найти и вернуть [всё] вместе с автографами из редакции. Я уверена, что где-то лежит конверт с этой кучкой бумаг. Вы собирали всё так быстро, что вполне могли не вложить несколько листков. Надеюсь, что всё это найдется.

Н. Мандельштам

Саша уже давно не может попасть к вам, поэтому посылаю вам письмо почтой. Вопрос: с кем вы передадите мне рукописи? Я прошу это сделать скорее.

Н.М.

Почтовые штемпели: «Москва 11.10.67», «Москва 11.10.67».

Печатается впервые.

1 Далее уменьшенным кеглем выделены добавления, сделанные более мелким почерком, по-видимому, в ходе перечитывания письма перед отправкой.

2 На полях против этого пункта Н.Х. поставил вопросительный знак. Речь идет о письмах О.М. матери от 7 (20) апреля 1908 г. со стихотворением «О красавица Сайма, ты лодку мою колыхала...» (О. Мандельштам. Собр. соч. Т. 4. С. 10–11) и от 20 июля (2 августа) 1916 г. (Там же. С. 24), которые Н.Я. не смогла обнаружить сразу после возвращения архива, но которые она нашла позднее.

3 На полях против этого пункта Н.Х. поставил вопросительный знак. Стихотворение «— Нет, не мигрень, — но подай карандашчик ментоловый...» в указанном альбоме действительно отсутствует. В очерке «Конец Харджиева» Н.Я. писала об этом альбоме: «Харджиев сказал, что альбом не представлял ни малейшей ценности, поэтому он „обращался с ним как с материалом“... — А где же стихотворение „Нет, не мигрень...“? — спросила я. Харджиев ответил, что он его уничтожил, потому что нашел где-то — а где, это его профессиональная тайна — автограф этого стихотворения. <...> — Какое право вы имели что-либо уничтожать? — спросила я. Он ответил, что чорт знает как записано <...>, и поэтому он не стал сохранять его» (Н. Мандельштам-З. С. 167). Автограф указанного стихотворения находился в собрании М.А. Зенкевича (в настоящее время хранится в Государственном литературном музее).

4 В сборник стихотворений О.М. «Камень» (1916), принадлежавший С.П. Каблукову, вклеен всего один автограф перевода О.М. стихотворения С. Малларме «Плоть опечалена, и книги надоели...»

(О. Мандельштам. Собр. соч. Т. 1. С. 162). Под словами «все автографы» Н.Я., возможно, подразумевает автографы других стихотворений О.М., которые были вложены в упомянутый сборник и которые в настоящее время находятся в его архиве.

5 Подчеркнуто Н.Х. (по-видимому, саркастически: сам Н.Х., вероятно, употребил бы здесь слово «обложка»). Имеется в виду один из альбомов со стихами О.М., переписанными Н.Я. для Н.Е. Штемпель. В настоящее время альбомы находятся в АМ.

6 В настоящее время в АМ в составе указанных тетрадей, наряду с авторизованными списками стихотворения «Внутри горы бездействует кумир...», имеется ряд авторизованных списков и других воронежских стихотворений О.М.

7 Речь идет о черновике (авторизованный список рукою Н.Я.) стихотворения «Обороняет сон мою донскую сонь...» (1937). В настоящее время он находится в АМ.

8 Имеются в виду страницы из альманаха «Лёт» (М., 1923) с подборкой стихотворений О.М.; Н.Х. эту подборку Н.Я. возвратил (Н. Мандельштам-З. С. 169).

9 Речь идет об одном из списков стихотворения «Когда заулыбается дитя...» (1936–1937). В настоящее время все эти списки находятся в АМ.

10 В настоящее время в АМ находится авторизованный список этого стихотворения О.М. рукою Н.Е. Штемпель с вариантом «дальние», там же имеется еще один его список в составе так называемой «Настиной книги».

11 К этому пункту относятся пометы Н.Х., указывающие названия журналов с единственными прижизненными публикациями перечисленных стихотворений: «За 7 дней» — «Летние стансы» (1913, № 35), «Гиперб[орей]» — «Тысячеструйный поток...» (1912, № 3), строчку из которого («Женщина в легкой перчатке»)

цитирует Н.Я., «За 7 дней» — «Веселая скороговорка...» (1913, № 21), цитатой из которого является строка «Люблю обмен, мелькают перья». Эти публикации в настоящее время являются единственными известными источниками текстов указанных стихотворений. В очерке «Конец Харджиева» Н.Я. пишет об этих стихах: «Харджиев говорит, что взял тексты из журналов и автографов никогда не видел. Эти автографы были не у Ивича, а у меня, и я их отлично помню. Один из автографов „Женщина в черной перчатке“ (эти стихи почему-то нравятся Харджиеву) Харджиев даже хотел дать для воспроизведения. Я тогда возражала...» (*Н. Мандельштам-З.* С. 169).

12 Н.Я. имеет в виду статью О.М. «Скрябин и христианство» (*О. Мандельштам. Собр. соч.* Т. 1. С. 201–205). В очерке «Конец Харджиева» Н.Я. пишет по этому

поводу: «Этого листка я с Харджиевым вместе не рассматривала, и у меня есть сомнения, дала ли я ему статью с двумя заглавными листами или только с одним...» (*Н. Мандельштам-З.* С. 170).

13 К этому месту относится помета Н.Х.: «О чем?»

14 В настоящее время в *АМ* имеется ряд автографов и списков шуточных стихотворений О.М., обращенных к Н.Е. Штемпель. Были ли в архиве до передачи его Н.Х. еще какие-нибудь источники текстов этих стихотворений, неизвестно.

15 В настоящее время в *АМ* имеется автограф этого стихотворения, посланный Н.Я. в письме от 4 мая 1937 г. (*О. Мандельштам. Собр. соч.* Т. 4. С. 195). Имелся ли в архиве до передачи его Н.Х. еще один автограф указанного стихотворения, неизвестно.

37

**Н.Я. Мандельштам — Н.И. Харджиеву
16 ноября [1967 г., Моснва]**

16 ноября¹

Николай Иванович!

Я пишу вам без всякого раздражения, серьезно и с болью. Поймите: Сашу, Иру, Эмму вы можете обмануть. Меня и Наташу вы не обманете. Я думаю, что вы сами жалеете, что поддались своей природе и сделали недоброе дело. Надо думать, как быть дальше. Вам надо победить себя, свою болезнь, свои страсти и свои проклятые гены. Они действительно проклятые, они ваше проклятие. Вы, кажется, так понимаете доверие: если наши отношения строились на доверии, то есть я не взяла у вас расписки (чего между порядочными людьми не делают, но, к счастью, Саня Ивич получил с вас расписку за часть материала), я ничего с вас требовать не могу. Так мне сказал Саша после вашей первой встречи. Вы понимаете, чья это психология, что делалось под этим соусом, кто так поступал? Есть другое понятие: нарушить доверие, злоупотребить доверием, не оправдать доверия... Это нормальный подход к вещам.

Я знаю, что у вас *ничего не могло пропасть*. Значит, у вас есть эти рукописи. Мало того, я уверена, что вы не уничтожили листка из тетради Эренбурга². Могу вам сказать, что вы уничтожили: листок (авторизованный) с «Вехи дальнего обоза»³.

Что вы собираетесь делать с тем, что у вас осталось? Дождаться моей смерти и быть единственным обладателем авторизованных списков? Или уничтожить их перед своей смертью? Иначе, если у вас их найдут, что скажут о вас люди?

Не забывайте, что ложь обнаруживается очень легко: вы нашли стихи 37 года в конверте 35 года, вы уничтожили стихи из альбома Эренбурга, потому что это был неправильный текст (есть доказательство, что он был правильный — копия этого списка, принадлежащая не мне), что *мы сговорились* считать авторизованными *все* тексты того времени и тому подобное. Последнее вы выдумали, потому что в книге будет указано, что авторизовано.

Наташа специально приезжала в Москву, чтобы проверить, чего вы не вернули. Она помнит, что мы *вместе* поехали к вам с ее бумагами. Память у нее ясная, и она не врет, поэтому она не путается.

Какой же выход из этого положения? Из Воронежа Наташа мне пришлет подробный перечень текстов (у нее сохранились старые копии и списки и список, сделанный, когда она мне отдавала). Для суда этого мало, но для других вещей достаточно. Впрочем, для «других вещей» достаточно ваших слов, что вы уничтожили стихотворение из списка Эренбурга и разброшюровали его. Достаточно того, что вы разрезали ножницами разные листы с автографами (напр[имер], «конверты» с шуточными стихами Наташе⁴).

Я вам предлагаю следующее: вы кладете всё, что у вас есть, в конверт, и присылаете мне ценную посылку. Я помню *больше*, чем я с вас потребовала. Я требовала только то, что легко доказать мне и Наташе. Тогда я помогу вам «сохранить лицо» — скажу Саше, Эмме и Ире, что я «нашла» у себя еще одну папку, которая вас полностью обеляет. Передо мной вам нечего пыжиться, но, получив задержанные вами бумаги, я готова ради прошлого вас реабилитировать. В этом случае я уничтожу *копии посланных вам писем* и забуду всё, что было. Копии писем у меня есть, и они сохранятся в архиве О.М., если не будет сделано то, что я требую. (Вот еще пример лжи: будто вы показывали Анне Андреевне вашу «находку» — т. е. стихи 37 года, найденные в конверте 35 года. Если бы я забрала у вас архив при жизни Анны Андреевны, вы бы не посмели ни на какую ложь.)

Я скоро уезжаю. Победите свою шизофрению и сделайте то, что я вам предлагаю. Иначе даже уничтожение этих бумаг вам не поможет. Вам надо сейчас спасти свое имя не путем лживых сказок, а путем единственного рационального поступка. Тогда я всё сделаю, чтобы обелить вас. Я согласна ради вас (потому что вы не целиком укладываетесь в того маниака, который лжет и не отдает рукописей, а были вы совсем другим. Анна Андреевна говорила, что вы на старости превратились в свою противоположность) сделать всё, чтобы обелить вас. Не расширяйте скандала: не звоните своей милоноснице Эмме, не улещивайте Иру и Сашу. *На меня это не действует.* И с этими трагическими стихами я не позволю шутить: это было бы предательством по отношению к Мандельштаму. Помните, что копии писем будут уничтожены только по возвращении рукописей.

Надежда Мандельштам

Я уезжаю в середине будущей недели.⁵

Конверт: «Москва Г-34, Кропоткинская, 17, кв. 70. Харджиеву Николаю Ивановичу». Почтовые штемпели: «Москва 18.11.67», «Москва 19.11.67».

Печатается впервые.

2 См. примеч. 3 на с. 302.

3 См. примеч. 10 на с. 302.

4 См. примеч. 14 на с. 303.

5 На первой странице письма имеется помета: «Омерзительная шантажистка. Н.Х.».

1 Помета Н.Х.: «1970 (1967?)». В тот же день Н.Я. отправила письмо и Н.Е. Штемпель.

IV. Наташа

Переписка с Н.Е. Штемпель

1

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель
20 февраля <1952 г.>, Ульяновск

20/II

Дорогая Наташа!

Что с вами? Ни слова, ни звука от вас. Что с вами?

Я живу в Ульяновске. Изредка попадаю на несколько дней в Москву, к больному брату. Все стареют вокруг меня, а я уже старая.

Очень много работаю. Очень устаю. И очень боюсь потерять вас из виду. Что вы? Где вы? Напишите.

Над. Мандельштам

Ульяновск. Пролетарская площ., № 21, комн. 75.

2

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель
<Весна 1952 г., Ульяновск>

Наташенька, теперь не писала я. Я чувствую, что я мрачная старая женщина, и что я напрасно жила, и что горя было чересчур много. Зимой я была в Москве и приехала еще грустнее. Плохо моему брату. Он очень слаб и болен. Плохо у них с деньгами. Видела

Переписку составили 138 писем и одна телеграмма Н.Я. Мандельштам, Е.М. Фрадковой и Е.Я. Хазиной к Н.Е. Штемпель (собрание П.М. Нерлера), а также два письма Н.Е. Штемпель к Н.Я. Мандельштам (АМ; остальные письма Н.Е. Штемпель, как не имевшие значения для решения текстологических проблем, Н.Я., по всей видимости, уничтожила). Часть писем датируется по почтовым штемпелям на сохранившихся конвертах, остальные — по содержанию. Кроме того, имеются два конверта (один с почтовым штемпелем 18 февраля 1968 г., другой — 4 июля 1969 г.), поставить которых в соответствие те или иные письма Н.Я. оказалось затруднительно.

я в Москве своих подруг. И они старые и печальные. Вот почему я не пишу.

Наташа, встретимся летом в Москве. Пора повидаться.

Я найду, где вам пожить, если вам негде. Я не могу приехать в Воронеж — не могу не быть с братом. Не молчите, Наташенька. Напишите мне.

Привет маме и брату¹.

Я очень хотела бы зайти к вам и попить с вами чаю. Было бы так хорошо. Я даже способна переехать, чтобы жить с вами в одном городе.

Над. Манд.

1 М.И. Левченко и В.Е. Штемпель.

3

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<Весна 1952 г., Ульяновск>

Наташенька, вы опять молчите, а [я] не хочу, не хочу вас терять. Попробуем встретиться нынче летом в Москве? Я буду там август и июль. Вернее, на даче в Верее. Но несколько дней проведу в Москве в июле и в августе. Если бы вы приехали или хоть позвонили по телефону (К 1-11-29), а? Я живу тихо и не защищаю диссертации, хотя она написана¹. Боюсь. Лучше не надо.

Здесь есть милая женщина ваша воронежская — Левина, ученица Козо-Полянского. Я ей ничего не говорила, что у меня есть в Воронеже дружок. Но когда смотрю на нее, всегда вспоминаю про вас.

У меня сейчас маленькая комната с видом на Волгу. Я валяюсь в кровати и готовлю лекции.

Никого не вижу и ни с кем не разговариваю. Всего смущаюсь. Стала почти тихая. Совсем тихой, конечно, не способна стать.

Наташа, как писать полдень?

Если день — то вместе²? Дурашка-Наташка — не пишет.

Как мама, брат?

Как Павел Леонидович?

Кланяйтесь всем от меня.

1 В самом начале 1950-х гг. в Ульяновске Н.Я. написала диссертацию на соискание

ученой степени кандидата филологических наук, которую предполагала защитить

С ним было очень тяжело. Сначала он был очень тяжело ранен. Разнеслась весть, что он погиб. Но он выжил. И мне казалось, что он уже спасен. Но вторично он попал на фронт и погиб почти сразу, чуть ли не в первом бою. Тяжко думать о нем и сейчас.

Наташенька, я была бы очень рада жить поближе к вам. Хотя мы и не виделись больше десяти лет, но у меня не теряется чувство, что вы близкий и родной человек. Но как это сделать? Я, может, буду переезжать в этом году. В газете ни Унив[ерситет] Воронежа, ни Пединст[итут] не печатают, кто им нужен. Но специальность моя (филолог, англ[ийский] яз[ык], все курсы инфака по теорет[ическим] дисц[иплинам] читала, 8 лет стаж, сданы кандидатские, диссертация написана, уже 6 месяцев лежит без движения в МГУ) очень редкая. Зайдите в инст[итут] и спросите, нужна ли такая дамочка. Лучше мне переехать поближе к вам, чем, скажем, в Курск или Мичуринск.

Но надо это делать скорее. Если я решу переезжать, то это должно оформиться до 15 июня, когда мы подписываем нагрузки. Не откладывайте письма на год. Если бы вы тогда вовремя ответили, я уверена, что я бы устроилась в Воронеже и мы бы были рядом. Напишите мне подробнее о себе, о маме, о брате. Всем привет.

Над. Мандельштам

1 О смерти С.Б. Рудакова Н.Я. впервые узнала из письма Э.Г. Герштейн от 6 мая 1944 г.: «За это время случилась еще одна печальная для меня смерть. Сергей Борисович убит в бою 15 января 1944 года. Я не хотела Вам об этом сообщать, предполагая скоро увидеть лично. С трудом представляю себе существование Лины Самойловны, для которой весь смысл жизни был — в муже. Она живет пока в Свердловске у своего двоюродного брата и служит в Ленинградской обсерватории. Когда этот институт (не знаю точно названия)

вернется в Ленинград, она захватит мать и вернется с нею домой» (АМ. Короб 3. Папка 102. Ед. хр. 8).

2 Имеется в виду Ф.С. Марфин (Феденька, как его с нежностью называла сама Н.Е. Штемпель). См. о нем в поэме П.Л. Загоровского, посвященной Н.Е. Штемпель: «И, наконец, встает в воспоминаньи / Печальный образ Феденьки. Так много / Картин из прошлого встает пред Вами: / Цветы из Ботанического сада...» (собрание П.М. Нерлера).

6

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

[23 февраля 1960 г., Таруса]

Наташенька! Вот Ярославна (Случевского):

Ты не гонись за рифмой своенравной
 И за поэзией — нелепости оне;
 Я их сравню с княгиней Ярославной,
 С зарею плачущей на каменной стене.

Ведь умер князь, и стен не существует,
 Да и княгини нет уже давным-давно;
 А всё как будто, бедная, тоскует,
 И от нее не всё, не всё схоронено.

Но это вздор, обманное создание.
 Слова не плоть. Из рифм одежд не ткать.
 Слова бессильны дать существованье,
 Как нет в них также сил на то, чтоб убивать.

Нельзя, нельзя... Однако преисправно
 Заря затеплилась; смотрю, стоит стена;
 На ней, я вижу, ходит Ярославна
 И плачет, бедная, без устали она.

Сгони ее! Довольно ей пророчить!
 Уйми все песни, все! Вели им замолчать!
 К чему оне? Чтобы людей морочить
 И нас, то здесь — то там, тревожить и смущать...

Смерть песне, смерть! Пускай не существует!
 Вздор рифмы, вздор стихи! Нелепости оне.
 А Ярославна все-таки тоскует
 В урочный час на городской стене.

Прочтите Случевского. Там есть несколько чудес. С Сурковым кончено¹, и я уезжаю. Куда — не решила. Напишу.

Делаю исследования желудка. Они хорошие, но врач заподозрил не очень хорошее.

Всё же поговорите в институте. Если бы они соблазнились, то объявили бы конкурс. Но им всё равно, кто у них работает, лишь бы с отчетом было в порядке.

Надя

Очень целую всех — Марию Ивановну больше всех. Наверное, еще приеду...

Привет Виктору и Таням. Как ей нравится соблазнитель Леонардо?

Конверт: «Авиапочта г. Воронеж, Копьевский переулок (б. 2-й Буденновский), № 3, кв. 37. Штемпель Наталье Евгеньевне от Мандельштам, Таруса, Калужской обл., 1-я Садовая, № 2 (дом Гольшевых)». Почтовые штемпели: «АВИА», «АВИО № 509

Москва 184», «Москва 23.2.60», «Воронеж 24.2.60», «Воронеж 25.2.60».

1 По-видимому, имеются в виду хлопоты А.А. Суркова относительно прописки и квартиры для Н.Я. в Москве.

7

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<Конец зимы 1960 г., Таруса>

Наташенька!

Я давно вам не писала и очень беспокоюсь, что у вас. Как здоровье Марьи Ивановны? Ужасная была зима — эти колебания температуры и мне дались очень тяжело. Ради бога, напишите. На последнее письмо ведь вы не ответили.

А теперь о том, что я неожиданно узнала и от чего пришла в настоящий ужас. Вы, вероятно, знаете, что вдова Рудакова не вернула ни мне, ни Анне ничего из того, что ей дали (она торгует автографами). Недавно удалось уговорить ее показать письма Сергея Борисовича. Анна Андр. и Ник. Иванович прочли их и пришли в ужас (они перепечатали их на машинке, и я вам их покажу при встрече). Это письма — типа дневника. Направлены супруге. Основная тема: *все воронежские стихи О.М. написал Я — Сергей Борисович*. Какой ужас, что впоследствии будут говорить о гениальных стихах О.М., когда это я, я... Этот старый идиот (сумасшедший) (т. е. О.М.) ничего связать не может. Он ходит за мной по пятам и смотрит мне в рот... И тому подобное... Меня называет только «дура», но это чушь, это милая деталь. Теперь понятны его отношения к жене и к вам. Она нужна была для темной природы его души — незаменима. Видимо, это был человек больной, отождествил себя с О.М. и весь этот бред излагал жене. Может, она не отдала черновики, потому что у нее был план «восстановить истину» и напечатать Осины стихи как стихи Рудакова. Это бред, которому

нельзя поверить, но это факт. А мы считали его чистым юношей, другом, учеником и тому подобное. Это и спекуляция на той изоляции, в которой мы жили, и расчет, что он молод, а я стара — умру, и можно будет сделать всё, что угодно. Теперь, Наташенька, вы можете нам помочь. Вы точно знаете, когда Сергей Борисович уехал из Воронежа (это лето 36 года); после этого была масса стихов (начиная с «Гудка»), написанных при вас. Как будто это смешно, анализ стихов Рудакова сразу покажет, что писал он, что писал О.М. ... Но это для друзей, а для врагов (а у поэта всегда есть враги) это будет «загадкой», проблемой «Рудаков — Мандельштам» и так далее. Необходимо, чтобы вы написали простую вещь: 1) когда вы познакомились с Рудаковым, 2) когда пришли к нам (после его отъезда), 3) как Ося работал в ту последнюю зиму при вас и т. п. ... Как он приходил читать вам новые стихи и т. д. 2 странички письма на адрес Харджиева Николая Ивановича (Москва, ул. Крапоткина, 17, кв. 70)¹. Я, так сказать, «пристрастный» свидетель. Потому не на мой адрес и не в мои руки...

Самый ужас в том, что всё это спекуляция на юридическом положении человека. На изоляции. На невозможности печататься. Ничего бы не было, если бы О.М. был известным человеком в Москве — кругом люди — все всё знают, видят, читают в журналах... Вы понимаете, какой это ужас?

Наташа, это был совершенно безумный человек, а мы не поняли. И он держался за свою мерзкую жену, потому что она верила его бреду.

Умоляю вас, не откладывайте этого письма. Сейчас уже идет крошечная заваруха, а вы едва ли не единственный свидетель — все уже умерли. И это в руках у невежественной спекулянтки автографами — главным образом первого мужа Анны².

Анна Андр. в полном ужасе — этот смиренный мальчик у нас в комнате! И если бы вы знали, какая ненависть в этих письмах. Я думаю, что это для вас удар. Для меня тоже.

Это второй случай у меня: сын Багрицкого читал эти стихи и выдавал их за свои³. Но он был глупый мальчик, и все еще всё помнили. Это было безопасно. Я просила не обижать его и осторожно остановить, что и сделали.

Я так сумбурно пишу, потому что сегодня всё это прочла: эта ненависть, эта хитрость (сидел «у ног»! Любил... ничего не боялся!) (у него иногда пробивались смешные учительские интонации. Мы

над ними чуточку посмеивались, но шадилы его. Знали, что у него большое самолюбие, но тем более были с ним осторожны: ведь у него было очень тяжелое положение, а мы с Осей, пока он был в Воронеже, еще зарабатывали и кормили его). Эти проклятия. Эта злоба.

Не относитесь к этому легкомысленно. Это очень страшно.

В мае я думаю к вам приехать, если вам это удобно.

Напишите мне, написали ли вы Харджиеву?

Н.

1 Это письмо, датированное 27 марта 1960 г., сохранилось. В нем, в частности, Н.Е. Штемпель пишет: «Глубокоуважаемый Николай Иванович! Мне стало известно о письме Сергея Борисовича Рудакова. Не буду писать Вам о том впечатлении, которое на меня произвел этот бред. Но считаю своим долгом сообщить Вам нижеследующее. Я познакомилась с Сергеем Борисовичем Рудаковым в феврале 1936 г. Мы очень часто встречались с ним вплоть до его отъезда из Воронежа, т. е. до июля 1936 г. С.Б. мне постоянно и восторженно говорил об О.Э. Мандельштаме, читал его стихи, но познакомить меня с ним не хотел, больше того, пытался брать с меня обещание, что и после его отъезда из Воронежа я не буду стремиться познакомиться с О.Э. Мандельштамом. В августе 1936 г. (после отъезда Рудакова) я пошла к Мандельштаму. С этого времени я виделась с Осипом Эмильевичем и Надеждой Яковлевной почти ежедневно (после отъезда О.Э. и Н.Я. из Воронежа встречалась с ними в Москве, Савелово, Твери). Зиму 1936 г. и 1937 г. (до самого отъезда из Воронежа) Осип Эмильевич очень много писал. Я была свидетельницей необычайного творческого подъема, какого-то порыва, который длился без конца, торжества и победы вдохновения над всеми горестями и скудностью повседневной жизни, окружавшей поэта. Стихи создавались на глазах. Почти каждый день появлялись новые стихи. Я помню всё до

мельчайших подробностей, как будто это было вчера, помню эйдетически, как говорят психологи. Осип Эмильевич часто не ждал вечера, когда я могла зайти к ним, а приходил в лабораторию, где я работала, или в техникум, где преподавала, чтобы прочитать мне сейчас же свои новые стихи. В отношении некоторых стихов я могла бы свидетельствовать, под каким конкретным впечатлением они создавались. Осип Эмильевич очень щепетильно относился к датам своих стихов. На стихах, которые записывала Надежда Яковлевна, и на нескольких стихотворениях, переписанных мною, он всегда собственноручно ставил дату и букву В., т. е. Воронеж, поэтому очень просто ликвидировать рудаковский бред. Можно точно сказать, какие стихи и сколько написано их было после отъезда Рудакова из Воронежа. Кроме того, у меня есть стихи С.Б. Рудакова, написанные им собственноручно (если нужно, я могу передать их Вам), и простое сравнение (даже не анализ) покажет, что стихи поэта Мандельштама и стихи Рудакова отличаются друг от друга, как небо от земли. Если я могу быть Вам чем-то полезна, я к Вашим услугам. 27/III-60 г. С уважением Н. Штемпель» (АГМ).

2 Н.С. Гумилева.

3 Имеется в виду Вс.Э. Багрицкий (1922–1942), см. письмо К.И. Чуковского Н.К. Чуковскому от 29 июля 1938 г.: «...сын Багрицкого, который „тоже пишет стихи“, прочитал мне вчера: — До чего

щегол ты, До чего ты щеголит! — то есть выдал стихи Мандельштама за свои!!!! Я уличил его. Он не сконфузился...» (Корней Чуковский — Николай Чуковский. «Мы очень разные литераторы...» Переписка (1921–1963) / Публ. Е.Н. Никитина // Знамя. 2004. № 1. С. 155). Спустя четверть века его мать, Л.Г. Багрицкая

(Суок), включила это же стихотворение О.М. в подборку стихов своего сына в сб. «Имена на поверке» (М., 1963. С. 26). Лишь после того, как начали поступать письма с протестом, она была вынуждена признать свою «ошибку» (*Багрицкая Л.* Досадное недоразумение. Письмо в редакцию // ЛГ. 1964. 5 мая).

8

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**<Весна — лето 1960 г., Таруса>**

Наташенька! От вас нет ни звука, и я очень беспокоюсь. Что у вас? Как Марья Ивановна? Зима очень была тяжелая — эти колебания температуры невыносимы. Болела Анна Андреевна, но сейчас ничего.

У меня много сложностей и трудностей. Где тонко, там... и так далее. Этот год трудный. Особенно сейчас — очередной кризис, вызванный по моей вине. Вы знаете, что я ездила в Ташкент — вот это и была моя глупость... Мои молодые хозяева¹ приехали со мной в Москву (он — первоклассный литературовед — в аспирантуре годичной); жена взбесилась от ревности к Варе Шкл. и делает всем феноменальные пакости, для меня весьма ощутительные... Идиотская история, но в нашем быту более чем ощутительная.

Я хочу к вам приехать — но когда и можно ли? Опять на 2–3 дня. Но для этого нужно, чтобы вы мне написали. Ведь это зависит от здоровья М. И. ... Жду ответа.

Получили ли вы письмо о Сергее Борисовиче?² Я всегда знала, что у него большое самолюбие, что он «учительствует»... Масса была у него капризных выходок и т. п. ... Ося жаловался, что он ему мешает работать. Но он был одинок, ел и пил у нас, только ночевал на своей койке — ведь работы у него не было, а жена присылала ему 50 р. на койку. У нас еще были заработки, и мы чувствовали себя связанными его бедственным положением. И я никогда не думала, что в своих письмах-дневнике он изливается настоящей злобой и ненавистью (смешанной с восторгом, что еще хуже). По письмам это больной человек, маниак и психопат. А жена! Вы знаете, что она ничего не отдала ни мне, ни Анне. На этом пострадал Николай Степанович, об Осе и говорить нечего. Но мы всегда думали, что это

жена. А всё это, оказывается, коренилось в С.Б. ... Не ужасно ли? Чистый юноша!

И это, конечно, «налог» на нашу жизнь. Будь всё нормально — Москва, открытая работа, публикации — для болезни С.Б. не было бы никакой почвы.

Напишите скорее, Наташенька. Очень по вас соскучилась, и есть масса вещей, которыми хотелось бы с вами поделиться.

Н.М.

В том письме, которое могло не дойти, я просила вас написать Харджиеву (*когда уехал С.Б.*, что он говорил об О.М., как О.М. работал при вас зимой 36/37 года, когда С.Б. не было).

Получили ли вы мое письмо про С.Б.? Не спутала ли я адреса?

1 Имеются в виду Э.Г. Бабаев и Л.В. Глазунова.

2 Речь идет о предыдущем письме.

9

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

18 ноября <1961 г., Таруса>

18 ноября

Наташенька! «Тар[усские] стр[аницы]» — это самое модное сейчас в Москве... Напишите свое мнение об этом сборнике.

Дайте мне Цветаеву¹ — два экземпляра вам не нужны, а мне очень нужен. За это я вам вышлю Пастернака² — мне приготовили экземпляр в Москве, когда я получу его в руки, я вам вышлю.

Теперь о Цветаевой — мне подарила Аля Цветаева (дочь), но я ищу для Нины Пушкарской, ташкентской женщины, у которой я жила во время войны (поэта — недавно вышла книга), очень близкой Марине, очень хорошей и очень человеческой, с человеческими стихами. Ей нужнее эта книга, чем кому-либо. Так вот, Наташенька — пошлите Нине, да еще напишите два добрых слова: Ташкент 37, Водопадный проезд, 3, кв. 3. Пушкарской Нине Ивановне. Хорошо?

Я приеду зимой встретиться с вами в Москву, а весной к вам долго. Я собиралась к вам осенью, но у меня было туго с деньгами, и я просила Женю (вашу) написать вам — боялась быть вам обузой. Ждала от вас звонка, но Женя, видно, не написала, а тут меня стала звать Анна Андреевна. Она уже больше месяца в больнице (у нее

был еще один инфаркт), и ей очень плохо. Но она выжила. Это случилось после моего отъезда.

Вот, Наташа, какая жизнь. Пишите, скучаю по вас...

А что если вы приедете ко мне зимой в Тарусу?

1 Имеется в виду кн.: *Цветаева М.И.* Избранное. М.: ГИХЛ, 1961 (сост., предисл. и подгот. текста В.Н. Орлова).

2 Речь идет об издании: *Пастернак Б.Л.* Стихотворения и поэмы. М.: ГИХЛ, 1961.

16

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<Конец апреля 1962 г., Ленинград>

Наташа! Ради бога, напишите, что с вами (Василисе — Москва, Лаврушинский, 17, кв. 47). Я в Ленинграде — А.А. вышла из больницы, была в санатории. Сейчас я жду ее — мы на днях выедем в Москву¹. Мне предстоит небольшая операция — грудь (не рак). Самое трудное — попасть к врачам. Хожу забинтованная. Писала Жене, просила сообщить, что с вами. Она не отозвалась.

Похоже, что сдвинулось с изданием (но еще далеко не наверное). В лучшем случае будет в 63.

Н.М.

Датируется по времени приезда А.А. в Москву в 1962 г.

сильевском острове, а до начала марта — в Доме творчества в Комарове. В Москву А.А. и Н.Я. уехали между 24 и 30 апреля.

1 С начала октября 1961 и по 8 января 1962 г. А.А. находилась в больнице на Ва-

11

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

16 октября <1962 г., Псков>

16-е октября

Эх, Наташенька, если б вы вовремя писали, может, я была бы не в Пскове, а в Воронеже: в этом году был большой набор на наши кафедры. Впрочем, в Пскове на русской кафедре в институте у меня была знакомая — поэтому всё так совершилось. И может, с работы легче будет перевестись в Воронеж, чем с пенсии. Не исчезайте бу-

душей весной и следите за конкурсами. Всё это с работой совершилось в несколько дней. И это хорошо: я устала жить без денег. А работа приятная и легкая.

Жду от вас вестей.

Жаль, что Немеровские уехали.

Болен мой брат. Я постараюсь приехать на праздники в Москву, но не знаю, смогу ли.

Целую.

Н.М.

(По-прежнему Гл[ав]почтампт до востр[ебования].)

12

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

9 декабря <1962 г., Псков>

9 декабря

Наташенька! Пишу вам несколько слов. Я в тяжелой работе и болею. Вышел «День поэзии» с 4 стихотворениями Оси. Но одно искажено: из него выброшена половина.¹ Скоты.

Читали ли вы «Новый мир» № 11? Знаете ли вы про дальнейший разворот событий?

Художники сейчас кипят и волнуются³. Пишите мне по-прежнему «до востребования, Главпочтампт».

В Москве как будто закипело вокруг моего устройства⁴, но сейчас, наверное, опять затихнет. Здесь живу на птичьем положении. Даже не прописана.

Целую, Надя.

Как ваше здоровье?

1 Имеется в виду ежегодный альманах Московского отделения Союза писателей СССР «День поэзии-1962», выпущенный издательством «Советский писатель» в конце 1962 г. В публикацию вошли стихотворения «Ариост» (1933), «Стансы» (1935; без строф 3, 4, 7 и 8), «После полуночи сердце ворует...» (1931) и «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» (1935).

2 В этом номере вышла повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

3 Имеется в виду посещение Н.С. Хрущевым 1 декабря 1962 г. выставки в Манеже, посвященной тридцатилетию Московского отделения союза художников.

4 В середине ноября 1962 г. А.А. встречалась с А.А. Сурковым и настоятельно просила его помочь Н.Я. с пропиской, квартирой, пенсией и работой (*Л. Чуковская*, 2007. Т. 2. С. 549).

13

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**21 декабря <1962 г., Псков>**

21 декабря

Наташенька!

Читали ли вы в «Новом мире» (№ 11) про Ивана Денисьевича? Если нет, моментально найдите.

Я что-то хвораю и устаю. Работать трудно — очень плохая группа. Жить тоже трудно. В Москве что-то пробую для меня сделать, но, наверное, ничего не выйдет. С книгой сейчас задерживает Харджиев. Он в плохом психическом состоянии. Не может работать. Ему нужно внести в комментарий небольшие поправки (работы на 5 дней). Он сам их не делает и никому не дает их сделать. А может, сейчас уже и поздно: после 11 номера «Нового мира» произошла отдача пружины.

Пишите мне подробно о себе.

Целую вас.

Н.М.

14

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**6 января <1963 г., Псков>**

6 января

Наташенька! Как здоровье? Что делается у вас? Ко мне приезжала приятельница молодая на Новый год¹. Она провела у меня несколько дней и привезла грудку новостей. Был вечер Марины, который прошел с большим триумфом². Потом потрясающий концерт Шостаковича. Рукопись Осинной книги уже должна быть в редакции.

Читали вы «Новый мир» № 11? Там рассказ Солженицына. Что вы о нем думаете? Это большое событие. Мы его давно ждали.

Кто-то хлопочет мне о комнате. Что из этого выйдет, не знаю. В известной мере это зависит от выхода книги.

Прислали мне строчки лагерной песенки (товарищ Сталин, вы большой ученый, в языкознании вы познали толк, а я простой советский заключенный, и мне товарищ серый брянский волк). Ее широко сейчас поют. И в ней новая строфа:

В Москве открыли ваш музей подарков,
 Сам Исаковский пишет песни вам,
 А нам читает у костра Петрарку
 Фартовый парень — Оська Мандельштам³.

Целую вас, Наташа.
 Откликнитесь.
 Н.М.

1 Ю.М. Живова; само застолье, по ее сообщению, проходило не в комнатке Н.Я., а на квартире С.М. Глушкиной, свояченицы И.Д. Амусина.

2 Имеется в виду вечер памяти М.И. Цветаевой, состоявшийся в Центральном доме литераторов 26 декабря

1962 г. под председательством И.Г. Эренбурга. Участвовали также П.Г. Антокольский, Е.М. Винокуров, М.Н. Ваксмахер, Д.С. Самойлов и Б.А. Ахмадулина.

3 Фольклорный куплет к песне на стихи Ю. Алешковского «Товарищ Сталин».

15

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

16 января <1963 г., Псков>

16 января

Милая Наташенька! У меня нет адреса: я снимаю случайную комнату¹, и меня здесь никто не знает. Письма, конечно, не пропадают: вы просто редко пишете. Писать лучше бы почаще.

Сейчас мне все пишут про всякие бурления и волнения. Интересно, как отразится всё это на издании Оси. Кто он — абстракционист или борец против культа личности? Есть обе тенденции. Прокофьев считает, что абстракционист, а Сурков — второе. Посмотрим.

· Был вечер Марины с грандиозным успехом. Я этому очень рада: победа поэзии. Но я в таком же отдалении, как вы. Болею. Работаю. Трудно.

Н.М.

1 У квартирной хозяйки по фамилии Нецветаева.

16

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<Начало февраля 1963 г., Псков?>

Наташенька! Все-таки, когда вы пишете, я получаю. Теперь я знаю, что вы познакомились с Иваном Денисовичем. А «День поэзии» — мура¹. Груда ловко рифмованной мертвечины. Первый из них Роберт Рождественский², который вам, кажется, нравится.

Я поеду в Москву на несколько дней (с 9-го по 17-е). В Воронеж, конечно, приехать не смогу. Мне очень трудно: устала, стара, больна. Работать сейчас трудно. Ездить еще труднее. Грудь распухшая. Язва желудка и всё время температура, а этого не было 20 лет. Похоже, что опять туберкулез. Вернее, я не больна, а просто уже нет сил на эту жизнь. Поговаривают, что мне дадут в Москве комнату, но это брехня.

С Осиной книгой пока ничего не слышно. Ввиду событий ее могут опять отложить. Мне уже всё равно. Он ведь уже победил.

Мне противно, что его напечатали в «Дне поэзии», но у меня не спрашивали.

Вот как всё уютно.

Целую вас крепко.

Пишите.

Н.М.

В Москве буду у Шкловских (В 19185; Лаврушенский, 17, кв. 47). Вдруг вы приедете.

Брат вышел из больницы. Он дома. К сожалению, раньше конца июня я в Тарусе не буду.

1 «День поэзии-1962». М.: Советский писатель, 1962.

2 Роберт Рождественский — поэт-шестидесятник, сумевший состоять одновременно и в «четверке бунтарей» (вместе с Б. Ахмадулиной, А. Вознесенским

и Е. Евтушенко — ср. у Ахмадулиной:

«Нас мало, нас, может быть, четверо...»), и во многочисленных официозных правлениях и президиумах. В «Дне поэзии-1962» были напечатаны его стихотворения «История» и «Винтики».

17

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

30 марта <1963 г., Псков>

30 марта

Наташенька! На два мои письма вы не ответили. Что случилось? Больны? Очень прошу ответить.

Если же это какая-нибудь обида, то не стоит... Вы, по всей вероятности, не понимаете, что жизнь у меня не легкая и не простая, и все эти — внимание — невнимание, любит — не любит не нужны. Мне беспокойно ваше молчание, и, если вы здоровы, очень прошу вас сообщить мне об этом. Если нет, я прошу об этом вашего брата...

Скоро я отсюда уеду и уже не вернусь. Работу бросаю. Как будто в Москве кто-то борется за то, чтобы меня прописать. Жить всё равно негде, и я останусь в Тарусе, хотя это очень трудно. Но всё же можно будет приезжать и хоть к врачу пойти или в библиотеку. Пока это невозможно, а надо. Моссовет уже разрешил, но это еще далеко не всё.

Отзовитесь.

Н.М.

18

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штөмпель

22 марта <1963 г., Псков>

22 марта

Наташенька!

Холодно жить на свете и трудно работать. Когда будет наконец, оттепель? Или нельзя про оттепель?

В номере 2 «Нового мира» неплохой рассказ про прораба¹. Но это, наверное, последний. Его уже где-то разругали. Саша, с которым вы разговаривали, делает чудеса — находит статьи, стихи и т. д. ... Вот мне его бог послал. И он поразительно понимает О.М. ... Вообще человек очень интересный. Вы решили, что это называется «не от мира сего»... Это скорее особая формация, очень традиционная и, по-моему, сейчас очень уместная.

Слухи до меня почти не доходят, а я привыкла ими жить. Трудно без них. Хотелось бы, чтобы приехал Солж., хотя сейчас мне не так хочется, как в какую-то минутку раньше... Он вроде собирался, но боюсь; ему сейчас не до меня.

Хорошо, что к вам приедет ваш Шура. Очень рада, что у вас появились такие друзья. Мальчишка у него красавец. И чудное письмо... Я его никак не могу забыть.

Кланяйтесь им от меня.

На май я, может, в Москву поеду. Но еще не знаю. Трудновато. Устаю очень от этих поездок. И они ничего не дают — только шум один.

Летом буду в Тарусе. А что вы думаете делать летом? Собиралась в Ленинград, но не собралась. Устаю...

Пишите, Наташенька.

Целую вас.

Н.М.

1 Имеется в виду рассказ В. Войновича «Хочу быть честным» (Новый мир. 1963. № 2).

19

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

20 февраля <1964 г., Псков>

20 февраля

Наташенька! Как прошла Москва? У меня одним шумом. Целые дни была толчея, и я так ни с кем и не поговорила.

Виделись ли вы с Сашей Морозовым и Ириной Михайловной? т. е. с теми людьми, которых я просила расспросить вас об Осе...

Как Немеровские? Чудный мальчик, которого смущало, что Никитка слишком мал... Как его зовут?

Что у вас дома?

Мне странно, что я в Пскове. Это просто непонятно, зачем это. В Москве у меня миллион дел, связанных с Осей, а здесь я как бы на покое. Глупо. Хоть бы вышла книга...

Будете писать Марусе, кланяйтесь ей от меня.

Пишите.

Н.М.

Мне звонил Солженицын — сказал, что приедет в апреле в Псков! Я была бы рада. Анну Андр. я больше не видела. Она уехала кататься на машине и упустила меня.

1 Встреча Н.Я. с А.И. Солженицыным состоялась позднее, в декабре 1964 г. В письме к С.М. Глускиной от 21 декабря 1964 г. Н.Я. пишет: «Был у меня Александр Исаевич и произвел большое впечатление. Это „племя младое, незнакомое“ в большей степени, чем сегодняшняя молодежь. Он поразительно динамичен, внимателен, зо-

рок, тверд, орешек, который нельзя раскусить, а в чем-то слаб, что и приводит к таким рассказам, как „Польза дела“. А между тем потенциально сила большая. У него пока любопытство к людям. Он их ест в течение десяти минут и бежит дальше. Очень хочется его понять. Ведь в целом это очень крупно» (МА. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 1).

20

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**1 марта <1964 г., Псков>**

1 марта

Дорогая Наташенька! Моя Москва была вроде сумасшедшего дома. Я уже две недели в Пскове и всё еще не могу опомниться. Здесь я получила ваше письмо с телефоном. В Москве номер, конечно, затеряли.

Какие у меня впечатления от Москвы? Анне Андреевне скоро 75 лет, она полна жизни и шума. Ей сообщила Италия о какой-то премии¹. Она довольна. На миллион лир можно купить машину. Она благополучна, если не считать, что всю зиму бродит по Москве, живя то у одного, то у другого. По-моему, это не по возрасту.

В очень плохом виде Саша. Почти безумный. Старики держатся лучше молодых.

Ужасная история в Ленинграде: судят по выступлению газет очень значительного молодого поэта Бродского по обвинению в тунеядстве, хотя у него есть договора на переводы. Его сведут с ума, и очень скоро. Масса писем с протестами (в Москве), Москва обещает всё сделать, а в Лен[инграде] идет своим чередом...²

Меня еще не свели. Работать я брошу и буду в Тарусе. Кто-то пробует прописать меня в Москве (вызвался сделать это Долматовский³!), но из этого ничего не выйдет... Устала я страшно. Работа трудная (уровень студентов хуже, чем был). Сейчас одна студентка, осознав свою тупость, хочет уходить, но ей грозят судом... Я устала, устарела и больше ничего не понимаю.

В Тарусу я хочу на лето, а придется жить зимой. Бессмысленность этого очевидна. Книга не выходит и не выйдет. Какие-то мальчишки разносят стихи по редакциям московских журналов и рекомендуют их к печати. Списки ужасные... Что еще? Как буд-то ничего. Целую вас. Пишите.

Н.М.

1 Имеется в виду премия «Этна-Таормина», полученная А.А. в Италии 12 декабря 1964 г.

2 Это предложение вписано позднее.

3 Однако добился этого не Е.А. Долматовский, а С.Я. Маршак (см. примеч. 102 на с. 99).

21**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****4 марта <1964 г., Псков>**

4 марта

Наташенька!

Получила ваше письмо. Слава богу, что еще есть люди, которые хотят нас видеть. Нечего жаловаться. И очень хорошо, что у вас появились новые друзья, то есть Немеровские.

Я рада, что вы поговорили и с Сашей, и с Ириной Михайловной. Это хорошо. Я так перед отъездом и не повидалась с Анной Андреевной. И у меня, и у нее тоже шум и каша в Москве.

У меня 22 часа в неделю, и я очень устаю. Много работы. До сих пор здесь держатся морозы. Днем — тепло, ночью — холод. С переездом в Москву в общем не ладится. Движения — нет. Всё очень надоело.

Как сейчас ваше здоровье?

С книгой движения по-прежнему нет. Тьфу...

Н.М.

22**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****20 марта <1964 г., Псков>**

20 марта

Наташенька! Вы опять не отвечаете. Что с вами?

Я с трудом дотягиваю год. Психологически больше не могу.

Мне вроде разрешили прописку в Москве¹. Жить буду зиму в Тарусе, но всё же легче — можно приехать на какой-то срок.

Книга не выходит прочно и основательно. Журнал «Москва» хочет что-то напечатать. Опять будет какое-нибудь уродство².

Всё это мне надоело.

В Ленинграде судили юнца поэта Бродского³. Значительного. Пять лет за тунеядство, хотя договора с издательствами на переводы. Ничего не помогло. На суде выступали люди и пробовали объяснить... Я заболела от отчаяния.

Н.М.

1 В действительности это произошло на два месяца позже (см. примеч. 102 на с. 99).

2 См. примеч. 2 на с. 332.

3 Первое судебное заседание по делу И.А. Бродского состоялось 18 февраля 1964 г., на втором (13 марта) его приговорили к высылению из Ленинграда на пять лет.

23

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

23 марта <1964 г., Таруса>

23 марта

Дорогая Наташенька! Опять вы замолчали. Я вам недавно писала, получили? Я переехала в другой дом (ул. Розы Люксембург, 13). Здесь тепло. Напрасно всю зиму мучилась в холоде. Я даже не понимала, как он действовал на меня. Половина болезни — холод.

К сожалению, большая квартира, где бы я могла поместить и вас, уплыла. Но я где-нибудь рядом сниму для вас комнатку. (Хозяева, к сожалению, поставили условием, чтобы не было толпы. Но, может, они сами сдадут вам в своем доме.)

Мне хочется вас повидать. Приедете ли на майские дни в Москву? Как Виктор? Появился ли Немеровский? Не скучайте... Таруса вас ждет.

Н.М.

24

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

2 апреля <1964 г., Псков>

2 апреля

Наташенька! Очень хорошо будет, если вы поедете в Тарусу. Я буду там с июля по сентябрь (если вернусь на работу, но это еще неизвестно). Жене надо будет поехать снять помещение — к июлю будет уже трудно — всё хорошее разберут. Впрочем, она знает Тарусу. А лето, говорят, будет жаркое, и я этого очень боюсь.

Мне трудно, и я устаю. Возраст. Хотела ехать в Ленинград, но Анна Андреевна очутилась под Ленинградом — в Комарове, и я отложила поездку. В Москву на май, вероятно, не поеду: устала.

Целую вас. Пишите.

Н.М.

25

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**3 апреля [1964 г., Пенев]**

3 апреля

Милая Наташа! Я очень рада, что получила от вас письмо. Никак не понимала, что с вами, и беспокоилась.

Меня несколько не удивляет, что вы продолжаете тосковать о матери. Прошло 25 лет со смерти О.М., и я продолжаю ее чувствовать ничуть не менее остро, чем в первый день, и никогда с ней не примирюсь.

Я мучительно довожу до конца учебный год. Уже сказала, что больше не приеду.

Издание книги О.М. зависит не от одного человека. А заведующий «Библ[иотекой] Поэта» — Орлов. Конечно, я его знаю. Но что с этого?..

Пропиской я, разумеется, «воспользуюсь»... Но еще до нее далеко... Пока она разрешена Моссоветом... А дальше еще огромный путь. Где-нибудь сорвется.

История с молодым поэтом, о которой я вам писала, произвела на меня ужасное впечатление. Я ею больна... А какие стихи — это не так важно... Факт, что это поэт.

Пишите мне. Я очень беспокоюсь, когда нет писем.

Все-таки что вы думаете делать летом? Я буду в Тарусе. Дача уже снята. Когда у вас пенсия?

Для вас в Тарусе минус, что она очень гористая. (Для меня и брата тоже.) Но я еду туда, потому что она стала вроде дома. Может, приедете на какой-нибудь срок? Просто посмотреть, а если понравится, останетесь. Женя (ваша) в прошлом году испугалась гор и плохой еды. Но тут уж ничего не поделаешь... Напишите.

Н.М.

Я думаю, хорошая еда в этом году будет только в домах отдыха. А стоит ли из-за этого ехать в дом отдыха?

Конверт: «Воронеж, Никитинская, № 44, кв. 29. Штемпель Наталье Евгеньевне».

Почтовые штемпели: «Псков 3.4.64», «Воронеж 6.4.64».

26**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****16 апреля <1963 г., Псков>**

10 апреля

Наташенька! По-моему, ваше лето устраивается очень просто, если вы едете в Звенигород. Это чудное место. А в Тарусу вы приедете погостить прямо ко мне. Комнатка у меня для вас есть, и всё есть. Надо будет только договориться о времени, чтобы не было слишком много гостящих сразу. Жить у меня будет брат с женой. И это на этот год всё... А еще гости. Но это можно будет распределить по лету. Нужно только заранее сговориться.

Это решение, по-моему, хорошее. И вам не придется тащить за собой вашу Женю. Всё устроится вполне мило. Хорошо?

Н.М.

27**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****17 апреля <1964 г., Псков>**

17 апреля

Наташенька! Вы пишете мне, чтобы я приехала на май в Москву, но мне необходимо ехать в Ленинград — встреча и разговоры с редакторами и т. п. ... Сейчас книга еще не снята, но в издание я не верила и не верю.

Саша, с которым вы разговаривали в Москве, нашел утерянную 40 лет назад и очень мной любимую вещь: плач по Алексею¹. Это для меня большая радость.

Очень трудно мне жить и работать. Я очень сдаю. Но еще шевелюсь.

Рада, что вы будете в Тарусе. У меня будет брат и, вероятно, невестка. Будет и кое-кто из друзей — рядом. Я очень хочу в Тарусу, но это будет только в начале июля.

Что же касается до всех волнений, то никогда иначе и не было, только сейчас гораздо лучше, чем раньше. Что это вы себе вообразили все, что искусство — вольный хоровод, а не надстройка? Чепуха.

Целую вас.

Н.М.

1 Имеется в виду отрывок из старо-французского эпоса «Жизнь святого

Алексея» в переводе О.М. (О. Мандельштам. Собр. соч. Т. 2. С. 106–108).

28

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

4 мая 1964 г., <Псков>

4 мая 64

Милая Наташенька! Я не спешила вам писать, зная, что вы будете в Москве. Я на три дня приехать не могла — трудно.

Очень рада, что вы наконец приедете в Тарусу. Это все-таки единственное место, где я «живу»... С Москвой, очевидно, провалялось. Упорно на этом стоят...

Устала я страшно. Дотащу ли до конца года и вырвусь ли живой из Пскова, не знаю... Под конец такое чувство обычно бывает, но в этом году оно дошло до предела.

Целую вас крепко.

Н.М.

29

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

12 мая <1964 г., Псков>

12 мая

Наташенька! Ездили ли вы в Москву? Я застала ваше письмо, вернувшись из Ленинграда. Разумеется, я не могла побывать и там, и здесь. Тем более, что Ленинград у меня деловой (Осина книжка еще не снята с плана).

Я очень много работаю и очень устаю. В Тарусе буду в июле. Женя едет раньше. Очень хочу туда, хотя работать, наверное, не перестану.

Целую вас.

Н.М.

30**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****31 мая <1964 г., Псков>**

31 мая

Наташенька! Очень хорошо, если вы будете в Тарусе. Почему в конце июля? У вас приемные экзамены? Не могли вас освободить?

Я очень устала от этого года, но больше психически, чем физическое. Так я толстая и спокойная.

С делами еще полная неясность. Оптимисты верят в книгу, но ее опять под каким-то предлогом задержали. Правда, не надолго. Там будет видно — к осени.

Что еще? Ничего. Мне бы надо остаться в Пскове еще на год, но не знаю, что из этого выйдет.

Целую вас.

Н.М.

31**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****<Август 1964 г., Таруса>**

Наташенька! А что если б вы написали, как вы доехали и как живете? Я сейчас одна — мои уехали. Буду жить у Поли еще до конца сентября.

Целую вас.

Н.М.

32**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****23 сентября <1964 г., Таруса>**

Наташенька! Спасибо вам за доброе письмо. Я рада, что вам понравилось у нас. Может, в будущем году вы решитесь приехать на больший срок. Очень досадно, что вы так мелькнули.

Я уже больше двух недель одна и отчаянно работаю. Устала голова — даже читать не могу.

Сегодня среда, кажется, 23-е. В пятницу переезжаю в оттоновский дом. Страшно боюсь зимы. Еще у меня такого не было. В сущности, я только у Поли чувствую себя дома. Вот как будто всё, что я способна написать. Устала. Очень хочу вас видеть..

Н.М.

33

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**7 октября [1964 г., Таруса]**

7 октября

Наташенька! Очень забавно было бы, если бы воронежские стихи вышли в Воронеже. Я боюсь, что им не дадут издать книгу. Сопротивление низовое: разные прокофьевы не хотят уступать места и проявляют энергию...

Наследственное право числится 15 лет с реабилитации (такое вышло постановление), и оно у меня исчисляется с 57 по 72 год. Очень трудно решить вопрос о предисловии. Им бы лучше издать маленькую книжечку с «врезом» — редакционной заметкой биографического характера, без академического аппарата... Впрочем, об этом можно подумать... Заключат ли они со мной договор? Если будет что-нибудь реальное, я приеду. Без реального — вряд ли. Надо работать. Из-за этого я не еду в Москву и сижу в Тарусе. Сейчас я на 1-я Садовая, № 2 — до конца октября буду здесь. Затем недели на три в Москву для встречи с Анной Андреевной — и опять в Тарусу. Так я задумала свою зиму.

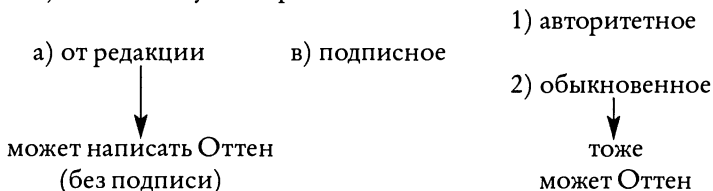
Когда вы думаете быть в Москве, чтобы второй мой приезд подогнать к вашему?

Я порвала так конверт, что уничтожился номер вашего телефона — напишите снова, я из Москвы позвоню. В начале ноября буду в Москве.

Теперь: пришел Оттен. Он умный. Я его ждала.

1) Нужно ли им собрать сборник? Если нужно, мы его составим. Но нужно знать, сколько они могут дать бумаги, т. е. строчек. Я бы издала маленькую книжку.

2) Какое им нужно предисловие:

Если «авторитетное» — он поищет, кого взять за бока.

Главное, пусть обдумают, какую книгу и сколько строк... Этот зависит от бумаги — что они могут дать и какой тираж. Хочет ли

Немеровский участвовать в этом издании (составителем, предисловием)?

Напишите...

Всё это очень забавно.

Н.М.

Конверт: «Воронеж, Никитская, 44, кв. 29, Штемпель Наталье Евгеньевне». Почтовые штемпели: «Таруса 7.10.64», «Воронеж 10.10.64».

34

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

7 ноября <1964 г., Моснва>

7 ноября

Дорогая Наташа! Вчера вернулась из Ленинграда, где прожила 4 дня. У Анны Андреевны всё в порядке. Она едет в конце ноября за премией в Италию, а при мне получила телеграмму, что Оксфорд дал ей «доктора»¹. Это очень смешно: у нее будет мантия и она будет озорничать и хулиганить.

У меня никаких новостей, и я живу тихонько. Как будто это всё...

Книга будет у Вари. Она ее прочтет, и можно будет взять. Как я и думала, публикация стихов в Москве² не открыла никаких возможностей. Всё осталось как раньше. Это вызывает у меня легкую усталость, и всё...

Жаль, что вы не приехали на праздники. Я буду в Москве до конца ноября. Затем Таруса и опять весной Москва и Ленинград. Лето в Тарусе. Вот мой сложный путь. Устала я здорово.

Меня очень радует, что Анна развлекается и утешена на старости хоть лет. А со здешней книгой плохо. Похоже, что она разорвет договор, потому что рецензенты опять хотят сделать куцую книгу.

Пишу еще Марусе Ярцевой. Она прислала мне прелестное письмо, умное и доброе³.

Н.М.

1 Пятого июня 1965 г. А.А. присвоили звание доктора honoris causa Оксфордского университета (для этой церемонии

и нужна была мантия). На обратном пути из Англии А.А. остановилась в Париже и встретилась с некоторыми из русских

эмигрантов (*Струве Н.* Восемь часов с Анной Ахматовой // Звезда. 1989. № 6. С. 118–126).

2 Имеется в виду журнал «Москва» (1964, № 8), где были опубликованы вос-

поминания Н.К. Чуковского «Встречи с Мандельштамом» и подборка из восьми стихотворений О.М.

3 Письмо не сохранилось.

35

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель <Февраль(?) 1965 г., Таруса>

Дорогая Наташа!

Сижу я в Тарусе и чуточку вожусь с текстологией. Оттена обуяла мысль купить мне квартиру. Почему-то я верю, что он этого добьется.

Из новостей самая главная у меня, что нашлись два валика с голосом О.М. (два стихотворения). Записывал когда-то Сергей Игн. Бернштейн, потом его выгнали из этой первой фонетической лаборатории; пластинки считались погибшими. Сейчас они нашлись. Еще неизвестно, в каком они виде. Через месяц обещают повертеть¹.

Жаль, что вы не смогли зимой приехать — здесь сейчас прелестно, хотя я мало гуляю и почти не чувствую радости зимы. Нас засыпает снегом.

Пишите мне...

До конца марта я здесь.

Н.М.

Привет вашему Шуре. Где он?

1 Ср. в письме Н.Я. к С.М. Глускиной от 1 февраля [1965] г.: «Знаете, нашлись пластинки с Осиним голосом. Через месяц обещают прокрутить. Это лаборатория Сергея Игнатьевича Бернштейна, откуда его выгнали еще в 20-х годах. Записи считались погибшими и вдруг нашлись. Это главное событие в моей жизни» (МА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1). В 1920 г. в Институте истории искусств С.И. Бернштейн создал «Кабинет изучения художественной речи», где в течение десяти лет записывал на восковые валики чтение стихов поэтами-

современниками, в том числе О.М. В 1930 г. во время очередной «чистки» Сергея Бернштейна уволили из Института, объявив его работу «научным шарлатанством», коллекцию в 700 с лишним валиков, над созданием которой он работал десять лет, отобрали под предлогом, что валики являются «собственностью института», свалили их в сырой подвал, где они годами медленно и неуклонно разрушались. Сделанные С. Бернштейном записи голоса О.М. были восстановлены в 70-х гг. усилиями Льва Шилова и вошли в состав

пластинки «Голоса, зазвучавшие вновь», выпущенной фирмой «Мелодия» в 1978 г., а впоследствии — в состав изданных Государственным литературным музеем компакт-кассеты (1995) и компакт-диска

«Осип Мандельштам. Звучащий альманах» (2003). В настоящее время существуют в восстановленном виде записи десяти стихотворений О.М.

36

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

18 марта <1965 г., Москва>

18 марта

Наташенька! Передайте вашему Шуру благодарность за книжку¹. Это полезное чтение, по-моему. Кстати, сейчас очень читается по сходным причинам Плутарх².

У меня беда: у брата инфаркт. Он уже почти месяц в больнице. Я там торчу целыми днями и живу только этим.

Протекало всё очень тяжело, сейчас легче. О будущем думать боюсь.

Целую.

Н.М.

Я у Шкловских (Лаврушинский, 17, кв. 47).

1 По-видимому, имеется в виду книга рассказов А.И. Немировского «Белая лань: исторические рассказы». Воронеж: Центрально-Черноземное книгоиздательство, 1964.

2 Н.Я. имеет в виду переводы произведений Плутарха, вышедшие в 1963–1964 гг.,

в частности, «Сравнительные жизнеописания». Одним из переводчиков был С.С. Аверинцева кандидатская диссертация которого была посвящена Плутарху и античной биографии (защищена в 1967 г.).

37

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

16 апреля <1965 г., Москва>

16 апреля

Наташенька! Пишу вам несколько слов — Женю в субботу должны перевезти домой. Это неожиданность. Думала, что он будет дома лишь к первому мая.

Приезжайте на май. Я вам отправлю книжку с Нем. и прошу привезти мне ее. Она мне еще нужна.

Ужасно всё у меня напряженно, трудно и безвыходно. Сил нет абсолютно.

Н.М.

38

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

10 <мая 1965 г., Москва>

10-го

Наташенька!

Что вы молчите? Это не Николай Иванович нагрубил вам по телефону. Я сразу не сообразила: его легко узнать — он первые пять минут разговаривает как умирающий — еле подает голос. Вы просто набрали неправильно одну из цифр.

У нас всё ничего. Первого Женя уезжает с Леной в санаторий. Он взбесился: хочет в Графскую¹ и никуда больше. Вот как вы его соблазнили.

Крепко вас целую.

Н.М.

Привет Шуре... Он еще сердится? И Виктору...

¹ Дачный поселок к северу от Воронежа, где на протяжении многих лет Н.Е. Штемпель снимала летом дачу

(ул. Пионерская, 3, хозяйка — Полина Ионовна), которой пользовалась также и семья А.И. Немировского.

39

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<Не ранее середины мая 1965 г., Москва>

Наташенька! 13/V был вечер Оси в МГУ — на мех-мате. Председатель Эренбург. Выступали Коля Чуковский (дурень), Степанов, Тарковский, Шаламов. Народу масса... Всё отлично, хотя Чуковский и Тарковский несли чушь¹.

В журнале «Простор» (Алма-Ата) напечатана большая подборка Осиных стихов (Волк, Белому, 300 строк)². У меня журнала нет. Я пишу в редакцию.

Н.М.

К телефонному разговору Н.И. отношения не имеет³. Я это не сразу сообразила.

1 Подробно об этом вечере см.: 1965 год. Первый вечер Осипа Мандельштама. Их архива Варлама Шаламова. Публикация И.П. Сиротинской // Грани. 2003. № 205–206. С. 65–71. (Тарусские страни-

цы. Выпуск второй. Литературно-художественный иллюстрированный сборник.)

2 Простор. 1965. № 5.

3 См. письма 83 и 89 на с. 355 и 358.

40

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<Конец мая — начало июня 1965 г., Моснва>

Наташенька! На этот раз ною я — сил нет...

Я писала, что был вечер О.М. на мех-мате в МГУ... Это было поучительное зрелище.

Алма-Ата напечатала 16 стихотворений (журнал «Простор»), но мне даже не ответила на письмо (о гонораре и 30 экземплярах журнала).

Как у вас? Сняли уже с плана¹? Ну их к...

Женя едет 10 июня в санаторий, а потом вместе в Верею. Как туда еще добраться? Неизвестно...

Мне надо зимой работать, чтобы вернуть долг (1000 р.) — я взяла, чтобы заплатить за квартиру². Будет, говорят, осенью. Или зимой. Я не верю, что доживу. Устала.

Целую крепко.

Н.М.

Хорошо бы, если б что-нибудь вышло с Жениным Толстым³. Хоть такую радость под конец жизни.

Привет Шуре... Он еще злится? Надеюсь, что понял...

1 Имеется в виду проект издания книги стихов О.М. под редакцией А.И. Немировского в Воронежском областном издательстве. По сообщению Немировского, он, будучи членом КПСС, обратился к секретарю Воронежского обкома КПСС по пропаганде В.П. Усачеву за поддержкой и содействием. Тот распорядился опубликовать подборку воронежских стихотворений О.М. в воронежском журнале «Подъем» (том самом, где в 1935 г. увидели свет пять рецензий О.М. — последние его прижизненные публикации). Публикация

в журнале шла по отделам критики и поэзии, которыми заведовали З.Я. Анчиполовский и В.Г. Гордейчев.

2 Имеется в виду вступительный взнос в жилищный кооператив.

3 А.Г. Немировский хлопотал и о публикации в «Подъеме» статьи Е.Я. Хазина о «Воине и мире». Позднее Н.Я. опубликовала за свой счет в Париже следующую книгу брата: *Хазин Е.* Всё позволено. Размышления о творчестве Достоевского. Париж: YMCA-Press, 1972.

41

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<Июнь-июль 1965 г., Верея>

Наташенька! Не огорчайтесь и скажите Шуре, что огорчаться не надо. Если бы вышло с журналом, я бы была рада. Еще более рада я была бы, если бы вышло что-нибудь с Женей. Ося не пропадет...

Жаль было бы Шуриной статьи — она очень хороша¹.

У меня очень острое положение с книгой статей². Там есть вещи, которых нигде нет, и они могут мне понадобиться... Хорошо бы осенью получить ее... Если вы не сможете летом приехать в Москву, а [я] не буду служить, чего, вероятно, не будет, т. к. я пока работы не достала, я приеду на несколько дней повидаться с вами в Воронеж. Хорошо?

Сейчас я в Верее, и письмо ваше получила в последнюю минуту перед отъездом. Мой адрес: Верея, Наро-Фоминского района, Моск[овской] обл., 1-я Спартаковская, 20, Шевелевой, для меня.

Н.М.

Грустно, Наташенька...

1 Имеется в виду предисловие А.И. Немировского к публикации стихотворений О.М. в «Подъеме» (1966. № 1. С. 91–93). Оно было сокращено цензором уже в гранках под тем предлогом, что «нельзя писать о Мандельштаме как о Пушкине». Действительно, сравнение печатного текста с гранками более ранней редакции (РГАЛИ, архив А.И. Немировского; не обработан), показывает, что сокращения касаются в основном бытовых подробностей жизни О.М. в Воронеже, рассказанных автору Н.Е. Штемпель. Практически все они впоследствии

нашли свое отражение в ее собственных воспоминаниях.

2 По-видимому, книга О.М. «О поэзии» (1928). Предположительно, Н.Я. планировала издание книги критической прозы О.М. — замысел, который вскоре вылился в подготовку и отдельное издание «Разговора о Данте» (соответствующая заявка Л.Е. Пинского датирована 20 ноября 1965 г. — см.: Вокруг «Разговора о Данте» (из архива Л.Е. Пинского) / Публ. Е.М. Лысенко // Слово и судьба. Осип Мандельштам. Исследования и материалы. М., 1991. С. 149–152).

42

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

31 июля <1965 г., Верея>

31 июля

Наташенька!

Вам кланяются и Лена, и Женя. Верея у нас очень тихая, и я этому рада. После тарусского шума хорошо тихонько пожить хотя бы

одно лето. Лена болеет — радикулит — и всё же варит обед. Я хожу на базар. Здесь нет Поли, которая нам всё в Тарусе делала. Женя еще очень слаб, но в общем ничего. Очень хотелось бы, чтобы вышел журнал с Осей и с Женей¹. Дай-то Бог! Но думаю, сейчас на это мало шансов. А всё же... вдруг...

Как будто у меня устраивается работа. Выяснится в конце августа.

Я сейчас много думаю о разных вещах, и хотелось бы с вами поговорить. Посмотрим, может, вырвусь, но уже в Воронеж, а не в Графскую². Вы ведь в Воронеже с 1-го сентября?

Книгу статей пока не посылайте, т. е. пока я не в Москве... Потом найдется с кем послать. Всегда находится...

Милый, я не могу решить или передумать насчет Воронежа. Я очень хочу съездить, и всё будет зависеть от моих обстоятельств. Женя, Лена, работа, квартира... Посмотрим.

Сердечный привет Шуре и Симе.

Целую вас крепко.

Н.М.

1 См. примеч. 1 и 3 на с. 335.

2 См. примеч. 1 на с. 334.

43

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

17 августа <1965 г., Москва>

17 августа

Наташенька! Только несколько слов — я пишу и в Воронеж, и в Графскую. Я сейчас из Москвы, где провела неделю. Мы похоронили друга — Фриду Вигдорову. Она умерла от рака в возрасте 50 лет. Это была настоящая праведница, именно это. До последней минуты я не верила, что она умрет. Вернулась разбитая и измученная.

Приеду 25-го на несколько дней в Москву. Попробую устроиться на работу.

Целую крепко.

Н.М.

Привет Шуре и его семье.

44**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****<Конец августа — начало сентября 1965 г., Верея>**

Наташенька! Сообщите мне, что идет в воронежском журнале. Один из провинциальных журналов хочет печатать подборку. Если Воронеж откажется, хорошо бы напечатать Шурина статью перед подборкой в новом этом журнале. Как? Когда выяснится с «Прибоем»¹? Надо им сказать, чтобы решали. Это даже полезно.

С квартирой как будто будет в конце сентября. Из Вереи я вернусь в середине сентября. К этому времени надо было бы знать, как «Прибой».

Н.М.

1 Имеется в виду воронежский журнал «Подъем» (в памяти Н.Я. всплыло назва-

ние издательства «Прибой», с которым О.М. активно сотрудничал в 1920-е гг.).

45**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****5 сентября <1965 г., Моснва>**

5 сентября

Наташенька! Я только приехала в Москву, умирая от усталости. Навалилась куча дел.

Рада статье¹, но только Шкловский никогда не писал О.М. ... Было только одно идиотское письмо уже в Саматиху: упрекал, что О.М., как солдат, бережет свою единственную ногу. Стоит ли? О.М. был в отчаянии — единственный человек в литературе — и получите...

Целую вас крепко.

Пишите.

Н.М.

Привет Шуре.

1 См. примеч. 1 на с. 336.

46**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****22 сентября <1965 г., Москва>**

22 сентября

Наташенька! Жизнь грустная. Сейчас жду квартиры — дом принимает комиссия. И грущу. Не сплю. Нервы... Старость? Не знаю. Может, излишняя молодость.

Вы мне не ответили на последнее письмо, но думаю, что оно сейчас не актуально.

Мне нужно было бы получить книги. Как это сделать? Я должна сидеть сиднем в Москве, потому что квартира... Будет много возни.

Целую, Надя.

Привет Шуре. Когда он будет в Москве?

47**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****<Начало ноября 1965 г., Москва>**

Наташенька! Я занята переездом в квартиру — выписываюсь, прописываюсь, получаю арматуру...

Будете ли вы здесь на праздники? Очень бы хотелось. Могли бы спрятаться от всех у меня.

Скажите Шуре, что есть простой предлог, чтобы напечатать статью Жени: «Война и мир» начала печататься в 1865 году (№ 1 «Русский вестник»). Итого, ровно столетие...¹ Мило?

Напишите. Пишите пока на Шкловских.

Н.М.

¹ См. примеч. 3 на с. 335.

48**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****15 ноября <1965 г., Верея>**

15 ноября

Наташенька! От вас опять ничего нет. Как здоровье? Что с этим рожистым воспалением? У меня было на груди. Это тяжелая штука. Но груди всё же место отдельное — не нога...

Я ездила в Москву повидать брата. Он в больнице (инфаркт).
У меня перехватывает горло, когда я о нем пишу.

Целую вас.

Надя

49

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

26 ноября <1965 г., Москва>

20 ноября

Наташа! Пора написать хоть два слова. Мой адрес: Москва, М-447, Большая Черемушкинская, 50, корп. 1, кв. 4. Был ли Немеровский на праздники в Москве? Он мне обещал привезти книгу...

Н.М.

56

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<Начало декабря 1965 г., Москва>

Наташенька! Вы молчите, а я очень хочу, чтобы вы отозвались.

Новая квартира — это очень странно. Реальности в этом никакой. Мой адрес: Москва, М-447. Большая Черемушкинская, № 50, корп. 1, кв. 4.

Н.М.

Привет Шуре... Был он в Москве?

51

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<Начало декабря 1965 г., Москва>

Наташа! Что с вами? Опять нет ответа...

Н.М.

52**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****10 декабря <1965 г., Москва>**

10 декабря

Наташенька! Что случилось с вами? Отчего ни одного слова? Я очень беспокоюсь. Напишите, ради Бога. Мой адрес: Москва-447, Большая Черемушкинская, № 50, корп. 1, кв. 4.

Я еще не верю в реальность своего дома и жилья.

Н.М.

53**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****25 декабря <1965 г., Москва>**

25 декабря

Наташенька! Что случилось, что от вас ни слова? Я очень беспокоюсь, что от вас ничего нет. Напишите хоть словечко или попросите Шуру. Сама я сейчас полеживаю: плохая кардиограмма... Я всегда говорила, что к врачам ходить не надо. Из всех предписаний я выполнила одно — стараюсь не уставать и не выхожу до 6-го, когда будет новая кард[иограмма]...

Видимо, я сильно обидела Марусю, сказав, что ее ульяновская подруга стерва. Она была оплотом и героем института в очень трудные дни, когда меня выгоняли (февраль 53 год)¹. Ко мне она отношения не имела, но к другим... Маруся наивна как дитя... Ну ее.

Как вы себя чувствуете?

Когда соберетесь в Москву?

Мы уже в таком состоянии, что даже в Москве я очень редко вижу и брата, и Василису. Нет сил.

Целую вас.

Н.М.

Напишите.

М-447, Большая Черемушкинская, 50, корп. 1, кв. 4 (на случай, если вы забыли мой адрес).

Отзовитесь!

1 В кампании по выживанию Н.Я. из Ульяновского пединститута вместе с Глуховым и проректором Тюфяковым уча-

ствовала Маковская (сообщено Р.Г. Баранцевым).

54

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<Конец декабря 1965 г., Москва>

Наташенька! Спасибо за письмо и обложку. Первого письма я не получила и очень беспокоилась. Приехать я не могу: я так устала от бездомности, что не только что ездить, — выходить из дому не хочу. Психологически не могу. Даже у А.А., которая лежит в больнице уже больше месяца, я почти не бываю — из меня «выходит» усталость.

У меня к вам просьба (и это важно) — как можно скорее сообщите мне, что идет из стихов в «Прибое»¹. Один московский журнал² в январе пошлет в цензуру (начало января) — надо, чтобы стихи не повторялись. Не откладывайте, сделайте это сразу.

Я очень жду вас. У меня можно остановиться, и это не очень далеко от Жени.

Целую.

Н.М.

1 Имеется в виду журнал «Подъем» (см. примеч. 1 на с. 335).

2 О каком именно московском журнале идет речь, установить не удалось. Н.Я., возможно, имеет в виду журнал «Литературная Армения», где в январском номере (т. е. одновременно с журналом «Подъем»)

вышел цикл О.М. «Армения», а еще вероятней — алма-атинский «Простор» или тбилисскую «Литературную Грузию», где готовились новые публикации поздних стихов О.М. (вышли, соответственно, в ноябре 1966 и феврале 1967 г.).

55

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<Конец декабря 1965 г., Москва>

Наташенька! Получила ваше письмо. Спасибо.

С Новым годом!

Скажите Шуре, чтобы потерпел. Сволочные бабы в конце концов будут изъяты. Это всегда так кончается. Немного (только полгода) потерпеть. Хуже с детьми. Как они?

Целую Вас.

Привет Виктору и Таням.

Н.М.

56**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****3 января <1966 г., Моснва>**

3 января

Наташенька! Получили ли вы мое письмо с просьбой прислать список стихов, печатающихся в «Прибое»? Откликнитесь... Когда вы приедете?

Н.М.

Может, остановитесь у меня? Но только если вам это удобно. Забыла, что Новый год...¹

Поздравляю.

¹ Новый 1966 год — первый в московской квартире — Н.Я. встречала вместе с В.Т. Шаламовым, В.М. Борисовым,

В.М. и Ю.М. Живовыми (сообщено Ю.М. Живовой).

57**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****10 января <1966 г., Моснва>**

10 января

Наташенька! Как здоровье? Вы в прошлом письме писали, что упали...

Что мне делать со стихами? Мне надо обязательно знать, что идет... Скоро ли выйдет ваш номер? Не забудете ли вы прислать мне десяток экземпляров?

Напишите.

Н.М.

Приедете ли вы в Москву? Я вас очень жду.

58**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****<После 10 января 1966 г., Моснва>**

Наташенька! Вы знаете, вы всем понравились у меня и все про вас спрашивают... Я вас обещаю на май...

Неужели стихи выйдут? Хорошо бы... Когда?

Можете купить мне 30 экземпляров и прислать?

Хоть бы скорее...

У нас очень грустно.

Н.М.

Будет ли Шура в Москве? Хоть бы зашел.

59

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<Начало февраля 1966 г., Москва>

Наташа! Меня очень огорчает, что вы не пишете. С вами это случается. Но ведь может случиться и другое. Неужели вы не можете хотя бы опустить открытку, что с вами? Ведь вы не одна. Кто-то может сделать это за вас. Ради Бога, напишите. Вот всем у меня вы очень нравитесь, а я одна сержусь: не пишете, а они об этом и не подозревают.

Н.М.

66

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

11 февраля <1966 г., Москва>

11 февраля

Наташенька!

Я уже который день собираюсь вам ответить, но просто нет сил.

Очень будет мило, если стихи выйдут, но меня огорчает сокращение статьи...¹ Обидно... Может, потребовать, чтобы они не печатали стихов без полной статьи?

Чего-то я устала. Лежу. Через час поеду к Анне Андреевне. Она еще в больнице.

Очень хочется вас видеть. Все, кто вас видел, спрашивают о вас. Вы очень всем понравились — изяществом, красотой, прелестью и еще массой достоинств. Словом, полный успех, чему я рада. Приезжайте скорее ко мне. Все мои друзья будут вам рады, не только я. А я — очень.

Целую.

Н.М.

Привет Шуру и Виктору с семьей. Что Виктор говорит про меня? Я очень заинтересована...²

1 См. примеч. 1 на с. 336.

2 Речь идет об отзыве В.Е. Штемпеля о «Воспоминаниях» Н.Я., машинопись

которых ему давала прочитать Н.Е. Штемпель.

61

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<Середина марта 1966 г., Моснва>

Наташенька! У меня нет сил писать. Я хоронила Анну Андреевну в Ленинграде. Вы сами знаете, как мы с ней связаны. Вернулась в одиннадцатого и еще не опомнилась.

Публикация чудесная. Опечатки есть.

Пришлите мне 30 экземпляров. Крепко вас целую и благодарю и вас и Шуру. Очень хочу вас видеть.

Н.М.

62

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

16 марта <1966 г., Моснва>

16 марта

Наташенька!

Приезжайте как можно скорее — я очень хочу вас видеть — можно к 1-му, можно в начале апреля, а можно и раньше. Только предупредите. Я пока буду сидеть здесь. Жду с нетерпением. Главное — предупредите. Я целыми днями пишу и сейчас [не] писать не могу (об А.А.). Кажется, выходит.

Н.М.

63

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

26 марта [1966 г., Моснва]

26 марта

Наташенька! Спасибо за книги. Я сейчас не могу ни писать, ни жить.

Почему я должна благодарить редактора? До сих пор они благодарили меня. Впрочем, могу поблагодарить, только Женя забыл его имя¹.

Получили ли вы документы — справку о реабилитации и наследственные права? Денег пока нет, хотелось бы знать, когда они пошлют? — я на полной мели. А мне нужно в Ленинград.

Приедете ли вы ко мне на май?

Привет Шуре.

Подборка стихов отличная, и статья вполне хороша. Спасибо скажите Шуре.

Н.М.

Конверт: «Воронеж, Никитинская, 38, кв. 29, Штемпель Наталье Евгеньевне». Адрес отправителя: «Москва, М-447, Большая Черемушкинская, № 50, корп. 1, кв. 4». Почтовые штемпели: «Москва 27.3.66», «Воронеж 30.4.66».

1 Главным редактором журнала «Подъем», в котором была напечатана подборка стихов О.М. (1966, № 1), был Ф.С. Волохов.

64

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<Конец марта 1966 г., Москва>

Наташенька! Приезжайте — очень по вас скучаю. Скорее!

Сообщите телеграммой, когда вас ждать.

Я вас не встречу: отсюда утром не выбраться. Берите такси — и ко мне.

Мне есть что вам показать.

Н.М.

65

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<Конец марта 1966 г., Москва>

Наташенька! Ради бога, сообщите, когда вы приедете. Я в диком виде и очень хочу вас видеть. Получили вы мое прошлое письмо в ответ на то, где вы писали, что можете приехать к 1-му апрелю.

Н.М.

66**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****<Начало апреля 1966 г., Моснва>**

Наташенька, голубчик! Утешать не надо — утешений нет. С Анной Андреевной связана у меня вся жизнь, и трудно без нее. Главное — не ждали. Ее увезли в больницу умирающую, и там ей стало хорошо. Умерла она внезапно, на второй день после приезда в санаторий, когда уже настроилась не на смерть, а на жизнь.

Я должна была вторично ехать в Ленинград, но раздумала.

Вкладываю вам записочку редактору¹.

Денег нет. Может, перепутали адрес?

Все-таки узнайте, позвоните...

Шуре и Виктору привет.

Н.М.

Очень бы хотелось вас видеть. Когда вы приедете?

Я не убирала месяц. Сегодня уберу.

¹ Речь идет о благодарственной записке Ф.С. Волохову (см. письмо 63).

67**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****<Начало апреля 1966 г., Моснва>**

Наташенька!

Я ночью после отъезда в первый раз перечитала всё. *Никому не показывайте вторую главу*¹. Она вся глупо сделана. Ее нужно переделать.

Н.М.

¹ Речь идет о второй главе воспоминаний Н.Я. «Об Ахматовой» (с. 136–175).

68**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****<7 апреля 1966 г.>**

Наташенька!

Слухи о книге ходят упорно уже десять лет. А книги нет. Я о слухах слышала, но оснований им не вижу.

Очень устала. Женя и Лена на 24 дня в санатории. Это хорошо. Денег не получила. Это почти смешно. Получили мое прошлое письмо?

В Одессе в комс[омольской] газете «Куда мне деться в этом январе»¹.

Очень хочется вас видеть.

Я сама себя не узнаю. Никуда не выхожу. Стараюсь не выходить даже в лавку.

Целую.

Надя

Приедете ли вы на май? Вы скроете свой приезд от кузин и подруг? Да?

Сегодня Пасха. Я еду к Василисе.

¹ Имеется в виду публикация от 6 марта 1966 г. в газете «Комсомольска искра» (Одесса). В нее вошли три стихотворения О.М. — «Вооруженный зрением узких ос...» (1937), «На мертвых ресницах Исакий замерз...» (1935) и «Куда мне деться в этом январе?...» (1937). Еще одна публи-

кация стихов О.М. в этой газете состоялась 21 мая 1967 г. Материалы для обеих публикаций и разрешение на их печатание были получены у Н.Я. журналистом газеты и автором врезок к обеим публикациям Е.М. Голубовским.

69

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

18 апреля <1966 г., Москва>

18 апреля

Наташенька! Письмо получила. Спасибо, что сходили к бухгалтеру. Пусть хоть сейчас пошлют — свинство, конечно. Кстати, я неожиданно получила десятку из... Архангельска. Что они там напечатали (в газете!).¹

Я очень хочу, чтобы вы приехали на май. Да? Но мне хотелось бы знать, как вы решите, иначе я уеду в Тарусу на эти два дня (чего мне вообще не хочется). Приезжайте... И напишите, как вы решили.

Н.М.

¹ Публикация О.М. в архангельской периодике не установлена. Н.Я. имеет в виду публикацию стихотворений О.М.

в одесской газете «Комсомольска искра» (см. выше примеч. 1).

70

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**22 апреля <1966 г., Моснва>**

22 апреля

Наташенька! Эти черти денег все-таки не прислали. Ну не скоты ли?

Приедете ли вы на 1-е мая?

Очень хочу вас видеть.

Н.М.

Что мне с ними делать? Не в суд же подавать из-за этих грошей. Во всяком случае, книгу им не дам. При таком отношении нельзя.

71

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**<Между 22 и 25 апреля 1966 г., Моснва>**

Наташенька! Вчера послала вам телеграмму, что жду. 26-го приберу. Сегодня некогда.

Они¹ денег не прислали.

Просто скоты.

Н.М.

1 Очевидно, редакция «Подъема».

72

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**<Конец октября — начало ноября 1966 г., Моснва>**

Наташенька!

Приедете ли вы на праздники? Если нет, поручите Шуре взять у меня книгу. Сейчас выставка Фалька¹, но к праздникам она закрывается.

Я, кажется, выгляжу хорошо, но безумно устала.

Хочу очень вас видеть. Только скройте от других, что вы приехали, а то я вас опять не увижу.

Н.М.

1 Датируется по времени открытия выставки Р.Р. Фалька, которое состоялось

22 октября 1966 г. Дружеские отношения с художником установились у Н.М. еще

в Ташкенте. В его архиве сохранилось несколько писем Н.М., в т. ч. письмо от 7 июня 1958 г. — отклик на другую выстав-

ку Фалька в Москве, где она рассуждает о его творчестве и об искусстве (*РГАЛИ*. Ф. 3018. Оп. 1. Ед. хр. 177).

73

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

16 января <1967 г., Москва>

16 января

Наташенька! Пишу вам в день рождения О.М. ... Новостей у меня нет. Я выздоровела, но мало выхожу из-за морозов — срыгается дыхание. Женя сидит дома. Ему нельзя выходить после 10°... Как вы? Но вы еще молоденькая — в вашем возрасте и я прыгала.

Очень много работаю над второй книгой. Она будет не хуже первой. Ту — летнюю — надо в печку... Книга стихов как будто выйдет. Харджиев наделал в ней бед. Он, конечно, просто маниак и безумец. Но пусть выйдет хоть такая.

Приедете ли вы? Я по вас всегда скучаю. Целую. Н.М.

Привет Шуре. Он очень милый, а застал меня в диком виде — в работе...

74

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

5 февраля <1967 г., Москва>

Наташа! Вы опять молчите. Это нехорошо.

Тут у меня много разного, и я в полном упадке. Нет сил думать, говорить, писать...

Выходит «Разговор о Данте»¹, но меня и это не веселит.

Н.М.

5 февраля

1 «Разговор о Данте» был подписан к печати 10 января 1967 г. и вышел в свет в мае 1967 г. (Книжная летопись. 1967. № 24).

75

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**7 февраля <1967 г., Москва>**

7 февраля

Дорогая Наташенька!

Вы журчите ручейком и всё жалуетесь... Ничего, попадья, как-нибудь до самой могилы доплетемся¹. Вот мое единственное утешение.

У меня мало радости и много горя. Утешительно сердце, которое я лечу папиросами. Вот и всё о себе.

Вас я всегда любила и люблю. Письма ваши не пропадали: вы просто не заметили, что последнее было написано месяца три назад, а на мое вы не ответили.

Кто это Саша, про которого вы спрашиваете, заходил ли он ко мне? Может, мой Саша? Он заходит. «Разговор», вероятно, выйдет. Один видный представитель Союза писателей, когда обсуждались под крик толпы ее похороны, сказал: «Мертвых нам бояться не надо».²

Может, учтут, что со смерти О.М. прошло почти 30 лет...

А мне теперь всё безразлично. Кроме денег.

Когда мы увидимся? Я думала, что прощаюсь с Ленинградом, а придется поехать еще раз. Не хочу...

Н.М.

Целую вас крепко. Будьте молодцом. Привет Немеровскому. Статья, очевидно, та, что вы мне прислали.

1 См. примеч. 24 на с. 201.

2 Речь идет о похоронах А.А. Ахматовой.

76

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**<Начало марта 1967 г., Москва>**

Дорогая Наташа!

Спасибо за доброе письмо. Сейчас я со дня на день жду вызова в Ленинград. Нашелся человек, который может уточнить дату смерти. Если до 5-го я не получу известия, что он на месте, я отложу отъезд. (5-го из Ленинграда должен приехать Гладков; он ищет адрес.)

Очень хочу вас видеть. Как это ни странно, но я сдала именно сейчас, когда в общем всё сносно. Но мне этого не видно.

Не забывайте меня. Пишите.

Н.М.

Привет Шуре.

Обязательно приезжайте, только уточним срок при следующем обмене письмами. Это выяснится, когда приедет Гладков.

Н.М.

Датируется по письмам А.К. Гладкова
и Е.К. Лившиц к Н.Я. Мандельштам.

77

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

3 марта [1967 г., Моснва]

3 марта

Наташенька! Я постараюсь устроить так, чтобы в Ленинграде всё узнали без меня. Но на тот случай, если вы приедете, спешно отвечайте. Очень хочу вас видеть.

Н.М.

Конверт: «Воронеж, Никитинская, 38,
кв. 29. Штемпель». Почтовый штемпель: «Москва 3.3.67».

78

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<Весна 1967 г., Моснва>

Наташенька!

Это Вика — вы ее любите, она мне друг. В Воронеже она будет два дня.

Я замотана и умучена. У Ленки выставка. Не собираетесь ли вы в Москву. Очень по вас скучаю.

Надежда М.

Была у меня Маруся Ярцева. Она очень милая, но я была как мокрая тряпка. В ней есть что-то трогательное. Правда? Шура молодец — это про статью.

Но Шкловский никогда не писал О.М. ... Не то время...

«Разговор о Данте» в типографии.

На обороте: «Воронеж, Никитинская, 38,
кв. 29, Наталья Евгеньевне Штемпель».

79

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<Весна 1967 г., Моснва>

Наташенька! Я только что вернулась из Ленинграда. Видела там статью Шуры. Хорошо бы ее прислать.

Гинзбург пишет новое предисловие к изданию стихов — первый класс. Скоро выходит «Разговор о Данте». Что-то шевельнулось. Я жива, но не больше.

Напишите мне адрес Маруси Ярцевой. Она была проездом. Что с ней? Уж не больна ли она?

Целую вас.

Н.М.

80

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<Начало мая 1967 г., Моснва>

Наташенька! Спасибо за журнал. Дима хочет приехать, но еще не достал денег. Оля оставила вам платочек, сделанный из воздуха. Она сказала, что вы lady-like, т. е. похожи на лэди, и значит, платочек для вас. Я его дала Диме на случай, если он поедет. Если нет, пришлите за ним того, кто поедет в Воронеж.

Целую вас.

Н.М.

II том вышел¹. Скоро выйдет тираж «Разговора».

¹ Имеется в виду второй том Собрания сочинений О.Э. Мандельштама под ред.

Г.П. Струве и Б.А. Филиппова (выходило в США).

81**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****<Середина мая 1967 г., Москва>**

Наташенька! Получили вы по почте шарфик, который оставила Оля? Очень хороший. Она сказала, что вы «лэди» и вам нужен такой шарфик.

Целую.

Н.М.

Много работаю.

Есть II том.

82**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****<Середина мая 1967 г., Москва>**

Наташенька! Вы опять не пишете, и я беспокоюсь.

Получили ли вы платочек? Его послал Дима. Это вам от Оли.

Здоровы ли вы или это просто экзамены. Напишите хоть два слова...

Я работаю, и это очень растет. Какие у вас планы? Очень по вас скучаю. Эти несколько дней, что вы у меня были¹, как большая радость. Крепко вас целую.

Надя

¹ Скорее всего, в апреле (см. письмо 4 на с. 257).

83**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****<Середина мая 1967 г., Москва>**

Наташа, дружок! Я уже беспокоилась, что вы молчите. Просила Диму позвонить, но тут пришло письмо. Чего-то я устаю, очень много работаю. После первого бешенства всегда идет медленная и трудная работа. К концу июня поеду в Верею. Когда вы думаете быть в Москве?

Видно, у меня конец отношений с Харджиевым. Жаль, но ничего не поделаешь. Я забрала у него стихи (рукописи). Они лежали у него 11 лет... Отдал он их спокойно, но сейчас работает его пси-

хопатический аппарат, развивая ненависть. С этим ничего не поделаешь. Вспомните, как вы с ним говорили по телефону. Потом я узнала: он принял вас за... свою сестру¹. Он, разумеется, говорил, что это был не он, что вы не туда попали... И я случайно узнала, что так он разговаривает со своей сестрой. Бог с ним...

Женя и Лена вернулись из санатория. Они в хорошем виде, но Лена, как всегда, очень нервна.

Со стороны Оли, правда, это было мило: вы ей очень понравились — настоящая лэди... Я рада, что и она показалась вам милой. Я ее люблю.

Крепко вас целую.

Ваш приезд был для меня огромной радостью. Я и сейчас хочу еще раз вас за него поблагодарить.

Ваша Н.М.

«Разговор о Данте» не вышел. Тираж давно готов. Это сейчас по всей линии. Посмотрим, как будет. Если Шура будет в Москве, хорошо бы, чтобы зашел.

Н.М.

Книгу (2 кн[иги]) пошлем по правильному адресу — не беспокойтесь.

1 Е.И. Попова.

84

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<Конец июня 1967 г., Моснва>

Наташенька! У меня есть для вас книга, которую, боюсь, заберет Шура. Я пробовала звонить Иосифу Исааковичу, чтобы он ее взял, но никто не отвечает... Может, переменялся номер. Я уезжаю к 1-му. Кто-нибудь зайдет за ней?

Н.М.

85**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****17 июля <1967 г., Верея>**

17 июля

Наташенька!

Как вы? Что вы? Я очень по вас скучаю. Отзовитесь...

Сижу в Верее (Моск[овская] обл., Наро-фом[инский] р-н, Спартаковская, 20, Шевелевым, для меня).

Очень хочу знать, как Виктор, как Шура... Получили ли вы книгу? За ней заходил чудный старик Иосиф Исакович... Отдали Шу-ре? Напишите, Наташенька... Собираетесь ли вы приехать?

Н.М.

86**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****[23 июля 1967 г., Верея]**

МОСКВА СЕРЕБРЯНЫЙ БОР ТАМАНСКАЯ 101 КВ. 5 БРАГАН-ЦЕВОЙ ШТЕМПЕЛЬ

ВЕРЕИ НРФ 340 20 23 0850 ЗНС

РАДЫ ПРИЕЗЖАЙТЕ ПРЯМОЙ АВТОБУС ТИШИНСКИЙ
БИЛЕТЫ ЗАРАНЕЕ ЖДЕМ ЖЕНЯ ЛЕНА НАДЯ

Почтовый штемпель (неточный):

«Москва 22.7.67».

87**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****<Начало августа 1967 г., Верея>**

Наташенька! Вырвалась выкупаться в город и спешу вам от-ветить.

Мы все скучаем по вас. Не забывайте нас за своими экзамена-ционными делами. Пишите. Я усталая, Ленку это сердит. Она как буря, но ничего. От ее бури моя усталость только хуже. Что поделаешь?

Моя мечта: чтобы вы поскорее приехали «тенью», скрывшись от Иры и от всех. Чтобы мы тихонько с вами прожили несколько дней

вдвоем. Что если это можно? Постарайтесь, дружок. Пока не поздно, и я еще хоть и нудно, но всё же ворочаю губами.

Привет всем, т. е. Виктору с Танями и Шуре. Целую крепко.
Н.М.

88

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель
17 августа <1967 г., Моснва или Веря>

17 августа

Наташенька! Вы уже, наверное, скоро вернетесь в Воронеж. Я по вас всегда скучаю.

Сейчас я в бешенстве на Харджиева. Еще больше, чем раньше, потому что вникаю глубже в то, что он наделал. Скотина, каких мало. Борьба произойдет, когда я вернусь. Худо дело. Мне понадобится ваша помощь. Такая: два-три письма на мое имя, что вы знали такое-то или такое-то стихотворение...

Он обрезал листок с «Нищенкой»¹ (отрезал первую строфу). Зачем? Наверное, мне на пакость — чтобы напечатать без нее на формальных основаниях: нет рукописи. Доказать, что он отрезал, очень просто. Есть другие листки такого же вида, но больше... на строфу. Гад. Он не стихи любит, он свое редакторство любит.

Как Шура? Как жизнь? Ох, как я по вас скучаю.
Ваша Н.М.

1 Стихотворение О.М. «Еще не умер ты. Еще ты не один...» (1937), в первой строфе которого говорится о Н.Я.

89

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель
<Сентябрь 1967 г., Моснва>

Наташенька дорогая! Вы мне не ответили на письмо, хотя оно было настолько дикое, что отвечать, в сущности, было не на что. Я даже забеспокоилась, что с вами; позвонила Иосифу Исааковичу... Он сказал, что недавно был в Воронеже и там всё в порядке.

Мои дела с Харджиевым такие: он врет так, что попадаетея на каждом шагу. Я ему сказала, что узнала, как он врет, когда он убеждал меня, будто это не он разразился матом по телефону, — помните, как он вас ошарашил? А мне он говорил: «Надя, это не я, вы же знаете меня...» И голос звучал правдиво. На этот раз он признался, что это был он, но... он принял вас за соседку...

Конечно, он психопат, маниак и вор. Мне стыдно, что я доверила ему рукописи. У меня была мысль жаловаться на него в Комиссию по наследству (все почти вышли из строя — Женя (мой брат) — 2 инфаркта, сейчас болен; Ильи нет, Анны нет... Есть Сурков... и сам Харджиев).

Пришла Эмма Герштейн — и уговорила меня махнуть рукой, чтобы не навлекать нового позора на наше поколение, на последних представителей этого злосчастливого круга. Кажется, она права.

У меня к вам такой конкретный вопрос: были ли у вас маленькие листочки со стихами (писавшимися в ту зиму) моей рукой с да-той Осинной рукой? *Он мне не вернул ни одного.* Сам он притворяется невинным... Сам он и все мы скоро умрем; всё равно всё будет в архивах. Но это воровство для меня страшное предательство... На что он посягнул...

Напишите мне. Я беспокоюсь, что вы молчите.

Н.М.

Москва, М-447. Б. Черемушкинская, 50, корп. 1, кв. 4.

Привет Шуре.

90

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<Сентябрь 1967 г., Москва>

Наташенька, спасибо за письмо. Я очень хочу, чтобы вы приехали. Когда это возможно?

Устала я предельно и мрачна. Перебираю все свои ошибки за всю жизнь, и они чуть не задавили меня. К чему бы это?

Отзовитесь.

Н.М.

Спасибо Шуре за письмецо.

91**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель
<Сентябрь 1967 г., Моснва>**

Наташенька дружок!

Что-то я опять злая и мрачная. Так славно было повидать вас в Москве, а сейчас вы влезли в работу, а я во всякую чушь. Мне трудно и мутно.

Ник. Ив. сказала, что стребую у него остатки. Он был краток. Но требует сказать, что... Я пока не говорю... Не забывайте меня. Пишите.

Н.М.

Не очень я здорова... Не то чтобы больна, а так...

92**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель
10 октября <1967 г., Моснва>**

10 октября

Наташенька! Я замотана и замучена — главным образом Леной. Болен Женя. Сердце и сосуды. Может, врач ему сегодня разрешит встать. А у Лены выставка. Первая в жизни персональная. Разрывается и она, и я.

Что у вас? Книгу я надеюсь для вас получить. Он ждет возможности достать ее и отправить.

Устала. Вот жизнь.

Не забывайте. Пишите хоть записочки.

Н.М.

93**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель
<Начало ноября 1967 г., Моснва >**

Наташа дорогая! От вас опять нет писем, и я беспокоюсь. Хотя бы вы когда-нибудь звонили моему брату, чтобы я знала, что с вами.

У меня ничего нового. Книга в Ленинграде постепенно движется. Возможно, в будущем году выйдет. Зато с Харджиевым полный разрыв. Я потребовала, чтобы он мне вернул то, что он оставил у себя, но он врал честнейшим голосом и ничего больше не вернул.

Какие там конверты? Никаких конвертов не видел...¹ И многое другое. Например: найденное мной стихотворение «Нет, не мигрень» он будто бы уничтожил — ведь это не автограф...² Он не вернул мне *ни одного листочка* из второй и третьей воронежской тетради О.М., где была дата рукой О.М. (кроме двух — вашим подчерком)³. Оказался сволочью полной. Разговаривал он со мной по телефону неслыханно правдивым голосом. Такой правдивый голос я слышала в тот день, когда я спрашивала его, что означала его брань по телефону, когда вы ему позвонили.⁴

Я проклинаю себя за то, что отдала ему архив, но, вспоминая прошлое, понимаю, что ничего другого сделать не могла. Ведь я жила чорт знает где, бумаги хранились в доме, где Харджиева не переносили, он сел за работу и т. п. ...

О ряде спорных вещей мне придется прибегнуть к вашему свидетельству. Первое: напишите на имя Ирины Михайловны Семенко то, что вы написали Диме⁵ (я боюсь, что от Димы скоро останется одна тень и он выбудет из всякой работы — из-за жены...⁶ там очень плохо), а именно, что О.М. говорил о списках моей рукой.

Второе: напишите мне о своем разговоре по телефону с Харджиевым.

Третье: это будет относиться к порядку следования стихов и т. п. вещам. Мне изредка нужно будет ваше свидетельство, чтобы подкрепить мои заявления. Это относится не к этому изданию, а к будущему. Я сейчас сижу над текстологическим комментарием. Чтобы всю чушь, которую наделал Харджиев, снять и убрать, надо дать серьезные объяснения...

Сейчас произошли некоторые изменения: Харджиев прислал мне два черновика: оба 37-го года. Он сказал, что Лина дала ему посмотреть письмо Сергея Бор. из Воронежа; и это там он нашел стихи 37 года... Ложь всегда выявляется в связях времени и пространства, как говорила Анна Андреевна. Рудакова в 37 году уже давно в Воронеже не было, следовательно, он не мог стащить черновик и послать его Лине. Столь же мало шансов, что он положил один черновик, полученный у меня, в конверт. Следовательно, Харджиев получил этот черновик либо от меня, либо другим способом, и лжет напрапалую. А может, верит своей лжи? Кто его знает. Хорошо, что почти всё у меня, но какое-то «почти» осталось у него... Наташенька, пишите. Не забывайте.

Я сделала перерыв в письме, потому что заболел Женя. Пока ничего особенного — но очень страшно: возраст. И еще: Е.М. отличен за ним ухаживает, но она совсем сумасшедшая. Клинически...

Сейчас у Жени был легкий спазм... Он лежит...

1 См. пункт 11 на с. 301 и примеч. 14 на с. 303.

2 См. примеч. 3 на с. 302.

3 См. примеч. 6 на с. 302.

4 См. письма 83 и 89 на с. 355 и 358.

5 Имеется в виду письмо Н.Е. Штемпель В.М. Борисову от 25 июля 1967 г.: «Диме Борисову. Вам, очевидно, будет интересна такая деталь. Когда Надежда Яковлевна переписывала для меня стихи,

Осип Эмильевич неоднократно говорил: „Стихи, записанные Надей, могут идти в порядке моей рукописи“. Действительно, большинство стихов сохранилось в записи Н.Я. Я часто видела, что только созданное стихотворение О.Э. диктовал Н.Я. Так что первые записи сделаны ее рукой. Н. Штемпель. 25/VII-67 г.» (АМ. Короб 3. Папка 102. Ед. хр. 26).

6 Т.В. Борисова.

94

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

16 ноября <1967 г., Москва>

16 ноября

Наташенька! Происходит неслыханная катавасия: Харджиев вербует своих мирносоиц, чтобы они облагородили меня: он, мол, чист как стеклышко, а я безумная... «Вы же меня знаете...» На меня насаждают со всех сторон, чтобы я щадила здоровье и нервы Харджиева. Тем временем я слегла (сердце и температура от сердца).

Вот что я увидела в материалах (возвращенных) «Второй и третьей воронежской тетради» (т. е. от «гудка» и «щегла» до ваших стихов)¹: две твердых бумажки — «Внутри горы» и «Эта область в темноводье»² — и то и другое черновики, а у вас были беловики с датой Осинной рукой. Обязательно напишите мне в письме о том, что вы мне говорили: про «плохой ватман» и как я писала, а Ося ставил дату. Как вы приходили и брали эти листочки по мере появления стихов.

Харджиев врет напрапалую, и Саша верит ему и плачет («Он уничтожил этот листок, потому что нашел лучший, автограф... Неужели вас не удовлетворяет это объяснение? Он скажет, где автограф, когда выйдет книга», — сказал мне Саша... Этого достаточно для профессионального суда. Такое обращение с доверенными ему текстами преступно).

Еще — Харджиев таким образом отводит ваше свидетельство: «Я не отвечаю за то, что дала Штемпель, — Надежда Як. могла с этим чорт знает что сделать — она ведь всё разбазаривала...»

Можете вы вспомнить, не вместе ли мы к нему тогда поехали? Мне помнится, что именно так... *Это очень нужно.* Я этого дела так не оставлю. Публичного скандала я поднимать не буду — не стоит. Но оставлю в Осином архиве всю эту историю, а кроме того, составлю новую комиссию по наследству (под предлогом, что двое — Ахматова и Эренбург — ушли) и *не введу в нее Харджиева.* Я не хочу, чтобы он был «авторитетом» по Мандельштаму, запятнав себя такой подлостью.

Дальше. «Наташина книга» не вся — в ней отсутствует весь раздел «Первая воронежская тетрадь» (от Чернозема до гибели летчиков)³. У вас же это было? Вторая и третья тетради есть (от «Гудка» до «Наташи»⁴).

Ужасно я огорчена, что вас так мало видела. Но, видно, иногда нужно, чтобы вы достались не мне, а Жене. Когда вы «приедете тенью» и мы посидим с вами на кухне?

Целую вас крепко.

Копию вашего письма я пошлю Харджиеву.

Целую вас.

Н.М.

1 Стихотворение «Из-за домов, из-за лесов...» (1936), открывающее «Вторую тетрадь», и «Мой щегол, я голову закину...» (1936), четвертое в этой тетради, а также посвященные Н.Е. Штемпель стихотворения, завершающие «Третью тетрадь»: «Клейкой клятвой липнут почки...» (1937) и «Есть женщины, сырой земле родные...» (1937).

2 Стихотворения «Внутри горы бездействует кумир...» (1936) и «Шло цепочкой в темновье...» (1936) из «Второй тетради».

3 «Наташина книга» — свод стихов О.М. 1930–1937 гг., составленный Н.Я. для Н.Е. Штемпель, — в полном объеме, включая раздел «Первая воронежская тетрадь», который начинается стихотворением «Чернозем» (1935) и заканчивается стихотворением «Не мучнистой бабочкою белой...» (1935–1936; «гибель летчиков», как называет его Н.Я.), находится в настоящее время в АМ.

4 Стихотворения «Из-за домов, из-за лесов...» (1936) и «Клейкой клятвой липнут почки...» (1937).

95

Н.Е. Штемпель — Н.Я. Мандельштам**4 декабря 1967 г., Воронеж**

Дорогая Надежда Яковлевна!

Вы спрашиваете, что я передала Вам из имевшихся у меня стихов О.Э.

Во-первых, несколько автографов: это — стихотворения, обращенные ко мне, «Чернозем» и некоторые эпиграммы, написанные обычно на дамских конвертиках с лиловым обрезом; во-вторых, блокноты стихотворений, написанных Вашей рукой, один из них с голубой обложкой, другие без обложки (помню, у одного — первых нескольких листков не было и виден корешок). В этих блокнотах были основные московские стихи и все три «Воронежские тетради»; в-третьих, стихи на отдельных листках, многие из них были написаны на узких листках плохого ватмана. Как сейчас помню, О.Э. подходил к столу и, наклонившись через Вас, прочитывал их и своей рукой ставил дату с заглавной буквой «В».

Этих листков было довольно много, они накапливались по мере того, как О.Э. писал новые стихи в зиму и весну 1936–37 гг.

Отвечаю на Ваш второй вопрос: называл ли О.Э. свои стихи «Стихи 30–37 г.»? Такого названия я никогда от него не слышала, да это и лишено здравого смысла. Почему О.Э. должен был закончить свое творчество в 1937 г.? Ведь он не собирался умирать. Когда я зимой приезжала к Вам в Калинин, О.Э. читал мне новые стихи 1938 г., одно из них о смертной казни. Стихи, написанные в Воронеже, он всегда называл «Воронежскими стихами».

Наташа

4/XII — 67 г.

АМ. Короб 1. Папка 43.

96

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**25 марта [1968 г., Москва]**

25 марта

Наташенька! Вы опять молчите. Не грех ли вам? Женя уже сидит в кресле по 10–15 минут в день. Очень слаб.

Я всё время у него.

Целую вас и прошу: не забывайте.

Н. Мандельштам

Как Шура? Я очень о нем думаю и беспокоюсь.

Почтовая карточка: «Воронеж, Никитинская ул., 38, кв. 29, Штемпель». Почтовые

штемпели: «Москва 25.3.68», «Воронеж 1.4.68» (два).

97

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

9 мая <1968 г., Москва>

Май — 9-е

Наташенька! Я давно не писала и давно не имею от вас писем. Очень по вас скучаю.

Нужно ли вам прислать «Вопросы литературы» № 4?

Там напечатан Ося!

Может, он у вас уже есть.

Женя и Лена уезжают в санаторий 17-го. Выяснилось, что с января половина писем ко мне не дошла. Но вашего, думаю, среди них не было.

Устала я до бреда, хотя говорят, что выгляжу хорошо.

Некоторое количество неприятностей у моих друзей, но не тяжелых. *Пока*. Вы, вероятно, знаете.

Как здоровье Шуры?

Передайте ему от меня привет. Я за него беспокоюсь, как о родном, но боюсь звонить Иосифу Исааковичу, может, от него скрывают.

Напишите, Наташа.

Крепко целую вас.

Н.М.

1 *Мандельштам О.* Записные книжки. Заметки / Публ. и вступит. заметка И.М.

Семенко // Вопросы литературы. 1968. № 4. С. 181–199.

98**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****20 мая <1968 г., Моснва>**

20 мая

Наташенька дорогая!

Письма наши скрестились. Я очень рада была вашему, хотя огорчаюсь, что вы себя плохо чувствуете. Хорошо, что Шура в санатории.

Женя и Лена уехали в санаторий. Я отдыхаю, но очень плохо себя чувствую. Выгляжу, говорят, хорошо. Вчера ездила к Шкловским повидать моих старух, а сегодня целый день лежу с болью в сердце. Старость.

Едем во второй половине июня в Верею. Очень боюсь расстояния.

Будет комиссия по Осе. Она до сих пор была только на бумаге. Во главе — Симонов. Книга как будто движется. Послать вам «Вопросы литературы»¹ или вы получаете?

Целую вас.

Н.М.

1 См. примеч. 1 на с. 364.

99**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****<Между 21 и 27 мая 1968 г., Моснва>**

Наташенька! Был Шура (он очень хороший, это вам Сима надоела, а не он) и рассказал, как вам сейчас трудно и про враченка, найденного на улице. Вы молодец.

Я по вас, как всегда, скучаю.

Саша окончательно и торжественно отказался от меня. Я рада. Приняла меры к организации комиссии. Харджиева не включила, а ввела Степанова, с которым они враги! Не разделили Хлебникова, вернее, Харджиев травил Степанова за прикосновение к Хлебникову и потому его ненавидит. Посмотрим, что будет.

Понемножку работаю. Чуть-чуть.

Целую вас.

Жду хоть записочки.

Н.М.

100**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****28 мая <1968 г., Москва>**

28, май

Наташенька! Наконец-то я отправила Женю и Лену в санаторий и вроде как отдыхаю, хотя у меня тяжелый приступ язвы: погода, и я вспомнила о себе, когда они уехали.

Очень грустно, что вы болеете. К врачам, боюсь, вы не обращались. Не запускайте...

Вернулся ли Шура? В каком он виде? Передайте ему от меня привет.

Как ваш враченок, которого вы поймали на улице? Следит он за вами?

Что делается с книгой в «Библ[иотеке] поэта», не знаю. От меня скрывают. Слышала, что была корректура. Получили ли вы «Вопросы литературы» № 4? Я держу для вас номер, если у вас еще нет.

Лена всё просит, чтобы вы приехали в Верею. Я тоже. Было бы чудно.

Как?

Не молчите. Отзовитесь. Хотя бы записочку.

Н.М.

101**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****<Конец мая 1968 г., Москва>**

Наташенька!

Вы опять молчите. Я жду голоса. Отзовитесь. Весь июнь буду в Москве. Ау!

Н.М.

102**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****<Начало июня 1968 г., Москва>**

Наташенька! Я попробую приехать к вам в конце июня, в июле. Не знаю, выйдет ли, но очень хочется. Поживем вместе. Только напишите мне адрес в Графской¹, чтобы я оставила своим.

Целую вас.

Н.М.

Третьей посылки не было. Две. Одна вам (две вещи), одна кофточка для Тани.

1 См. примеч. 1 на с. 334.

103

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

15 июня [1968 г., Москва]

15 июня

Наташенька дружок! Был Аркадий и рассказал про Виктора. Вы сами понимаете, как я огорчена за вас и за него. В каком он сейчас состоянии? Сможете ли вы уехать хоть на свои свободные двадцать дней? Как обидно, что вы принимаете экзамены. Кому это нужно? Зачем вам так портить себе лето и отдых, в котором вы так нуждаетесь?

Больше всего мы трое хотим, чтобы [вы] на этот свободный ваш срок приехали в Верею. Не блеснули кометой, а именно пожили с нами как следует.

Опять выплыл вологодский брат!¹ Откуда такая дикая страсть к родне, что вы готовы просидеть эти несчастные дни на болоте, а потом зимой остаться без сил. Если бы Графская с Шурой, я бы не так злилась. Но Вологда!

Умоляю: напишите сразу. К концу месяца мы уезжаем (1-я Спартаковская, 20, Верея, Наро-фоминского р-на).

У меня разное — есть тревоги и печаль, есть неплохое. Сейчас Симонов взялся быть председателем комиссии по наследству и, может, станет лучше. Он уже кое-что сделал². О книге в Ленинграде мне ничего не сообщают. Здесь есть и работа Харджиева (это *его* книга!). Идиот, но в него явно влюблена редакторша...³ Он умеет. Сама я, дура, попалась... Обидно всё это ужасно.

Устала я от трудной зимы, но понемногу работаю. Саша отвалился окончательно. Воздух стал лучше. К вам масса разговоров...

Н.М.

Напишите про Виктора. Горячий привет ему. Как всё трудно...

Обрадовалась и Аркадию (бедный, куда его загоняют!)⁴ и еще больше Шуре.

Конверт: «Воронеж, Никитинская, 38, кв. 29, Штемпель Нат. Евг.». Адрес отправителя: «Москва, М-447, Б. Черемушинская, 50, корп. 1, кв. 4, Мандельштам». Почтовые штемпели: «Москва 16.6.68», «Воронеж 19.6.68».

1 Речь идет о С.Н. Лукьянчикове.

2 Имеются в виду усилия К.М. Симонова, нового председателя Комиссии по литературному наследию О.Э. Мандельштама, по ускорению выхода в свет издания в «Библиотеке поэта».

3 И.В. Исакович.

4 Речь идет о распределении А.И. Слуцкого после окончания Воронежского университета в г. Термез (Узбекистан).

104

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<Начало июля 1968 г., Верея>

Наташенька! Трудно себе представить, что у меня было последние недели. Я просто еще не могу опомниться. Сейчас я уже неделю в Верее.

Мой адрес: Верея, Нарофоминского р-на, 1-я Спартаковская, 20, Шевелевым, для меня...

Несколько раз я заходила в свой магазин¹ за чулками, но, конечно, их в помине нет. Эти чулки (они называются «эластичные» и «безномерные», хотя у них есть номера) вообще только мелькают, особенно маленькие номера (бывают еще совсем дешевые, но они моментально становятся мешками). Вернувшись в Москву, буду заходить из булочной в магазин и, наверное, как-нибудь схвачу их.

Куда вы решили ехать? Заглянули бы в Верею. Ждала вас в Москве и очень огорчилась, что у вас там что-то отменили.

Привет Шуре.

Целую.

Н.М.

Боюсь, что письмо не застанет вас...

1 Один из московских магазинов «Безрезка» находился на Профсоюзной улице,

около метро «Академическая», т. е. относительно недалеко от квартиры Н.Я.

105

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**<Конец июля 1968 г., Верея>**

Наташенька! Я думаю приехать числа пятого. Удобно ли это вам? Срочно напишите или лучше телеграфируйте. Приеду я так на неделю. Целую крепко.

Н.М.

106

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**31 июля <1968 г., Верея>**

31 июля

Дорогая Наташенька!

Я на два дня в Москве. Очень хочется вас видеть. Удастся ли вам приехать? Мы очень вас ждем.

С книгой в Ленинграде мало понятно. Была корректура, и всё остановилось. Может, Симонов (он сейчас председатель комиссии по наследству) позвонит Орлову и спросит, в чем дело.

Немножко работаю, но очень мало. Больше возня с хозяйством. Сил очень мало.

В Верее буду до сентября. Сама я здорова. Меня пугает Лена. Она нервна до предела, худа, бледна. Что с ней делать, не знаю. Жена — ничего.

Целую вас крепко.

Не забывайте.

Напоминаю адрес:

Верея, Моск[овская] обл., Нарофом[инский] р-н, Спартаковская, 20, Шевелевым.

Передайте от меня привет Виктору и Шуре.

Встречали вы у меня когда-нибудь Любищева (биолога)? Он чудный старик (80 лет). Упал и сломал бедро. Уже работает, стоя на костылях у микроскопа.

Год написания письма устанавливается по письму А.А. Любищева к Н.Я. от 20 июля 1968 г., где он «отчитывается» о своем вы-

здоровлении и восстановлении работоспособности после перелома (сообщено Р.Г. Баранцевым).

107

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель
<Оноло 10 сентября 1968 г., Моснва>

Наташенька, милая! У меня ничего не происходит, и как будто я здорова, но чувствую себя мокрой курицей. Отчего, не знаю. Хорошо, что вы здесь побывали, это утешение...

С Симоновым буду разговаривать только в понедельник. Он улетел в Сухум. Все они летают, как птички.

Приходил Саша, но неудачно: Ира в эту минуту была в уборной, и я за эту же минуту выставила его. Он успел сказать, что катется и что готов на всё... Думаю, что толку всё равно не получится. Приходил и Дима. Этот всё же считает, что во всем виновата Ира. Он становится похожим на Таню. Надоели они мне все...

Вроде пробую работать, но почти ничего не выходит. Не знаю, как быть. Варлаам раздувает ноздри и говорит, что никакой комиссии не надо... Ему хорошо... И еще: существует специальная литература жен, писавших о своих мужьях. Этой литературе никто, как известно, не верит. Поэтому Варлаам советует немедленно перестать писать об Осе. Я даже затосковала: попасть в эти жены обидно, но это единственное, о чем мне хочется говорить и о чем мне есть что сказать. Беда... Посоветуйтесь про жен с Шурой, но пусть он помнит, что у всех жен были друзья, которые их хвалили. Пишите, Наташа...

Н.М.

108

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель
17 сентября <1968 г., Моснва>

17 сентября

Наташенька! От вас нет ни одного слова. Что случилось? Я очень беспокоюсь.

Я вернулась 7-го сентября. Сегодня возвращаются Женя и Лена. Лето было очень трудное. Зима, наверное, будет не легче.

Отзовитесь — грех вам!

Н.М.

Были ли вы в Москве?

109**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****[26 сентября 1968 г., Москва]**

Наташенька! Ваши письма дошли, но, видимо, мои не дошли. Ведь ваше последнее — о книге — было чуть ли не в начале октября¹. После этого молчание.

Я очень рада получить от вас весточку — очень беспокоилась и скучала. Когда же вы наконец выберетесь в Москву? У меня плохо с сердцем: стенокардия и плохие кардиограммы. Много лежу, устаю от всего.

Что еще? О чем-то думаю, чего-то грущу, что вполне естественно. В день, когда получила ваше письмо, уже написала Виктору, но не успела послать.

Целую вас крепко.

Н.М.

Привет Шуре и Виктору. Как дети Шуры? По-прежнему вы дружите с ними?

Как юнец Аркадий с его женой²?

Целую еще раз.

Конверт: «Воронеж, Никитинская, 38, кв. 29, Штемпель». Адрес отправителя: «Москва, М-447, Б. Черемушкинская, № 50, корп. 1, кв. 4, Мандельштам». Почтовые штемпели: «Москва 26.9.68», «Воронеж 29.9.68».

1 Описка Н.Я.: скорее всего, имеется в виду сентябрь.

2 Р.А. Бокова.

110**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****10 октября <1968 г., Москва>**

10 октября

Наташенька! Куда мне уж ехать — как бы косточки собрать... Скоро мне 69 лет. Это не такой уж страшный возраст, но за очень многие годы мне надо зачитывать в стаж по два за один. И я оказываюсь патриархом.

Передайте мой сердечный привет Виктору. Вот уж ему не повезло... Как его дочь?.. И Таня большая?

Подумать только, что встречи с вами ждать до зимних каникул... Беда.

Женя — мой брат — очень слаб и плох. (Летом был ничего.) Неразумен... Сам себе вредит. Я тоже. Тысячи страхов и огорчений. Насел на меня архив ЦГАЛИ, чтобы я сдала Осю¹. Интересно, какие у них камни за пазухой.

Жить очень трудно. Я всё же пробую работать. Идет вяло. Как-то руки опускаются от всей сложности жизни.

Книга О.М. (мерзкая из-за Харджиева) в Союзе писателей. Техника задержки: статья непонятна, надо дружить. Все 12 лет из-за статьи...

Целую вас крепко.

Привет Шуре.

Н.М.

1 В сентябре 1966 г. Н.Я. впервые посетила сотрудница ЦГАЛИ И.П. Сиротинская. В 1966–1967 гг., в обмен на фотокопии автографов О.М. из собрания архива, Н.Я. передала туда автографы сти-

хотворений «Домби и сын» (1913), «Теннис» (1913), ряд черновиков «Египетской марки» и несколько фотографий О.М. (сообщено И.П. Сиротинской).

III

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

15 февраля <1969 г., Москва>

15 февраля

Наташенька! От вас опять ничего нет, а я по вас очень скучаю. Женя у меня очень стареет и болеет. И Лена тоже, и я...

Зато без Саши жить стало лучше. Нет и Димы — и это тоже очень хорошо. Живу очень тихо и рада. Как вы?

Я работаю — очень много и очень медленно. Беда... Хочу кончить — лишь бы успеть.

Целую вас крепко и очень прошу — пишите.

Когда вы приедете? На этот раз ко мне, да?

Н.М.

III

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

11 апреля [1969 г., Москва]

11 апреля

Наташенька! Хоть бы вы приехали. Я вроде надорвалась, хотя выгляжу розой (на все свои без месяцев 70). Вся зима в болезни Жени

и трудностях с Леной. Она падает с ног и плюс — истерика. Я работаю урывками, но всё же что-то делаю. Господи, хоть бы доделать.

Сможете вы приехать, чтобы скрыть от всех, «тенью»? Хорошо бы. Звонку вашему очень обрадовалась. Как же обрадуюсь вам! Сняла дачу в Переделкине. Очень мерзко, но другого выхода нет.

Что еще? Голова идет кругом. Мне сперли книгу Харджиева. Она мерзка. Помните, как он ругался в телефон¹? Как я попалась с ним! Смешно, но *все*, что от Анны Андреевны, всегда плохи (либо сразу, либо погода). Чем это объяснить?

Целую вас крепко.

Очень по вас скучаю. Привет Шуре и Виктору.

Н.М.

Конверт: «Воронеж, Никитская, 38а, кв. 29.

Штемпель Н.Е.» Адрес отправителя:

«Мандельштам. Москва, М-447, Б. Че-

ремушинская, 50, корп. 1, кв. 4». Почтовый штемпель: «Москва 11.4.69».

1 См. письма 83 и 89 на с. 355 и 358.

113

Н.Е. Штемпель — Н.Я. Мандельштам

9 мая 1969 г., <Воронеж>

Я слышала стихотворение «Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый...» в двух разных вариантах.

Осип Эмильевич мне говорил, что оно связано со стихотворением на смерть летчиков¹ и написано вместе с ним в Воронеже, когда он жил на Проспекте революции рядом с газетой «Коммуна».

Мандельштам рассказывал, что он тогда же читал его ночью типографским наборщиком.

Он считал, что это стихотворение предвестник «Неизвестного солдата», и в этой связи он мне его прочел зимой или весной 1937 года.

Н. Штемпель

9/V-69 г.

АМ. Короб 2. Папка 23. Приложено к сделанному А.А. Морозовым списку стихотворения «— Нет, не мигрень, — но подай карандашик ментоловый...» с датой: 23 апреля 1931 г. и следующей пометкой Н.Я.: «Дата ложная — стихи написаны в Воро-

неже в 35 году». Написано, очевидно, по просьбе Н.Я.

1 Стихотворение «Не мучнистой бабочкою белой...» (1935–1936).

114

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**<Август 1969 г., Москва>**

Наташенька, милая!

Спасибо за письмецо. Надеюсь, что Шура скоро разведется и будет свободным¹. На полгода откладывают всегда (наверное, чтобы стороны возненавидели друг друга). Через полгода дают развод. Хоть бы скорее. Пусть никуда не уезжает.

О себе. Смертная усталость, которая, вероятно, излечивается только смертью. К несчастью, не чувствую ее приближения. Больше всего боюсь беспомощности, чтобы не повиснуть на своих друзьях и не быть им в тягость. Появился ночной страх — быть одной. У меня в этом году жила сначала Таня Фисенко, потом Таня Дроздова. Обе из Пскова. Вот я и избаловалась.

Как дети Шуры? Это несчастье хуже жены. С ними не разведешься.

Целую вас.

Н.М.

1 А.И. Немировский подал на развод в июле 1969 г., но его жена в суд ни разу не

явилась, так что процедура развода затянулась до февраля 1970 г.

115

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**6 сентября <1969 г., Москва>**

Сентябрь, 6

Наташенька! Я пишу после тяжелого приступа стенокардии. Но не инфаркта. Боль была дикая, но прошла после лекарств. Значит, не инфаркт... Страху не было.

Сейчас всё труднее жить одной, но ничего не поделаешь. К смерти я готова. Боюсь только долгожития. Не дай Бог дожить до 80 или — еще хуже — до 90. Страшна беспомощность. Я уже очень беспомощна.

Целую. Напишите о себе и о Шуре. Как его развод и Вика?

Н.М.

Привет Виктору с Танями и Шуре.

116

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**30 сентября [1969 г., Моснва]**

30 сентября

Наташенька! Лето прошло, и мы не повидались. Мне уже через месяц 70 лет. Это очень много. Я это всё время помню.

Женя очень слабый и хрупкий (ему в этом году 76)... Это главное. Лена уже начинает спсиховываться — летом была ничего.

Я смертно усталая вхожу в эту зиму. Болею. Скучаю. Работаю (очень медленно), тоскую. Очень хочу вас видеть.

В этом году у меня трудно с деньгами — дача была очень дорогая; я выложила всё до последнего гроша. В будущем году (т. е. к 72-му) кончается мое наследственное право¹ — значит, Ося мне не будет подкидывать своих грошиков. Это грустно, но думаю, что скоро уже всё подойдет к концу.

Как Шура и Виктор?

Думаю, что у меня еще год работы, а там я всё кончу.

Целую вас крепко.

Не забывайте меня.

Большая у вас нагрузка?

Н.М.

Конверт: «Воронеж, 18, Никитинская, 38, кв. 29, Штемпель Наталье Евгеньевне».

Почтовые штемпели: «Москва 30.9.69», «Воронеж 2.10.69».

¹ Н.Я. отсчитывает его с 1957 г. — даты реабилитации О.М.

117

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**25 ноября <1969 г., Моснва>**

25 ноября

Наташенька дорогая! Я устала, измучена, грустна, глупа, трудолюбива, брюзглива, стара... Мне исполнилось 70 лет, и в этом есть огромное торжество, чувство чудной внутренней свободы. Это порог и совсем особое веселье — поразительно, как много значит цифра, кончающаяся на ноль! Бывает же такое... Но 70 лучше, чем 50... Скажите Шуре.

Я очень обрадовалась вашему письму. Вы меня редко балуете — и это тоже усталость. Как вы живете? Кто вам готовит? Работать и хозяйничать одной трудно.

Очень хочу вас видеть. Надеюсь летом... Так проходят годы, и мы почти не видим друг друга.

Получила третий том...¹ Дожила старушка...

Видела рецензию Шуры в «Н.М.» — о ней много говорили, т. к. даже признание *историчности* есть событие².

Целую вас крепко.

Н.М.

Привет Шуре и Виктору с двумя Танями. Хорошо, что он ходит без палки. Знаете ли вы, что сейчас есть лекарства, растворяющие камни в почках?

1 Имеется в виду третий том Собрания сочинений О.Э. Мандельштама под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова (выходило в США).

2 *Немировский А.И.* Новые данные к старому спору // *Новый мир.* 1969. № 9.

С. 265–267 (рец. на кн.: *Кубланов М.М.* Новый завет. Поиски и находки. М., 1968. 231 с.); эту рецензию задержали на полгода из-за фразы об историчности Евангелия от Иоанна.

118

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

4 января 1970 г., <Москва>

Январь 4, 70

Наташенька дружок! Устала, нету сил. Очень люблю вас. Поздравляю с Новым годом (и Виктора с Татьянами, и Шуру). Когда вы наконец возникнете? Пора... Сил нет ждать.

Я наслаждаюсь 70 годами. Дивный возраст — дай Бог каждому. Жизнь течет, и я здорова, весела и всё прочее... Ничего, что противоречие — оно только внешнее.

Я встречала у своих — в 11 часов («и жить торопится»¹). Было очень славно. Как вы? Напишите.

Н.М.

1 Цитата из элегии П.А. Вяземского «Первый снег»; строка с этими словами

приведена как эпиграф к первой главе «Евгения Онегина».

119**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****<Конец мая 1970 г., Моснва>**

Наташенька! Получила вашу славную записочку вчера вечером. Сегодня встала и спешу в город. Работу кончила. Летом устрою мелочь. Очень устала. Надеюсь опять жить в Переделкине. Женя в сносном виде. Они получили санаторий.

Ваша тетка¹ машины не получила, но не унывает. Мила Бальмонта не достала. Приедете ли вы летом в Переделкино?

Целую.

Н.М.

Привет Шуре и Вите (а Вита и Витя совпадают в этом падеже) и еще раз Вите с Танями.

1 По-видимому, Н.И. Самохина.

120**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****1 июня <1970 г., Моснва>**

1 июня

Наташенька!

Спасибо за доброе слово... Но я думаю, это еще сырье. Работы много впереди. До конца жизни хватит — лишь бы успеть. Я усталая и грустная.

Евг. Як. получше. Лену свели к психиатру. Лекарство вроде помогает. Сегодня жду их к себе.

Скоро поедем на дачу в Переделкино. Мечтаю, чтобы вы приехали погостить. Действительно — я вас почти не видела. Вы просто мелькнули.

Я, как всегда, валяюсь и урывками что-то делаю.

Привет Виктору и Шуре.

Целую вас крепко.

Н.М.

121**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****<Первая половина лета 1970 г., Моснва>**

Наташенька!

Вот мой адрес: Моск[овская] обл., ст. Переделкино (Киевская ж/д), поселок Лукино, Дачная, 5. Дом Мовчана. Мне.

Напишите, как насчет приезда.

Целую.

Н.М.

В первый раз в жизни — сил у меня нет.

Целую Шуру и Виктора с Танями.

122**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****<Первая половина лета 1970 г., Моснва>**

Наташенька дорогая!

Была рада получить от вас весточку. Очень важно и нужно, чтобы вы пожили у нас в Переделкине хоть сколько-нибудь.

Такого поэта мы не знали — может, он где-нибудь ходил по улицам или служил, но у нас его не было. Что, он тоже рассказывает сказки? Сейчас все рассказывают сказки...

Целую вас. Привет Виктору и Таням и Шуру.

Ваша Н.М.

123**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****<Первая половина лета 1970 г., Моснва>**

Наташенька!

Наш адрес: Почт./отд. Чеботы. Поселок Лукино, Дачная, 5, Мовчану, для нас...

Если ехать в Переделкино, проще всего найти так: заехать к Жене Пастернаку (Переделкино, Писательск[ий] городок, Тренева, 3). Они вас довезут к нам.

Собираетесь ли вы в Москву? Мне очень трудно из-за всего — Женя, деньги, Елена Михайловна... Но как-нибудь...

Целую вас крепко.

Н.М.

124**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****<Начало июля 1970 г., Моснва>**

Наташенька! Очень хочу, чтобы вы приехали. Если дадите телеграмму, я приеду за вами в город.

Идут от поезда так: по движению поезда по тропочке вдоль рельсов до Дачной улицы (минут 15). Если на такси (от меня 2 р.) — до моста (мимо дома творчества) (мост не переезжать).

От моста по «Проспекту писателей». Дачная — 2[-я] улица налево...

Главное — дайте телеграмму.

Целую вас.

Н.М.

Я не сразу ответила, потому что не знаю, где в Переделкине ящик и почта.

125**Е.М. Фраднина, Н.Я. Мандельштам и Е.Я. Хазин —****Н.Е. Штемпель****[17 июля 1970 г., Чоботы, Мосновской обл.]**

ГРАФСКОЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ПИОНЕРСКАЯ 3 ШТЕМПЕЛЬ
ЧОБОТЫ МОСК 143 21 17 1105

ЖДЕМ РАДУЕМСЯ ВСТРЕЧЕ ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ПРИЕЗД ДАЧНАЯ УЛИЦА МЕЖДУ ПИСАТЕЛЬСКИМ ПРОЕЗДОМ И ПОЛОТНОМ ДОРОГИ = ЛЕНА НАДЯ ЖЕНЯ

Почтовый штемпель: «Краснолесный
17.7.70».

126**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****11 сентября <1970 г., Моснва>**

Сентябрь, 11

Наташенька! От вас ни одного слова. Были ли вы в Москве? Здоровы ли вы?

Я уже вернулась из Переделкина и тихонько сижу дома.

Очень скучаю по вас.
Привет Шура и Виктору с семьей.
Целую.
Н.М.

127

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**2 марта <1971 г., Моснва>**

2 марта

Наташенька! Напишите, какой номер вы носите (48?). Я хочу купить вам в «Березке» вязанку. Какого цвета? Я лежу больше месяца (1½ — с 12 января) — сердце. Сейчас морозы — не выхожу.

Может, Шура приедет и выберет вам? Там из шерсти гладкие и очень нежные (голубые, белые, серые).

Целую вас крепко.
Н.М.

128

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**1 апреля <1971 г., Моснва>**

1 апреля

Наташенька! Женя всё болеет. Лена в очень тяжелом состоянии. Есть надежда, что в мае они уедут в санаторий. Тогда я передохну.

У меня к вам вопрос: как мамина девичья фамилия? Олин дедушка (вы помните Олю Андрееву?) — воронежский художник Федоров (кажется). Уж не родня ли вы? Это было бы забавно. Напишите...

Н.М.

Как здоровье Шуры? Я спрашивала, вы не ответили. Я беспокоюсь.

129

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**25 апреля <1971 г., Моснва>**

25 апреля

Наташенька! Получила ваше письмо — где вы грустите. Печально, что нельзя будет увидеться летом. У нас дачи не будет. Хозяин

в Переделкине не сдает, Женя и Лена поедут в дома писателей и художников, а я буду болтаться по знакомым. Я бы заехала и в Воронеж, но боюсь карантина¹. Как у вас сейчас?

С сердцем у меня, слава Богу, плохо. Тяжелая слабость. Я ее усугубляю неподвижностью. Двигаться трудно.

Получили вы зеленую кофточку (почти белую)? Послали недели полторы назад. Для Тани или для вас. Я боюсь, что она не дошла. Кофточка милая. Мы не знали, что ваш номер 38а (мы не знали про «а»).

Как Виктор? Бедный Шура.. А дочь его могла бы понять, что брат болен. Посоветуйте ей побережь отца.. И бедный мальчик. Как реагировала на его болезнь мать?

Шуре и Виктору с Танями сердечный привет.

Н.М.

Кажется, опять поднялся вопрос о книге О.М. (на 72 год). Мне теперь всё равно, только книга плохая.

1 Возможно, имеется в виду угроза карантина, действительно введенного летом 1971 г. из-за случаев холеры в Одессе.

130

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

30 мая <1971 г., Моснва>

Май, 30

Наташенька дорогая!

Вы должны обязательно к нам приехать — я иначе и думать не могу. И не на два дня, а побыть. Я не знаю точно наш адрес, но до июля буду знать (мы переедем в середине июня). Я устала до бреда, но ничего — держусь. Женя и Лена возвращаются из санатория 4-го.

Пишите, Наташа, не забывайте. Как только мы переедем, я сообщу вам почтовый адрес. (Дом я знаю по виду. Тот же, что в прошлом году.)

Привет Виктору, Таням и Шуре.

Ваша Н.М.

Наташенька, в 70 трудно уставать.

131**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****<Лето 1971 г., Моснва>**

Наташенька!

Что это вы? Куда вы исчезли? Вы обещали дать телеграмму, но от вас нет ни единого слова. Хотя вы и заняты, но нельзя так молчать.

Откликнитесь!

Сегодня уезжают Максимовы. Нам будет одиноко. С удовольствием вспоминаю, как вы гостили.

Выберетесь ли вы втихоря хоть на несколько дней осенью? Очень хочется.

Привет Шуру и Виктору с Танями.

Н.М.

Я вам хочу купить вязанку. Приезжайте хоть за ней.

132**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****<Лето 1971 г., Моснва>**

Наташенька! Вы мне не ответили самого главного: какой ваш номер. Я могу купить без вас. Ваш вкус я знаю — и послать почтой.

Пожалуйста, ответьте на этот вопрос. Жалко Шуру. Какой диагноз у Марика¹? Может, это юношеское, которое проходит?

Напишите. Передайте Шуру сердечный привет. Виктору тоже. Может, вам хочется чего-нибудь для двух Тань? Напишите.

Н.М.

1 М.А. Немировский, сын А.И. Немировского, в 1960-е гг. страдал нервным переутомлением.

133**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****<1971 г., Моснва>**

Наташенька! Я очень огорчилась, узнав, что вы болели — пострадали от жалости к коту. Я тоже кормлю полудикого рыжика — он живет у нас на лестнице. Но он меня не обижает. Долго ли вы болели? Не молчите, пишите.

У меня тяжкая бессонница. Я всё же сплю, но с дикой дозой сновторных. Сейчас Юра принес мне какие-то сумасшедшие лекарства, и я просыпаюсь не в таком ужасном состоянии, как раньше. Мне 72 года — это уже слишком. Я старше своего отца. Жене — еще больше. Он слаб и болеет.

Вы ничего не пишете про Шуру, удалось ему развестись? Развод великое благо. Я всегда была за разводы, и за это меня ругал Ося. Но факт, что это необходимо. Как его дети? Напишите. Целую вас крепко.

Н.М.

Опять затеяли издавать книгу О.М. — мерзкую, с лапой Харджиева. Забраковали предисловие и заказали новое... Дымщицу. Гнуснее ничего не может быть — издевательство над мертвым. Ничего не поделаешь. И хороша парочка — Харджиев и Дымщиц. Двое сволочей.

Пишите на письмах обратный адрес — я ведь всё теряю.

134

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<1971 г., Моснва>

Наташенька! Бандероль с синим платочком доставили. Книжки вернулись домой.

Скажите Шуру, что удрать от доноса жены не выйдет. Надо распутать. Потребовать психиатрическую экспертизу. Она наговорит на полную катушку, а сын уже зарегистрирован как больной. Пусть он не боится и идет до конца, чтобы освободиться от нее.

Целую крепко.

Ваша Н.М.

Мне страшно жалко его. Такое несчастье — больные дети, а тут еще эта склока.

135

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

<Весна 1972 г., Моснва>

Наташенька! Я очень рада, что платье пришлось по вкусу и по размеру Тане. Она славная девочка — я всегда удивлялась, что вы возились с Шуриными идиотами, а на нее не тратили души. Привет Вите и Тане большой.

Я по-прежнему дохлая. Выйти на улицу для меня большое напряжение. Скоро я поеду на дачу (под Загорск), но всё лето буду мотаться в город из-за своих родичей.

Вы можете легко ко мне приехать. Это очень просто, и люди вам очень понравятся. Как вы думаете — возможно ли это? Или вы будете стеречь Шуру и его чад? Надеюсь, нет... Приезжайте. Вас отвезет Саша — муж Нонны. Его телефон 231-09-11. Как?

Целую вас крепко. Надеюсь, что вы приедете.

Н.М.

136

Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель

21 сентября <1972 г., Москва>

Наташенька! Очень рада, что получила от вас записочку. Молодцы Буяновы, что вытащили вас. А Шура? Вы ему больше не нужны? Оказался свиньей...

Передайте привет от меня Буяновым. Вас целует Лена. Она очень тяжело переживает смерть матери, но, слава Богу, порвала с мужиками (я знала двух последних — идиоты). Это облегчает ей жизнь. Живет в новой квартире с тремя котами (два котенка, а один, черный, старик, деликатный и вежливый).

Буянов вышел на пенсию?

Я очень измучена летом — жарой, хотя почти не была в городе. Но жару не переносу.

Уехал Шура из Воронежа?

Пишите мне, Наташа. Я совсем старая. В этом году — через месяц — мне 73 года, но чувствую я себя на все 80.

Книга вышла¹. Об Осиной ни слуха, ни духа. Харджиев полная сволочь. Из событий — порвала с Мелитинскими. Иры мне жалко, но она сама виновата (капризы ни к селу ни к городу).

Целую вас крепко.

Ваша Н.М.

1 Речь идет о парижском издании второй книги воспоминаний Н.Я.

137**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****12 декабря <1973 г., Москва>**

Декабрь 12

Наташенька!

У меня болеет брат. Я очень устала. Есть еще разное, но я работаю. Очень хочу вас видеть.

Когда это наконец будет?

Писать нет сил. Заметили вы, что в этом году никто не пишет писем? Мой ящик всегда пустой.

Целую вас крепко.

Н.М.

138**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель****4 января 1974 г., <Москва>**

4 января 1974 года

Наташенька! С Новым годом!

Мне уже Женя сказала про бандита на лестнице, который вас ударил. Я уверена, что это штучки дочери или бывшей жены Немеровского. Откуда вы шли? От Шуры? Почему он вас не проводил домой? Дайте ему прочесть мое письмо. Вы упали когда-то, потому что он бежал, а вы неслись за ним. Сейчас это нападение, потому что он не соблаговолил проводить вас домой. Вы сидели и утешали его, а потом поплелись одна домой. Это дикий эгоизм с его стороны, а с вашей — святая глупость. Во всяком случае — поправляйтесь скорее и перестаньте возиться с Шурой. Взрослый мужик с бабьими нервами и сволочной семьей.

Не может быть, чтобы это была месть кого-нибудь из ваших студентов — вас слишком любили в техникуме, бедненькая моя Наташенька...

Целую вас крепко.

Ваша Н.М.

Осин однотожник вышел, но я не могу достать ни одного экземпляра. Гонорара я не получу. В писательском магазине меня записали на третьем месте — после Евгения Эм. и Дымшица, но дадут один экземпляр. Хамство. Жаль, что вы отдали первый том... Теперь уж ничего не поделаешь.

139**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**
<1974 г., Семхоз, Московной обл.>

Милая Наташа!

У меня умер брат — невестка Елена Михайловна в ужасном состоянии. Не согласились ли бы вы с ней поехать в санаторий? Она ехать одна не может — ей необходимо иметь кого-нибудь близкого возле себя. Санаторий будет писательский. Писатели — говно, но на это плевать. Ответьте мне скорее.

141300. Московская область, Загорский район. Семхоз, Парковая, 3а, Меню, для Надежды Яковлевны.

140**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**
<Начало августа 1974 г., Моснва>

Милая Наташа!

9-го решается вопрос о путевках. 12–13 августа мы узнаем. Они, несомненно, будут, но с какого числа, мы узнаем 12-го. Вероятнее всего, они будут в конце августа (для получения путевок вам нужно достать справку, что вам не противопоказан подмосковный санаторий (взять надо в поликлинике вашего района) (в санаторий обычного типа под Москву) и привезти с собой курортную карту, анализы (моча, кровь, электрокардиограмма и т. под.)).

Н.М.

Приехать надо за несколько дней для оформления, и Елена Михайловна будет счастлива, если эти несколько дней поживете у нее. Когда вопросы с путевками и числом окончательно будут решены, мы дадим вам телеграмму, на которую просим вас ответить на мой адрес.

141**Н.Я. Мандельштам — Н.Е. Штемпель**
<Весна или лето 1976 г., Кратово>

Наташа! Вы мне не позвонили. Вы приедете? Когда? Не забывайте, что мне 77 лет. Дача хорошая.

Адрес: Кратово, Казанской, ул. Маяковского, 3. Позвоните медленно, я вас жду к 10-му.

Н.М.

Список сокращений

АРХИВЫ:

АГМ — Амстердамский городской музей

АМ — семейный архив О.Э. Мандельштама (Отдел рукописей и редких книг Файерстоунской библиотеки Принстонского университета (Принстон, США), коллекция 539)

МА — Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, Санкт-Петербург

МО — Мандельштамовское общество, Москва

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург

РГАЛИ — Российский Государственный архив литературы и искусства, Москва

ПУБЛИКАЦИИ:

Ахматова, 1983 — *Анна Ахматова*. Сочинения: В 3 т. Т. 3 / Общая редакция:

Г.П. Струве, Н.А. Струве, Б.А. Филиппова. Paris: YMCA-Press, 1983.

Ахматовский сборник, 2006 — «Я всем прощение дарую...» Ахматовский сборник / Сост. Н.И. Крайнева. Под общей редакцией Д. Макфадьена и Н.И. Крайневой. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006.

Бабаев, 1992 — А. Ахматова в письмах к Н.И. Харджиеву (1930–1960-е гг.) / Вступит. статья, публ. и комм. Э.Г. Бабаева // Тайны ремесла. Ахматовские чтения. Вып. 2. М., 1992. С. 198–228 (впервые в сокращенном виде: Вопросы литературы. 1989. № 6. С. 214–247).

Бабаев, 2000 — *Бабаев Э.Г.* Воспоминания. СПб.: ИНАПРЕСС, 2000.

ВР(С)ХД — Вестник русского (студенческого) христианского движения. Париж; Нью-Йорк; Москва.

Герштейн, 1989 — *Герштейн Э.* Из воспоминаний. Письма Анны Ахматовой // Вопросы литературы. 1989. № 6. С. 248–270.

Герштейн, 2002 — *Герштейн Э.Г.* Мемуары. М.: Захаров, 2002.

Записные книжки А.А. — Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой, вступит. статья Э.Г. Герштейн, научное консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В.А. Черных. М.; Torino, 1996.

Крайнева, 1991 — «В этой жизни меня удержала только вера в Вас и в Осю...» Письма Н.Я. Мандельштам А.А. Ахматовой / Публ., вступит. заметка, подгот. текстов и коммент. Н.И. Крайневой // Лит. обозрение. 1991. № 1. С. 97–105.

Кузин, 1999 — *Кузин Б.С.* Воспоминания. Произведения. Переписка. Надежда Мандельштам. 192 письма к Б.С. Кузину / Сост., предисловие, подгот. текста и примеч. Н.И. Крайневой и Е.А. Пережогойной. СПб.: Инапресс, 1999.

- Ласкин, 2002* — Ласкин А.С. Ангел, летящий на велосипеде. Документальная повесть об О. Ваксель и О. Мандельштаме; Я недолго жила на земле... : Избранные стихи О.А. Ваксель / Сост., подгот. текста А.С. Ласкина. СПб.: Стройиздат, 2002.
- Листки из дневника — Ахматова А.А.* Листки из дневника // А.А. Ахматова. Победа над Судьбой. I: Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы / Сост., подгот. текстов, предисл., примеч. Н. Крайневой. М.: Русский путь, 2005.
- Максимов, 2007* — Письма Н.Я. Мандельштам к Д.Е. Максиму / Публ., вступит. статья и коммент. Н.Т. Ашинбаевой // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников. К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 2007.
- Е. Мандельштам, 1995* — Мандельштам Е.Э. Воспоминания / Публ. Е.П. Зенкевич. Предисл. А.Г. Меца // Новый мир. 1995. № 10. С. 119–178.
- Н. Мандельштам-1* — Надежда Мандельштам. Воспоминания / Предисл. Н. Панченко. Примеч. А. Морозова. Подгот. текста Ю. Фрейдина. М.: Согласие, 1999.
- Н. Мандельштам-2* — Надежда Мандельштам. Вторая книга / Предисл. и примеч. А. Морозова. Подгот. текста С. Василенко. М.: Согласие, 1999.
- Н. Мандельштам-3* — Мандельштам Н.Я. Третья книга / Составитель Ю.Л. Фрейдин. М.: Аграф, 2006.
- О. Мандельштам. Собр. соч.* — Осип Мандельштам. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1991–1997.
- Мурина, 2001* — Мурина Е. О том, что помню про Н.Я. Мандельштам // Мир искусства. Альманах. Вып. 4. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 133–173.
- Найман, 1999* — Найман А.Г. Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Вагриус, 1999.
- Нерлер, 2007* — Нерлер П. «Пусть и мой голос — голос старого друга — прозвучит сегодня около Вас...» Письма Анны Ахматовой Надежде Мандельштам // Wort — Geist — Kultur. Gedenkschrift für Sergey Averincev / Hrsg. von J. Besters-Dilger, H. Miklas, G. Neweklowsky u. F. Poljakov. Wien, 2007. С. 415–428. (Сер.: Русская культура в Европе. Т. 2).
- Розанов, 1990* — Розанов В.В. О себе и жизни своей / Сост., предисл. и коммент. В.Г. Сукача. М.: Московский рабочий, 1990.
- Смольевский, 1990* — Смольевский А.А. Ольга Ваксель — адресат четырех стихотворений Осипа Мандельштама // Литературная учеба. 1990. № 1.
- Тименчик, 2005* — Тименчик Р. Анна Ахматова в 60-е годы. М.; Toronto, 2005.
- Фигурнова, 1999* — Анна Ахматова в записях Дувакина / Вступит. статья, сост. и коммент. О.С. Фигурновой. Подгот. текста В.Ф. Тейдер, В.Б. Кузнецовой, М.В. Радзишевской. М.: Наталис, 1999.
- Фигурнова, 2001* — Осип и Надежда. Мандельштамы в рассказах современников / Вступит. статья, подгот. текста и коммент. О.С. Фигурновой, М.В. Фигурновой. М.: Наталис, 2001.
- Л. Чуковская, 2001* — Лидия Чуковская. Дом Поэта. Из архива. Незавершенное // Сочинения: В 2 т. Т. 2. Публицистика; отрывки из дневника; открытые письма и др. М.: Арт-Флекс, 2001. С. 5–238 (впервые в сокращенном виде: Дружба народов. 2001. № 9. С. 173–200).

- Л. Чуковская, 2007* — *Чуковская Л.К.* Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М.: Время, 2007.
- Шаламов, 2004* — *Шаламов В.Т.* Новая книга. Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела / Сост. И.П. Сиротинская. М.: Эксмо, 2004.
- Шнейдерман, 1996* — *Шнейдерман Э.* Бенедикт Лившиц: арест, следствие, расстрел // Звезда. 1996. № 1. С. 82–126.
- Штемпель, 1992* — *Штемпель Н.Е.* Мандельштам в Воронеже / Сост. В. Гыдов, П. Нерлер. Предисл. Д. Заславского // Записки Мандельштамовского общества. М., 1992. Т. [1].

Указатель имен*

А

А. — *А.А. Ахматова*

А.Ал. — *А.А. Сурков*

Авербах Леопольд Леонидович
(1903–1939), критик, генеральный секретарь РАПП 278

Адмони(-Красный) Владимир Григорьевич (Вольдемар-Вольф Гойвишевич) (1909–1993), филолог-германист, поэт, переводчик, профессор Ленинградского государственного ун-та, друг А.А. и Н.Я. 219, 236

Алексеев Михаил Павлович
(1896–1981), литературовед, академик 122

Алигер Маргарита Иосифовна
(1915–1992), поэтесса 198

Аля — *А.С. Эфрон*

Амусин Иосиф Давидович
(1910–1982), востоковед, гебраист 243

Андреева Ольга — *О.В. Карлайль*

Андроникова (урожд. Андроникашвили, в первом замужестве Андреева, во втором Гальперн) Саломея Николаевна (Ивановна), княжна (1888–1982), петербургская красавица, на квартире которой собирались поэты, артисты и художники, адресат стихотворений О.М. и А.А. 137

Анна, Анна Андреевна, Аничка, Аннушка, Ануш, Ануша, Анюта, Анюточка, Анюш, Анюшенька —
А.А. Ахматова

Анна Евгеньевна — *А.Е. Пунина*

Анненская (урожд. Ткачёва) Александра Никитична (1840–1915), жена *И.Ф. Анненского*, детская писательница, переводчица 162

Анненский Иннокентий Фёдорович
(1855–1909), поэт, критик, драматург, переводчик, педагог 162, 177, 183, 185, 239

Аня — *А.Г. Каминская*

Аня — *А.Я. Хазина*

Ардов (Зильберман) Виктор Ефимович
(1900–1976), писатель-юморист 165, 225, 234, 285

Ардова — *Н.А. Ольшевская*

Ардовы — *В.Е. Ардов* и *Н.А. Ольшевская*; в их семье А.А. часто останавливалась, приезжая в Москву 116, 164

Аренс Виктор Жанович (1933–2005) старший сын Ж.Л. Аренса и *Е.М. Аренс* 234

Аренс (урожд. Пионткевич) Елена Михайловна (1902–1988), подруга Н.Я. с киевских времен, жена генерального консула СССР в Нью-Йорке Жана Львовича Аренса (1889–1938); после ареста мужа (1937) находилась в ссылке в Калининне, где в то время жили и О.М. и Н.Я., а после ареста поэта Н.Я. с матерью 224, 234

Аркадий — *А.И. Слуцкий*

Асеев Николай Николаевич
(1889–1963), поэт-футурист 181, 229, 273

* Составлен П. Нерлером при участии С. Василенко и Н. Крайневой.

Б

- Б.Л. — *Б.Л. Пастернак*
- Бабаев Эдуард Григорьевич (1927–1996), филолог, профессор факультета журналистики МГУ, поэт, мемуарист, автор воспоминаний об А.А. и Н.Я. 121, 133, 217, 220, 232, 284, 314
- Багрицкий Всеволод Эдуардович (1922–1942), сын *Э.Г. Багрицкого* и Лидии Густавовны Багрицкой (Суок) (1896–1969), поэт 312
- Багрицкий (Дзюбин) Эдуард Георгиевич (1895–1934), поэт 312
- Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942), поэт, критик, эссеист, переводчик 191, 377
- Баратынская (урожд. Энгельгардт) Анастасия Львовна (1804–1860), жена Е.А. Баратынского 162
- Белый Андрей (Борис Николаевич Бугаев, 1880–1934), поэт, прозаик, критик, литературовед, мемуарист 282, 334
- Бен — *Б.К. Лившиц*
- Беньяш Раиса Моисеевна (1914–1986), театральный критик 174
- Бердяев Николай Александрович (1874–1948), философ 154, 160, 193
- Берковский Наум Яковлевич (1901–1972), литературовед, профессор, друг А.А. 189, 239
- Бернштейн Сергей Игнатьевич (1892–1971), филолог, создатель фонтотеки поэтов Серебряного века, брат *А. Иванча* 332
- Бетховен Людвиг ван (1770–1857), немецкий композитор, пианист и дирижер 278
- Блок Александр Александрович (1880–1921), поэт 128, 144, 181, 183, 192–193
- Блок (урожд. Менделеева) Любовь Дмитриевна (1881–1939), жена *А.А. Блока*, актриса (сценич. фамилия Басаргина) 144, 162
- Бобров Сергей Павлович (1889–1971), поэт, прозаик, критик 179
- Бобышев Дмитрий Васильевич (р. 1936), поэт, литературовед, мемуарист, с 1994 г. профессор Иллинойского университета (США), в 1960-е гг. дружил с А.А. 245
- Бокова Римма Алексеевна (р. 1940), жена *А.И. Слуцкого*, филолог 371
- Большинцова (Стенич) Любовь Давыдовна (1908–1983), переводчица, вдова стиховеда и переводчика В.О. Стенича (Сметанича) (1898–1938), вторым браком вышла замуж за кинодраматурга М.В. Большинцова (1902–1954), близкая подруга А.А. 198
- Борис — *Б.Л. Пастернак*
- Борис Сергеевич — *Б.С. Кузин*
- Борис Яковлевич — *Б.Я. Бухштаб*
- Борисов Вадим Михайлович (1945–1997), историк, литературовед, правозащитник, в 1960-е гг. один из ближайших к Н.Я. людей 353, 354, 360, 370, 372
- Борисова (Повереннова) Татьяна Владимировна (р. 1944), жена *В.М. Борисова*, искусствовед 360, 370
- Браганцева Елена Михайловна (1907–1977), журналист 356
- Браун Кларенс (Clarence Brown, р. 1929), американский славист, переводчик О.М. и автор первой монографии о нем, друг Н.Я. 121–122
- Браунинг Роберт (1812–1889), английский поэт 167
- Браунинг Элизабет Баррет (1806–1861), английская поэтесса, жена *Р. Браунинга* 167
- Браунинги — *Р. и Э.Р. Браунинг* 167, 177
- Брик (Каган) Лилия Юрьевна (1891–1978), жена *О.М. Брика*, возлюбленная *В.В. Маяковского* 149, 293, 295, 297–298

Брик Осип Максимович (1888–1945), писатель, теоретик литературы, стиховед, редактор журнала «ЛЕФ» 180, 189, 194, 230

Брики — *О.М. и Л.Я. Брик* 128, 149

Бродский Иосиф Александрович (1940–1996), поэт, писатель, литературовед, лауреат Нобелевской премии (1987) 123, 198, 323, 324, 326

Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924), поэт, прозаик, драматург 177, 185

Бухштаб Борис Яковлевич (1904–1985), литературовед, библиограф 189, 239

Буянов Николай Семёнович, сослуживец *Н.Е. Штемпель* 384

Буяновы — *Н.С. Буянов* и его жена Антонина Владимировна Буянова, соседи и ближайшие друзья *Н.Е. Штемпель* 384

В

В.Е. — *В.Е. Ардов*

В.М. — *В.М. Жирмунский*

Васель Ольга Александровна (1903–1932), актриса, поэтесса, адресат стихотворений *О.М.* 142–143, 145, 157, 255, 256, 257

Варлаам — *В.Т. Шаламов*

Варька, Варюша, Варя — *В.В. Шкловская-Корди*

Василиса — *В.Г. Шкловская-Корди*

Василопуло Христикия Мальгиадовна (Христина Михайловна) (ум. 1945), мать *Н.И. Харджиева* 261

Васильев Аркадий Николаевич (1907–1972), писатель, литературно-партийный деятель, председатель писательского жилищного кооператива (Лаврушенский пер., 17) 283

Васильев Павел Николаевич (1909–1937), поэт 184

Вигдорова Фрида Абрамовна (1915–1965), писательница, правозащитница; вела стенограмму су-

дебного процесса по делу *И.А. Бродского* 337

Вийон Франсуа (1431 — после 1463), французский поэт 128

Вика — *В.А. Козловская*

Вика — *В.А. Швейцер*

Виктор — *В.Е. Штемпель*

Виленкин Виталий Яковлевич (1910–1997), театровед, литератор, автор монографии об *А.А.* 168–169

Вита — *В.А. Козловская*

Вишневецкая (Вишневская) Софья Касьяновна (1899–1962), художница, жена драматурга *Вс.В. Вишневого* 129

Вишневская Наталья Александровна (1915–1976), актриса Театра им. К.С. Станиславского, чтец; добрая знакомая *А.А.* и *Н.Я.* 268, 269, 271, 274

Володя — *В.Н. Корнилов*

Володя — *В.С. Муравьев*

Волков Соломон Моисеевич (р. 1944), музыковед, скрипач 123

Волохов Фёдор Сергеевич (1912–1990), писатель, в 1959–1973 гг. главный редактор журнала «Подъем» (Воронеж) 345, 347

Волошин (Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877–1932), поэт, критик, историк искусства, переводчик, художник, атропософ 128, 290

Вольпе Цезарь Самойлович (1904–1941), исследователь русской литературы, критик 266

Вольперт Лариса Ильинична (р. 1926), профессор Тартуского университета, специалист в области русско-французских литературных связей 290

Вольпин Михаил Давыдович (1902–1988), драматург 119

Воронков Константин Васильевич (1911–1984), прозаик, партийно-литературный деятель, секретарь СП СССР 225–226

- Воронский Александр Константинович (1884–1937), критик, писатель, в 1921–1927 гг. редактор журнала «Красная новь» 181
- Вс.К. — *В.Г. Князев*
- Высотский Орест Николаевич (1913–1992), сын *Н.С. Гумилёва* и актрисы *О.Н. Высотской* (1885–1966) 178
- Г**
- Г.К., Галя — *Г.П. Корнилова*
- Гаршин Владимир Георгиевич (1887–1956), патологоанатом, профессор Военно-медицинской академии, племянник писателя *В.М. Гаршина* 148, 216
- Гервег Георг (1817–1875), немецкий революционно-демократический поэт и публицист 161
- Герцен Александр Иванович (1812–1870), писатель, философ, публицист 161, 171, 196
- Герцен (урожд. Захарына) Наталья Александровна (1817–1852), жена *А.И. Герцена* 161
- Герцык (Лубны-Герцык) Евгения Казимировна (1878–1944), переводчица, критик, мемуарист 178
- Гершензон Михаил Осипович (1869–1925), литературовед, философ, публицист 160
- Герштейн Эмма Григорьевна (1903–2002), историк литературы, мемуаристка, автор воспоминаний об *А.А.*, *О.М.* и *Н.Я.* 138, 198, 217, 219, 220, 222, 238, 240, 245, 250, 251, 261, 263, 265, 267, 268, 270, 271, 282, 285, 299, 303, 305, 358
- Гёте Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий поэт, драматург и писатель, мыслитель и естествоиспытатель 126, 145
- Гинзбург Лидия Яковлевна (1902–1990), прозаик, мемуарист, историк и теоретик литературы 129, 130, 193, 244, 353
- Гладков Александр Константинович (1912–1976), писатель, драматург, автор мемуаров, записей бесед с *В.Э. Мейерхольдом* и *Б.Л. Пастернаком* 238, 239–240, 255, 256, 352
- Глазунова Лариса Викторовна (1926–2005), в 1946–1962 гг. жена *Э.Г. Бабаева*, автор воспоминаний о *Н.Я.* 121, 232, 314
- Глебова-Судейкина Ольга Афанасьевна (1885–1945), актриса, танцовщица и художница, адресат стихотворений многих поэтов Серебряного века, близкая подруга *А.А.* 139–140
- Глёткин Георгий Васильевич (1915–1998), физик, автор воспоминаний об *А.А.* 238
- Глен Ника Николаевна (1928–2005), переводчица, сотрудница издательства «Художественная литература», специалист по болгарской литературе; с 1958 по начало 1963 г. литературный секретарь, в 1988–2005 гг. секретарь Комиссии по литературному наследию *А.А. Ахматовой*, автор воспоминаний о ней 168, 169, 198, 246, 249
- Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), писатель 134
- Голосовкер Яков Эммануилович (1890–1967), литературовед, переводчик, философ 229
- Голышев Виктор Петрович (домашнее имя *Мика*) (р. 1937), переводчик (по первой специальности физик), сын *Е.М. Голышевой* 233
- Голышева Елена Михайловна (1906–1984), переводчица, жена *Н.Д. Оттена*, подруга *Н.Я.* 286
- Голышевы — *Е.М.* и *В.П. Голышевы* 236
- Гончарова (Пушкина) Наталья Николаевна (1812–1863), жена *А.С. Пушкина* 161–162

- Горенко Андрей Андреевич (1887–1920), старший брат А.А. 147, 176
- Горенко Андрей Антонович (1848–1915), отец А.А. 126
- Горенко Виктор Андреевич (1896–1976), младший брат А.А. 147, 176
- Горенко (урожд. Стогова) Инна Эразмовна (1856–1930), мать А.А. 126, 147
- Горенко Ия Андреевна (1894–1922), младшая сестра А.А. 147, 176
- Городецкая (урожд. Козельская) Анна Александровна (домашнее имя Нимфа) (1889–1945), жена С.М. *Городецкого* 180
- Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967), поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик 179–181, 182, 194, 229, 230
- Гумилёв Лев Николаевич (1912–1992), историк, географ, сын Н.С. *Гумилёва* и А.А. Ахматовой 114–115, 122, 123, 131, 132, 170, 174, 175, 178, 195, 198, 199, 219, 222, 259, 263, 278, 285, 292
- Гумилёв Николай Степанович (1886–1921), поэт, в 1910–1918 гг. муж А.А. 114, 115, 128, 141, 166, 167, 176–178, 179, 180, 183, 183, 184, 185, 188–189, 192, 193, 194, 195, 197, 239, 312, 314
- Гумилёвы — Степан Яковлевич Гумилёв (1836–1910), врач, и Анна Ивановна Гумилёва (урожд. Львова) (1854–1942), родители Н.С. *Гумилёва* 128
- Гуро Елена (Элеонора) Генриховна (1877–1913), художница, поэтесса 270
- Гутенберг Иоганн (ок. 1400–1468), немецкий ремесленник, изобретатель книгопечатания 116
- Даниэль Юлий Маркович (1925–1988), писатель; за публикацию на Западе сатирических произведений был арестован и в 1966 г., на процессе *Синявского* и Даниэля, приговорен к пяти годам заключения в исправительно-трудовую колонию строгого режима 117, 122
- Дантес (Геккерт) Жорж-Шарль (1812–1895), французский офицер-кавалергард 162
- Данько (Данько-Алексеекко) Наталья Яковлевна (1892–1942), скульптор-декоратор 142
- Дима — В.М. *Борисов*
- Дмитрий Васильевич — Д.В. *Бобышев*
- Дмитрий Евгеньевич — Д.Е. *Максимов*
- Долматовский Евгений Аронович (1915–1994), поэт 323
- Дорохов Прокофий Меркулович (1891–?), в 1930-е гг. председатель колхоза «Пламя революции» в с. Никольское Воробьевского р-на Воронежской области 154–155, 156
- Достоевская (урожд. Сниткина) Анна Григорьевна (1846–1918), жена Ф.М. *Достоевского* 161
- Достоевский Фёдор Михайлович (1821–1881), писатель 153, 197, 268
- Дроздова Татьяна, псковская знакомая Н.Я. 374
- Дымшиц Александр Львович (1910–1975), критик, автор вступительной статьи к книге О.Э. Мандельштама «Стихотворения» (Л., 1973) 222, 383, 385
- Дьяконова-Гала Елена Дмитриевна (1894–1982), в 1917–1932 гг. жена П. *Элюара* 152

Д

- Д. — Ю.М. *Даниэль*
- Данек Вацлав (Daněk Václav) (р. 1929), чешский филолог, переводчик О.М. 253

Е

- Евг. Эм. — Е.Э. *Мандельштам*
- Евгений Петрович — Е.П. *Катаев*
- Евгений Эм., Евгений Эмильевич — Е.Э. *Мандельштам*

Егоров Борис Фёдорович (р. 1926), литературовед, профессор 290
 Елена Михайловна — *Е.М. Аренс*
 Ерван (Ерванд) — *Э.Г. Бабав*
 Есенин Сергей Александрович (1895–1925), поэт 120, 227

Ж

Жданов Андрей Александрович (1896–1948), политический и государственный деятель, член Политбюро ЦК ВКП(б); входил в ближайшее политическое окружение *И.В. Сталина*, один из наиболее активных организаторов массовых репрессий и кампаний против инакомыслия в науке и культуре 131
 Женичка — *Е.С. Левитин*
 Женька, Женя — *Е.Я. Хазин*
 Женя — *Е.И. Перкон*
 Живова Юлия Марковна (р. 1925), редактор отдела литературы социалистических стран Гослитиздата (занималась переводами с польского языка), вторая жена *И.Д. Рожданского*, подруга Н.Я. 169, 246, 290, 291, 318
 Жирмунский Виктор Максимович (1891–1975), филолог, литературовед, академик, составил и подготовил первое научное издание произведений А.А. Ахматовой в серии «Библиотека поэта» (*Ахматова А.* Стихотворения и поэмы. Л., 1976), в 1956 г. оппонировал на защите диссертации Н.Я. 236, 292
 Жукова Лидия Львовна (1905–1985), театровед и театралный критик, ме-муаристка, близкая знакомая поэтов-обэриутов, знакомая А.А. 269
 Журавская Софья Аркадьевна (1908–1974), педагог, сотрудница Наркомпроса, добрая знакомая А.А. и Н.Я., принимала деятельное участие в хлопотах Н.Я. о получении диплома о высшем образовании 217

З

Загоровский Павел Леонидович (1892–1952), психолог, профессор Воронежского пединститута 307
 Зайцев, в 1920-е гг. хозяин пансиона в Царском селе 146–147
 Западов Александр Васильевич (1907–1997), историк русской литературы и журналистики XVIII в., специалист по теории и практике редактирования, книговедения, типологии печатных изданий 198
 Зельманова-Чудовская Анна Михайловна (1891–1952), художница, автор портрета О.М. 137
 Зенкевич Михаил Александрович (1891–1973), поэт, переводчик 181, 182
 Зина — *З.Н. Пастернак*
 Зоценко Михаил Михайлович (1894–1958), писатель 131, 134, 174

И

Иванов Вячеслав Всеволодович (р. 1929), филолог, переводчик 123, 248
 Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949), поэт, теоретик символизма 177, 178, 183, 185, 192, 194
 Иванов Георгий Владимирович (1894–1958), поэт, писатель, ме-муарист; беллетризованные воспоминания Иванова служили для Н.Я. и А.А. образцом лживости и пошлости 128
 Иванова Лидия Александровна (1903–1924), балерина 124
 Ивинская Ольга Всеволодовна (1912–1995), возлюбленная *Б.Л. Пастернака* 163
 Ивич Александр (Ивич-Бернштейн Игнатий Игнатьевич) (1900–1978), детский писатель, литературный критик, очеркист 279, 303
 Иза — *И.Д. Ханцин*

Илья, Илья Григорьевич —
И.Г. Эренбург

Иосиф Исаакович —
И.И. Немировский

Ира — *И.Н. Пушкина*

Ира, Ирина Михайловна —
И.М. Семенко

Исакович Ирина Владимировна
(1917–1999), в 1962–1971 гг. зав.
редакцией «Библиотеки поэта»,
издательский редактор книги
О.Э. Мандельштама «Стихотворе-
ния» (Л., 1973) 288, 367

Исаковский Михаил Васильевич
(1900–1973), поэт 319

Й

Йитс (Йетс) Уильям Батлер
(1865–1939), ирландский поэт
и драматург, лауреат Нобелевской
премии (1923) 192

К

К.Б. — *К. Браун*

Каблуков Сергей Платонович
(1881–1919), математик, педагог, се-
кретарь Религиозно-философского
общества в Петербурге (1909–1913),
друг О.М. 301

Каминская Анна Генриховна (р. 1939),
искусствовед, дочь *И.Н. Пуниной*
и Генриха Яновича Каминского 123,
199

Карлайль (Carlisle; урожд. Андреева)
Ольга Вадимовна (р. 1930), писатель-
ница, художница, дочь В.Л. Андреева
и внучка писателя Л.Н. Андреева;
весной 1962 г. познакомилась с Н.Я.,
в 1960-е гг. поддерживала с ней тесные
дружеские отношения 353, 354, 380

Катаев Валентин Петрович
(1897–1986), писатель 119

Катаев Евгений Петрович (псевдоним
Евгений Петров) (1902–1942), писа-

тель, соавтор И. Ильфа, брат
В.П. Катаева 119

Кафка Франц (1883–1924), австрийский
писатель 134

Кеннеди Джон Фицджералд
(1917–1963), президент США
(1961–1963) 249

Киржаков Виктор, музыкант 123

Кирсанов (Кортик) Семён Исаакович
(1906–1972), поэт, сотрудник журна-
ла «ЛЕФ» 229

Клычков Георгий Сергеевич
(1932–1987), сын С.А. *Клычкова*,
профессор, доктор филологических
наук 236

Клычков (Лешенков) Сергей Антоно-
вич (1889–1937), поэт, писатель 139,
184

Клюев Николай Алексеевич
(1884–1937), поэт 139, 184

Князев Всеволод Гаврилович
(1891–1913), поэт 158, 159

Коваленков Александр Александрович
(1911–1971), поэт, преподаватель
Литературного института
им. А.М. Горького 227

Козловская Виктория Александровна
(р. 1944), историк-античник, доктор
исторических наук, ученица А.И. *Не-
мировского*, преподаватель Воронеж-
ского государственного ун-та 374,
377

Козловские — Алексей Фёдорович Коз-
ловский (1905–1977), композитор
и дирижер, автор музыки к произве-
дениям А.А., и его жена Козловская
(урожд. Герус) Галина Лонгиновна
(1906–1991), либреттистка, перевод-
чица; познакомились с А.А. в Таш-
кенте, куда в 1936 г. Козловский был
отправлен в ссылку 174

Козо-Полянский Борис Михайлович
(1890–1957), ботаник, автор ориги-
нальной филогенетической системы
высших растений, профессор Воро-
нежского государственного ун-та,

- основатель университетского Ботанического сада, член-корр. АН СССР 307
- Кома — *В.В. Иванов*
- Коновалов Валерий, музыкант 123
- Корди Наталья Георгиевна (1886–1980), сестра *В.Г. Шкловской-Корди* 278, 283, 365
- Корди — *В.Г. Шкловская-Корди* и *Н.Г. Корди* 298
- Корнилов Владимир Николаевич (1928–2002), поэт, прозаик, литературовед 238, 240
- Корнилова Галина Петровна (р.1928), прозаик, журналист, жена *В.Н. Корнилова* 161
- Котов Анатолий Константинович (1909–1956), литературовед, критик, в 1948–1956 гг. директор Государственного издательства художественной литературы 221
- Кузин Борис Сергеевич (1903–1973), доктор биологических наук, мемуарист, близкий друг *О.М.* и *Н.Я.*, автор воспоминаний о поэте 265, 268
- Кушнер Александр Семёнович (р. 1936), поэт, знакомый *А.А.* 122
- Кшесинская (светлейшая княгиня Романовская-Красинская) Матильда (Мария) Феликсовна (1872–1971), балерина, педагог, фаворитка великих князей Николая Александровича, будущего царя, Сергея Михайловича и Андрея Владимировича, жена великого князя Андрея Владимировича Романова; с 1920 г. жила во Франции 126
- Л**
- Л.* — *Б.К. Лившиц*
- Л.В.* — *Л.В. Чага*
- Л.Я.Г.* — *Л.Я. Гинзбург*
- Ларин Борис Александрович (1893–1964), филолог, профессор Ленинградского государственного ун-та 183
- Лариса — *Л.В. Глазунова*
- Лебедева (Дармолатова) Сарра Дмитриевна (1892–1967), скульптор 256
- Лёва — *Л.Н. Гумилёв*
- Левина Роза Ефимовна (1908–1987), доктор биологических наук, профессор, сотрудница Воронежского и Ульяновского государственного ун-тов, в 1937 г. вместе с *Б.М. Козо-Полянским* работала в Ботаническом саду ВГУ 307
- Левитин Евгений Семёнович (1930–1998), искусствовед, близкий друг *Н.Я.* 239
- Левченко Мария Ивановна (1894–1960), мать *Н.Е. Штемпель* 307, 311, 314, 326, 380
- Ледовская Татьяна Викторовна (р. 1947), дочь *В.Е.* и *Т.О. Штемпель*, племянница *Н.Е. Штемпель* 344, 367, 371, 380, 381, 383
- Лежнев (Альгшуллер) Исай Григорьевич (1891–1955), публицист, редактор журнала «Россия», впоследствии сотрудник газеты «Правда» 229
- Лелевич Г. (наст. имя и фамилия Лабори Гилелевич Калмансон) (1901–1937), критик, поэт, один из редакторов журнала «На посту» и руководителей ВАПП (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей) 181
- Лена 136
- Лена, Ленка — *Фрадкина Е.М.*
- Леонардо 311
- Лившиц Бенедикт Константинович (Наумович) (1886/1887–1938), поэт, переводчик, мемуарист, близкий друг *О.М.* 112, 185, 255
- Лившиц (Скачкова-Гуриновская) Екатерина Константиновна (1902–1987), балерина, жена *Б.К. Лившица*, близкая подруга *Н.Я.* 112–113, 220, 221, 254–259

Лившиц Константин Бенедиктович
(1925–1942), сын *Б.К.* и *Е.К. Лившиц*
112

Лида — *Л.К. Чуковская*

Лидия Васильевна — *Л.В. Чага*

Лидия Яковлевна — *Л.Я. Гинзбург*

Лина, Лина Самойловна — *Л.С. Рудакова*

Ломоносов Михаил Васильевич

(1711–1765), ученый-естествоиспытатель, поэт, языковед и литературовед, поборник развития отечественной науки и просвещения 265

Лондон (Гриффит) Джек (1876–1916), американский прозаик 198

Лопатинский Борис Львович (1881–?), художник, знакомый *О.М.* по службе в Наркомпросе в 1918 г., в 1922 г. начальник эшелона Центральной комиссии по эвакуации 180

Луговская Татьяна Александровна (1909–1994), художница, сестра поэта *В.А. Луговского* (1901–1957) 160

Лукницкий Павел Николаевич (1900–1973), писатель, биограф *Н.С. Гумилёва* и *А.А. Ахматовой* 178, 185, 242

Лукьянчиков Сергей Николаевич, двоюродный брат *Н.Е. Штемпель* 367

Лурье Артур Сергеевич (Наум Израилевич) (1891–1966), композитор, пианист, музыкальный критик, мемуарист; близкий друг *А.А.* 128

Львова Юлия Фёдоровна (1873–1950), пианистка и композитор, мать *О.А. Ваксель* 255–257

Любищев Александр Александрович (1890–1972), биолог, философ, профессор Ульяновского государственного ун-та; сохранилась его обширная переписка с *Н.Я.* 285, 369

Любищева (Орлицкая) Ольга Петровна (1898–1972), жена *А.А. Любищева* 217

Любочка — *Л.Д. Большинцова*

Люля — *Е.М. Аренс*

Люся — *В.Г. Шкловская-Корди*

Люттик — *О.А. Ваксель*

М

М. — *О.Э. Мандельштам*

М. — *Г.М. Маленков*

М.И. — *М.И. Левченко*

Македонов Александр Владимирович (1909–1994), критик и литературовед, автор первого варианта вступительной статьи к книге *О.Э. Мандельштама «Стихотворения»* (Л., 1973) 290, 291

Максимов Дмитрий Евгеньевич (1904–1987), литературовед, профессор Ленинградского государственного ун-та 243

Максимовы — *Д.Е. Максимов* и его жена Анна Яковлевна Максимова 382

Маленков Георгий Максимилианович (1902–1988), политический и государственный деятель; входил в ближайшее политическое окружение *И.В. Сталина*, один из наиболее активных организаторов массовых репрессий в 1930-х – начале 1950-х гг. 131

Малларме Стефан (1842–1898), французский поэт-символист 301

Мандельштам Евгений Эмильевич (1898–1979), младший брат *О.М.*, врач по образованию, киносценарист-документалист, автор воспоминаний о поэте 220, 255–257, 275, 285

Мандельштам Осип Эмильевич (1891–1938), поэт 115–117, 119, 120, 124–128, 130, 132, 134, 136–159, 162–166, 168, 169, 171–187, 189–195, 197, 220, 221, 226, 227, 229–231, 238–240, 243, 245, 248, 253, 255–257, 275, 278, 279, 282, 283, 290, 294, 295, 298–301, 304, 305, 311–315, 317–322, 326, 328, 332, 334–338, 350–352, 358, 360–365, 370, 372, 373, 375, 381, 383–385

- Мандельштам (урожд. Вербловская)
Флора Осиповна (1866–1916), мать
О.Э. Мандельштама 175, 300
- Маргулис — *А.О. Маргулис*
- Марик — *М.А. Немировский*
- Марина — *М.И. Цветаева*
- Мария Ивановна — *М.А. Левченко*
- Маркиш Симон Перецович
(1931–2003), историк, переводчик,
сын писателя П.Д. Маркиша
(1895–1952) 239, 242, 248
- Маруся — *М.С. Петровых*
- Маруся — *М.В. Ярица*
- Марфин Фёдор Степанович (?–1943),
в 1930-е гг. старший научный сотруд-
ник и заместитель директора Ботани-
ческого сада Воронежского государ-
ственного ун-та 308
- Маяковский Владимир Владимирович
(1893–1930), поэт 120, 137, 166, 184,
189, 229, 297, 300
- Мейерхольд Всеволод Эмильевич
(1874–1940), режиссер, актер, рефор-
матор театра 238
- Мелитинские (Мелетинские) —
Елеазар Моисеевич Мелетинский
(1918–2005), филолог, историк куль-
туры, мифолог и *И.М. Семенко* 384
- Мень Александр Владимирович
(1935–1990), православный священ-
ник, богослов, автор книг по осно-
вам христианского вероучения и ис-
тории религии, духовник Н.Я. 386
- Мережковский Дмитрий Сергеевич
(1865–1941), прозаик, поэт, рели-
гиозный философ 160
- Мила 377
- Миндлин Эмилий Львович
(1900–1981), поэт, очеркист, ме-
муарист, автор воспоминаний об
О.М., охватывающих Феодосию
и Коктебель 1919–1920 и Москву
1922–1924 гг. 277, 290, 291
- Михалков Сергей Владимирович
(р. 1913), писатель, поэт, драматург,
общественный деятель 123
- Мовчан 378, 380, 381
- Моргулис Александр Осипович
(1898–1938), литератор, переводчик,
друг *О.М.* 174
- Морозов Александр Анатольевич
(р. 1932), филолог, ведущий специа-
лист по творчеству *О.М.*, в 1960-е гг.
редактор издательства «Искусство»
290, 291, 295, 301, 303, 305, 321–324,
327, 351, 365, 367, 370, 372
- Муравьев Владимир Сергеевич
(1939–2001), переводчик, критик,
библиограф, автор воспоминаний
об *А.А.* 123

Н

- Н.И.* — *Н.И. Харджиев*
- Набоков (Сирин) Владимир Владими-
рович (1899–1977), писатель 134
- Найман Анатолий Генрихович
(р. 1936), поэт, прозаик, переводчик,
эссеист, мемуарист; с конца 1962 г.
литературный секретарь *А.А.*, автор
воспоминаний о ней 198
- Нарбут Владимир Иванович
(1888–1938), поэт, прозаик, критик
142, 181–182
- Нарбут (Суок) Серафима Густавовна
(1902–1982), возлюбленная
Ю.К. Олеси и прототип Суок в его
«Сказке о трех толстяках»; первым
браком была замужем за *В.И. Нарбу-*
том, вторым — за *Н.И. Харджиевым*,
третьим — за *В.Б. Шкловским* 170
- Нарбуты — *В.И. Нарбут* и *С.Г. Нар-*
бут 124
- Наталья Александровна, вероятно,
секретарь одного из руководителей
издательства «Советский писатель»
293
- Наташа — *Н.А. Вишневская*
- Наташа — *Н.Е. Штемпель*
- Наум Яковлевич — *Н.Я. Берковский*
- Неведомская (урожд. Королькова)
Вера Алексеевна, владелица имения

- Подобино, соседка *Гумилёвых*, автор воспоминаний об А.А. Ахматовой и *Н.С. Гумилёве* 128
- Недоброво (Ольхина) Любовь Александровна (?–1923), жена *Н.В. Недоброво* 167
- Недоброво Николай Владимирович (1882–1919), поэт, критик, автор наиболее глубокой и пронизательной, по мнению А.А., статьи о ее творчестве (*Русская мысль*. 1915. № 7) 138, 167, 169
- Некрасова Ксения Александровна (1912–1958), поэтесса 270–271, 273
- Немеровские — *А.И. Немировский*, *С.М. Немировская*, *Е.А. Немировская* и *М.А. Немировский* 317, 322, 337
- Немировская Елена Александровна (р. 1954), дочь *А.И. Немировского*, юрист, в настоящее время живет в США 371, 374, 381, 383
- Немировская (урожд. Хейфец) Сима Натановна (1918–1975), музыкант, первая жена *А.И. Немировского*, двоюродная сестра Я. Хейфеца 337, 365, 381, 383, 385
- Немировский Александр Иосифович (1919–2007), писатель, историк, доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного ун-та 321, 325, 331–342, 344–347, 349–353, 355–358, 364–378, 380–385
- Немировский Иосиф Исаакович (1888–1976), отец *А.И. Немировского*, бухгалтер 355, 356, 364
- Немировский Марк Александрович (р. 1948), сын *А.И. Немировского*, филолог; в настоящее время живет в Израиле 321, 322, 371, 374, 381–384
- Ника — *Н.Н. Глен*
- Никита — *Н.Е. Шкловский-Корди*
- Никитин Михаил Матвеевич (1906–1942), друг *Н.И. Харджиева*, литературовед, специалист по лубочной литературе, соавтор Харджиева по книге «Словесность и коммерция» (1929), в 1933–1936 гг. находился в лагере в Коми АССР, погиб на фронте 266, 268
- Никитка — *Н.Е. Шкловский-Корди*
- Николай Иванович — *Н.И. Харджиев*
- Николай Степанович — *Н.С. Гумилёв*
- Николаша, Николашка — *Н.И. Харджиев*
- Нина — *Н.А. Ольшевская*
- Нина — *Н.И. Пушкикарская*
- Нонна 384
- О**
- О., О.Э. — *О.Э. Мандельштам*
- Одоевцева Ирина Владимировна (Тейнике Ираида Густавовна) (1901, по др. сведениям 1895–1990), поэтесса, писательница, мемуаристка, ученица *Н.С. Гумилёва*, жена *Г.В. Иванова* 177
- Ольга — *О.А. Ваксель*
- Ольшевская Нина Антоновна (1908–1991), актриса, жена *В.Е. Ардова*, одна из ближайших подруг А.А. 212, 254, 281
- Оля — *О.В. Карлайль*
- Орлов Владимир Николаевич (1908–1985), литературовед, в 1956–1970 гг. главный редактор «Библиотеки поэта» 222, 275–277, 287, 290–292, 326, 369
- Осмёркин Александр Александрович (1892–1953), живописец, автор самого позднего графического портрета О.М., автор живописного портрета А.А. 227
- Островская Софья Казимировна (1902–1983), переводчица, ленинградская приятельница А.А. и Н.Я.; с середины 1940-х гг. состояла на службе МГБ в качестве секретного осведомителя (известны тексты ее доносов на А.А.) 219
- Оська, Ося — *О.Э. Мандельштам*

Отроковский Владимир Михайлович (1892–1918), поэт, филолог 183

Оттен (Поташинский) Николай Давидович (1907–1983), писатель, кинодраматург, критик, член редколлегии сборника «Тарусские страницы» (Калуга, 1961) 236, 286, 330, 332

П

Павел Леонидович — *П.Л. Загоровский*

Павел Николаевич — *П.Н. Лукницкий*

Панченко Николай Васильевич (1924–2005), поэт, член редколлегии сборника «Тарусские страницы» (Калуга, 1961) 237, 239

Паперный Зиновий Самойлович (1919–1996), литературовед, член Комиссии по литературному наследию О.Э. Мандельштама 276

Пастернак Борис Леонидович (1890–1965), поэт, лауреат Нобелевской премии (1958) 125, 131, 139, 163, 179, 183, 184, 187, 192, 239, 240, 245, 288, 315

Пастернак Евгений Борисович (р. 1923), сын *Е.В. Пастернак* и *Б.Л. Пастернака*, автор воспоминаний об отце, исследователь и публикатор его наследия 378

Пастернак (урожд. Лурье) Евгения Владимировна (1898–1968), художница, первая жена *Б.Л. Пастернака* 163

Пастернак (урожд. Еремеева, в первом замужестве Нейгауз) Зинаида Николаевна (1897–1966), вторая жена *Б.Л. Пастернака* 245

Пастернаки — *Е.Б. Пастернак* и его жена Елена Владимировна Пастернак 121, 378

Паустовский Константин Георгиевич (1892–1968), писатель; принимал большое участие в делах Н.Я. 238

Перкон (урожд. Образцова, в первом замужестве Самохина) Евгения Ни-

колаевна (1904–1979), педагог-словесник, преподаватель театрального училища при театре им. В.В. Маяковского, близкая подруга *Н.Е. Штемпель* 315, 316, 325–327, 342, 362

Петрарка Франческо (1304–1374), итальянский поэт 319

Петровых Мария Сергеевна (1908–1979), поэт, переводчик 184, 198

Платонов (Климентов) Андрей Платонович (1899–1951), писатель 160

Плутарх (ок. 45 – ок. 127), древнегреческий писатель и историк 333

Плэтт Сильвия (1932–1963), американская поэтесса 172

Полонский (Гусин) Вячеслав Павлович (1886–1932), критик, историк и журналист, в 1925–1931 гг. редактор журнала «Новый мир» 278

Поля — *П.Ф. Стёпина*

Попова (урожд. Харджиева) Елена Ивановна (Оганесовна) (1907–1993), сестра *Н.И. Харджиева* 355

Попова Эмма Анатольевна (Эмилия Бирман) (1928–2001), актриса Большого драматического театра им. Горького, любимая женщина *А.К. Гладкова* 239, 255, 256

Прокофьев Александр Андреевич (1900–1971), поэт, с 1945 по 1948 г. и с 1955 по 1965 г. первый секретарь Ленинградского отделения Союза писателей СССР 319, 330

Пунин Николай Николаевич (1888–1953), искусствовед, в 1924–1938 гг. муж *А.А.* 125, 128, 131, 146, 148, 149, 171, 199

Пунина (урожд. Аренс) Анна Евгеньевна (1892–1943), первая жена *Н.Н. Пунина*, врач 199

Пунина Ирина Николаевна (1921–2003), дочь *Н.Н.* и *А.Е. Пуниных*, искусствовед 116, 198, 199, 217, 226, 285

Пунины — *Н.Н.*, *А.Е.* и *И.Н. Пунины* 114, 125

Пушкарская (псевдоним Татаринова)
Нина Ивановна (1916–1992), поэтесса,
ташкентская знакомая А.А. и Н.Я.
142, 217, 315

Пушкин Александр Сергеевич
(1799–1837), поэт 161, 162, 186, 239,
301

Р

Раневская Фаина Григорьевна
(1896–1984), актриса 174

Рафалович Сергей Львович (1875–1943),
поэт, драматург, критик 192

Рембрандт Харменс ван Рейн
(1606–1669), голландский живо-
писец, рисовальщик, офортист 190

Рильке Райнер Мария (1875–1926),
австрийский поэт 221

Рож. — В.С. *Рожицын*

Рожанский Иван Дмитриевич
(1913–1994), физик, историк антич-
ной науки и философии, переводчик
168

Рожанские — *И.Д. Рожанский*
и *Ю.М. Живова* 168

Рождественский Роберт Иванович
(1932–1994), поэт, третий председа-
тель Комиссии по литературному
наследию О.Э. Мандельштама 320

Рожицын Валентин Сергеевич
(1888–1942), историк, этнограф,
харьковский знакомый О.М. 137

Розанов Василий Васильевич
(1856–1919), писатель, философ,
публицист 129, 137, 138, 148

Рубанович Семён Яковлевич
(ум. 1930), поэт, переводчик 192

Рудаков Сергей Борисович
(1909–1944), поэт, литературовед,
знакомый О.М. по воронежской
ссылке 268, 294, 308, 311–315, 360

Рудакова (Финкельштейн) Лина
(Полина) Самойловна (1906–1977),
жена С.Б. Рудакова 222, 282, 308, 311,
312, 314–315, 360

С

С. — *А.Д. Синявский*

С.Б. — *С.Б. Рудаков*

С-в — *А.А. Сурков*

С.Н. — *С.Г. Нарбут*

Самохина Наталья Ивановна (р. 1923),
дочь *Е.Н. Перкон*, преподаватель Ли-
тературного института им. М. Горь-
кого 377

Санька, Саня — *А. Ивич*

Саша 384

Саша, Саша Морозов — *А.А. Морозов*

Семенко Ирина Михайловна
(1921–1987), литературовед, тексто-
лог, исследователь творчества О.М.,
жена *Е.М. Мелетинского* 303, 305,
322, 323, 356, 360, 370, 384

Сергей Борисович — *С.Б. Рудаков*

Сима — *С.П. Маркиш*

Сима — *С.Г. Нарбут*

Сима — *С.М. Немировская*

Симонов Константин (Кирилл)
Михайлович (1915–1979), писатель,
журналист, общественный деятель,
первый секретарь Союза писателей
СССР, второй председатель Комис-
сии по литературному наследию
О.Э. Мандельштама 119, 365, 367, 369

Синявский Андрей Донатович (псевдо-
ним Абрам Терц) (1925–1997), писа-
тель, литературовед; за публикацию
на Западе сатирических произведе-
ний был арестован и в 1966 г., на
процессе Синявского и *Даниэля*,
приговорен к семи годам заключения
в исправительно-трудовую колонию
строгого режима 117, 122

Скотт Вальтер (1771–1832), английский
писатель 197

Скрябин Александр Николаевич
(1871/72–1915), композитор, пиа-
нист 301

Слуцкий Аркадий Иосифович
(р. 1940), воронежский поэт, добрый
знакомый *Н.Е. Штеммель*, в настоя-

- щее время профессор Краснодарского государственного ун-та культуры и искусств 367, 371
- Слущкий Борис Абрамович (1919–1986), поэт 292
- Случевский Константин Константинович (1837–1904), поэт 309–310
- Смолевский Арсений Арсеньевич (1923–2003), сын *О.А. Ваксель* и преподавателя математики и механики Арсения Фёдоровича Смолевского, специалист по французской грамматике, сотрудник Библиотеки АН СССР 257
- Соколов Юрий Дмитриевич (1890–1941), искусствовед, библиограф, сотрудник Третьяковской галереи и Музея изящных искусств им. А.С. Пушкина, друг *Н.Н. Пунина* и *Н.И. Харджиева* 266
- Солженицын Александр Исаевич (1918–2008), писатель, публицист, академик, лауреат Нобелевской премии (1970) 318, 321, 322
- Соловьёв Владимир Сергеевич (1853–1900), философ 194, 239, 240
- Сологуб (Тетерников) Фёдор Кузьмич (1863–1927), поэт, писатель 183
- Софья Аркадьевна — *С.А. Журавская*
- Софья Казимировна — *С.К. Островская*
- Срезневская (урожд. Тюльпанова) Валерия Сергеевна (1888–1964), гимназическая подруга А.А., автор воспоминаний о ней и *Н.С. Гумилёве* 124, 126
- Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953), политический и государственный деятель 131, 318, 319
- Степанов Николай Леонидович (1902–1972), литературовед, критик, исследователь творчества В. Хлебникова 334, 365
- Стёпина Пелагея Фёдоровна (1904–1985), хозяйка дома в Тарусе, в котором жила *Н.Я.* 329, 337
- Стравинский Игорь Фёдорович (1882–1971), композитор 180
- Судейкина О. — *О.А. Глебова-Судейкина*
- Сурков Алексей Александрович (1899–1983), поэт, в 1953–1959 гг. первый секретарь Союза писателей СССР, первый председатель Комиссии по литературному наследию *О.Э. Мандельштама* 115, 123, 158, 198, 219, 221, 225, 246, 276–279, 292, 310, 319, 358
- Сухова-Кобылин Александр Васильевич (1817–1903), драматург 134

Т

- Т. — *В.Е. Татлин*
- Таля — *Н.Г. Корди*
- Тани — *Т.О. Штемпель* и *Т.В. Ледовская* 311, 342, 374, 376–378, 380–382
- Таня — *Т.В. Борисова*
- Таня — *Т.В. Ледовская*
- Тарковский Арсений Александрович (1907–1989), поэт 123, 334
- Тата, Таточка — *Е.К. Лившиц*
- Татлин Владимир Евграфович (1885–1953), художник-авангардист 142, 143, 146, 256
- Товстоногов Георгий Александрович (1915–1989), режиссер 255, 256
- Толстая Софья Андреевна (1844–1919), жена *Л.Н. Толстого* 162
- Толстой Лев Николаевич (1828–1910), писатель 162, 335
- Томашевская (урожд. Медведева) Ирина Николаевна (1903–1973), литературовед, близкая подруга А.А. 123
- Тренин Владимир Владимирович (1904–1941), литературовед, критик, друг и соавтор *Н.И. Харджиева* в ряде работ о *В.В. Маяковском* 266, 268
- Тынянов Юрий Николаевич (1894–1943), писатель, литературовед 119, 179

Тышлер Александр Григорьевич (1898–1970), художник-авангардист, сценограф, ученик А.А. Экстер и А.В. Фаворского; был знаком с Н.Я. еще по Киеву 271

Тютчев Фёдор Иванович (1803–1873), поэт 162

Тютчева (урожд. графиня фон Ботмер, в первом замужестве Петерсон) Элеонора Фёдоровна (1799–1838), первая жена *Ф.И. Тютчева* 162

У

Урицкий Моисей Соломонович (1873–1918), революционный и политический деятель, с марта 1918 г. председатель Петроградской ЧК 146

Усова (Левенталь) Алиса Гуговна (1895–1951), вдова филолога Д.С. Усова; заведовала литературным кабинетом филфака Среднеазиатского государственного ун-та (Ташкент), знакомая Н.Я. 119

Уткин Иосиф Павлович (1903–1944), поэт «комсомольской плеяды» 119

Ушаков Николай Николаевич (1899–1973), поэт 230

Ф

Фаина — *Ф.Г. Раневская*

Фальк Роберт Рафаилович (1886–1958), живописец 349

Фёдоров Митрофан Семёнович (1870–1942), живописец, график, педагог 380

Фикельмон Дарья Фёдоровна (1804–1863), внучка М.И. Кутузова, жена австрийского посланника К.-Л. Фикельмона 162

Фирлей Станислав, музыкант 123

Фисенко Татьяна, псковская знакомая Н.Я. 374

Фрадкина Елена Михайловна (1902–1981), художница, жена *Е.Я. Хазина* 264, 268, 274, 299, 306, 327, 334, 336, 348, 352, 355, 356, 359, 361, 364, 365, 367, 369, 370, 372, 373, 374, 377–381, 386

Фрейдин Юрий Львович (р. 1942), врач, исследователь творчества О.М., начиная с конца 1960-х гг. один из ближайших друзей Н.Я. 383

Х

Х. — *Н.И. Харджиев*

Хазин Александр Яковлевич (1891–1920), брат Н.Я. 147

Хазин Евгений Яковлевич (1893–1974), брат Н.Я., литератор 120, 147, 222, 225, 230, 233, 234, 238, 239, 248, 249, 264, 267, 270, 274, 275, 279, 285, 299, 306, 320, 327, 328, 333–337, 340, 348, 350, 355, 356, 359, 361–363, 365, 366, 369, 370, 372, 375, 377–381, 383, 386

Хазин Яков Аркадьевич (ум. 1930), отец Н.Я. 147, 383

Хазина Анна Яковлевна (ум. 1938), сестра Н.Я. 147, 195, 196

Хазина Вера Яковлевна (ум. 1943), мать Н.Я., медик 147, 261, 264, 268

Ханцин Иза Давыдовна (1899–1985), пианистка, жена А.О. *Моргулиса* 174, 256, 258, 259

Харджиев Николай Иванович (1903–1996), стиховед, специалист по русской поэзии XX века, текстолог, искусствовед, исследователь русского авангарда 128, 138, 142, 168–171, 174, 177, 222, 229, 238, 240, 242, 252, 253, 260–305, 311–313, 315, 318, 334, 350, 354, 355, 357–362, 365, 367, 372, 373, 383, 384

Хармс (Ювачёв) Даниил Иванович (1905–1942), поэт, писатель 266

Хинкис Виктор Александрович (1930–1981), переводчик 248

Хлебников Велимир (Виктор Владимирович) (1885–1921), поэт-футурист 171, 180, 184, 189, 190, 192, 270, 292, 300, 365

Хмельницкая Тамара Юльевна (1906–1997), литературовед, критик 259

Ц

Цветаева Марина Ивановна (1892–1941), поэт 174, 184, 192, 237, 290, 315, 318, 319

Циммерман Михаил Михайлович (?–1928), заведующий режиссерским управлением Петроградского академического театра оперы и балета 138

Ч

Чага Лидия Васильевна (1907–1995), вторая жена *Н.И. Харджиева*, скульптор 171, 281–287

Чаплин Чарлз Спенсер (1889–1977), американский киноактер и режиссер 144, 267

Чеботаревская Анастасия Николаевна (1871–1921), писательница, переводчица, жена *Ф.К. Сологуба* 292

Чуковская Лидия Корнеевна (1907–1996), поэт, прозаик, критик, редактор, правозащитник, дочь *К.И. Чуковского*, автор «Записок об Анне Ахматовой», один из самых принципиальных и последовательных критиков мемуаров *Н.Я. Мандельштам* 174, 264, 269, 271

Чуковский Корней Иванович (Корнейчуков Николай Васильевич) (1882–1969), критик, литературовед, переводчик, детский поэт 142

Чуковский Николай Корнеевич (1904–1965), писатель, мемуарист, сын *К.И. Чуковского*, автор воспоминаний об *О.М.* 334

Чулков Георгий Иванович (1879–1939), поэт, прозаик, мемуарист, литературовед 162

Ш

Шагинян Маризетта Сергеевна (1888–1982), поэтесса, прозаик, критик 146

Шаламов Варлам Тихонович (1907–1982), писатель, поэт, один из первооткрывателей лагерной темы в литературе; в 1960-е гг. дружил с *Н.Я.* 113, 116, 117, 143, 179, 183, 334

Шварц Евгений Львович (1896–1958), драматург 269

Швейцер Виктория Александровна (р. 1932), литературовед, исследователь творчества *О.Э. Мандельштама* и *М.И. Цветаевой*, подруга *Н.Я.*, живет в США 352

Шевелёва 336

Шевелёвы 356, 368, 369

Шенгели (Манухина; урожд. Лукина) Нина Леонтьевна (1893–1980), поэтесса, вдова поэта *Г.А. Шенгели* (1894–1956) 198

Шёнберг Арнольд (1874–1951), австрийский композитор, представитель музыкального экспрессионизма 240

Шилейко Владимир (Вольдемар) Казимирович (1891–1930), поэт, переводчик, востоковед, ассириолог, с 1918 по 1920 г. муж *А.А.* 148

Шкловская-Корди Варвара Викторовна (р. 1927), физик, дочь *В.Б. Шкловского*, вдова *Н.В. Панченко*, близкая подруга *Н.Я.* 220, 224, 233, 239, 246, 283, 287, 314, 331

Шкловская-Корди Василиса Георгиевна (1890–1977), художница, первая жена *В.Б. Шкловского*, близкая подруга *Н.Я.* 316, 341, 348, 365

Шкловские — семья *В.Б. Шкловского* 168, 237, 298, 320, 333, 339, 365

Шкловский Виктор Борисович
(1893–1984), писатель, литературовед
170, 230, 338, 352

Шкловский-Корди Никита Ефимович
(р. 1952), сын *В.В. Шкловской-Корди*
и ее первого мужа биофизика Ефима
Арсеньевича Либермана (р. 1925)
220, 322

Шолохов Михаил Александрович
(1905–1984), писатель, лауреат Нобе-
левской премии (1965) *117*

Шопенгауэр Артур (1788–1860), не-
мецкий философ *191*

Шостакович Дмитрий Дмитриевич
(1906–1975), композитор, пианист *318*

Штемпель Виктор Евгеньевич
(1915–1985), брат *Н.Е. Штемпель*
307, 311, 325, 334, 342, 344, 347, 356,
357, 367, 369, 371, 373–378, 380–383

Штемпель Наталья Евгеньевна
(1908–1988), преподавательница рус-
ского языка и литературы, близкий
друг О.М. и Н.Я. *143, 164, 222, 257,*
275, 301, 303, 304, 306–386

Штемпель (Муштавинская) Татьяна
Олимпиаевна (1917–1998), жена
В.Е. Штемпеля 344, 371, 380, 383

Шура — *А.И. Немировский*

З

Э.Г. — *Э.Г. Герштейн*

Э.Г., Эдик — *Э.Г. Бабаев*

Эйхенбаум Борис Михайлович
(1886–1959), литературовед *128*

Элиот Томас Стерн (1888–1965),
английский поэт *191*

Элюар Поль (1895–1952), французский
поэт *152*

Эмма, Эммка — *Э.Г. Герштейн*

Эмма — *Э.А. Попова*

Эрдман Николай Робертович
(1900–1970), драматург *119–120*

Эренбург Илья Григорьевич
(1891–1967), писатель, публицист,
общественный деятель, друг О.М.
и Н.Я. *221, 273, 281, 300, 304, 334,*
358, 362

Эренбург (урожд. Козинцева) Любовь
Михайловна (1900–1970), жена
И.Г. Эренбурга 152

Эфрон Ариадна Сергеевна
(1912–1975), дочь *М.И. Цветаевой*
и Сергея Яковлевича Эфрона
(1893–1941), переводчик, художник-
график, автор воспоминаний о мате-
ри, исследователь и публикатор ее
наследия *140, 234, 292, 315*

Эфрос Абрам Маркович (1888–1954),
искусствовед, поэт, переводчик, кри-
тик *278*

Ю

Юля — *Ю.М. Живова*

Юра — *Ю.Л. Фрейдин*

Я

Ярцева Мария Викторовна (1909–1996),
палеонтолог, подруга *Н.Е. Штем-*
пель, знакомая О.М. и Н.Я. 331, 352,
353

Надежда Мандельштам
Об Ахматовой

Составление и вступительная статья: П. Нерлер

Редактор: С.В. Василенко

Верстка: Т.А. Донскова

Издательство «Три квадрата»

125319 Москва, ул. Усиевича 9

тел./факс (495) 151-1833

e-mail: info@triquadrata.ru

Формат 60x90 /16.

Объем 25,5 усл. печ. л.

Бумага офсетная №1. Печать офсетная

Подписано в печать 8 сентября 2008 года

Отпечатано с готовых диапозитивов

в типографии АКО-Принт

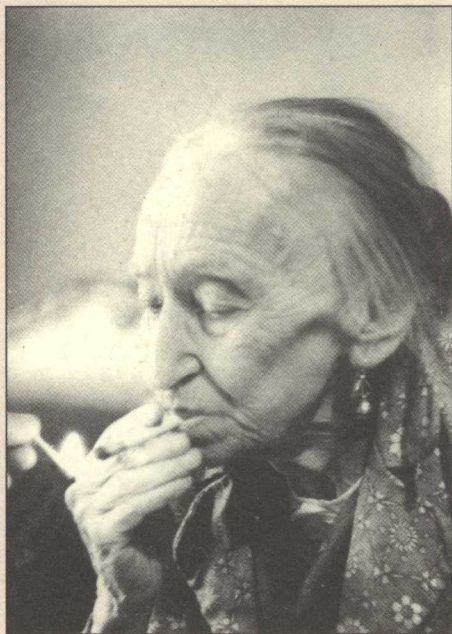

Фото Г. Пинясова

«...Вопреки названию и портрету на обложке, эта книга – факт биографии самой Надежды Яковлевны Мандельштам. Шумиха и скандалы вокруг двух ее мемуарных текстов уже давно поутихли. Пятьдесят лет, необходимых для удостоверения значимости произведения, еще не прошли. Но книги бессловесной "тени поэта" уже заняли свое место – они заслуженно проходят по разряду великой русской прозы».

В. Мордерер, «Русский журнал»

«Формально это первая редакция ее "Второй книги", по сути – самостоятельный текст с той же трезвостью анализа 1930–1960-х гг. и тем же накалом таланта (напомним, что Иосиф Бродский однажды назвал Надежду Мандельштам лучшим русским прозаиком XX века). В том вошла также переписка Н.Я. с Анной Ахматовой и с ближайшими друзьями: Екатериной Лившиц (вдовой поэта Бенедикта Лившица), Натальей Штемпель, Николаем Харджиевым». *«Новая газета»*

«Н. Я. не раз говорит об удивительном "тройственном союзе": Мандельштам – Ахматова – жена Мандельштама. И даже когда жена стала вдовой, союз тот словно бы и не распался, потому что О. М. продолжал в нем присутствовать, нет, скорее, участвовать, связывать его – собою. То и дело включаться в диалоги: строчками, воспоминанием, невероятной сложности заданием/долгом – сохранить написанное им...» *Вадим Перельмутер*